



**Галоўны
рэдактар:**
В. М. Наўныка

**Намеснікі
галоўнага
рэдактара:**
В. С. Болбас
І. А. Кавалевіч
Т. У. Паліева

**Рэдакцыйная
калегія:**
С. Б. Кураш
(адказны за рубрыку
«Філалагічныя
навукі» (руская
філалогія))

А. В. Солахаў
(адказны за рубрыку
«Філалагічныя
навукі» (беларуская
філалогія))

Л. В. Ісмаілава
(адказны за рубрыку
«Педагагічныя
навукі»)

А. П. Пяхота
(адказны за рубрыку
«Біялагічныя
навукі»)

М. М. Вараб'ёва
Р. Р. Ганчарэнка
І. У. Журлова
Ф. У. Кадол
У. І. Коваль
Т. П. Ліхач
Я. П. Урублеўскі
Л. С. Цвірко
Н. У. Чайка

Заснавальнік
Установа адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны
педагагічны ўніверсітэт
імя І. П. Шамякіна»

*Уваходзіць у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў,
уклучаны ў базу дадзеных Расійскага індэкса навуковага цытавання (РІНЦ)*

З м е с т

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

Копыльцова Е. В., Шамаль Н. В., Сеглін В. Н., Спиров Р. К., Тимохина Н. И.
Интеграция ГИС и полевых исследований для оценки радиационно-экологических последствий лесных пожаров в условиях радиоактивного загрязнения на примере территории вблизи бывшего населенного пункта Ясная Поляна Гомельской области..... 3

Латышев С. Э., Балаева-Тихомирова О. М., Кацнельсон Е. И., Лукина Д. А.
Водная и прибрежно-водная растительность озера Селявское Россонского района 12

Мижуй С. М., Гончарик Ю. М., Буян А. И. Сравнительная характеристика биометрических показателей листовой поверхности и пигментного состава клюквы болотной заказника «Ольманские болота»..... 19

Назарчук О. А., Пинчук П. В. Биометрические показатели малой крачки (*Sternula albifrons* Pallas, 1764), гнездящейся в пойме реки Припяти на юге Беларуси..... 27

Петровская Д. А., Некрасова Г. Н., Петровская Т. А., Закржевская В. И.
Антимикробная и противогрибковая активность экстрактов лекарственных растений, распространенных на территории Мозырского района 33

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

Nassar H. The development of Arabic language competencies in Israeli secondary school students through gamification: applied aspects 40

Saadi K. Reducing the negative impact of screen time on preschoolers' speech competence: a practical intervention model 47

Гао Хансин. Нравственное воспитание в китайской семье: конфуцианское наследие и современность 59

Гаруля Н. А., Лукашэня З. В. Этнокультурный контент содержания в обучении учащихся основам приготовления пищи 64

Дыгун М. А., Колесникова Е. С. Особенности социального поведения подростков подучетной категории в зависимости от степени интернет-аддикции 71

Ковалец И. В., Татарина Ю. С. Формирование у учащихся с расстройствами аутистического спектра навыков самостоятельной деятельности на основе прикладного анализа поведения 76

Оганесова Н. Л., Лазаренко Л. А., Сафронова А. Д. Творческая активность как один из факторов учебной мотивации в младшем школьном возрасте 84

Адрас рэдакцыі:
вул. Студэнцкая, 28,
247777, Мазыр,
Гомельская вобл.
Тэл.: +375 (236) 24-61-29
E-mail:
vesnik.mgpu@mail.ru

Карэктары
В. У. Сергушкова,
Л. М. Мазуркевіч
Камп'ютарная вёрстка
А. В. Юніцкая

Падпісана да друку
19.11.2025.
Фармат 60x90 1/8.
Папера афсетная.
Друк лічбавы.
Ум. друк. арк. 21,75.
Тыраж 50 экз.
Заказ № 220к.

Установа адукацыі
“Мазырскі дзяржаўны
педагагічны ўніверсітэт
імя І. П. Шамякіна”.
Вул. Студэнцкая, 28,
247777, Мазыр,
Гомельская вобл.
Пасведчанне
аб дзяржаўнай
рэгістрацыі сродку
масавай інфармацыі
№ 1233 ад 08.02.2010,
выдадзенае
Міністэрствам
інфармацыі Рэспублікі
Беларусь.

Установа адукацыі
«Беларускі гандлёва-
эканамічны ўніверсітэт
спажывецкай
кааперацыі».
Пр-т Кастрычніка, 50,
246029, г. Гомель.
ЛП № 02330/464
ад 27.03.2014 г.

Меркаванні,
выказаныя аўтарамі,
могуць не супадаць
з пунктам погляду
рэдакцыі.

Самойлова В. А. Педагогические условия цифрового сопровождения студентов с расстройствами аутистического спектра в системе высшего образования Республики Беларусь.....	91
Талецкая Т. Н., Новикова О. Н., Калугина Ю. В. Преемственность методических приемов в иноязычном образовании	97

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

Азевіч І. П. Онейрические мотивы как сюжетобразующие элементы в повести о войне Сешко О. В. «Снуть вошлебная».....	102
Алексеенко А. А. Окулесические компоненты коммуникации в прозе А. П. Чехова и в переводах на белорусский язык: функционально-семантический аспект.....	107
Алмтиева Е. В., Телюкова А. В. Концепт <i>брак</i> в русской, белорусской, английской и немецкой фразеологии	113
Болтовская Е. А. Об аналитизме в морфологическом строе современного русского языка	122
Ветошкина К. Н. Коммуникативные стратегии и тактики жанра сторителлинга в англоязычном медиадискурсе.....	128
Гуль М. У. Беларускамоўны медыядыкурс моды: лексічны аспект.....	133
Дзігадзюк В. П. Мадальна маркіраваная праспекцыя ў беларускай мастацкай прозе	138
Зуева Е. А. Тактики создания и модели эргонимов – названий команд КВН.....	143
Ковалёва Е. В., Соколовская О. Г. Прагматонимы Восточного Полесья: семантический аспект.....	149
Пустошило Е. П. Функционально-семантическое поле квантитатива: категориальное значение и дифференцирующие признаки	153
Рыжкович А. Ч. Неофраземы со словом <i>лайк</i> в русскоязычном интернет-дискурсе: состав и семантика.....	159
Сергушкова О. В., Зубрицкая Т. А. К проблемам исследования аббревиатур (на материале современных русскоязычных газет)	164
Шуманская О. А. Оценка в медиатекстах гастрономической тематики: аксиологический аспект	168

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 912.43+620.267:[630:614.841.42]

Е. В. Копыльцова¹, Н. В. Шамаль², В. Н. Сеглин³, Р. К. Спиров⁴, Н. И. Тимохина⁵¹Старший научный сотрудник отдела качества окружающей среды и продуктов питания, ГНУ «Институт радиобиологии Национальной академии наук Беларуси», г. Гомель, Республика Беларусь²Старший научный сотрудник отдела качества окружающей среды и продуктов питания, ГНУ «Институт радиобиологии Национальной академии наук Беларуси», г. Гомель, Республика Беларусь³Научный сотрудник отдела качества окружающей среды и продуктов питания, ГНУ «Институт радиобиологии Национальной академии наук Беларуси», г. Гомель, Республика Беларусь⁴Кандидат биологических наук, научный сотрудник отдела качества окружающей среды и продуктов питания, ГНУ «Институт радиобиологии Национальной академии наук Беларуси», г. Гомель, Республика Беларусь⁵Кандидат биологических наук, заведующий отделом качества окружающей среды и продуктов питания, ГНУ «Институт радиобиологии Национальной академии наук Беларуси», г. Гомель, Республика Беларусь**ИНТЕГРАЦИЯ ГИС И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ РАДИАЦИОННО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ЛЕСНЫХ ПОЖАРОВ В УСЛОВИЯХ РАДИОАКТИВНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИИ ВБЛИЗИ БЫВШЕГО НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА ЯСНАЯ ПОЛЯНА ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ**

В статье представлены результаты комплексного обследования площадки, заложенной в зоне отселения Гомельской области. Выполнена радиоэкологическая оценка содержания ^{137}Cs и ^{90}Sr в образцах почвы и лесной подстилки, а также аэрофотосъемка. Для моделирования последствий потенциальных лесных пожаров на площадке были выделены области со схожими условиями, по которым были рассчитаны запас лесных горючих материалов и содержание радионуклидов в них. С использованием ГИС-технологий и математического моделирования построены цифровые карты, отражающие потенциальный вынос радионуклидов с продуктами горения и прогнозную объемную удельную активность радионуклидов в зоне дыхания участников пожаротушения в случае возникновения возгораний.

Ключевые слова: ГИС, БЛА, цифровые карты, радиоэкологическое обследование, содержание радионуклидов, ^{137}Cs , ^{90}Sr , мощность амбиентной дозы, запас лесных горючих материалов.

Введение

Крупные радиационные аварии (например, катастрофа на Чернобыльской АЭС) приводят к долговременному загрязнению радионуклидами обширных территорий и изменениям в направлении их землепользования. Прекращение хозяйственной деятельности стимулирует процессы естественного восстановления растительности и активного залесения. В результате за прошедшие с момента аварии десятилетия сформировались лесные экосистемы с возрастом древостоя и лесной подстилки до 40 лет. Накопление радионуклидов в компонентах этих молодых фитоценозов происходит преимущественно за счет поступления радионуклидов из почвы. С другой стороны, в лесах, которые произрастали на момент аварии, первоначальное загрязнение было связано с прямым выпадением радионуклидов в период ликвидации последствий катастрофы и в настоящее время дополняется процессами почвенной миграции.

Серьезную экологическую и радиационную опасность на загрязненных территориях несут в себе лесные пожары, представляющие один из наиболее опасных источников переноса радионуклидов в зонах радиоактивного загрязнения. Повышение температуры и увеличение засушливости способствуют росту количества возгораний и значительному расширению пожароопасного периода, который теперь может длиться с марта по октябрь. При сгорании лесной подстилки и растительности происходит высвобождение радионуклидов, которые, распространяясь по воздуху, способствуют изменению радиационной обстановки как в непосредственной близости, так и на расстоянии от очага возгорания, а также могут приводить к вторичному радиоактивному загрязнению прилегающей, условно чистой территории. Основными факторами, определяющими тяжесть радиационно-экологических последствий таких пожаров, являются потенциальный вынос радиоактивных веществ

с продуктами горения и объемная удельная активность радионуклидов в приземном слое воздуха в зоне дыхания участников пожаротушения. В условиях оперативного реагирования расчет этих параметров часто сталкивается с дефицитом исходных данных, в частности, с отсутствием информации о содержании радионуклидов в лесных горючих материалах, что может приводить к существенным расхождениям в последующих расчетах ингаляционной дозы облучения как персонала, участвующего в тушении, так и населения. Для оценки радиэкологических рисков, связанных с лесными пожарами, необходимо иметь достоверную информацию о состоянии лесного покрова, почвы и растительности на этих территориях и актуальные данные по содержанию радионуклидов в них. На основе этих данных можно проводить анализ распределения и динамики содержания радионуклидов в лесных экосистемах, моделировать радиационно-экологические последствия возможных пожаров, а также разрабатывать меры по снижению радиационной опасности для населения и окружающей среды [1–3].

Современный подход к оценке рисков лесных пожаров основывается на интеграции геоинформационных систем (далее – ГИС), применяемых для построения цифровых карт лесных насаждений и запасов горючих материалов, с математическими моделями, позволяющими прогнозировать возникновение, динамику распространения и последствия возгораний [4]. Использование беспилотных летательных аппаратов (далее – БЛА) дает возможность не только проводить дистанционный мониторинг растительности и анализировать распределение биомассы, но и оперативно отслеживать динамику горючих материалов с существенной экономией ресурсов, превосходя по детализации бесплатные космические снимки [5–6].

Целью настоящей работы является радиэкологическая оценка содержания и запаса долгоживущих радионуклидов в образцах почвы и лесной подстилки для последующего моделирования радиационно-экологических последствий лесных пожаров разных типов в случае их возникновения на основе данных полевых исследований и ГИС.

Методы и методология исследования

В качестве объекта исследований был выбран биогеоценоз вблизи бывшего населенного пункта (далее – бнп) Ясная Поляна Гомельской области. Выбранная площадка расположена на землях, которые до катастрофы на Чернобыльской АЭС относились к разным категориям земель: сельскохозяйственные земли, личные подсобные хозяйства и земли лесного фонда. В настоящее время лесные земли являются частью 26 и 37 квартала Дуравичского лесничества Буда-Кошелевского опытного лесхоза и относятся ко 2-й зоне радиоактивного загрязнения (4,95–14,94 Ки/км²). Древостой представлен смешанными насаждениями (типы леса – орляковый и кисличный, тип лесорастительных условий – В2, С2, Д2). Возраст деревьев основного яруса варьирует от 25 до 120 лет. Сельскохозяйственные земли составляют часть пашни ОАО «МотневичиАГРО». Земли запаса (неиспользуемые земли) – бывшие сельскохозяйственные земли и территория бывшего населенного пункта Ясная Поляна. Общая площадь площадки «Ясная Поляна» составляет около 580 тыс. м².

Для закладки экспериментальных точек анализировались ретроспективные снимки выбранной площадки со спутников Landsat 4-5 и Sentinel 2 посредством бесплатного модуля сетевого сервиса доступа к спутниковым данным SentinelHub. Рассмотренные различные комбинации спектральных каналов позволили определить и выбрать точки с доминированием различных пород деревьев, разными условиями местопроизрастания и временем формирования древесных насаждений, а также участки различного хозяйственного назначения (рисунок 1). На основе проведенного анализа были определены 28 точек для последующего отбора образцов.

Исследования проводились в 2023–2024 гг. Полевые работы включали в себя отдельный отбор проб подстилки с площади 0,04 м² до минерального почвенного горизонта и послойный отбор проб минеральной толщи почвы на глубину 20 см. Отбор почвенных образцов проводился без живого напочвенного покрова и лесной подстилки модифицированным пробоотборником Малькова с диаметром 4 см с последующим разделением на слои толщиной 5 см в 4-кратной повторности. Соответствующие слои из 4 кернов объединяли в одну пробу.

Для решения поставленных задач в настоящей работе под термином «подстилка» – как горючий материал – в зависимости от места отбора образцов подразумевается:

- лесная подстилка в точках отбора, заложенных в лесных ценозах;
- засохшие, но не отмершие части травянистых растений, оставшихся на корню после окончания вегетационного периода на луговых землях;
- солома ржи на сельскохозяйственных землях.

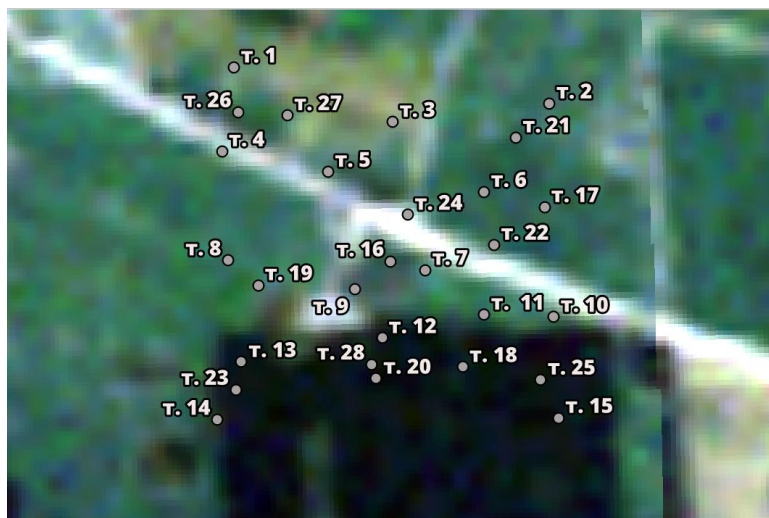


Рисунок 1 – Снимок площадки, сделанный спутником Landsat 4-5 22 июля 1987 г., с нанесенной сеткой заложённых точек. Светло-зеленые участки – сельскохозяйственные земли и земли личных подсобных хозяйств, темно-зеленые участки – лесные массивы

В условиях лаборатории проводилась пробоподготовка образцов для определения в них содержания ^{137}Cs и ^{90}Sr . Образцы высушивали до воздушно-сухого состояния естественным способом до постоянной массы. Сформированные образцы фасовались в сосуды Маринелли 1 л и 0,5 л для определения удельной активности (далее – УА) ^{137}Cs в соответствии с методикой выполнения измерений МВИ.МН 4779-2013 [7] с использованием гамма-радиометра спектрометрического типа РКГ-АТ1320А. Далее пробы переносились в тигли, концентрировались путем высушивания и частичного сжигания в муфельной печи при $550\text{ }^\circ\text{C}$ для определения в них ^{90}Sr инструментальным методом в геометриях плоских сосудов 0,03 л в соответствии с методикой измерения МВИ.МН 1181-2011 [8] с использованием гамма-бета-спектрометра МКС-АТ1315.

Одновременно с отбором проб на контрольных точках проводили *in situ* измерение мощности AMBIENTНОГО эквивалента дозы гамма-излучения (далее – МАЭД) на высоте 1 м методом мобильной гамма-спектрометрии с использованием комплекса МКС-АТ6101С с определением географических координат точек отбора.

Расчет запаса биомассы подстилки выполнялся по формуле:

$$M_p = \frac{m_t}{S_t}, \quad (1)$$

где M_p – запас биомассы подстилки, $\text{кг}/\text{м}^2$;

m_t – масса точечной пробы, кг ;

S_t – площадь точечной пробы, м^2 .

Расчет запаса активности каждого радионуклида в отдельных лесных горючих материалах (далее – ЛГМ) рассчитывался по формуле:

$$SA_{fcm} = A_{fcm} \times M_p, \quad (2)$$

где SA_{fcm} – поверхностная активность радионуклида в ЛГМ, $\text{Бк}/\text{м}^2$;

A_{fcm} – удельная активность радионуклида в ЛГМ, $\text{Бк}/\text{кг}$;

M_p – запас биомассы ЛГМ, $\text{кг}/\text{м}^2$.

Поскольку все данные, полученные на экспериментальной площадке, имеют пространственную привязку, то в качестве основного инструмента для их обработки и визуального представления была выбрана географическая информационная система QGIS. Данный программный комплекс предоставляет широкие возможности для проведения пространственного и статистического анализа, включая интеграцию аналитических модулей и поддержку встроенного языка программирования Python. Все географические данные приведены к единой системе координат – WGS84. В QGIS были созданы различные векторные слои цифровой карты, отражающие разные характеристики современной радиационной обстановки на экспериментальной площадке.

Для создания цифровой картосновы местности высокого разрешения выполнялась аэрофотосъемка с помощью БЛА DJI MAVIC 2 Enterprise Dual. Съемка проводилась 2 раза (в летний и осенний период) в светлое время суток в двух режимах с помощью оптической камеры и длинноволновой инфракрасной тепловизионной камеры FLIR. При выполнении съемки полет осуществлялся на высоте 100 м от точки взлета по заранее разработанному полетному заданию. Общее количество сделанных изображений составляло порядка ~ 1 300 снимков в каждый период, выполненных с продольным и поперечным перекрытием 75 и 70 % соответственно.

Фотограмметрическая обработка материалов аэрофотосъемки проводилась последовательно: загрузка фотографий и их положения, выравнивание фотографий и построение разреженного облака точек, построение плотного облака точек, построение модели, построение текстуры, ортофотоплана. В результате были получены:

- цифровая модель местности в формате DEM (Digital Elevation Model, цифровая модель высот), представляющая собой файл, в котором каждый пиксель отвечает за высоту точки;
- ортофотоплан – графический файл с дополнительными тегами, включающими в себя координаты каждой точки. Была построена вертикальная проекция цифровой модели с наложенной текстурой из множества фотоснимков.

Результаты исследования и их обсуждение

При проведении обследования экспериментальной площадки «Ясная Поляна» были получены данные по плотности радиоактивного загрязнения ^{137}Cs и ^{90}Sr почвы, послойному распределению содержания ^{137}Cs в образцах грунта, влажности, мощности лесной подстилки и удельной активности радионуклидов в ней и *in situ* измерениям МАЭД гамма-излучения методом мобильной гамма-спектрометрии.

Согласно полученным данным, средняя УА ^{137}Cs в двадцатисантиметровом слое почвы составила 2075 ± 526 Бк/кг, при этом разброс значений составил от 913 до 3028 Бк/кг. Послойный отбор проб грунта (с шагом 5 см на глубину 20 см) позволил проанализировать вертикальное распределение радионуклида (рисунок 2). Анализ данных показал существенную неоднородность в распределении удельной активности ^{137}Cs по профилю почвы: значения в слое 0–5 см варьировали от 1429 до 19483 Бк/кг, в слое 5–10 см – от 278,6 до 4453 Бк/кг, в слое 10–15 см – от 63,6 до 3906 Бк/кг, а в слое 15–20 см – от 18,2 до 3079 Бк/кг. При этом различия между верхним (0–5 см) и нижним (15–20 см) слоем достигали двух порядков. Плотность загрязнения почвы ^{137}Cs на площадке находилась в пределах от 330,5 до 705 кБк/м².

Удельная активность ^{90}Sr в почве определялась в слое 0–20 см и находилась в пределах 39,3–304 Бк/кг. Плотность загрязнения почвы ^{90}Sr изменялась от 14,4 кБк/м² до 83,4 кБк/м² в зависимости от места отбора.

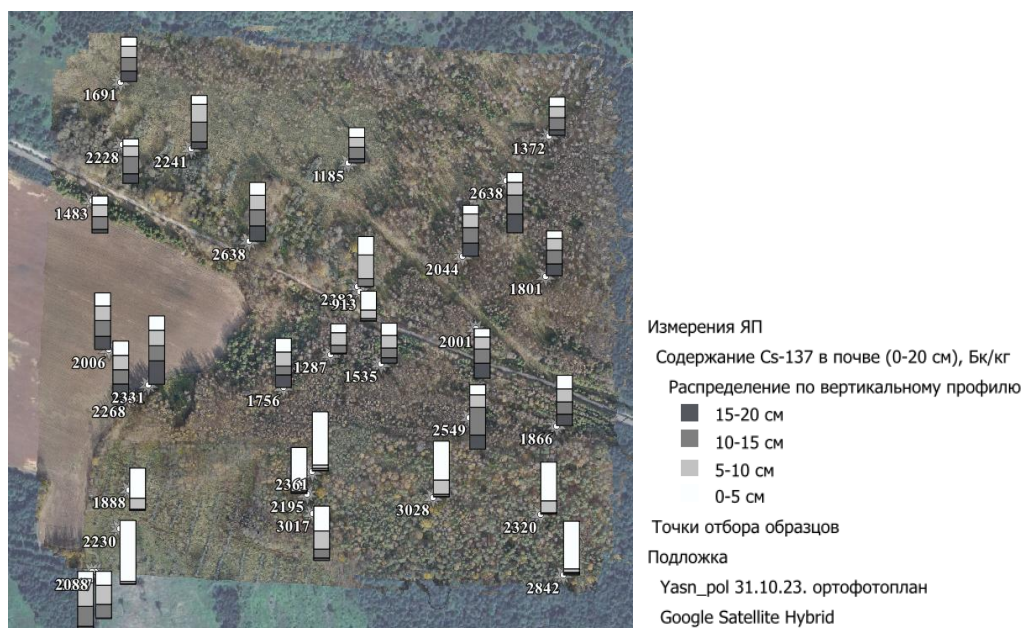


Рисунок 2 – Послойное распределение запаса ^{137}Cs по профилю почвы на экспериментальной площадке, Бк/кг

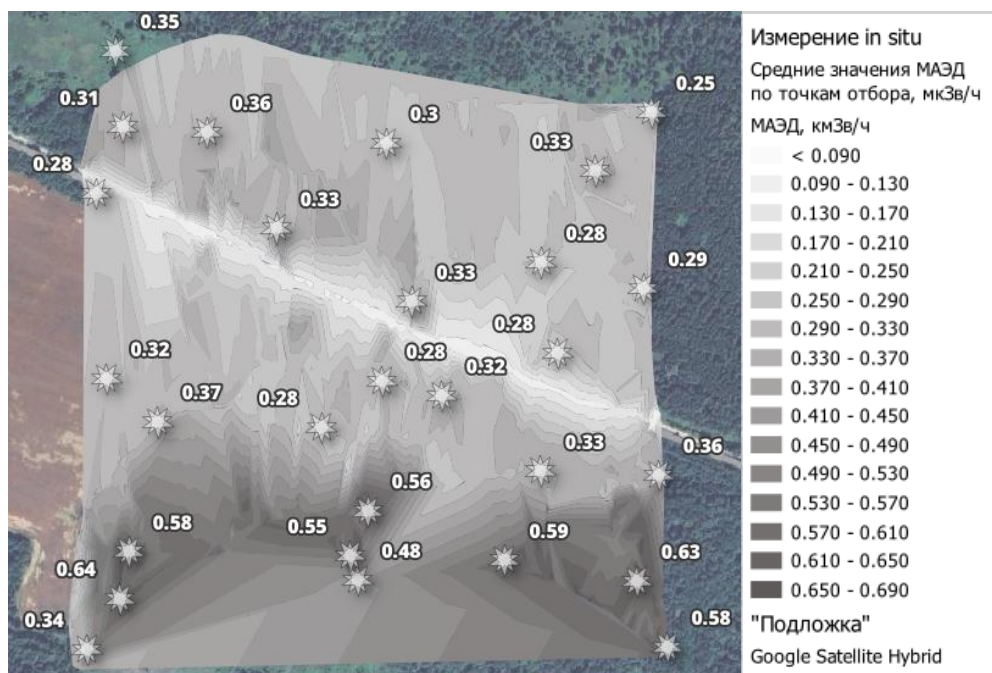
Разліччя паслойнага запаса ^{137}Cs в вертыкальным профіле почвы на эксперыментальных тачках обуславлены часам фарміравання лесных ценозов, а такжэ тэм, што пасля катастрофы на ЧАЭС часта сельскагаспадарчых земляў яшчэ некалькі лет існавала для атрымання прадукцыі сельскагаспадарства. Аналіз даных распаўсюду ^{137}Cs в почве разных участкаў плошчкі «Ясная Поляна», а такжэ спутніковых здымкаў 1986–1992 гадоў (рысунк 1) пазволіў сгрупаваць тачкі па трох катэгорыям, в якіх назіраецца:

I. Равнамернае распаўсюду радыеанукліда па профілю почвы (тачки 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 17, 19), дзе змяшчэнне ^{137}Cs в кожным слае складае ад 20 % да 30 % ад агульнага запаса. Такай тып характэрна для лесов, сфарміраваных на землях, якія існавалі як пашніа і землі лічных падсобных гаспадарстваў в першыя гады пасля катастрофы на ЧАЭС.

II. Максімальная лакалізацыя радыеанукліда на глыбіні 5–10 ці 10–15 см (тачки 2, 4, 11, 14, 16, 21, 22, 24, 26, 27). Этым тып характэрна для земляў, існавававших пад сенакосы в першыя гады пасля катастрофы на ЧАЭС.

III. Дэпазіцыя 70–95 % радыеанукліда в верхнем 5-санціметровым слае (тачки 12, 13, 15, 18, 20, 23, 25, 28). Такай тып характэрна для участкаў леса, якіа прарастаў на гэтых тэрыторыях ужо на момэнт катастрофы на ЧАЭС.

МАЭД в тачках аўбора варыравала в дыяпазоне 0,25–0,64 мкЗв/ч, а на ўсёй існадуемай тэрыторыі назіралася в прэделах 0,09–0,69 мкЗв/ч. На участках, занятых пашняй, лугом і моладым лесам, МАЭД значнаа не адрознівалася і знаходілася в прэделах ад 0,29 да 0,35 мкЗв/ч. Аднака для участкаў леса, якіа прарастаў на гэтых тэрыторыях да катастрофы на ЧАЭС, была вышэ почти в 2 раза (рысунк 3).



Рысунк 3 – Тематическая карта на основе построенных изолиний и метода аппроксимации пространственного распределения *in situ* измеренных значений мощности ambientной дозы на обследованном участке

Среди всего многообразия лесных горючих материалов наибольшую опасность как с радиологической точки зрения, так и пожароопасной, представляет подстилка. Она, с одной стороны, содержит 70–90 % всего запаса радыеануклідов, содержащихся в горючих материалах, а с другой является проводником горения и основным горючим материалом при всех типах пожара. Аналіз даных по биомассе подстилки показал, что среднее значение её запаса на плошчкі составляет около 2 кг/м², при этом на разных тачках находилось в дыяпазоне ад 0,5 до 5,9 кг/м² (тачки 24 и 23 соотвественно) (рысунк 4). Тэрыторыя участкаў, насаждения якіа сфарміраваліся да катастрофы на ЧАЭС, характэрызуецца балеа вышым запасаа подстилки по сраваенію с лесом, вырашым пасля неа.

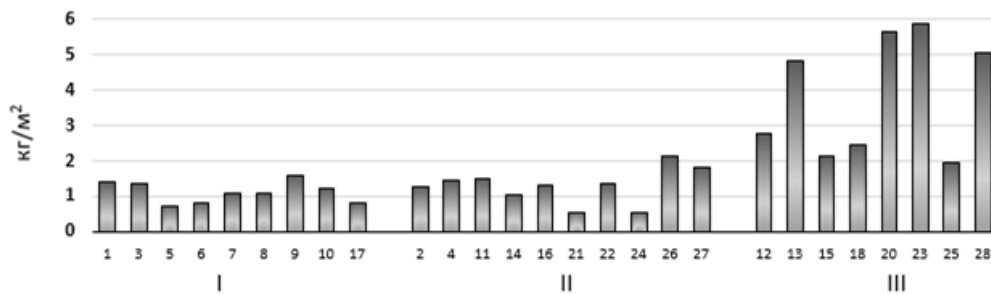
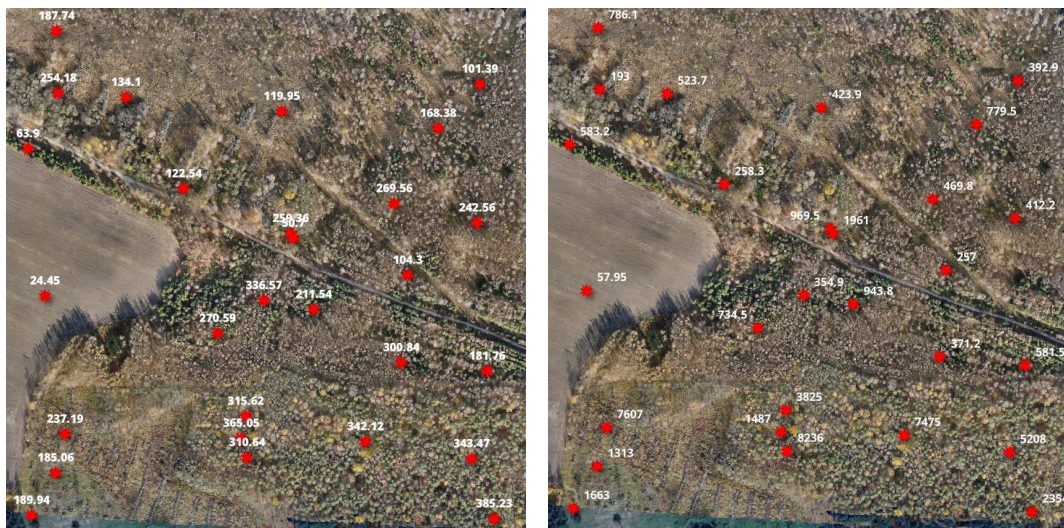


Рисунок 4 – Запас биомассы подстилки

Измеренная удельная активность радионуклидов в лесной подстилке варьировала в широких пределах: от 193 до 8236 Бк/кг по ^{137}Cs и от 50,7 до 385 Бк/кг по ^{90}Sr (рисунок 5). Исключением является точка отбора 8 (поле), заложенная на сельскохозяйственных угодьях, в которой УА ^{137}Cs и ^{90}Sr в соломе ржи составила 58 и 24 Бк/кг соответственно. По результатам анализа экспериментальных данных наблюдается зависимость запаса активности радионуклидов в подстилке в расчете на единицу площади от времени формирования лесных насаждений на территории площадки (до катастрофы на ЧАЭС или после). Так, поверхностная активность ^{137}Cs и ^{90}Sr в точках отбора, относящихся к I категории, составила 62–1165 Бк/м² и 26–1823 Бк/м², II категории – 343–1701 Бк/м² и 26–541 Бк/м², III категории – 4953–46374 Бк/м² и 673–1847 Бк/м² соответственно. Соотношение $^{137}\text{Cs}/^{90}\text{Sr}$ в подстилке по выделенным категориям насаждений, сформированных после катастрофы на ЧАЭС и произрастающих на момент аварии, изменяется в среднем на порядок, составляя для I–II категорий – $5,2 \pm 8,2$; для III категории – $13,3 \pm 8,4$.

Рисунок 5 – Пространственное распределение содержания радионуклидов в лесной подстилке (Бк/кг) в точках отбора на экспериментальной площадке: слева – ^{90}Sr ; справа – ^{137}Cs

Причиной существенных различий сформировавшейся современной радиационной обстановки между I–II и III категориями является разная история использования земель. Участки первых двух групп, бывшие сельскохозяйственные угодья, характеризуются низким, вероятно, связанным с многолетним внесением удобрений, поступлением радионуклидов в растительность, отмирающие части которой и формируют подстилку. Кроме того, формирование подстилки на этих территориях началось лишь после катастрофы на ЧАЭС в результате их зарастания, что объясняет ее незначительный запас. В отличие от I–II, участки III группы – это лесные массивы, сформированные до аварии. Подстилка на этих участках характеризуется более высокими значениями запаса биомассы, более высокой удельной и поверхностной активностью радионуклидов, накопление которых в ней началось

в момент выпадений и продолжается в настоящее время за счет опада и отмирающих частей растительности.

Особенности формирования и развития биогеоценозов в послеварийный период и, соответственно, запас горючих материалов и накопление радионуклидов в них в большей степени определяют вынос радионуклидов при возникновении возгораний в различных фитоценозах и определяют степень тяжести радиационно-экологических последствий. Вследствие этого при возникновении потенциальных низовых пожаров на площадке «Ясная Поляна» может складываться различная радиационная обстановка, определяемая в первую очередь местом возникновения и распространения пожара. Следовательно, при моделировании оценок радиационно-экологических последствий возгораний площадка была разделена на отдельные участки на основе анализа ретроспективных снимков со спутников Landsat (1987–1989 гг.), Sentinel (2023–2024 гг.), ортофотоплана площадки, полученного при аэрофотосъемке с БЛА, распределения радионуклидов по профилю почвы, типа фитоценоза, породы и возраста деревьев, таксационных характеристик выделов (рисунок 6).

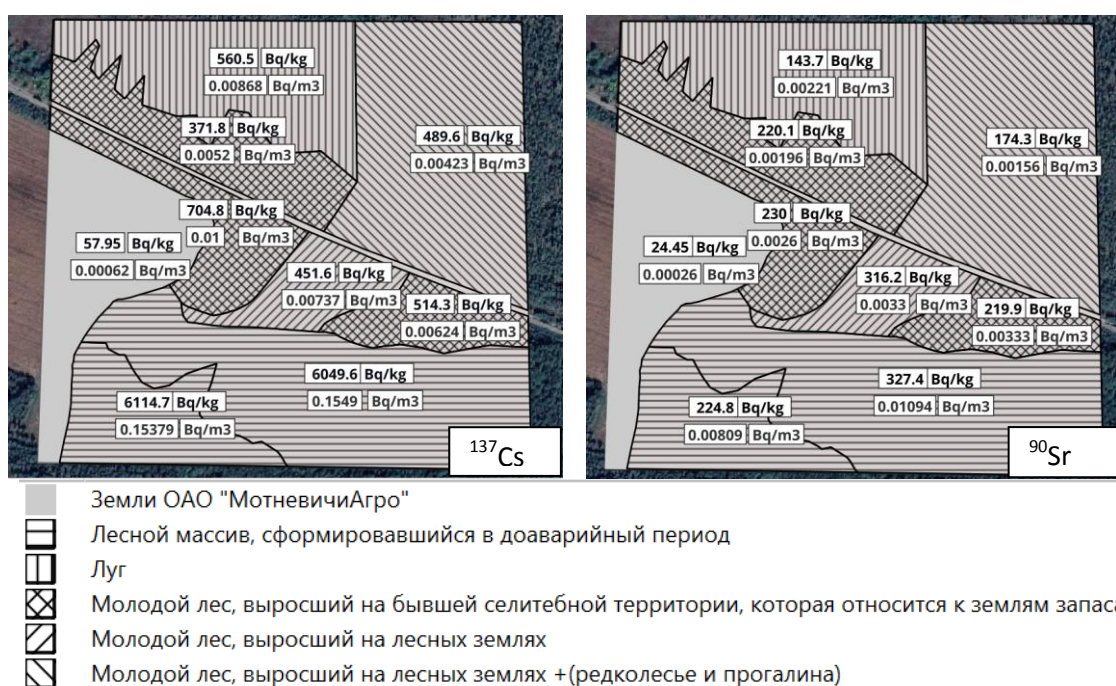


Рисунок 6 – Пространственное распределение запаса содержания радионуклидов в горючих материалах (Бк/кг) и объемной активности радионуклидов в зоне дыхания участников пожаротушения на кромке пожара (Бк/м³) по экспериментальной площадке

Наибольшую угрозу при пожарах на загрязненных радионуклидами территориях несут дымовые выбросы, содержащие сорбированные на мелкодисперсных (респирабельных) частицах техногенные поллютанты. Ингаляционное поступление радиоактивных аэрозолей может вносить значительный вклад в формирование дозы внутреннего облучения у персонала, задействованного в ликвидации возгораний и последующих лесохозяйственных работах. Поэтому тяжесть радиационно-экологических последствий оценивали на основе расчета двух основных показателей: потенциального максимального выноса радиоактивных веществ, предполагая полное выгорание горючего материала, и объемной активности радионуклидов в зоне дыхания участников пожаротушения на кромке пожара. Расчеты выполнялись отдельно для разных типов угодий: пашни, луга, молодого и спелого леса. Оценки средней приземной объемной активности радионуклидов в зоне дыхания участников пожаротушения в непосредственной близости от фронта огня проводили расчетным путем [9]. В результате выполнения расчетов были построены цифровые карты, определяющие тяжесть радиационно-экологических последствий на основе данных полевых исследований и ГИС (рисунок 6).

Как видно из рисунка 6, пространственное распределение как запаса поверхностной активности радионуклидов в горючих материалах, так и расчетной объемной активности в воздухе

носит ярко выраженный мозаичный характер, напрямую коррелирующий с типом растительных формаций и историей землепользования. Наибольшие значения запаса удельной активности (~ 6000 Бк/кг по ^{137}Cs и ~ 270 Бк/кг по ^{90}Sr) и, соответственно, прогнозируемой объемной активности в воздухе ($^{137}\text{Cs} \sim 0,15$ Бк/м³ и $^{90}\text{Sr} \sim 0,01$ Бк/м³) приходятся на лесной массив, сформировавшийся в доаварийный период. Участки молодых лесов, выросших на бывших сельскохозяйственных землях и землях запаса, а также луговые угодья характеризуются минимальными значениями порядка 10^{-3} – 10^{-1} Бк/м³. Минимальные уровни наблюдаются на участке, занятом пахотными землями ОАО «Мотневичи Агро». Полученное пространственное распределение подчеркивает важность учета типа растительных формаций и истории землепользования при оценке радиационных рисков при лесных пожарах.

Заключение

Проведенные комплексные исследования на экспериментальной площадке «Ясная Поляна» позволили установить ключевые закономерности в распределении техногенных радионуклидов ^{137}Cs и ^{90}Sr в компонентах лесных экосистем и дать оценку потенциальных радиационных рисков, обусловленных пожарами.

1. Установлено, что время формирования насаждений (до катастрофы на ЧАЭС или после), а также история землепользования участков являются важными факторами, предопределяющими современную картину радиоактивного загрязнения территории. Выявлено три категории вертикального распределения ^{137}Cs в почвенном профиле, коррелирующие с хозяйственной деятельностью в ранний послеаварийный период: бывшие пахотные земли, сенокосы и леса, существовавшие до катастрофы. Приспевающие леса, сформировавшиеся в доаварийный период, характеризовались наибольшими значениями удельной и поверхностной активности лесной подстилки (поверхностная активность ^{137}Cs составила 4953–46374 Бк/м², ^{90}Sr – 673–1847 Бк/м²).

2. На основе ретроспективного анализа и полевых данных разработана цифровая модель местности, интегрирующая данные о типе фитоценоза, истории землепользования, запаса горючих материалов и содержания в них радионуклидов, пространственном распределении *in situ* измеренных значений МАЭД. Это позволило экстраполировать точечные данные на всю территорию и перейти к пространственной оценке последствий пожаров.

3. Прогнозируемая объемная активность радионуклидов в воздухе на кромке пожара варьирует в зависимости от типа фитоценоза, где потенциально может возникнуть возгорание. Наибольшую опасность для участников пожаротушения представляют возгорания в приспевающих лесах, где концентрация ^{137}Cs и ^{90}Sr в воздухе может достигать 0,15 и 0,011 Бк/м³, в то время как при потенциальном пожаре на лугах, пашнях и в молодых лесах, выросших на бывших сельскохозяйственных угодьях, эти показатели могут составить 0,006–0,087 и 0,0003–0,0033 Бк/м³ соответственно.

Полученные результаты показывают, что оценка радиологических последствий лесных пожаров и планирование защитных мероприятий для персонала должны учитывать мозаичный характер загрязнения и историю землепользования. Используемый подход с применением ГИС-технологий и ретроспективного анализа позволяет с высокой точностью идентифицировать зоны потенциально высокого риска возникновения радиационно-экологических последствий пожаров и разрабатывать адресные рекомендации по обеспечению радиационной безопасности при тушении возгораний на загрязненных территориях.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Радиологические последствия пожара в Чернобыльской зоне отчуждения в апреле 2015 года / В. А. Кашпаров, В. В. Миронюк, М. А. Журба [и др.] // Радиационная биология. Радиозэкология. – 2017. – Т. 57, № 5. – С. 512–527.

2. Дворник, А. А. Долгоживущие радионуклиды в напочвенном покрове сосновых фитоценозов и их потенциальная опасность для человека при лесных пожарах / А. А. Дворник, Р. А. Король, А. М. Дворник // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Биология. Химия. – 2015. – Т. 1 (67), № 1. – С. 16–24.

3. Исследование влияния лесных и торфяных пожаров на радиационную обстановку в юго-западных районах Брянской области / О. Н. Апанасюк, С. Л. Гаврилов, С. А. Шикин, А. Е. Пименов // Безопасность техногенных и природных систем. – 2023. – № 1. – С. 16–27.

4. Концепция создания автоматизированной системы аэрокосмического мониторинга лесных пожаров / В. Т. Жуков, А. В. Колдомов, Ю. Н. Орлов, М. А. Шахраманьян // Препринты ИПМ им. М. В. Келдыша. – 2022. – № 24. – С. 1–18.

5. Абишева, М. Т. Комплексное использование данных аэрофотосъемки и наземных измерений при оценке радиационной обстановки водных объектов / М. Т. Абишева, Е. П. Хлебникова // Вестник Сибирского государственного университета геосистем и технологий. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 68–75.

6. Мусина, Г. А. Экологический мониторинг на основе снимков, полученных с помощью беспилотных летательных аппаратов / Г. А. Мусина, Д. С. Ожигин, С. Б. Ожигина // Интерэкспо ГЕО-Сибирь : сб. материалов XV Междунар. науч. конгр., г. Новосибирск, 24–26 апр. 2019 г. / СГУГиТ ; редкол.: Г. А. Платов [и др.]. – Новосибирск, 2019. – Т. 4, № 2. – С. 196–204.

7. Методика выполнения измерений объемной и удельной активности I-131, Cs-134, Cs-137 и эффективной удельной активности природных радионуклидов K-40, Ra-226, Th-232 на гамма-радиометрах спектрометрического типа РКГ-АТ1320 : МВИ.МН 4779-2013 : [утв. УП «АТОМТЕХ» ОАО «МНИПИ» 20.11.2013 : согл. БелГИМ от 20.11.2013 № 808/2013]. – Мн. : УП «АТОМТЕХ», 2013. – 31 с.

8. Методика выполнения измерений объемной и удельной активности стронция-90, цезия-137 и калия-40 на гамма-бета-спектрометре МКС-АТ1315, объемной и удельной активности гамма-излучающих радионуклидов цезия-137 и калия-40 на гамма-спектрометре типа EL 1309 (МКГ-1309) в пищевых продуктах, питьевой воде, почве, сельскохозяйственном сырье и кормах, продукции лесного хозяйства и других объектах окружающей среды : МВИ.МН 1181-2011 : [утв. УП «АТОМТЕХ» 11.11.2011 : согл. БелГИМ от 17.11.2011 № 668/2011]. – Мн. : УП «АТОМТЕХ», 2013. – 32 с.

9. Метод оценки доз облучения для участников пожаротушения и населения в результате ингаляционного поступления радионуклидов при чрезвычайных ситуациях (лесных пожарах) на территориях с высоким уровнем радиоактивного загрязнения : инструкция по применению : [утв. М-вом здравоохранения Респ. Беларусь 26.08.2022 № 045-0622]. – Мн. : Науч.-практ. центр гигиены, 2022. – 14 с.

Поступила в редакцию 15.09.2025

E-mail: avkopyltsova@gmail.com

E. V. Kapyltsova, N. V. Shamal, V. N. Seglin, R. K. Spirov, N. I. Tsimokhina

INTEGRATION OF GIS AND FIELDWORK TO ASSESS RADIATION AND ECOLOGICAL IMPACT OF WILDFIRES IN A CONTAMINATED AREA: THE CASE OF THE FORMER VILLAGE OF YASNAYA POLYANA IN GOMEL REGION

The article presents the results of an integrated study of the experimental site located in the exclusion zone in Gomel Region. The survey included radioecological assessment of ^{137}Cs and ^{90}Sr contents in soil and forest litter samples, as well as aerial photography. To model the consequences of potential wildfires, the site was divided into several areas under similar conditions, based on which the stock of forest combustible materials and radionuclide concentrations in them were estimated. GIS-technologies and mathematical modelling methods were used to create digital maps of potential radionuclide transport along with the products of combustion, as well as reflecting the estimated specific activity of radionuclides in the inhalation area of firefighters and response teams in case of wildfires.

Keywords: GIS, UAV, digital maps, radioecological survey, radionuclide content, ^{137}Cs , ^{90}Sr , ambient dose rate, stock of forest fuel materials.

УДК 581.526.32:556.55(476.5)

С. Э. Латышев¹, О. М. Балаева-Тихомирова², Е. И. Кацнельсон³, Д. А. Лукина⁴

¹Старший преподаватель кафедры фундаментальной и прикладной биологии,
УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

²Кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры химии и естественнонаучного образования,
УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

³Старший преподаватель кафедры химии и естественнонаучного образования,
УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

⁴Студентка 2 курса факультета химико-биологических и географических наук,
УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

ВОДНАЯ И ПРИБРЕЖНО-ВОДНАЯ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ОЗЕРА СЕЛЯВСКОЕ РОССОНСКОГО РАЙОНА

В статье приведены результаты изучения флористического состава, синтаксономической структуры и продукционных особенностей водной растительности озера Селявское Россонского района. Видовой состав флоры насчитывает 35 видов, выделены экологические и биоморфологические группы растений. Синтаксономия водных и прибрежно-водных растительных сообществ водоема показывает присутствие широко распространенных синтаксонов и насчитывает 12 ассоциаций. Водная растительность водоема занимает площадь 35,2 га и производит 126,58 т воздушно-сухой фитомассы. Ведущую роль в зарастании водоема и формировании фитомассы играют представители воздушно-водной растительности.

Ключевые слова: озеро Селявское, водная растительность, флористический состав, синтаксономическая структура, ассоциации.

Введение

В настоящее время большое внимание уделяется вопросам эффективного использования природных водоемов. Водная растительность является важным компонентом водных экосистем. Она наряду с фитопланктоном участвует в круговороте веществ, обеспечивая производство биомассы для различных звеньев пищевой цепи. Водная растительность водоемов служит основой питания для беспозвоночных, рыб, птиц и млекопитающих.

Цель исследования – определение видового состава, синтаксономического разнообразия и продукционных особенностей высшей растительности озера Селявское Россонского района.

Методы и методология исследования

Озеро Селявское находится в Россонском районе Витебской области в 10 км на юг от городского поселка Россоны, между деревнями Селявщина, Лазарево и Горспля. Координаты: 55.820293, 28.783082. Основные морфометрические показатели: площадь зеркала – 1,16 км², длина – 2,32 км, длина береговой линии – 7,5 км, наибольшая глубина – 6,1 м. Озеро Селявское относится к бассейну реки Дрисса. Окружено массивной озовой грядой, поросшей кустарником и редколесьем. Берега преимущественно низкие (с северной и северо-восточной стороны возвышенные), с юго-западной и западной – частично заболоченные. С южной стороны к озеру примыкает обширная заболоченная пойма, поросшая болотной растительностью и кустарником. Мелководье песчаное, преимущественно узкое (с южной стороны и на западе обширное). Наибольшая глубина зафиксирована в северной части водоема, ближе к берегу, напротив северо-западной окраины деревни Селявщина [2].

Изучение водной растительности производилось в августе 2023 года. При изучении растительности обследованного водоема применялся маршрутный метод исследований. Данные, полученные на тестовых полигонах, заносились в специальные бланки для описания. В бланках отмечались: высота растений, глубина произрастания, обилие и проективное покрытие, тип грунта и площадь сообщества. Глубина произрастания и учет видов погруженной растительности определялась с использованием железной «кошки», прикрепленной к шнуру с метками для определения глубин. Также для более точного выявления характера распространения представителей погруженных гидрофитов применялось легкое водолазное оборудование. Определение прозрачности воды осуществлялось при помощи диска Секке – диск белого цвета, диаметром 30 см. На момент обследования прозрачность

воды составляла 1,6 м. Обилие видов оценивалось по шкале встречаемости и классам проективного покрытия Браун-Бланке: г – единичная встречаемость; + – вид встречается редко и характеризуется низким проективным покрытием; 1 – вид встречается часто, проективное покрытие до 5 %; 2 – проективное покрытие вида 5–25 %; 3 – проективное покрытие 26–50 %; 4 – проективное покрытие 51–75 %; 5 – проективное покрытие вида 76 % и более. Систематическое положение и номенклатура водорослей приведена в соответствии с базой данных Algaebase [3]. Номенклатура и систематика высших растений до порядков описана в соответствии с системой APG IV с использованием базы данных The World Flora Online [4], классы и отделы выделены по Маевскому [5]. Экологические группы гидрофитов приводятся по Папченкову [6], жизненные формы представителей водной флоры по Раункиеру, Вейсбергу и Свириденко [7–9]. Описание растительных сообществ осуществлялось по общепринятым методикам на основе эколого-флористического подхода [10; 11]. Определение сырой фитомассы осуществлялось методом укусов на площадках размером 1 м², затем укусы высушивали до воздушно-сухого веса. Полученные данные использовали для расчета продуктивности водной растительности с использованием коэффициентов для различных групп макрофитов [12; 13]. Для вычисления площади ассоциаций использовались спутниковые снимки, на которые накладывались карта глубин озера Селявское и данные экологических профилей с указанием координат, глубины и протяженности зарастания представителей водной растительности. Обработка полученных изображений осуществлялась в программе QGIS.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате проведенных исследований выявлено, что озеро Селявское характеризуется низким уровнем антропогенной нагрузки, так как водоём расположен за пределами города, вдали от промышленных центров; прилегающая территория озера не используется как зона отдыха и на ней отсутствует бытовой мусор; водоем не используется для мелиорации земель и в промышленных целях (нет сброса сточных и бытовых вод). На северном берегу озера Селявское, южнее просёлочной дороги д. Селявица – д. Лазарево находится родник «Лазарева криница», являющийся гидрологическим памятником природы местного значения.

Исследования выявили, что видовой состав водоема представлен 35 видами, относящимися к 29 родам, 23 семействам, 6 классам и 6 отделам (таблица 1). Самыми многовидовыми семействами являются Hydrocharitaceae Juss., Potamogetonaceae Bercht. et J. Presl и Cyperaceae Juss., каждое из которых представлено 4 видами, 17 семейств являются одновидовыми. К видам, занесенным в Красную книгу Республики Беларусь, относятся: *Nitellopsis obtusa* (Desv.) J. Groves, *Hydrilla verticillata* (L.f.) Royle, имеющие соответственно III и II категорию охраны [14].

Таблица 1 – Флористический состав водной растительности озера Селявское

№	Название таксона	Экологическая группа	Жизненная форма	
			По Раункиеру	По Свириденко
Сем. Cladophoraceae Wille				
1	<i>Cladophora glomerata</i> (L.) Kützing	I 1	-	В
Сем. Characeae S.F. Gray				
2	<i>Nitella</i> spp. ster.	I 2	-	В
Сем. Feistiellaceae Schudack				
3	<i>Nitellopsis obtusa</i> (Desv.) J. Groves	I 2	-	В
Сем. Amblystegiaceae Kindb.				
4	<i>Leptodictyum riparium</i> (Hedw.) Warnst.	I 2	-	М
Сем. Fontinalaceae Schimp.				
5	<i>Fontinalis antipyretica</i> Hedw.	I 2	-	М
Equisetaceae Michx. ex DC.				
6	<i>Equisetum fluviatile</i> L.	II 5	Го	Т Хв Дк
Сем. Thelypteridaceae Pic. Serm.				
7	<i>Thelypteris confluens</i> (Thunb.) C.V. Morton	IV	Го	Т Пап Дк

Продолжение таблицы 1

Сем. Nymphaeaceae Salisb.				
8	<i>Nuphar lutea</i> (L.) Sm.	I 3	Г	Т Пк Рз Кк
9	<i>Nymphaea candida</i> C.Presl	I 3	Г	Т Пк Рз Кк
Сем. Alismataceae Vent.				
10	<i>Sagittaria sagittifolia</i> L.	II 5	Гл	Т Пк Рз Кл
Сем. Hydrocharitaceae Juss.				
11	<i>Elodea canadensis</i> Michx.	I 2	Г	Т Пк Дп Тр
12	<i>Hydrilla verticillata</i> (L.f.) Royle	I 2	Г	Т Пк Дп Тр
13	<i>Hydrocharis morsus-ranae</i> L.	I 4	Г	Т Пк Рз Тр
14	<i>Stratiotes aloides</i> L.	I 1	Г	Т Пк Рз Тр
Сем. Potamogetonaceae Bercht. et J. Presl				
15	<i>Potamogeton compressus</i> L.	I 2	Г	Т Пк Дп Тр
16	<i>Potamogeton lucens</i> L.	I 2	Г	Т Пк Дп Тр
17	<i>Potamogeton natans</i> L.	I 3	Г	Т Пк Дп Тр
18	<i>Potamogeton perfoliatus</i> L.	I 2	Г	Т Пк Дп Ст
Сем. Araceae Juss.				
19	<i>Lemna trisulca</i> L.	I 1	Г	Т Пк Лц Тр
Сем. Iridaceae Juss.				
20	<i>Iris pseudacorus</i> L.	III	Гл	Т Пк Рз Дк
Сем. Poaceae Barnh.				
21	<i>Phragmites australis</i> (Cav.) Trin. ex Steud	II 6	Гл	Т Пк Дп Дк
Сем. Cyperaceae Juss.				
22	<i>Carex acuta</i> L.	III	Го	Т Пк Дп Дк Рк
23	<i>Carex pseudocyperus</i> L.	III	Гм	Т Пк Рз Кк Рк
24	<i>Carex rostrata</i> Stokes	III	Гм	Т Пк Дп Дк Рк
25	<i>Schoenoplectus lacustris</i> (L.) Palla	II 6	Гл	Т Пк Дп Кк
Сем. Typhaceae Juss.				
26	<i>Sparganium emersum</i> Rehmman	II 5	Гл	Т Пк Рз Дк
27	<i>Typha latifolia</i> L.	II 6	Гл	Т Пк Рз Дк
Сем. Ceratophyllaceae Gray				
28	<i>Ceratophyllum demersum</i> L.	I 1	Г	Т Пк Дп Тр
Сем. Cannabaceae Martynov				
29	<i>Humulus lupulus</i> L.	V	Гм	Т(Л) Пк Дп Дк
Сем. Betulaceae Gray				
30	<i>Alnus glutinosa</i> (L.) Gaertn.	IV	Ф	Д
Сем. Polygonaceae Juss.				
31	<i>Persicaria amphibia</i> (L.) Delarbre	I 3	Г	Т Пк Дп Дк
Сем. Solanaceae Juss.				
32	<i>Solanum dulcamara</i> L.	IV	Х	П Дп Дк
Сем. Lamiaceae Martynov				
33	<i>Lycopus europaeus</i> L.	IV	Гм	Т Пк Дп Ст
Сем. Lentibulariaceae Rich.				
34	<i>Utricularia australis</i> R.Br.	I 1	Г	Т Пк Дп Тр
Сем. Apiaceae Lindl.				
35	<i>Cicuta virosa</i> L.	III	Гл	Т Пк Дп Кк

Примечания

1 Экологические группы: Тип I – гидрофиты. Группы: 1 – гидрофиты неукореняющиеся, плавающие в толще воды, 2 – погруженные укореняющиеся гидрофиты; 3 – укореняющиеся гидрофиты с плавающими на поверхности воды листьями; 4 – неукореняющиеся гидрофиты, плавающие на поверхности воды. Тип II – гелофиты. Группы: 5 – низкотравные гелофиты; 6 – высокотравные гелофиты. Тип III – гигрогелофиты. Тип IV – гигрофиты. Тип V – гигромезофиты. VI – мезофиты.

2 Жизненные формы сосудистых растений: по Раункиеру: Ф – фанерофит, Х – хамефит, Г – гидрофит, Гл – гелофит, Го – геокриптофит, Гм – гемикриптофит, Т – терофит; по Вейсбергу: Т – травянистое, Хв – хвощ, Пап – папоротник, Д – дерево, П – полукустарник, Пк – поликарпик, Дп – длиннопобеговое, Рз – розеточное, Лц – листочковый, Кк – короткокорневищный, Дк – длиннокорневищный, Тр – турионовый, Кл – клубневый, Ст – столонный, Рк – рыхлокустовый.

Водная растительность обследованного водоема формирует 4 полосы зарастания: водных мхов и харовых водорослей, погруженной растительности (гидрофиты), растений с плавающими на поверхности воды листьями (плейстофиты), воздушно-водной растительности (гелофиты, гигрогелофиты, гигромезофиты).

Продромус водной растительности озера Селявское

Класс *Charetea Intermediae* F. Fukarek 1961

Порядок *Charetalia intermediae* Sauer 1937

Союз *Charion intermediae* Sauer 1937

Acc. *Nitellopsidetum obtusae* (Sauer 1937) Dąbwska 1961

Класс *Lemnetea* de Bolòs et Mascalsans 1955

Порядок *Lemnetalia* de Bolòs et Mascalsans 1955

Союз *Stratiotion* Den Hartog et Segal 1964

Acc. *Stratiotetum aloides* Miljan 1933

Acc. *Ceratophylletum demersi* Corillion 1957

Союз *Utricularion vulgaris* Passarge 1964

Acc. *Utricularietum australis* Müller et Görs 1960

Класс *Potamogetonetea* Klika in Klika et Novák 1941

Порядок *Potamogetonetalia* Koch 1926

Союз *Potamogetonion* Libbert 1931

Acc. *Elodeetum canadensis* Nedelcu 1967

Союз *Nymphaeion albae* Oberd. 1957

Acc. *Nymphaeo albae-Nupharetum luteae* Nowinski 1927

Acc. *Potamogetonetum natantis* Hild 1959

Класс *Phragmito-Magnocaricetea* Klika in Klika et Novák 1941

Порядок *Phragmitetalia* Koch 1926

Союз *Phragmition australis* Koch 1926

Acc. *Phragmitetum australis* Koch 1926

Acc. *Equisetetum fluviatilis* Nowiński 1930

Acc. *Schoenoplectetum lacustris* Chouard 1924

Acc. *Typhetum latifoliae* Nowiński 1930

Порядок *Magnocaricetalia* Pignatti 1953

Союз *Carici-Rumicion hydrolapathi* Passarge 1964

Acc. *Phragmito australis-Thelypteridetum palustris* Kuiper ex van Donselaar et al. 1961

Продромус водной растительности озера Селявское представлен 4 классами, 5 порядками, 7 союзами и 12 ассоциациями. По количеству преобладают сообщества воздушно-водной растительности, формирующие класс *Phragmito-Magnocaricetea*. В целом данный водоем характеризуется небогатым синтаксономическим разнообразием, в нем выявлено 12 из 57 ассоциаций водной растительности, приводимых автором для изученных озер Белорусского Поозерья [15].

Полоса харовых водорослей представлена единственной ассоциацией – *Nitellopsidetum obtusae*, фитоценозы которой были выявлены в южной и юго-восточной частях водоема. Сообщества произрастают на богатых органикой грунтах (ил и сапропель) на глубине до 1 м. Проективное покрытие доминанта от 80 до 100 %, в ассоциации также могут встречаться *Elodea canadensis*, *Nuphar lutea*, *Hydrilla verticillata*, *Utricularia australis*, проективное покрытие данных видов не превышает 5 %.

Характерной особенностью полосы погруженной растительности, представленной в озере Селявском 4 ассоциациями, является почти полное отсутствие сообществ укореняющихся гидрофитов, за исключением *Elodeetum canadensis*. Единственный фитоценоз вышеуказанной ассоциации локализован в юго-восточной части на глубине до 0,8 м. Заросли одновидовые, проективное покрытие доминанта 100 %.

Наибольшего развития и распространения из представителей погруженной растительности в озере Селявском достигает ассоциация *Ceratophylletum demersi*, фитоценозы которой образуют длинные полосы и пятна шириной около 10 м, произрастают на глубине до 2,2 м за представителями полос воздушно-водной растительности и плейстофитов. Сплошной пояс *Ceratophyllum demersum* не образует, заросли отсутствуют у северного и южного побережья водоема. Проективное покрытие доминанта колеблется от 30–40 % в восточной части, до 100 % у западного побережья. Видовой состав

ассоциации бедный. Помимо доминанта в фитоценозах встречаются *Utricularia australis*, реже *Hydrilla verticillata*, *Elodea canadensis*, *Leptodictyum riparium*, *Fontinalis antipyretica*.

Фитоценоз ассоциации *Utricularietum australis* локализован в центральной части восточного побережья на глубине 2,3 м. Площадь ассоциации около 200 м², проективное покрытие доминанта 40–50 %. Вместе с *Utricularia australis* здесь также был обнаружен *Potamogeton compressus* с проективным покрытием 5–10 %.

Ассоциация *Stratiotetum aloides* представлена фитоценозами, произрастающими в юго-восточной и южной части водоема на илистых грунтах и глубине до 1 м. Сообщества имеют вид небольших пятен от 20 до 300 м². Описания одновидовые, проективное покрытие доминанта 90–100 %. Сообщества произрастают в «окнах» воздушно-водной растительности либо за соответствующей полосой.

Полоса растений с плавающими на поверхности воды листьями представлена двумя ассоциациями, имеет фрагментарное распространение и не образует сплошной пояс растительности. Наибольшей представленностью характеризуется ассоциация *Nymphaeo albae-Nupharetum luteae*, сообщества которой встречаются во всех участках водоема, однако наибольшего развития достигают в восточной и южной части озера. Площадь фитоценозов варьирует от нескольких квадратных метров до 0,3 га. Они располагаются за полосой воздушно-водной растительности и имеют ширину до 5 м, в единичных случаях произрастают недалеко от берега в незанятых гелофитами участках. Фиксируются на илистых грунтах на глубине до 2,3 м. Проективное покрытие *Nuphar lutea* варьирует от 30 % до 80 %, в большинстве случаев составляет 60–70 %. Сообщества маловидовые, максимально отмеченное число видов в описании 7. Чаще всего в фитоценозах ассоциации *Nymphaeo albae-Nupharetum luteae*, кроме доминанта, встречаются *Nymphaea candida*, *Potamogeton natans* и *Ceratophyllum demersum*. Также отмечены почти все представители полосы погруженной растительности, из гелофитов – *Phragmites australis*, *Schoenoplectus lacustris*, *Typha latifolia*, *Equisetum fluviatile*.

Ассоциация *Potamogetonnetum natantis* представлена фитоценозами, локализованными в северо-восточной и северо-западной частях озера Селявское. Площадь сообществ от 25 до 300 м², произрастают на глубине до 2,5 м. Проективное покрытие *Potamogeton natans* 30–40 %. Описания преимущественно одновидовые, редко вместе с ценозообразователем произрастает *Nuphar lutea*, проективное покрытие данного вида не превышает 10 %.

Полоса воздушно-водной растительности образует непрерывный пояс, ширина зарослей в среднем составляет около 7–10 м и варьирует от 3 м в юго-западной части до 50 м в восточной части водоема. Наибольшего распространения в озере Селявское среди всех ассоциаций водной растительности достигает *Phragmitetum australis*. Данное сообщество произрастает на протяжении всей береговой линии и формирует внешний облик полосы гелофитов. Фитоценозы других растений полосы имеют вид пятен. Проективное покрытие *Phragmites australis* в большинстве описаний составляет 40–50 %, в северо-восточной части достигает 75 %. Чаще всего в зарослях доминанта встречаются *Nuphar lutea*, *Schoenoplectus lacustris*, *Ceratophyllum demersum*.

Ассоциация *Equisetum fluviatilis* сформирована единственным фитоценозом, расположенным у северо-западного побережья озера Селявское. Глубина 0,5–0,8 м, грунт илистый. Площадь сообщества около 100 м². Проективное покрытие ценозообразователя 30–40 %. Также в фитоценозе отмечены плейстофиты – *Nuphar lutea*, *Persicaria amphibia*, *Potamogeton natans*, *Nymphaea candida* и гелофиты – *Schoenoplectus lacustris*, *Typha latifolia*. Из всех вышеперечисленных представителей для первого характерно проективное покрытие до 50–60 %, у остальных не более 1 %.

Фитоценозы с доминированием *Schoenoplectus lacustris*, произрастающие у южного, западного и северо-западного побережья формируют ассоциацию *Schoenoplectetum lacustris*. Размер сообществ от 25 м² на северо-западе до 2000 м² в западной части, произрастают на илистых грунтах на глубине до 0,8 м. Проективное покрытие доминанта во всех описаниях составляет 40–50 %. В его зарослях всегда встречается *Nuphar lutea*, проективное покрытие которой варьирует от 40 до 60 %. Также в описаниях обнаружены *Potamogeton natans*, *Equisetum fluviatile*, *Lemna trisulca*, *Ceratophyllum demersum*, *Hydrilla verticillata*.

Ассоциация *Typhetum latifoliae* в озере Селявское представлена 2 фитоценозами, произрастающими в юго-восточной и северо-западной частях водоема. Размеры сообществ 25 м² и 60 м², первый имеет вид пятна, второй – узкой полосы, шириной 2 м. Предпочитают богатые органикой грунты, заходят в воду до глубины 0,5 м. Проективное покрытие доминанта 40–50 %. В описаниях, помимо *Typha latifolia*, отмечены *Carex rostrata*, *Thelypteris confluens*, *Cicuta virosa*, *Nuphar lutea*.

Сообщества с доминированием *Thelypteris confluens* были обнаружены у юго-восточного и южного побережья, имеют вид узких вытянутых полос средней шириной около 1 м и образуют

ассоциацию *Phragmito australis-Thelypteridetum palustris*. Произрастают до глубины 0,2 м, чаще встречаются по кромке воды, а в южной части участвуют в формировании сплавины. Проективное покрытие доминанта 60–70 %, в описаниях отмечены *Carex pseudocyperus*, *Cicuta virosa*, *Solanum dulcamara*, *Lycopus europaeus*.

В результате проведенных расчетов было установлено, что высшая водная растительность озера Селявское занимает 35,2 га (таблица 2). Это соответствует 30,3 % от площади всего водоема, что довольно близко к показателям зарастания для таких эвтрофных озер как Сосно и Тиосто с зарастанием соответственно 33,6 % и 35 % площади зеркала озера [16; 17]. Всего за вегетационный период макрофиты озера продуцируют 126,58 т воздушно-сухой фитомассы (таблица 2), что в пересчете составляет 109,1 г/м². Площадь воздушно-водной растительности 24,04 га, что составляет 68,3 % от общей площади зарастания макрофитами. Продукция воздушно-водной растительности 98,42 т, или 77,7 % от всей фитомассы макрофитов. Полоса растений с плавающими на поверхности воды листьями занимает площадь 6,45 га (18,3 % от общей площади макрофитов) и образует 17,49 т воздушно-сухого веса, или 13,8 % от общей продукции макрофитов водоема. На долю полосы погруженной растительности приходится 3,94 га площади и 8,29 т фитомассы. Полоса водных мхов и харовых водорослей занимает 0,68 га и формирует за год 2,03 т продукции.

Таблица 2 – Продукционные и количественные характеристики ассоциаций водной растительности озера Селявское

№	Название ассоциаций	продуктивность,		
		площадь, га	г/м ²	общая продукция, т
1	<i>Nitellopsidetum obtusae</i>	0,68	300	2,04
2	<i>Stratiotetum aloides</i>	0,1	600	0,6
3	<i>Ceratophylletum demersi</i>	3,82	200	7,64
4	<i>Utricularietum australis</i>	0,02	225	0,05
5	<i>Nymphaeo albae-Nupharetum luteae</i>	6,20	275	17,05
6	<i>Potamogetonetum natantis</i>	0,25	175	0,44
7	<i>Elodeetum canadensis</i>	0,09	375	0,34
8	<i>Phragmitetum australis</i>	23,67	410	97,05
9	<i>Equisetetum fluviatilis</i>	0,01	390	0,04
10	<i>Schoenoplectetum lacustris</i>	0,30	384	1,15
11	<i>Typhetum latifoliae</i>	0,01	250	0,03
12	<i>Phragmito australis-Thelypteridetum palustris</i>	0,05	300	0,15
	Итого	35,2		126,58

Заключение

Видовой состав водных растительных сообществ является маркером для оценки состояния экосистемы. Флористический состав озера Селявское представлен 35 видами, относящимися к 29 родам, 23 семействам, 6 классам и 6 отделам. По литературным данным и благодаря собственным наблюдениям, было установлено наличие двух охраняемых видов – *Nitellopsis obtusa* и *Hydrilla verticillata*. Синтаксономическая структура водной растительности обследованного водоема включает 4 класса, 5 порядков, 7 союзов и 12 ассоциаций и в целом характеризуется не высоким богатством. Площадь зарастания и продукция водной растительности озера Селявское составляет соответственно 35,2 га и 126,58 т воздушно-сухой фитомассы. Наибольшая доля участия в формировании продукции воздушно-водной растительности и близкие по величине показатели общего процента зарастания водоема сближает озеро Селявское с некоторыми обследованными ранее водоемами эвтрофного типа.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Горюнова, С. В. Закономерности процесса антропогенной деградации водных объектов : дис. ... д-ра биол. наук : 03.00.16 ; 05.26.02 / Горюнова Светлана Васильевна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2006. – 388 л.
2. Блакітная кніга Беларусі : энцыклапедыя / Н. А. Дзісько, М. М. Курловіч, Я. В. Малашэвіч [і інш]. – Мн. : БелЭн, 1994. – 415 с.
3. AlgaeBase [electronic database]. – [University of Galway], 2025. – URL: <https://www.algaebase.org> (date of access: 29.01.21).

4. The World Flora Online: [electronic database]. – [WFO], 2025. – URL: <https://www.worldfloraonline.org/> (date of access: 20.05.23).
5. Маевский, П. Ф. Флора средней полосы европейской части России / П. Ф. Маевский. – 11-е изд. – М. : Товарищ. науч. изд. КМК, 2014. – 635 с.
6. Папченков, В. Г. О классификации растений водоемов и водотоков / В. Г. Папченков // Гидробиотика: Методология и методы : материалы Школы по гидробиотике, п. Борок, 8–12 апр. 2003 г. / Ин-т биологии внутренних вод им. И. Д. Папанина РАН ; редкол.: В. Г. Папченков [и др.]. – Рыбинск, 2003. – С. 23–26.
7. Raunkiaer, C. The life form of plants and statistical plant geography / C. Raunkiaer. – Oxford : Clarendon, 1934. – 632 pp.
8. Вейсберг, Е. И. Анализ гидрофильной сосудистой флоры озер лесной зоны Челябинской области / Е. И. Вейсберг // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – № 9. – С. 182–188.
9. Свириденко, Б. Ф. Жизненные формы цветковых гидрофитов Северного Казахстана / Б. Ф. Свириденко // Ботанический журнал. – 1991. – Т. 76, № 5. – С. 687–698.
10. Распопов, И. М. Высшая водная растительность больших озер Северо-Запада СССР / И. М. Распопов. – Л. : Наука, 1985. – 196 с.
11. Катанская, В. М. Высшая водная растительность континентальных водоемов СССР. Методы изучения / В. М. Катанская. – Л. : Наука, 1981. – 187 с.
12. Папченков, В. Г. Продукция макрофитов вод и методы их изучения / В. Г. Папченков // Гидробиотика: Методология и методы : материалы Школы по гидробиотике, п. Борок, 8–12 апр. 2003 г. / Ин-т биологии внутренних вод им. И. Д. Папанина РАН ; редкол.: В. Г. Папченков [и др.]. – Рыбинск, 2003. – С. 137–145.
13. Эвтрофирование, олиготрофикация и бентификация в Нарочанских озерах: 40 лет мониторинговых исследований / Б. В. Адамович, Т. В. Жукова, Т. М. Михеева [и др.] // Журнал Сибирского федерального университета. Биология. – 2017. – № 4 (10). – С. 379–394.
14. Красная книга Республики Беларусь: редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды дикорастущих растений / гл. редкол.: И. М. Качановский (пред.), М. Е. Никифоров, В. И. Парфенов [и др.]. – 4-е изд. – Мн. : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2015. – 448 с.
15. Латышев, С. Э. Прогноз водной растительности Белорусского Поозерья / С. Э. Латышев, Л. М. Мерзвинский, Ю. И. Высоцкий // Флора и растительность в меняющемся мире: проблемы изучения, сохранения и рационального использования : материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 24–27 сент. 2024 г. // Институт экспериментальной ботаники им. В. Ф. Купревича НАН Беларуси. – Мн. : ИВЦ Минфина, 2024. – С. 118–123.
16. Мартыненко, В. П. Высшая водная растительность озера Сосно / В. П. Мартыненко, С. Э. Латышев // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2008. – № 3 (13). – С. 126–130.
17. Макрофитная растительность озера Тиосто и ее динамика за 40 лет / В. П. Мартыненко, А. М. Дорофеев, С. Э. Латышев, М. С. Тухфатуллина // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава. – 2009. – № 3. – С. 164–171.

Поступила в редакцию 04.08.2025

E-mail: neyney@mail.ru; olgabal.tih@gmail.com;
kate_kaznelson@tut.by; daralukina814@gmail.com

S. E. Latyshev, O. M. Balaeva-Tikhomirova, E. I. Katsnelson, D. A. Lukina

AQUATIC AND SEMIAQUATIC VEGETATION OF LAKE SELIAVSKOYE OF ROSSON DISTRICT

The article presents the findings of the study on the floristic composition, syntaxonomic structure, and production characteristics of aquatic vegetation in Lake Seliavskoe, Rossonsky District. The floristic composition comprises 35 species, with distinct ecological and biomorphological groups of plants delineated. The syntaxonomy of aquatic plant communities of the reservoir shows the presence of widespread syntaxa and includes 12 associations. Aquatic vegetation covers an area of 35.2 hectares and produces 126.58 tons of air-dried phytomass. Helophyte vegetation plays a crucial role in plant coverage and phytomass production in the lake.

Keywords: Lake Selyavskoe, aquatic vegetation, floristic composition, syntaxonomic structure, associations.

УДК 58.018

С. М. Мижуй¹, Ю. М. Гончарик², А. И. Буян³

¹Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры биологии и химии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры технологии металлов, МОУВО «Белорусско-Российский университет», г. Могилёв, Республика Беларусь

³Учитель биологии, ГУО «Средняя школа № 15 г. Мозыря имени генерала Бородунова Е. С.», г. Мозырь, Республика Беларусь

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЛИСТОВОЙ ПОВЕРХНОСТИ И ПИГМЕНТНОГО СОСТАВА КЛЮКВЫ БОЛОТНОЙ ЗАКАЗНИКА «ОЛЬМАНСКИЕ БОЛОТА»

В исследованиях выявлено, что клюква болотная проявляет значительную пластичность в зависимости от типа леса. Наилучшие показатели (количество листьев, площадь листовой поверхности, концентрация фотосинтетических пигментов) отмечены на территории с доминированием в составе древостоя сосны обыкновенной; минимальные – при доминировании березы пушистой; промежуточные – при доминировании ели обыкновенной, сосны обыкновенной и березы пушистой.

Ключевые слова: морфологические параметры, клюква болотная, фотосинтетические пигменты.

Введение

Клюква болотная (*Oxycoccus palustris* Pers.) – ценное ягодное и лекарственное растение. Обладая высокими пищевыми свойствами и способностью к длительному хранению, ягоды клюквы имеют широкую популярность и заготавливаются в больших количествах. Однако урожайность клюквы болотной сильно варьирует в зависимости от растительной зоны и типа фитоценоза [1–5], метеорологических факторов (температура воздуха, осадки, поздние весенние и ранние осенние заморозки) [3; 6; 7].

Определение биометрических показателей листовой поверхности необходимо для различных количественных физиологических и экологических исследований растений. При оценке интенсивности фотосинтеза, дыхания, транспирации получаемые величины рассчитываются на единицу листовой поверхности [8].

В экологических исследованиях определение площади листьев имеет самостоятельное значение, поскольку состояние фотосинтетического аппарата может служить индикатором загрязнения среды, по которому можно провести оценку пригодности местообитания для произрастания видов [9].

Республиканский ландшафтный заказник «Ольманские болота» располагается на территории Столинского района Брестской области, занимая площадь в 94219 га. В 2001 г. заказник объявлен Рамсарской территорией, а также является территорией, важной для птиц (ТВП) международной значимости. Заказник представляет собой крупнейший комплекс верховых, низинных и переходных болот, сохранившийся до наших дней в нетронутом состоянии. Среди болотного массива находится более 20 озер, разбросаны песчаные дюны, поросшие хвойными и лиственными лесами. Основной водной артерией заказника является река Ствига и ее притоки [10; 11].

На территории заказника выделено несколько особо охраняемых участков, являющихся местами произрастания редких и охраняемых растительных сообществ. Здесь зарегистрировано 687 видов растений, 12 из них занесены в Красную книгу Республики Беларусь [11].

Произрастающая на данной территории клюква болотная формирует специфические морфометрические признаки под влиянием особых эдафических и микроклиматических условий. Изучение параметров листовой пластинки (площадь, форма, толщина, масса, линейные размеры) позволяет оценить внутривидовую изменчивость, а также выявить влияние антропогенных и природных факторов на состояние популяций.

Несмотря на значительное количество работ, посвящённых биологии клюквы, данные о биометрических характеристиках её листьев в условиях Белорусского Полесья остаются фрагментарными.

В связи со всем вышеизложенным нами была поставлена цель работы: определить морфологические показатели, а также пигментный состав листьев клюквы болотной на территории заказника «Ольманские болота» Столинского района Брестской области.

Методы и методология исследования

Согласно материалам, приведенным в документе «План управления заказником республиканского значения «Ольманские болота» (актуализированный) на период 2022–2040 годы (с пересмотром и обновлением в 2025–2026 гг.)» на территории заказника «Ольманские болота» доминируют лесные экосистемы, занимающие больше половины (около 55 %) территории заказника, при этом лесопокрытые земли занимают 99 % лесных экосистем [12].

Доля открытых болот (болотные экосистемы) на территории заказника «Ольманские болота» составляет около 43,5 %. Здесь представлены все основные типы открытых болот: низинные (около 7,7 % болотных экосистем), переходные (86,5 %) и верховые (5,8 %). Доля водных экосистем (озера, реки, ручьи, каналы) составляет 0,2 % территории заказника. Озёра чередуются с сухими грядами и болотами. Под луговыми экосистемами (ландшафтная поляна) находится менее 0,01 % заказника. Луговая растительность представлена фрагментарно в основном заболоченными и пойменными лугами.

Классификационная схема лесной растительности заказника в существующих границах включает 4 класса формаций, 10 формаций, 20 серий и 40 типов леса. В составе лесов преобладают сосняки (72,7 % лесопокрытой территории, из них 30,3 % – болотные леса). Относительно высоким участием характеризуются пушистоберезовые (8,5 %) и бородавчатоберезовые леса (8,3 %). Несколько меньше площадь занимают черноольховые леса (6,5 %), относительно небольшую долю лесопокрытой территории составляют дубравы (4,1 %), фрагментарно встречаются грабовые, ясеневые и осиновые леса. В спектре типологического разнообразия преобладают насаждения черничной, осоковой и осоково-сфагновой серий типов леса.

Исследования проводились в летне-осенний период 2024 года на территории заказника «Ольманские болота» вдоль экологической тропы, расположенной на территории Столинского района Брестской области в 2,1 км юго-восточнее д. Ольманы. Маршрут начинался в квартале № 133 Кошаро-Ольманского лесничества. Окончание маршрута было возле озера Большое Засоминое, в 3,6 км юго-восточнее д. Ольманы, в квартале № 145 Кошаро-Ольманского лесничества. Общая протяженность маршрута – 1589,8 м.

На протяжении всего маршрута экологической тропы нами было выбрано 3 биотопа, визуально различающихся по произрастающей на их территории древесной растительности.

Биотоп № 1 (болотный лиственный лес) представлял собой вторичный лес, с доминированием в составе древостоя березы пушистой (*Betula pubescens*). Видовой состав фитоценоза включал следующие виды: ракитник русский (*Cytisus ruthenicus*), мох сфагнум (*Sphagnum*), клюква болотная (*Oxycoccus palustris* Pers.), осока болотная (*Carex acutiformis*). Фото биотопа представлено на рисунке 1, а.

Биотоп № 2 (болотный хвойный лес) представлял собой первичный древостой, с доминированием сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris*) и единичными экземплярами ели обыкновенной (*Picea abies*) в составе насаждений (рисунок 1, б). Видовой состав фитоценоза включал следующие виды: можжевельник обыкновенный (*Juniperus communis*), брусника (*Vaccinium vitis-idaea*), мох сфагнум (*Sphagnum*), вереск (*Calluna vulgaris*), клюкву обыкновенную (*Oxycoccus palustris*).

Биотоп № 3 (болотный смешанный лес) представлял собой разновозрастной древостой, с доминированием ели обыкновенной (*Picea abies*), сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris*) и березы пушистой (*Betula pubescens*) в составе насаждений (рисунок 1, в). Видовой состав фитоценоза включал следующие виды: можжевельник обыкновенный (*Juniperus communis*), брусника (*Vaccinium vitis-idaea*), вереск (*Calluna vulgaris*), клюква болотная (*Oxycoccus palustris* Pers.), мох сфагнум (*Sphagnum*), осока болотная (*Carex acutiformis*).

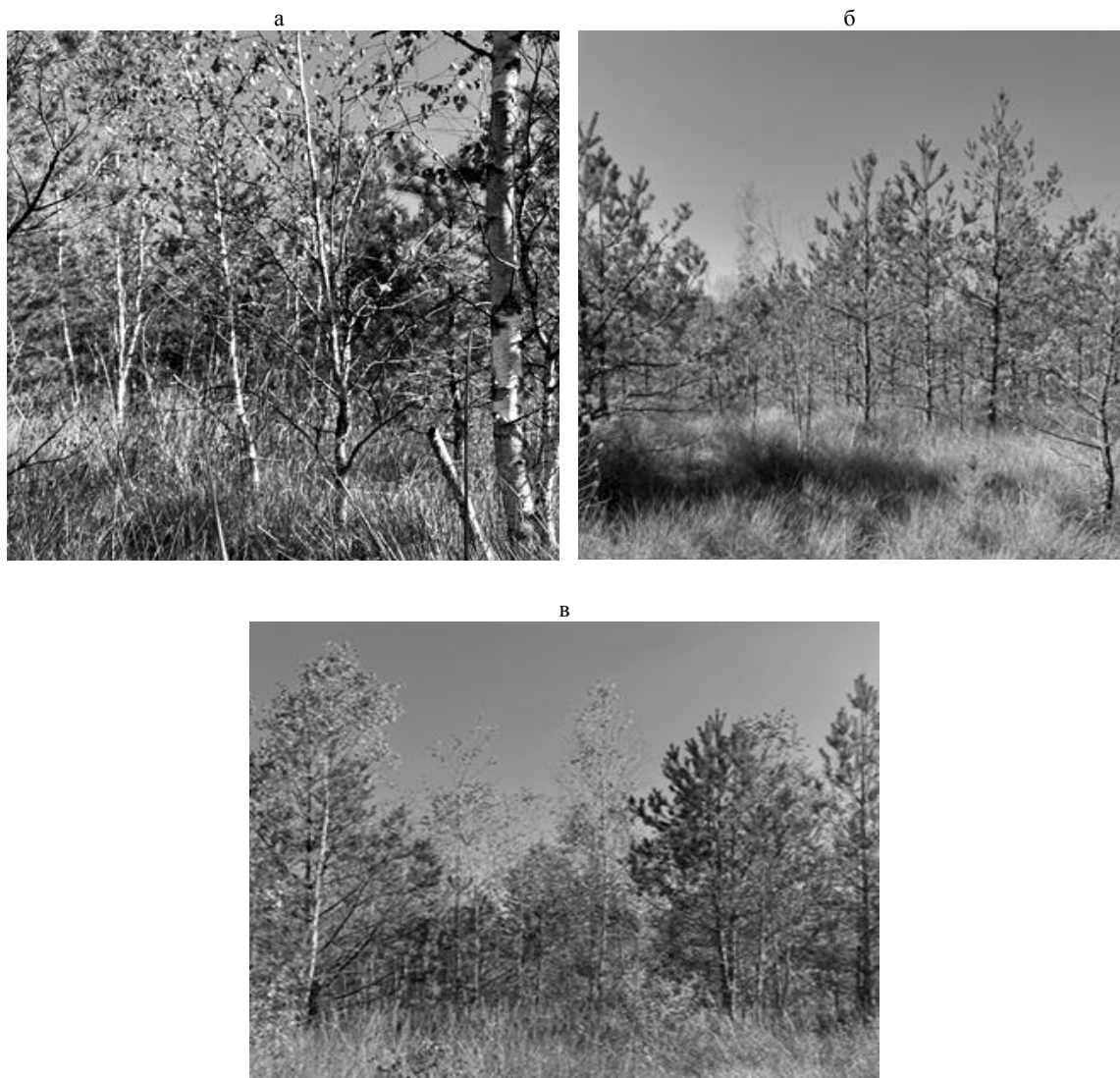
Для определения координат отбора проб растений внутри каждой из формаций была использована программа MAPS.ME.

В каждом биотопе отбиралось по 10 растений клюквы болотной вместе с ягодами в трехкратной повторности.

У каждого из отобранных образцов были проведены следующие измерения:

1. Подсчитано число листьев на одном растении.
2. Определены биометрические показатели листа (длина, ширина, площадь).

Длина и ширина листа в исследованиях определялись с помощью штангенциркуля с точностью 0,1 мм.



а) биотоп № 1 (болотный лиственный лес), б) биотоп № 2 (болотный хвойный лес),
в) биотоп № 3 (болотный смешанный лес)

Рисунок 1 – Фотографии мест отбора проб

Для вычисления площади листовой пластинки использовали 3 метода.

1. *Метод нанесения контуров листа на миллиметровую бумагу.*

На миллиметровой бумаге вычерчивался контур листа, затем определялась площадь путем подсчета квадратов [13].

2. *Метод линейных размеров.*

Согласно этому методу, производится расчет переводного коэффициента (К) между площадью листа (А), определенной методом нанесения контуров листа на миллиметровую бумагу, и площадью прямоугольника, стороны которого соответствуют длине (L) и ширине (B) листовой пластинки [14].

$$K = \frac{A}{L \times B},$$

где К – переводной коэффициент;

А – площадь листа, определенная методом нанесения контуров листа на миллиметровую бумагу;

L – длина листовой пластинки;

B – ширина листовой пластинки.

3. Расчетный способ.

Измеряется длина и наибольшая ширина листа и, используя переводной коэффициент, рассчитывается площадь одного отдельного листа (мм^2) по формуле

$$S = D \times Ш \times K,$$

где D и $Ш$ – соответственно длина и ширина листа, см;

K – переводной коэффициент.

Переводной коэффициент в наших исследованиях составил 0,740.

3. Определение содержания фотосинтетических пигментов (спектрофотометрическая методика определения хлорофиллов a , b и каротиноидов) осуществлялось по методике А. И. Ермакова [15].

4. Обработка собранных данных проводилась с помощью MS Excel 2019 на 95%-м уровне значимости, а также статистического пакета Statistica 12.0. Данный статистический пакет использовался для проведения парного корреляционно-регрессионного анализа по изучению взаимосвязи между длиной и шириной листовой пластинки.

Результаты исследования и их обсуждение

При изучении параметров листовой поверхности клюквы болотной на территории **болотного лиственного леса (биотоп № 1)** количество листьев на 1 растении в среднем составило 34,4 шт./растение (таблица 1) при коэффициенте вариации 38,0 %, что говорит о большой изменчивости данного признака (таблица 2). Длина листовой пластинки составила 9,6 мм, а ширина – 3,2 мм при значениях коэффициента вариации 22,7 и 30,3 % соответственно. Площадь листовой поверхности клюквы болотной отмечена на уровне $336,6 \text{ см}^2/\text{м}^2$, а площадь 1 листовой пластинки – $23,6 \text{ мм}^2$. Погрешность измерений для данных показателей составила 1,5 % (площадь листовой пластинки) и 10,5 % (площадь листовой поверхности). Коэффициенты вариации данных показателей были у площади листовой пластинки – 45,8 % и листовой поверхности – 57,7 % (таблица 2). Согласно классификации М. Л. Дворецкого, они находились на очень большом уровне [16].

Таблица 1 – Биометрические показатели листовой пластинки клюквы болотной

Биотоны	Количество листьев на 1 растении, шт.	Длина листа, мм	Ширина листа, мм	Площадь листовой пластинки, мм^2	Площадь листовой поверхности, $\text{см}^2/\text{м}^2$
Болотный лиственный лес	34,4	9,6	3,2	23,6	336,6
Болотный хвойный лес	42,5	10,4	3,7	29,5	513,6
Болотный смешанный лес	39,2	8,6	3,5	23,9	385,1
Среднее	38,7	9,5	3,5	25,7	411,8

Таблица 2 – Статистические параметры листовой пластинки клюквы болотной на территории болотного лиственного леса

Показатель	Количество листьев на 1 растении, шт.	Длина листа, мм	Ширина листа, мм	Площадь листовой пластинки, мм^2	Площадь листовой поверхности, $\text{см}^2/\text{м}^2$
Среднее (M)	34,4	9,8	3,3	24,8	33,7
Стандартное отклонение (s)	13,0	2,2	1,0	11,4	19,4
Доверит. интервал с $P = 0,95$ (\pm)	4,7	0,1	0,06	0,7	7,0
Стандартная ошибка (m_x)	2,4	0,1	0,03	0,4	3,5
Коэффициент вариации, %	38,0	22,7	30,3	45,8	57,7
Ошибка опыта, %	6,9	0,7	1,0	1,5	10,5

При изучении параметров листовой поверхности клюквы болотной на территории **болотного хвойного леса (биотоп № 2)** количество листьев на 1 растении в среднем составило 42,5 шт./растение (таблица 1) при коэффициенте вариации 82,3 %, что говорит об очень большой изменчивости данного признака (таблица 3). *Для сравнения:* данный показатель на территории болотного лиственного леса был в 2,2 раза ниже. Длина и ширина листа составила 10,4 и 3,7 мм соответственно. Изменчивость

данных признаков была большая (таблица 3). Однако ошибка опыта при этом составила 0,7 и 0,8 % для длины и ширины соответственно, что говорит о высокой точности измерений. Площадь листовой поверхности клюквы болотной на территории болотного хвойного леса составила в среднем 513,6 мм²/м². Площадь 1 листовой пластинки отмечена на уровне 29,5 мм² при погрешности измерений на уровне 1,3 % (таблица 3).

Таблица 3 – Статистические параметры листовой пластинки клюквы болотной на территории болотного хвойного леса

Показатель	Количество листьев на 1 растении, шт.	Длина листа, мм	Ширина листа, мм	Площадь листовой пластинки, мм ²	Площадь листовой поверхности, см ² /м ²
Среднее (M)	42,5	10,7	3,7	30	51,4
Стандартное отклонение (s)	35,0	2,5	1	12,4	51,8
Доверит. интервал с P=0,95 (±)	12,5	0,2	0,1	0,77	18,5
Стандартная ошибка (m _x)	6,4	0,1	0,03	0,39	9,5
Коэффициент вариации, %	82,3	22,9	26,2	41,35	100,9
Ошибка опыта, %	15,0	0,7	0,8	1,3	18,4

Стандартное отклонение для количества листьев на 1 растении составило 35,0; стандартная ошибка средней (m_x) составила 6,4 при уровне ошибки опыта 15,0 % (таблица 3). Также очень большая изменчивость зафиксирована при расчете общей площади листовой поверхности. Коэффициент вариации в данном случае составил 100,9 % при ошибке опыта 18,4 %. Все это говорит об очень большом рассеянии значений количества листьев на 1 растении, а также площади листовой поверхности, т. е. данные признаки не проявляют стабильности в данном растительном сообществе. Для сравнения: на территории болотного лиственного леса, с доминированием в древесном составе березы пушистой, аналогичные показатели у клюквы болотной были практически в 2 раза ниже (таблица 2), хотя отбор образцов проводился в одни и те же сроки.

При изучении параметров листовой поверхности клюквы болотной на территории **болотного смешанного леса (биотоп № 3)** количество листьев на 1 растении в среднем составило 39,2 шт./растение (таблица 1) при коэффициенте вариации 50,9 %, что говорит об очень большой изменчивости данного признака (таблица 4). Длина и ширина листа составила 8,6 и 3,5 мм соответственно. Изменчивость данных признаков была значительная [16]. Ошибка опыта при этом составила 3,4 и 2,8 % для длины и ширины соответственно, что говорит о высокой точности измерений. Площадь листовой поверхности клюквы болотной составила в среднем 385,1 см²/м². Площадь 1 листовой пластинки отмечена на уровне 23,88 мм² при погрешности измерений на уровне 5,6 % (таблица 4).

Таблица 4 – Статистические параметры листовой пластинки клюквы болотной на территории формации болотного смешанного леса

Показатель	Количество листьев на 1 растении, шт.	Длина листа, мм	Ширина листа, мм	Площадь листовой пластинки, мм ²	Площадь листовой поверхности, см ² /м ²
Среднее (M)	39,2	8,6	3,5	23,9	29,3
Стандартное отклонение (s)	20	1,6	0,5	7,4	19,6
Доверит. интервал с P = 0,95 (±)	7,1	0,6	0,2	2,6	7,0
Стандартная ошибка (m _x)	3,6	0,3	0,1	1,3	3,6
Коэффициент вариации, %	50,9	18,6	15,4	30,8	66,9
Ошибка опыта, %	9,3	3,4	2,8	5,6	12,2

Стандартное отклонение для количества листьев на 1 растении составило 20,0; стандартная ошибка средней (m_x) составила 3,6 при уровне ошибки опыта 9,3 % (таблица 4). Также большая изменчивость отмечена при расчете площади листовой поверхности. Коэффициент вариации составил 66,9 % при ошибке опыта 12,2 %.

Для определения взаимосвязи между шириной и длиной листа клюквы болотной был проведен корреляционно-регрессионный анализ. Анализ было подвергнуто 3482 листа. Анализ

взаимосвязи данных признаков показал, что между данными показателями наблюдается прямая линейная корреляционная зависимость средней степени силы, о чем свидетельствует коэффициент корреляции $r = 0,605$ (рисунок 2).

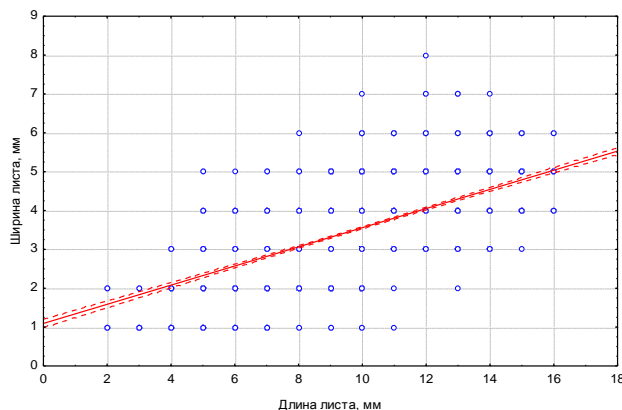


Рисунок 2 – Диаграмма взаимосвязи между шириной и длиной листовой пластинки клюквы обыкновенной

Приведем уравнение регрессии:

$$y = 1,0943 + 0,2464 \times x,$$

где y – ширина листа;

x – длина листа.

Проведенный анализ на содержание фотосинтетических пигментов в листьях клюквы показал следующее. Максимальное содержание хлорофилла a (C_a) отмечено на территории болотного хвойного леса (12,72 мг/л), а минимальное – на территории болотного смешанного леса (11,40 мг/л). Аналогичная картина наблюдалась в отношении содержания каротиноидов: 3,97 и 3,01 мг/л соответственно (таблица 5). Наибольшая концентрация хлорофилла b (C_b) зафиксирована на территории с произрастающей березой пушистой (болотный лиственный лес) 15,52 мг/л. Здесь же было наибольшее суммарное количество хлорофиллов a и b – 26,97 мг/л.

Если обобщить полученные данные по содержанию пигментов, то можно отметить следующее. Болотный лиственный лес, с доминированием в составе древостоя березы пушистой, демонстрирует наибольшую концентрацию хлорофилла b , что может говорить об адаптации растений к затенению. Болотный хвойный лес отличается высокими показателями содержания хлорофиллов, что свидетельствует о благоприятных условиях освещенности. Болотный смешанный лес, с доминированием ели обыкновенной, сосны обыкновенной и березы пушистой, имеет менее выраженные значения фотосинтетических пигментов, что может быть связано с комбинированным влиянием разных факторов.

Таблица 5 – Содержание фотосинтетических пигментов в листьях клюквы болотной

Биотопы	Содержание пигментов, мг/л			
	C_a	C_b	C_k	C_a+C_b
Болотный лиственный лес	11,45	15,52	3,84	26,97
Болотный хвойный лес	12,72	11,40	3,97	24,12
Болотный смешанный лес	11,40	12,70	3,01	24,10
Среднее	11,86	13,21	3,61	25,06

Заключение

Проведенные исследования параметров листовой поверхности клюквы болотной в биотопах показали, что на территории с доминированием в составе древостоя сосны обыкновенной наблюдается наибольшее количество листьев (42,5 шт./растение) и максимальные значения площади листовой поверхности (513,64 см²/м²), при этом показатели изменчивости достигают очень высоких значений (коэффициент вариации до 100,9 %). На территории с доминированием в составе древостоя березы

пушистой зафиксированы минимальные значения всех параметров (34,4 шт./растение и 336,56 см²/м²). На территории с доминированием в составе древостоя ели обыкновенной, сосны обыкновенной и березы пушистой показатели занимают промежуточное положение, что свидетельствует о значительной пластичности клюквы болотной к условиям произрастания и способности модифицировать свои морфологические характеристики в ответ на изменение экологических условий различных лесных формаций.

Аналогичная картина наблюдалась в отношении содержания в листьях клюквы болотной фотосинтетических пигментов. Наиболее благоприятными условиями характеризовался болотный хвойный лес, с доминированием старовозрастных сосняков по краю болотного массива, где зафиксированы высокие уровни концентрации фотосинтетических пигментов (хлорофилл *a* 12,72 мг/л). В болотном лиственном лесу, с доминированием березы пушистой растения клюквы болотной демонстрируют адаптацию к затенению, о чем свидетельствует высокая концентрация хлорофилла *b* (15,52 мг/л). Болотный смешанный лес, с доминированием ели обыкновенной, сосны обыкновенной и березы пушистой характеризовался наименьшими значениями содержания пигментов, что указывает на менее благоприятные условия произрастания.

Все вышеизложенное способствует более глубокому пониманию процессов роста и развития клюквы болотной, углубляет знания по физиологии данного вида и позволяет более рационально планировать мероприятия в области охраны окружающей среды и природопользования на территории Белорусского Полесья.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Егорова, Н. Ю. Характеристика компонентов продуктивности клюквы болотной в болотных сообществах средней тайги / Н. Ю. Егорова, Т. Л. Егошина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2016. – Т. 18, № 2 (2). – С. 360–363.
2. Колупаева, К. Г. Плодоношение и использование запасов клюквы в Волго-Вятском регионе / К. Г. Колупаева, А. А. Скрыбина // Охота, пушнина, дичь : сб. науч.-техн. информации ВНИИОЗ. – Киров, 1977. – Вып. 57. – С. 52–60.
3. Черкасов, А. Ф. Клюква / А. Ф. Черкасов, В. Ф. Буткус, А. Б. Горбунов. – М. : Лесная промышленность, 1981. – 214 с.
4. Юдина, В. Ф. Динамика урожайности клюквы болотной в южной Карелии / В. Ф. Юдина, Т. А. Максимова // Экология. – 2005. – № 4. – С. 264–268.
5. Егошина, Т. Л. Ресурсы брусники (*Vaccinium vitis-idaea* L.) и клюквы (*Oxycoccus palustris* Pers.) в природных популяциях таёжной зоны России и перспективы культивирования / Т. Л. Егошина, Е. А. Лугинина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Биология и экология. – 2008. – Вып. 10. – С. 147–154.
6. Клюква в Карелии / В. Ф. Юдина, З. М. Вахрамеева, П. Н. Токарев, Т. А. Максимова. – Петрозаводск : Карелия, 1986. – 204 с.
7. Алексева, Р. Н. Эколого-биологические особенности клюквы и её продуктивность на болотах средней тайги / Р. Н. Алексева. – Сыктывкар, 2000. – 128 с.
8. Дорофеева, М. М. Сравнительный анализ некоторых классических и современных методик определения площади листовой поверхности / М. М. Дорофеева, С. А. Бонещкая // Растительные ресурсы. – 2020. – Т. 56, вып. 2. – С. 182–192.
9. Латанов, А. А. Влияние противообледенительной смеси на состояние городских насаждений / А. А. Латанов // Вестник Московского государственного университета леса. – 2011. – № 4. – С. 163–166.
10. Государственное природоохранное учреждение «Заказник республиканского значения «Средняя Припять» и «Ольманские болота» / Управление природных ресурсов и охраны окружающей среды Брестского областного исполнительного комитета. – Брест, 2025. – URL: <https://stolin.brest-region.gov.by/ru/2010-10-20-13-27-41-381-ru/view/gpu-zakaznik-respublikanskogo-znachenija-srednjaja-privjat-i-olmanskie-bolota-2000003880> (дата обращения: 5.11.2025).
11. Заказник «Ольманские болота». – URL: <https://zakaznikistolin.by/zakaznik-olmanskie-bolota/> (дата обращения: 5.11.2025).
12. План управления заказником республиканского значения «Ольманские болота» (актуализированный) на период 2022–2040 годы (с пересмотром и обновлением в 2025–2026 гг.). –

URL: <https://zakaznikistolin.by/wp-content/uploads/2021/12/PLAN-upravleniya-bolota-PU.pdf> (дата обращения: 9.10.2025).

13. Дорофеева, М. М. Сравнительный анализ некоторых классических и современных методик определения площади листовой поверхности / М. М. Дорофеева, С. А. Бонецкая // Растительные ресурсы. – 2020. – Т. 56, вып. 2. – С. 182–192.

14. Уткин, А. И. Площадь поверхности лесных растений: сущность, параметры, использование / А. И. Уткин, Л. С. Ермолова, И. А. Уткина ; [отв. ред. С. Э. Вомперский] ; Институт лесоведения РАН. – М. : Наука, 2008. – 292 с.

15. Ермаков, А. И. Методы биохимического исследования растений / А. И. Ермаков. – Л. : Агропромиздат, 1987. – 456 с.

16. Дворецкий, М. Л. Пособие по вариационной статистике: для лесохозяйственников / М. Л. Дворецкий. – М. : Лесная промышленность, 1971. – 102 с.

Поступила в редакцию 10.10.2025

E-mail: smizhuy@mail.ru

S. M. Mizhui, Y. M. Goncharik, A. I. Buyan

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF BIOMETRIC INDICATORS
OF THE LEAF SURFACE AND PIGMENT COMPOSITION OF CRANBERRIES
OF THE MARSH RESERVE "OLMANSKIYE BOLOTY"

Studies have revealed that cranberries exhibit significant plasticity depending on the type of forest. The best indicators (number of leaves, leaf surface area, concentration of photosynthetic pigments) were noted in the territory with the dominance of the stand of Scots pine; minimal – with the dominance of fluffy birch; intermediate – with the dominance of scots spruce, scots pine and fluffy birch.

Keywords: morphological parameters, cranberry, photosynthetic pigments.

УДК 598.243.8(476.2)

О. А. Назарчук¹, П. В. Пинчук²¹Старший преподаватель кафедры биологии и химии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь²Научный сотрудник национального парка «Припятский», г. Туров, Республика Беларусь**БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ
МАЛОЙ КРАЧКИ (*STERNULA ALBIFRONS* PALLAS, 1764),
ГНЕЗДЯЩЕЙСЯ В ПОЙМЕ РЕКИ ПРИПЯТИ НА ЮГЕ БЕЛАРУСИ**

Для анализа биометрических показателей использованы данные по 186 взрослым особям малой крачки, отловленной в пойме реки Припяти на юге Беларуси с 2005 по 2021 год. Средние размеры малой крачки соответствуют аналогичным показателям данного вида из других частей гнездового ареала. Исключение составляет длина цевки, которая у малой крачки, отловленной на территории пойменных лугов юга Беларуси несколько меньше, чем у птиц, гнездящихся в Казахстане, Средней Азии и Дальнем Востоке. Среди рассматриваемых биометрических показателей минимальная степень изменчивости выявлена для длины крыла и длины цевки с пальцем (коэффициент вариации составил соответственно 0,9 и 0,8). Установлена достоверная корреляция длины цевки с пальцем с длиной головы и длиной клюва, а также между длиной крыла и размером головы. Для малой крачки, гнездящейся на юге Беларуси, выявлена тенденция уменьшения длины клюва по годам, хотя она не имеет статистической значимости ($p > 0,05$).

Ключевые слова: малая крачка, гнездование, биометрические показатели.

Введение

Малая крачка (*Sternula albifrons* Pallas, 1764) на территории нашей страны является немногочисленным в южной части Беларуси и редким на остальной территории гнездящимся перелетным видом. Вид включен в Приложение I Директивы ЕС по охране редких птиц, Приложение II Бернской конвенции, Приложение II Боннской конвенции, отнесена к SPEC 3. Вид внесен в Красные книги Литвы, Латвии, Польши, России. В Республике Беларусь малая крачка имеет II категорию Красной книги [1].

Статус угрозы вида в Европе в 2004 году классифицирован как снижающийся, в 2015 году – вызывающий наименьшее беспокойство [2]. На территории Республики Беларусь численность вида слабо флуктуирует и составляет 900–1100 гнездящихся пар [3]. Более 80 % популяции малой крачки гнездится на территории Гомельской и Брестской областей [1].

Малая крачка обитает в умеренных и тропических широтах, на территории ее распространения представлены небольшими островками, разбросанными далеко друг от друга [4].

На территории нашей страны наиболее благоприятным местообитанием для гнездования малых крачек являются пойменные луга на территории биологического заказника местного значения «Туровский луг». Данная территория используется мигрирующими птицами в качестве кормовой базы, а также места для отдыха между перелетами. Многие виды птиц, в том числе и крачки, гнездятся.

Малая крачка предпочитает гнездиться на песчаных островах, береговых косах, остепненных лугах в поймах крупных и средних рек с редкой сухолюбивой растительностью, на опустошенных лугах в поймах рек, на зарастающих озерах с густой прибрежной растительностью, заболоченных участках речных пойм, старицах, рыбоводных прудах [1].

S. albifrons трофически связана с водоемами. Основными кормовыми объектами вида являются мальки рыб и водные беспозвоночные (насекомые, моллюски), среди которых встречаются и вредители рыбного хозяйства. В питании малой крачки отмечено 8 видов рыб [5].

Малые крачки избегают гнездования в местообитаниях, испытывающих повышенную антропогенную нагрузку, так как это может повлиять на репродуктивный успех. Кроме того, они избегают поиска пищи в водотоках и водоемах с высоким антропогенным прессом, таким как движение лодок и других плавсредств. Это влияет на прозрачность воды, которая нужна малым крачкам для поиска добычи с поверхности и погружения в воду.

Гнездо малой крачки представляет собой ямку в песке. Нередко гнезда располагаются на речных наносах или высохших водорослях. В полной кладке малой крачки 2–3 светло-кремовых

либо желтовато-зеленых яйца, покрытых пятнами. Размеры яиц у крачек, гнездящихся на юге страны, следующие: длина – $32,71 \pm 0,12$ мм (30,00–37,00 мм), ширина – $24,34 \pm 0,06$ мм (22,50–26,50 мм) [6]. Насиживание кладки начинается с появлением первого яйца в гнезде. Высиживание, в котором принимают участие обе птицы, продолжается 21 день. Птенцы покидают гнездо в течение суток после появления. Взрослые птицы кормят птенцов на протяжении 3 недель, пока те не станут на крыло и не научатся сами нырять за кормом, пикируя в воду.

Величина колонии *S. albifrons* и количество гнезд отличаются по годам. За период исследования максимальное количество гнезд обнаружено в 2006 году – 25 гнезд, минимальное – 3 гнезда, обнаружены в 2007 году. В отличие от болотных крачек *S. albifrons* делает гнезда на сухих участках луга, поэтому колебание уровня паводковых вод в реке Припяти оказывает влияние на начало гнездования.

Целью данного исследования является анализ биометрических показателей *S. albifrons*, отловленных в пойме реки Припяти на юге Беларуси.

Методы и методология исследования

Изучение морфометрических показателей и кольцевание *S. albifrons* проводились с 2005 по 2021 год. Птицы отлавливались на пойменных лугах, расположенных в среднем течении реки Припяти (Житковичский район, Гомельская область, 52.04 N 27.44 E). Часть пойменного луга входит в состав биологического заказника местного значения «Туровский луг». В весенний период данный луг представляет собой систему островов, окруженных паводковыми водами, в которых возвышенные участки чередуются с понижениями. Пойменные луга полностью открытые, единично на них встречаются кустарники ивы. Возвышенные участки луга характеризуются бедным травостоем, съеденным и вытоптаным сельскохозяйственными животными. В пониженных участках травостой более густой и высокий. Состояние травяного покрова зависит от высоты весеннего паводка. Однако в последние годы в результате спада уровня сельскохозяйственной нагрузки на пойменный луг происходит быстрое зарастание поймы реки кустарниками. Вследствие этого луг постепенно становится непригодным для гнездования крачек и других видов птиц.

Для отлова крачек использовались паутинные сети, которые чаще применялись с использованием записи голоса птиц, а также специальные ловушки, изготовленные из сетки. Каждая отловленная крачка была взвешена и промерена. Для этой цели использовались весы, линейка с упором и штангенциркуль. С помощью штангенциркуля с точностью измерения 0,1 мм были измерены следующие морфометрические показатели: длина клюва до ноздри (nostr), длина клюва до оперения (bill), длина головы (head), длина цевки (tarsus). Длина крыла (wing) максимально выпрямленного и прижатого к линейке измерялась с помощью линейки с упором с точностью измерения 1 мм. При измерении длины цевки с пальцем (Т+Т) измеряли цевку со средним пальцем без ногтя с помощью линейки с упором.

После снятия промеров крачки на ее нижнюю конечность надевалось кольцо с индивидуальным номером и информацией о серии.

Статистический анализ полученных данных произведен с использованием пакета прикладных статистических программ STATISTICA 6.0. Для оценки связи между биометрическими параметрами использовался коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты исследования и их обсуждение

В данный регион *S. albifrons* прилетают в I–II декадах апреля. Наиболее ранний прилет отмечен в 2015 году – 8 апреля, более поздний прилет отмечен в 2018 году – 25 апреля. Амплитуда межгодовых колебаний дат прилета малой крачки составляет 17 дней ($SD = 5,74$). Ранний прилет малых крачек можно объяснить спецификой их питания. В большей степени *S. albifrons* являются ихтиофагами, поэтому время их прилета не зависит от времени появления насекомых.

Сроки проведения отловов малых крачек различались по годам: самая ранняя дата отлова приходилась на 16 апреля 2015 г. В этот год исследования отмечался наиболее ранний прилет малых крачек в регион. Наиболее поздняя дата окончания работ была 15 августа 2005 года (единичный отлов взрослой птицы). Большинство отловленных и окольцованных взрослых птиц было проведено в июне, а молодых особей – в июле и августе.

За период исследования в пойме реки Припяти было отловлено и окольцовано 226 особей *S. albifrons*, среди которых 186 взрослых особей (Ad), 1 особь второго года жизни (2Y) и 39 молодых особей (juv) (таблица 1).

Таблица 1 – Количество *S. albifrons*, окольцованных в пойме реки Припяти

Год	Молодые птицы	Взрослые птицы	Всего
2005	26	19	45
2006	-	24	24
2007	3	25	28
2008	3	1	4
2009	-	7	7
2010	-	4	4
2011	3	44	47
2012	-	20	20
2013	3	-	3
2014	1	1	3
2015	-	2	2
2017	-	1	1
2019	-	19	19
2020	-	14	14
2021	-	5	5
Всего	39	186	226

Наибольшее количество отловленных и окольцованных взрослых крачек было в 2011 году – 44 особи. По одной взрослой особи было отловлено в 2008, 2014 и 2017 годах. В 2013 году не было отловлено ни одной крачки.

У крачек (взрослые особи), гнездящихся на территории пойменного луга, зарегистрированы следующие средние показатели морфометрических параметров (таблица 2).

Таблица 2 – Морфометрические параметры *S. albifrons* в пойме реки Припяти

Параметры (мм)	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Коэффициент вариации (%)
Длина клюва до ноздри	23,2	22,6	24,1	1,8
Длина клюва до оперения	30,6	29,6	31,5	1,9
Длина головы	62,9	61,8	63,6	1,0
Длина цевки	16,7	16,1	17,2	1,8
Длина цевки с пальцем	32,9	32,5	33,3	0,8
Длина крыла	179,0	176,0	181,1	0,9
Масса (г)	51,3	48,3	55,1	4,2

Сравнение биометрических показателей *S. albifrons*, гнездящихся в пойме реки Припяти с таковыми из других мест гнездового ареала, показало, что птицы, отловленные на юге Беларуси, имеют близкие значения с крачками, гнездящимися в Восточной Европе, а также на юго-западе Нидерландов [7]. Для локальной популяции юго-запада Нидерландов длина крыла малой крачки составила 179,0 мм (170–189), длина цевки – 16,6 мм (14,7–18,1), вес – 55,7 мг (46,0–72,0). Следует отметить, что длина цевки у малой крачки, отловленной на территории пойменных лугов юга Беларуси несколько меньше, чем у птиц, гнездящихся в Казахстане, Средней Азии и Дальнем Востоке [8]. Однако для более достоверной картины анализ биометрических показателей малой крачки необходимо проводить с учетом половой дифференциации, т. к. многие параметры отличаются у самцов и самок. Самцы малой крачки, отловленные в разных частях гнездового ареала (Дальний Восток, Средняя Азия, Казахстан, Каспийское море, а также Европейская часть бывшего СССР), имели большие показатели длины крыла и длины клюва по сравнению с самками [8]. Аналогичные результаты получены и для других видов крачек – речной (*S. hirundo*) и полярной (*S. paradisaea*). Показано, что наиболее точными биометрическими параметрами для определения пола крачек являются длина головы и клюва [9].

Из рассматриваемых параметров наиболее вариabельным является вес *S. albifrons* (коэффициент вариации составил 4,2). Колебания внешних условий среды обитания оказывают влияние на вес в большей степени, чем на другие морфометрические параметры птиц. Минимальная степень изменчивости выявлена для таких параметров, как длина крыла и длина цевки с пальцем (коэффициент вариации составил соответственно 0,9 и 0,8). Длина крыла является важным

экстэр'нерным прызнакам, благодаря которому осуществляется полет. По сравнению с другими видами крачек взмахи крыльев во время полета у *S. albifrons* более быстрые. Кроме того, малая крачка является дальним мигрантом и осуществляет перелеты к местам зимовок на другие континенты. Размер крыльев важен для выживания птиц в природе, потому что от него зависит мощность подъемной силы, которая помогает птицам взлетать, удерживаться в воздухе, медленно парить или преодолевать большие расстояния. Поэтому очевидно, что на длину крыла в ходе эволюции действовал стабилизирующий отбор, в результате которого крыло приобрело оптимальной для *S. albifrons* размер.

Длина цевки с пальцем также является важным экстэр'нерным признаком, который служит для амортизации при приземлении и совершении толчка при взлете птицы. Благодаря оптимальному размеру данного параметра уменьшается резкая нагрузка на опорно-двигательную систему малых крачек.

Проведен сравнительный анализ морфометрических параметров малой крачки по годам, который выявил некоторые колебания показателей, в частности длины крыла и веса птиц (таблица 3).

Таблица 3 – Межгодовая динамика морфометрических параметров малой крачки

Параметры	Года исследования									
	2005	2006	2007	2009	2010	2011	2012	2019	2020	2021
Длина клюва до ноздри (мм)	23,3	23,6	23,2	22,9	22,6	24,1	23,3	23,2	23,2	22,8
Длина клюва до оперения (мм)	31,0	31,1	30,7	30,2	29,8	31,5	30,7	30,8	30,4	29,6
Длина головы (мм)	62,6	63,6	63,0	62,5	61,8	63,5	63,2	63,6	63,1	62,1
Длина цевки (мм)	16,8	16,8	16,8	16,9	16,1	16,5	17,0	17,1	17,2	16,6
Длина цевки с пальцем (мм)	32,9	32,9	32,7	32,9	32,6	33,3	33,2	33,1	33,3	32,5
Длина крыла (мм)	177,9	180,3	181,1	177,7	178,0	179,8	180,3	180,8	178,6	176,0
Масса (г)	48,7	55,1	53,0	50,1	48,3	49,7	51,0	51,5	52,3	53,3

Среди рассматриваемых морфометрических параметров, за исключением веса, наибольший размах варьирования отмечается для длины крыла. Крачки с наименьшими показателями длины крыла (176,0 мм) были отловлены в 2021 году, а с наибольшими показателями – в 2007 году (181,1 мм).

Вес птиц, прежде всего, зависит от количества энергетических резервов [10]. Колебание данного параметра у малых крачек на юге Беларуси можно объяснить тем, что отлов птиц проводился в довольно растянутый по времени период (с апреля по август), когда крачки находились на разных этапах запасания жировых ресурсов.

У гнездящихся на пойменных лугах юга Беларуси малых крачек установлена достоверная корреляция длины цевки с пальцем с длиной головы и длиной клюва. Птицы с более длинной головой имеют большую по длине цевку с пальцем ($y = 14,8543 + 0,2875 \cdot x$; $r = 0,6681$; $p = 0,03$). Крачки с более длинным клювом также имеют большую по длине цевку с пальцем ($y = 23,7517 + 0,03004 \cdot x$; $r = 0,6381$; $p = 0,04$) (рисунок 1).

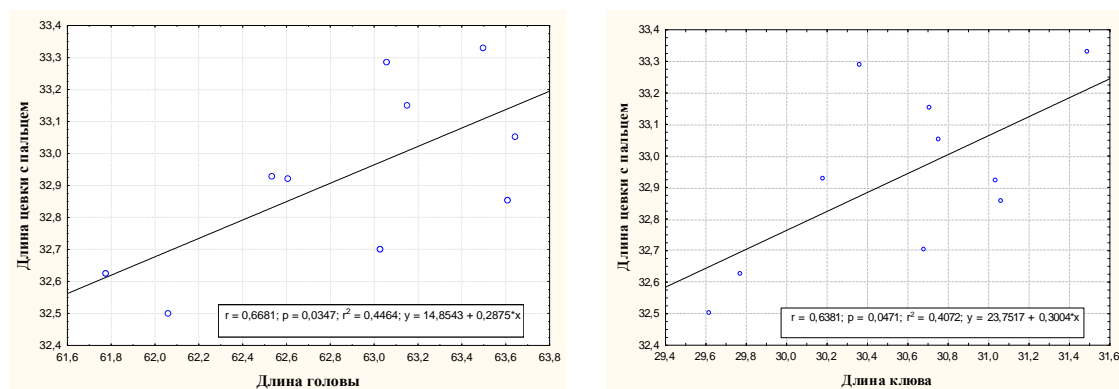


Рисунок 1 – Корреляция длины цевки с пальцем с длиной головы и длиной клюва малой крачки

У малых крачек, гнездящихся на пойменных лугах юга Беларуси, отмечается увеличение длины крыла с увеличением размеров головы. Отмечена достоверная положительная корреляция

между длиной и данными морфометрическими параметрами ($y = 48,4053 + 2,0771 * x$; $r = 0,8079$; $p = 0,004$) (рисунок 2).

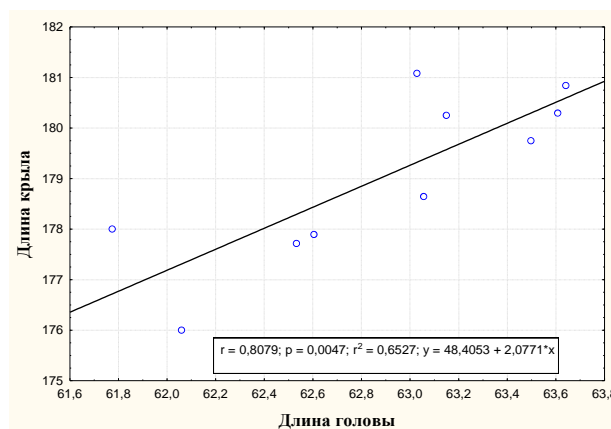


Рисунок 2 – Корреляция длины крыла с длиной головы малой крачки

Длина цевки с пальцем положительно коррелируют с длиной крыла, длиной цевки и длиной клюва до ноздри. Кроме того, длина крыла малой крачки имеет умеренную степень корреляции с длиной клюва до ноздри. Однако выявленные зависимости не имеют статистической значимости. Длина головы, а также длина цевки положительно коррелирует с весом крачек (данная корреляция слабая и недостоверная ($p > 0,05$)). Для малой крачки, гнездящейся на юге Беларуси, выявлена тенденция уменьшения длины клюва по годам ($r = -0,442$; $y = 118,3792 - 0,0436 * x$), хотя она не имеет статистической значимости ($p > 0,05$).

Заклучение

Таким образом, средние размеры малых крачек, гнездящихся в пойме реки Припяти на юге Беларуси, соответствуют аналогичным показателям данного вида из других частей гнездового ареала. Исключение составляет длина цевки, которая у малой крачки, отловленной на территории пойменных лугов юга Беларуси, несколько меньше, чем у птиц, гнездящихся в Казахстане, Средней Азии и Дальнем Востоке.

Среди рассматриваемых биометрических показателей малой крачки минимальная степень изменчивости выявлена для длины крыла и длины цевки с пальцем (коэффициент вариации (%) составил соответственно 0,9 и 0,8). Наиболее вариабельным является вес (коэффициент вариации (%) составил 4,2). Колебания внешних условий среды обитания оказывают влияние на вес в большей степени, чем на другие морфометрические параметры птиц.

Для малых крачек, гнездящихся в пойме реки Припяти на юге Беларуси, установлена достоверная корреляция длины цевки с пальцем с длиной головы и длиной клюва, а также между длиной крыла и размером головы. Кроме того, выявлена тенденция уменьшения длины клюва по годам, хотя она не имеет статистической значимости ($p > 0,05$).

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Красная книга Республики Беларусь. Животные: редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды диких животных / гл. редкол.: И. М. Качановский (предс.), М. Е. Никифоров, В. И. Парфенов [и др.]. – 4-е изд. – Мн. : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2015. – 320 с.

2. The European Red List of Birds 2015 / Ch. Ieronymidou, R. Pople, I. Burfield, I. Ramirez // Bird Census News. – 2016. – Vol. 28. – P. 3–19.

3. Burfield, I. J. Birds in Europe: population estimates, trends and conservation status / I. J. Burfield, F. Vommel // BirdLife Conservation Series. BirdLife International. – 2004. – Vol. 12. – 147 p.

4. Зауэр, Ф. Птицы – обитатели озер, болот и рек / Ф. Зауэр ; пер. с нем. С. Мещеряковой. – М. : АСТ : Астрель, 2002. – 287с.

5. Наумчик, А. В. Чайковые птицы Белоруссии (биология, распределение, хозяйственное значение) : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.08 / Наумчик Анатолий Васильевич ; ВНИИ охраны природы и заповедного дела. – М., 1987. – 23 с.

6. Назарчук, О. А. Оологическая характеристика малой крачки *Sterna albifrons* (Pallas, 1764), гнездящейся на территории биологического заказника местного значения – «Туровский Луг» / О. А. Назарчук // Науковий вісник : зб. матеріалів І Міжнар. наук.-практ. конф. «VinSmartEco», м. Вінниця, 16–18 травня 2019 г. / М-во освіти і науки України, Департамент освіти і науки Вінницької обласної державної адміністрації, Комунальний вищий навчальний заклад «Вінницька академія неперервної освіти» ; редкол.: О. В. Мудрак (наук. ред.) [та ін.]. – Вінниця, 2019. – Вип. № 2 (25). – С. 136–138.

7. Meininger, P. L. Biometrie, rui en herkomst van Dwergsterns *Sterna albifrons* in het Deltagebied / P. L. Meininger, N. D. van Swelm, C. Swennen // Limosa. – 1987. – Vol. 60. – P. 75–83.

8. Птицы СССР. Чайковые. – М. : Наука, 1988. – 416 с.

9. Fletcher, Kathy I. British Trust for Ornithology Sexing terns using biometrics: the advantage of within-pair comparisons / Kathy I. Fletcher, Keith C. Hamer // Bird Study. – 2003. – Vol. 50. – P. 78–83.

10. Berthold, P. Bird Migration: A general survey / P. Berthold. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 239 p.

Поступила в редакцію 26.09.2025

E-mail: nazarchuk_olga@tut.by

O. A. Nazarchuk, P. V. Pinchuk

BIOMETRIC PARAMETERS OF THE LITTLE TERN (*STERNULA ALBIFRONS* PALLAS, 1764) BREEDING IN THE PRIPYAT RIVER FLOODPLAIN IN SOUTHERN BELARUS

The analysis of biometric parameters was performed using data on 186 adult little terns captured in the Pripyat River floodplain in southern Belarus from 2005 to 2021. The average size of the little tern corresponds to similar parameters of this species from other parts of the breeding range. The exception is the length of the tarsus, which in the little tern caught in the floodplain meadows of southern Belarus is somewhat shorter than in birds nesting in Kazakhstan, Central Asia and the Far East. Among the biometric parameters under consideration, the minimum degree of variability has been found for the wing length and the length of the tarsus with a finger (the variation coefficient was 0.9 and 0.8, respectively). A precise relationship has been established between the length of the tarsus with the finger and the length of the head and between the fourth wing and the length of the head. For the little tern nesting in the south of Belarus, a tendency in the length of the beak by year has been determined, although it is not statistically significant ($p > 0.05$).

Keywords: the little tern, nesting, biometric parameters.

УДК 579.8:[615.33+615.322]

Д. А. Петровская¹, Г. Н. Некрасова², Т. А. Петровская³, В. И. Закржевская⁴¹Учитель биологии и химии, ГУО «Средняя школа № 38 г. Гомеля»,
г. Гомель, Республика Беларусь²Магистр химии, старший преподаватель кафедры биологии и химии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь³Кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры микробиологии, вирусологии и иммунологии,
УО «Гомельский государственный медицинский университет»,
г. Гомель, Республика Беларусь⁴Студентка 4 курса технолого-биологического факультета,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

АНТИМИКРОБНАЯ И ПРОТИВОГРИБКОВАЯ АКТИВНОСТЬ ЭКСТРАКТОВ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ, РАСПРОСТРАНЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ МОЗЫРСКОГО РАЙОНА

В статье проанализировано использование и антимикробная активность экстрактов лекарственных растений. Проведены исследования, определяющие антимикробную и противогрибковую активность экстрактов шести видов лекарственных растений, произрастающих на территории Мозырского района Гомельской области. На основе полученного опыта предложены рекомендации по использованию растительных экстрактов.

Ключевые слова: экстракты растений, биоактивные вещества, антимикробная и противогрибковая активность.

Введение

Во всем мире наблюдается стремительный рост устойчивости микроорганизмов к существующим антибиотикам и противогрибковым препаратам. Это приводит к снижению эффективности лечения инфекционных заболеваний, увеличению продолжительности госпитализации, росту заболеваемости и смертности. Поиск и разработка новых антимикробных и противогрибковых средств, обладающих альтернативными механизмами действия, являются приоритетной задачей современной медицины и фармации.

Исследования антимикробной активности экстрактов лекарственных растений позволяют выявить перспективные источники для создания новых лекарственных препаратов, способных бороться с резистентными штаммами микроорганизмов. Проведение исследований активности экстрактов лекарственных растений, произрастающих на территории Мозырского района, внесет вклад в изучение растительного мира Беларуси и расширит знания о биохимическом составе и фармакологических свойствах местных растений.

В данной статье представлены результаты исследования, целью которого являлось изучение спектра и выраженности антибактериальных и противогрибковых свойств экстрактов 6 видов лекарственных растений, распространенных на территории Мозырского района.

Методы и методология исследования

Объектами исследования были экстракты лекарственных растений, распространенных в Мозырском районе Гомельской области. В работу были взяты следующие растения:

- а) полынь обыкновенная (*Artemisia vulgaris*), трава, собранная в фазу цветения [1, с. 105];
- б) ромашка аптечная (*Matricaria recutita*), цветки;
- в) пижма обыкновенная (*Tanacetum vulgare*), цветки;
- г) подорожник средний (*Plantago media*), листья;
- д) календула лекарственная (*Caléndula officinális*), цветки;
- е) тысячелистник обыкновенный (*Achilléa millefólium*), соцветия.

В панель микроорганизмов для тестирования включены эталонные штаммы из Американской коллекции типовых культур (ATCC) – *C. albicans* ATCC 10231, *S. aureus* ATCC 29213, *E. coli* ATCC 25922, *P. aeruginosa* ATCC 27853.

Подготовка растительного сырья. Листья и травы собирали в период цветения или бутонизации, когда содержание активных веществ в них максимальное. Трава полыни была собрана в августе 2024 года, листья подорожника собраны в июле 2024 г. Цветки собирали в начале цветения, когда они полностью распустились, но еще не начали увядать. Цветки ромашки, пижмы, календулы и тысячелистника были собраны в августе 2024 года.

Все растения были собраны в экологически чистых районах, вдали от дорог, промышленных предприятий, свалок и полей, обработанных пестицидами. Собирались только здоровые растения. Избегали сбора растений, которые выглядят больными, поврежденными насекомыми или покрытыми плесенью. Листья срезались острым ножом, оставляя часть растения для дальнейшего роста. Цветки срезались ножницами. Материал собирался в сухую, солнечную погоду, когда сойдет роса. Для сбора использовали бумажные пакеты.

Для высушивания собранных растений использовалась воздушно-тенева сушка. Растения раскладывали тонким слоем на бумаге в хорошо проветриваемом, полутемном месте (под навесом). Периодически растения переворачивали для равномерной сушки. Сырье считалось высушенным, если листья легко ломались, но не крошились в порошок, а цветки сохраняли свой цвет и аромат.

Далее проводилось измельчение высушенных растений для увеличения площади поверхности сырья и облегчения экстракции активных веществ. Растения измельчали в ступке, так как для приготовления спиртовых экстрактов используется сырье мелкого помола [2, с. 23].

Экстракция биоактивных веществ. Для извлечения биоактивных веществ высушенные и измельченные растения поместили в стерильный флакон и залили 96 % этиловым спиртом. Концентрация этанола оказывает существенное влияние на выход и состав экстрагируемых веществ. Высокие концентрации этанола (например, 96 %) лучше извлекают неполярные соединения, такие как липиды и некоторые терпеноиды, в то время как низкие концентрации (например, 70 %) более эффективно извлекают полярные соединения, такие как фенольные кислоты и сахара. Извлечение проводилось на протяжении 24 часов при комнатной температуре. Экстракция проводилась в статическом режиме (без перемешивания). После фильтрации через бактериальный фильтр, что гарантирует удаление бактерий и других микроорганизмов и обеспечивает стерильность экстракта, растворитель испаряли при температуре +35 °С. Испарение растворителя при данной температуре является мягким методом концентрирования, который позволяет удалить спирт, не повреждая термолабильные БАВ. Далее сухой спиртовой экстракт растворяли в диметилсульфоксиде (DMSO), концентрация экстракта в DMSO – 20 мг/мл, что позволило получить концентрированный раствор экстракта для дальнейшего использования в различных анализах и экспериментах.

В панель микроорганизмов для тестирования включены четыре эталонных штамма из Американской коллекции типовых культур (ATCC):

– *Candida albicans* ATCC 10231 – дрожжеподобный гриб, являющийся распространенным возбудителем оппортунистических инфекций, таких как кандидоз;

– *Escherichia coli* ATCC 25922 – грамотрицательная бактерия, часто используемая в качестве модельного организма для изучения антибактериальной активности. Является распространенным представителем нормальной микрофлоры кишечника, но некоторые штаммы могут быть патогенными;

– *Pseudomonas aeruginosa* ATCC 27853 – грамотрицательная бактерия, известная своей высокой устойчивостью к антибиотикам и способностью вызывать различные инфекции, особенно у пациентов с ослабленным иммунитетом;

– *Staphylococcus aureus* ATCC 29213 – грамположительная бактерия, один из наиболее распространенных возбудителей гнойно-воспалительных заболеваний. Некоторые штаммы обладают высокой устойчивостью к антибиотикам, например, MRSA (метициллин-резистентный золотистый стафилококк).

Выбор данных микроорганизмов обусловлен их клинической значимостью и представленностью как грамположительными, так и грамотрицательными бактериями, а также грибами, что позволяет оценить широкий спектр антимикробной активности экстрактов.

Минимальные подавляющие концентрации (МПК) экстрактов определяли методом микроразведений в бульоне в стерильных полистироловых круглодонных 96-луночных планшетах (Starsedt, Германия).

Из растворов экстрактов в диметилсульфоксиде готовили двукратные серийные разведения в бульонах Сабуро (ФБУН Государственный научный центр прикладной микробиологии и биотехнологии, Оболенск, РФ) для грибов и в бульоне Мюллер-Хинтон (HiMedia, Индия) для бактерий в диапазоне концентраций от 10000 до 100 мкг/мл.

Использование двукратных серийных разведений позволяет получить дискретный ряд концентраций, охватывающий широкий диапазон потенциальной активности экстрактов. Бульон Сабуро является богатой питательной средой, оптимальной для роста грибов *Candida albicans*. Бульон Мюллер-Хинтон, в свою очередь, является стандартной средой для тестирования антимикробной активности бактерий, поскольку он обладает низкой ингибирующей активностью и обеспечивает оптимальный рост большинства бактериальных патогенов. Диапазон концентраций от 10000 до 100 мкг/мл был выбран на основании предварительных исследований и литературных данных о потенциальной антимикробной активности растительных экстрактов.

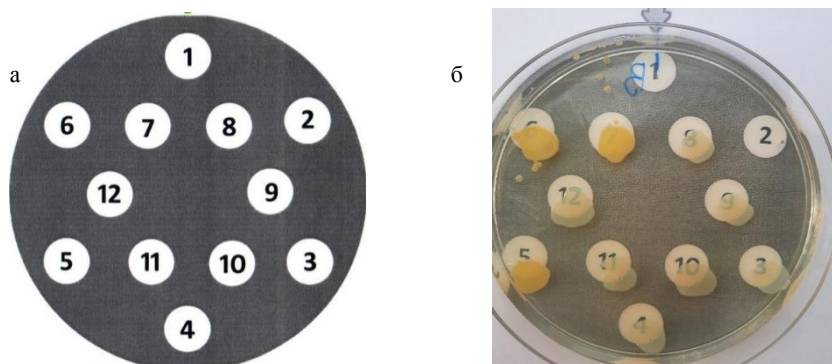
Для стандартизации инокулюма из суточных культур тестируемых микроорганизмов, выращенных на агарх Сабуро и МПА (мясопептонный агар), в стерильном изотоническом растворе хлорида натрия (физиологическом растворе) готовили бактериальные суспензии с оптической плотностью 1,0 МакФарланд (3×10^8 КОЕ/мл) для грибов и 0,5 МакФарланд ($1,5 \times 10^8$ КОЕ/мл) для бактерий. Использование оптической плотности по МакФарланду является стандартным методом для приготовления стандартизированного бактериального инокулюма.

По 5 мкл полученной суспензии вносили в лунки планшета, содержащие по 100 мкл серийных разведений экстрактов растений. Последнюю лунку, содержащую 100 мкл питательной среды и 5 мкл микробной суспензии, использовали для контроля роста. Контроль роста необходим для подтверждения жизнеспособности микроорганизмов в используемой среде и исключения влияния факторов, не связанных с тестируемыми экстрактами.

Планшеты инкубировали в термостате 24 ч при оптимальной температуре для роста используемых микроорганизмов – 35 °С. Поддержание постоянной температуры и времени инкубации является важным условием для обеспечения оптимального роста микроорганизмов и воспроизводимости результатов. Учет МПК проводили по отсутствию видимого роста микроорганизмов [3, с. 72], сравнивая опытные и контрольные лунки, а также лунки с неинокулированной питательной средой в камере для визуального считывания (зеркало + увеличитель) Thermo V4007. МПК определяли как наименьшую концентрацию экстракта, при которой отсутствует видимый рост микроорганизмов по сравнению с контролем роста.

После инкубирования проводился перенос содержимого лунок на чашки Петри с плотной питательной средой. Для этого использовали 10 мкл содержимого из каждой лунки [4, с. 63]. Перенос осуществлялся с помощью автоматического дозатора (пипет-дозатора) с одноразовыми стерильными наконечниками.

Содержимое каждой лунки переносилось на отдельный сектор чашки Петри в соответствии с разработанным шаблоном (рисунок 1, а). Шаблон обеспечивал четкую идентификацию каждого сектора, соответствующего определенной лунке микропланшета, что позволяло связать наличие или отсутствие роста бактерий с конкретной концентрацией экстракта (рисунок 1, б).



а – схема нанесения экстрактов; б – нанесение *Staphylococcus aureus* ATCC 29213

Рисунок 1 – Антимикробная активность экстрактов в отношении тест-культур микроорганизмов

После нанесения содержимого лунок на агаризованную среду чашки Петри инкубировались в термостате при температуре 35 °С в течение 24 часов. После инкубации проводилась визуальная оценка роста микроорганизмов в каждом секторе чашки Петри [5, с. 79].

Бактерицидный эффект экстракта определялся по отсутствию видимого микробного роста в соответствующем секторе чашки Петри. Это указывало на то, что экстракт в данной концентрации полностью уничтожил жизнеспособные бактериальные клетки, присутствовавшие в лунке микропланшета.

Бактериостатический эффект определялся по наличию роста в секторе, но при этом количество колоний было значительно меньше по сравнению с контрольными образцами (лунки без экстракта). В некоторых случаях критерием бактерицидного эффекта считалось наличие не более одной колонии микроорганизмов в секторе. Это указывало на то, что экстракт подавлял рост бактерий, но не смог полностью их уничтожить.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты определения МПК экстрактов растений представлены в таблице 1. Отмечена как противогрибковая активность экстрактов, так и противомикробная в отношении эталонных штаммов (МПК 9,75–2500 мкг/мл).

Таблица 1 – Концентрации экстрактов растений, подавляющих рост тест-микроорганизмов (мкг/мл)

Тест-штамм	МПК (мкг/мл)					
	Польнь обыкновенная	Ромашка аптечная	Пижма обыкновенная	Подорожник средний	Календула лекарственная	Тысячелистник обыкновенный
<i>Candida albicans</i> ATCC 10231	312	19,5	78	312	156	156
<i>Escherichia coli</i> ATCC 25922	2500	1250	78	625	1250	1250
<i>Pseudomonas aeruginosa</i> ATCC 27853	1250	1250	1250	625	625	1250
<i>Staphylococcus aureus</i> ATCC 29213	156	9,75	78	156	78	78

Таблица 1 представляет собой матрицу минимальных подавляющих концентраций экстрактов различных лекарственных растений в отношении четырех тестовых микроорганизмов. МПК выражены в мкг/мл. Чем ниже значение МПК, тем выше антимикробная активность экстракта.

Анализ активности экстрактов по отношению к *Candida albicans* показал, что наиболее активен экстракт ромашки аптечной (19,5 мкг/мл). Это свидетельствует о высоком противогрибковом потенциале ромашки, что может быть связано с наличием в ней активных компонентов, таких как хамазулен и бисаболол, известных своими противовоспалительными и антисептическими свойствами. Дальнейшие исследования механизма действия ромашки на *C. albicans* могут привести к созданию эффективных противогрибковых препаратов на основе ее экстракта.

Экстракты пижмы (78 мкг/мл), календулы (156 мкг/мл) и тысячелистника (156 мкг/мл) демонстрируют умеренную активность. Эти растения содержат различные биоактивные вещества, такие как флавоноиды, терпены и сесквитерпеновые лактоны, которые, вероятно, вносят вклад в их противогрибковую активность. Экстракты полыни и подорожника обладают наименьшей активностью против *C. albicans* (312 мкг/мл). Несмотря на относительно высокие значения МПК, их активность все же может быть значимой в сочетании с другими антимикробными агентами или при локальном применении в высоких концентрациях.

Анализ активности экстрактов по отношению к *Escherichia coli* показал, что наиболее активным является экстракт пижмы (78 мкг/мл). Это может быть связано с наличием в пижме туйона и камфоры, обладающих антибактериальными свойствами.

Экстракт подорожника также проявляет среднюю активность (625 мкг/мл). Известно, что подорожник содержит полисахариды и другие соединения, которые могут оказывать бактериостатическое действие.

Остальные экстракты, особенно экстракт полыни, демонстрируют значительно более высокие значения МПК (1250–2500 мкг/мл), что говорит о низкой активности против *E. coli*, что свидетельствует о том, что их компоненты менее эффективны в отношении данного микроорганизма. Необходимо отметить, что высокая концентрация МПК может также указывать на необходимость более эффективной экстракции активных соединений из растений или необходимость использования других методов для усиления их антибактериальной активности.

Анализ активности экстрактов по отношению к *Pseudomonas aeruginosa* показал, что экстракты подорожника и календулы проявляют наибольшую активность (625 мкг/мл). *P. aeruginosa* известна своей устойчивостью к многим антибиотикам, поэтому поиск альтернативных средств, таких как экстракты растений, для борьбы с этим микроорганизмом является особенно важным.

Экстракты полыни, ромашки, пижмы и тысячелистника имеют МПК 1250 мкг/мл, что свидетельствует о слабой активности, что требует дальнейших исследований для улучшения их эффективности против *P. aeruginosa*. Возможно, необходима модификация экстрактов или использование синергетических комбинаций с другими антимикробными агентами.

Анализ активности экстрактов по отношению к *Staphylococcus aureus* показал, что наибольшую активность проявляет экстракт ромашки (9,75 мкг/мл). Это очень хорошее значение МПК, свидетельствующее о высоком антибактериальном потенциале ромашки. Этот результат подтверждает традиционное использование её для лечения кожных инфекций и ран. Дальнейшие исследования могут быть направлены на идентификацию конкретных соединений в ромашке, ответственных за этот эффект.

Экстракты пижмы, календулы и тысячелистника демонстрируют умеренную активность (78 мкг/мл). Экстракты полыни и подорожника проявляют активность на уровне 156 мкг/мл.

Таким образом, ни один из протестированных экстрактов не обладает универсальной высокой активностью против всех микроорганизмов, что указывает на сложность и многокомпонентность взаимодействия растительных экстрактов с микроорганизмами [6]. Однако представленные данные демонстрируют перспективность использования экстрактов лекарственных растений в качестве источника антимикробных и противогрибковых веществ.

Для изучения бактерицидных свойств экстрактов лекарственных растений был проведен высев инокулята из планшетов, содержащих лунки с различными концентрациями экстрактов после определения МПК, на соответствующие участки чашек Петри с МПА. Этот метод позволяет определить, является ли подавление роста микроорганизмов обратимым (бактериостатическим) или необратимым (бактерицидным). Если после переноса инокулята на МПА рост микроорганизмов не наблюдается, это свидетельствует о том, что концентрация экстракта в лунке была бактерицидной.

Результаты определения минимальных бактерицидных (или фунгицидных) концентраций (МБК) экстрактов лекарственных растений, необходимых для полного уничтожения микроорганизмов, показаны в таблице 2.

Таблица 2 – Бактерицидные концентрации экстрактов лекарственных растений в отношении тест-штаммов микроорганизмов

Тест-штамм	МБК (мкг/мл)					
	Полынь обыкновенная	Ромашка аптечная	Пижма обыкновенная	Подорожник средний	Календула лекарственная	Тысячелистник обыкновенный
<i>Candida albicans</i> ATCC 10231	5000	10000	2500	5000	5000	5000
<i>Escherichia coli</i> ATCC 25922	2500	1250	1250	625	1250	1250
<i>Pseudomonas aeruginosa</i> ATCC 27853	1250	1250	1250	1250	2500	2500
<i>Staphylococcus aureus</i> ATCC 29213	156	156	156	312	312	312

Значения МБК в этой таблице, как правило, выше, чем значения МПК в таблице 1 (минимальные подавляющие концентрации), что закономерно, поскольку для уничтожения микроорганизмов обычно требуются более высокие концентрации, чем для простого подавления их роста. Это связано с тем,

что для достижения бактерицидного эффекта необходимо не только остановить рост и размножение микроорганизмов, но и повредить их структуру и функциональность, что требует большего воздействия антимикробных веществ.

Анализ данных таблицы 2 показал, что все экстракты демонстрируют относительно низкую бактерицидную активность в отношении грибка *C. albicans*, что может указывать на необходимость использования более высоких концентраций или комбинации экстрактов для эффективного подавления этого патогена. Наилучший результат показал экстракт пижмы (2500 мкг/мл), что делает его перспективным кандидатом для дальнейшего изучения в качестве противогрибкового средства. Остальные экстракты имеют МБК в диапазоне 5000–10000 мкг/мл, что указывает на слабую фунгицидную активность. Возможно, активные компоненты этих экстрактов неэффективно взаимодействуют с клеточной стенкой грибка или не достигают необходимых концентраций внутри грибковой клетки.

Анализ бактерицидной активности экстрактов по отношению к *E. coli* показывает, что экстракт подорожника демонстрирует наибольшую активность (625 мкг/мл), что делает его наиболее перспективным средством для борьбы с этой бактерией. Экстракты ромашки, пижмы и тысячелистника обладают умеренной активностью (1250 мкг/мл), что может быть достаточным для подавления роста *E. coli* при определенных условиях. Экстракт полыни требует более высокой концентрации для достижения бактерицидного эффекта (2500 мкг/мл), что может быть связано с наличием у *E. coli* определенных механизмов защиты от активных компонентов этого экстракта.

Активность всех экстрактов в отношении *P. aeruginosa* относительно низкая и находится в диапазоне 1250–2500 мкг/мл. *P. aeruginosa* известна своей устойчивостью к различным антимикробным агентам, что связано с наличием у нее развитых механизмов защиты, таких как образование биопленок и наличие эффлюксных насосов, выкачивающих антибиотики из клетки. Полученные результаты подчеркивают необходимость поиска новых подходов к борьбе с *P. aeruginosa*, возможно, с использованием комбинации экстрактов или их модификацией для повышения проницаемости через клеточную стенку бактерии.

Все экстракты, кроме подорожника, показывают очень высокую бактерицидную активность против *S. aureus* (156 мкг/мл). Это свидетельствует о наличии в этих экстрактах активных компонентов, эффективно уничтожающих *S. aureus*. Для подорожника МБК составляет 312 мкг/мл, что несколько уступает другим экстрактам, но все еще указывает на значительную антимикробную активность. Высокая чувствительность *S. aureus* к большинству изученных экстрактов делает их перспективными кандидатами для разработки новых антимикробных препаратов, особенно в контексте растущей проблемы устойчивости *S. aureus* к традиционным антибиотикам.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что экстракты лекарственных растений обладают различной бактерицидной активностью в отношении разных микроорганизмов. На эффективность экстрактов влияет как вид растения, так и вид микроорганизма. Более того, значения МБК, как правило, выше, чем значения МПК, что подтверждает закономерность, согласно которой для уничтожения микроорганизмов требуется более высокая концентрация, чем для простого подавления их роста.

Представленные данные подчеркивают важность дальнейших исследований растительных экстрактов как потенциального источника новых антимикробных и противогрибковых средств. Комплексный подход, включающий идентификацию активных соединений, изучение механизмов действия и проведение клинических испытаний, позволит в полной мере раскрыть терапевтический потенциал лекарственных растений в борьбе с инфекционными заболеваниями. Также перспективным направлением является изучение синергического эффекта при комбинации различных экстрактов, что может позволить снизить концентрацию каждого отдельного экстракта и повысить общую эффективность лечения.

Заключение

1. Определены минимальные подавляющие концентрации экстрактов лекарственных растений, произрастающих на территории Мозырского района, Гомельской области в отношении эталонных штаммов *C. albicans* ATCC 10231, *S. aureus* ATCC 29213, *E. coli* ATCC 25922, *P. aeruginosa* ATCC 27853 методом последовательных разведений в бульоне. Установлен диапазон МПК для ромашки от 9,75 до 1250 мг/л; для полыни – от 156 до 5000 мг/л; для пижмы – от 156 до 250 мг/л; для подорожника, календулы и тысячелистника – от 312 до 5000 мг/л. Экстракт ромашки аптечной обладает наиболее широким спектром активности, проявляя высокую активность как против гриба *C. albicans*, так и против бактерии *S. aureus*. Экстракт пижмы обыкновенной обладает высокой активностью

в отношении *E. coli*. Экстракты подорожника и календулы проявляют умеренную активность против *P. aeruginosa*.

2. Изучены бактериостатические и бактерицидные свойства лекарственных растений в экспериментах *in vitro*. Выявленная активность экстрактов в отношении *C. albicans* преимущественно фунгистатическая, а не фунгицидная. Экстракт подорожника обладает высокой бактерицидной активностью против *E. coli* (625 мкг/мл), что может быть полезно для борьбы с этим распространенным патогеном. Однако его активность против других микроорганизмов относительно невысока. Все экстракты проявляют высокую бактерицидную активность против *S. aureus*, что делает их перспективными для разработки средств для борьбы с этим патогеном.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Айрапетян, Э. Э. Разработка методики количественного определения суммы флавоноидов в полыни метельчатой траве / Э. Э. Айрапетян, В. Н. Леонова, Д. А. Коновалов // Человек и его здоровье. – 2022. – Т. 25, № 2. – С. 105–112.
2. Ибрагимова, А. М. Получение экстрактов некоторых видов растений и их значение / А. М. Ибрагимова // Интернаука. – 2024. – № 43–1 (360). – С. 23–25.
3. Тапальский, Д. В. Антибактериальная активность официальных лекарственных растений в отношении экстремально-антибиотикорезистентных грамотрицательных бактерий / Д. В. Тапальский, Ф. Д. Тапальский // Проблемы здоровья и экологии. – 2015. – № 4 (46). – С. 69–74.
4. Антимикробная и противогрибковая активность экстрактов лишайников, распространенных на территории Беларуси / Д. В. Тапальский, Д. Р. Петренев, О. М. Храмченкова, А. С. Дорошкевич // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. – 2017. – № 2. – С. 60–65.
5. Тапальский, Д. В. Антибактериальные свойства растительных экстрактов и их комбинаций с антибиотиками в отношении экстремально-антибиотикорезистентных микроорганизмов / Д. В. Тапальский, Ф. Д. Тапальский // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». – 2018. – № 1. – С. 78–83. – DOI 10.21626/vestnik/2018–1/12.
6. Петровская, Д. Антимикробная и противогрибковая активность экстрактов лекарственных растений / Д. Петровская // От идеи – к инновации : материалы XXXII Междунар. студ. науч.-практ. конф., Мозырь, 25 апр. 2025 г. : в 3 ч. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: И. О. Ковалевич (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2025. – Ч. 3. – С. 171–173.

Поступила в редакцию 08.09.2025

E-mail: gala-nekrasova@yandex.ru;
tuzhik84@mail.ru

D. A. Petrovskaya, G. N. Nekrasova, T. A. Petrovskaya, V. I. Zakrzhevskaya

ANTIMICROBIAL AND ANTIFUNGAL ACTIVITY OF MEDICINAL PLANT EXTRACTS INDIGENOUS TO MOZYR DISTRICT

The article analyzes the use and antimicrobial activity of medicinal plant extracts. Studies have been conducted to determine the antimicrobial and antifungal activity of six medicinal plant extracts growing in the Mozyr district of the Gomel region. Based on the obtained results, recommendations for the application of plant extracts have been proposed.

Keywords: plant extracts, bioactive substances, antimicrobial and antifungal activity.

ПЕДАГОГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 373.24

H. Nassar

PhD Student of the Department of Pedagogy, Mozyr State Pedagogical University

Named after I. P. Shamyakin, Mozyr, the Republic of Belarus

Scientific adviser: Chekina Alena Valentinovna, Candidate of Science in Pedagogy, Associate Professor

THE DEVELOPMENT OF ARABIC LANGUAGE COMPETENCIES IN ISRAELI SECONDARY SCHOOL STUDENTS THROUGH GAMIFICATION: APPLIED ASPECTS

The educational reality reveals a decline in the level of Arabic language competence among Israeli school students. This study aims to show the way of enhancing the Arabic language competence of seventh-grade students in Arab schools in Israel through a gamification educational model. The model was applied to a sample of students divided into four groups, using an interactive virtual environment (Hayacities on the Roblox platform). The results of the pre-tests revealed a severe weakness in Arabic language competence standards, linked to the absence of a positive emotional connection with the language. Furthermore, the application of the model demonstrated a clear improvement in competence and motivation levels, proving that gamification is a methodological approach capable of bringing about a fundamental transformation in language learning.

Keywords: Arabic language competence, motivation, gamification.

Introduction

Mother tongue is more than just a means of communication; it is an expression of identity and belonging, and a fundamental component in shaping the cultural and cognitive self, especially in multilingual and multi-identity societies, such as the Arab community in Israel. However, the educational reality reveals a worrying decline in the level of Arabic language competence among secondary school students. This decline is the result of several intertwined factors, most notably the weak presence of standard Arabic in daily life, traditional teaching practices, and a lack of motivation.

Competence is central to language teaching. It is defined as a dynamic system with a complex structure that includes specific criteria that grow and interact, rather than being static. These criteria can be developed through experimentation and appropriate educational context. From this perspective, the need for non-traditional educational tools emerges. Here, gamification enters the picture as an innovative educational tool based on game elements such as challenges, points, levels, goals, and immediate feedback. It relies on transforming the learning environment into a stimulating and collaborative one. Some studies [1; 2] have demonstrated that gamification enhances attention and confidence and increases learning motivation. Based on the above, this study aimed to show the way of developing the language competence of seventh-grade students in Arab secondary schools in Israel through a gamified educational model. This model is based on an interactive virtual environment (Hayacities via Roblox) that focuses on developing language skills and learning motivation.

Research methods and methodology

As part of the current study, a comprehensive pretest was administered to a sample of 200 seventh-grade students, divided into 100 students in the experimental group and 100 students in the control group. The test measured their language competence in reading, comprehension, grammar, morphology, writing, vocabulary, and semantics. This test was constructed according to criteria inspired by the international PISA test [3].

Research results and discussion

The reading assessment consisted of several elements: comprehension and retrieval, integration and interpretation, reflection and evaluation, vocabulary and lexicon, pragmatics, semantics, grammar and syntax, and morphology. The findings imply similar competence on all reading tests for both groups (Table 1). In the interventional group, the mean score for understanding and retrieval was 14.75 (SD = 3.50), and in the control group it was 14.59 (SD = 3.26), so producing an overall mean of 14.67 (SD = 3.37). Whereas the control group

showed a mean of 7.54 (SD = 2.55), the interventional group showed a mean of 7.53 (SD = 2.62), so producing an overall mean of 7.53 (SD = 2.58). The results show no appreciable variation in participants' capacity to interpret and combine textual material. Whereas the mean score of the control group was 7.24 (SD = 3.43), the interactive group showed a mean score of 7.89 (SD = 3.30) for reflection and evaluation. The mean across all was 7.56 (SD = 3.37). In the Vocabulary and Lexicon domain, the interactive group scored 2.23 (SD = 1), while the control group recorded 2.29 (SD = 0.92), so producing an overall mean of 2.26 (SD = 0.96). The assessment of pragmatic competence produced mean scores of 2.06 (SD = 1.19) for the intervention group and 2.22 (SD = 1.19) for the control group, so producing an overall mean of 2.14 (SD = 1.16). While the control group scored 1.62 (SD = 1.19), the interventional group showed a mean Semantics of 1.65 (SD = 1.20), so producing an overall mean of 1.64 (SD = 1.19). Whereas the control group received a mean score of 3.45 (SD = 2.1), the interventional group achieved a mean score of 3.35 (SD = 2.10), so producing an overall mean of 3.40 (SD = 2.15). In the intervention group, the mean score for morphological awareness was 4.53 (SD = 2.24); in the control group, it was 4.90 (SD = 2.21). The overall mean was 4.71 (SD = 2.21).

Table 1 – Test scores

Variables	Interventional		Control		Total	
	M	SD	M	SD	M	SD
Reading						
Understanding and retrieval	14.75	3.50	14.59	3.26	14.67	3.37
Integration and interpretation	7.53	2.62	7.54	2.55	7.53	2.58
Reflection and evaluation	7.88	3.30	7.24	3.43	7.56	3.37
Vocabulary and lexicon	2.23	1	2.29	0.92	2.26	0.96
Pragmatics	2.06	1.19	2.22	1.14	2.14	1.16
Semantics	1.65	1.20	1.62	1.19	1.64	1.19
Grammar and Syntax	3.35	2.10	3.45	2.21	3.40	2.15
Morphology	4.53	2.24	4.90	2.17	4.71	2.21
Writing						
Content	6.51	2.27	6.86	2.57	6.69	2.43
Language	4.37	1.43	4.58	1.85	4.48	1.65
Structure	2.65	0.85	2.78	1.13	2.71	1

The writing assessment included three elements: content, language, and structure. The interventional group exhibited a mean score of 6.51 (SD = 2.27), whereas the control group demonstrated a mean of 6.86 (SD = 2.57), resulting in an overall mean of 6.69 (SD = 2.43). This shows in the control group a somewhat higher but non-statistically significant content competence. While the control group scored 4.58 (SD = 1.85), the interventional group had language competence scores of 4.37 (SD = 1.43), so producing an overall mean of 4.48 (SD = 1.65). A t-test indicated a statistically significant difference in language competence ($t = 29.101$, $p < 0.001$), demonstrating a meaningful distinction between the two groups. The interventional group exhibited a mean score of 2.65 (SD = 0.85) for structural competence, while the control group had a mean score of 2.78 (SD = 1.13), resulting in an overall mean of 2.71 (SD = 1.00). A t-test indicated a statistically significant difference in structural competence ($t = 21.539$, $p = 0.001$), underscoring minimal yet meaningful differences between the groups.

These results indicate a clear weakness, which can be explained by students' difficulty understanding meanings in different contexts, as well as difficulty using language and critically evaluating texts – a skill essential for developing analytical thinking. The results also point to weak grammar, which negatively impacts the production of correct sentences, as well as comprehension and expression.

Results (table 2) display the baseline assessment of motivation-related subscales for the interventional and control groups, offering a comparative overview of their initial motivation levels prior to any intervention. The attention subscale indicates comparable mean scores for the interventional group (M = 37.97, SD = 8.93) and the control group (M = 40.33, SD = 7.89), with the interventional group exhibiting slightly greater variance (79.68 vs. 62.29). This suggests a marginally broader spectrum of attention levels among the interventional group. The relevance subscale shows similar outcomes, with the interventional group scoring M = 29.98 (SD = 5.68) and the control group M = 30.53 (SD = 4.99), indicating minimal variability between the groups. The same similarity was observed in the confidence subscale, with the interventional group scoring M = 30.66 (SD = 5.45) and the control group scoring M = 32.17 (SD = 5.37).

Table 2 – Instructional Materials Motivation scale and subscales description

Scale / subscale	Group	M	Sd	Variance	Min	Max	P ²⁵	P ⁵⁰	P ⁷⁵
Attention	Interventional	37.97	8.93	79.68	18	53	34	38	46
	Control	40.33	7.89	62.29	18	57	35	40.75	46
	Total	39.16	8.48	71.99	18	57	34	39	46
Relevance	Interventional	29.98	5.68	32.30	16	39	25	31	34
	Control	30.53	4.99	24.88	19	44	27	31	34
	Total	30.25	5.34	28.50	16	44	27	31	34
Confidence	Interventional	30.66	5.45	29.69	17	44	27	31	34
	Control	32.17	5.37	28.88	21	42	28	32	36.75
	Total	31.41	5.45	29.71	17	44	28	32	35
Satisfaction	Interventional	19.66	5.31	28.18	8	29	15	20	24
	Control	21.01	4.95	24.51	7	29	18.25	22	25
	Total	20.34	5.16	26.66	7	29	16	21	24
Total IMMS	Interventional	118.26	23.03	530.55	62	165	98.50	120	136
	Control	124.03	20.09	403.50	71	168	110	126.25	139
	Total	121.16	21.74	472.70	62	168	106	123	139

The satisfaction subscale clearly shows a difference; the mean score ($M = 19.66$, $SD = 5.31$) of the intervention group is lower than that of the control group ($M = 21.01$, $SD = 4.95$). The statistically significant ($t = 56.153$, $p = 0.001$) observed difference indicates that the control group first expressed more satisfaction with their educational opportunities. Indicative of general motivation, the total IMMS score is lower in the interactive group ($M = 118.26$, $SD = 23.03$) than in the control group ($M = 124.9$, $SD = 20.09$), so displaying a rather larger variance (530.55 vs. 403.50). The control group demonstrated a statistically significant difference ($t = 128.465$, $p = 0.002$) in baseline motivation.

These results reflect that students suffer not only from weak Arabic language competence, but also from a lack of emotional connection to the language. The results demonstrate a clear decline in the intrinsic motivation to learn Arabic, particularly in students' sense of connection and benefit from it. This motivates the implementation of a gamification-based educational model that rebuilds their relationship with the language, revitalizes it in their consciousness, and helps them acquire it through interactive and enjoyable methods.

The study developed a six-stage educational model, along with technical and psychological preparation for both teachers and students, aimed at developing competence in the Arabic language.

1. Preparatory Stage: to measure students' level of competence in the Arabic language and determine criteria for student motivation to learn Arabic.

Test and Questionnaire

A test was designed according to standards like the PISA test. The test includes a variety of texts followed by questions on competence criteria, such as comprehension, analysis, interpretation, and evaluation, as well as vocabulary, grammar, and writing. Additionally, the IMMS Student Motivation Scale [4] was used to assess students' motivation to learn Arabic and measure their interest, sense of appropriateness, confidence, and satisfaction.

Students had 90 minutes to complete the test and 20-30 minutes to complete the questionnaire.

Students took the test and questionnaire in September, at the beginning of the school year.

Results, Analysis and Student Participation

The test and questionnaire results were entered into Excel, arranged in tables according to competence criteria, and then analyzed in-depth in SPSS. This program demonstrated the level of each competence criterion and determined the motivation across all its items.

Sharing results with students is an integral part of the teaching and learning process. The goal is not to inform students of numbers and grades, but rather to encourage them to understand these results. The teacher shared the results with the students in an interactive classroom session lasting two classes, or 90 minutes. Using the Classroom program, the teacher and students identified strengths and weaknesses and developed a deeper understanding of the educational context. The students used visual analysis.

At the end of the session, the teacher asked all students to keep their own analyses in their learning files in their portfolios, for reference in the next stages of the model. These maps serve as a reference, allowing students to track their progress and continually review their strengths and weaknesses throughout the learning process.

Presenting the Objectives

Objectives: After presenting the results, analysis, and student participation, the teacher clearly, sequentially, and systematically presented the educational objectives, and addressed the students, highlighting areas for improvement.

Suggestions: The students were motivated, and increased participation and interaction among them to achieve their goals. The teacher suggested gamification tools they would prefer to use, with the most prominent and requested being Roblox.

After the first stage and sharing the results with the students, the students were informed and aware of their results and defined their educational goals. They are psychologically and educationally prepared to embark on a new educational experience within an unconventional, interactive environment.

2. Initiation Stage: to prepare students technically and psychologically for the new educational experience.

School System and Application Timeline

The teacher arranged the application phases according to the school schedule, taking into account official holidays and special activities such as school trips and weddings, which are common in May, June, and Ramadan. The main outlines were as follows:

- Initial test and questionnaire: In September, at the beginning of the school year.
- Final test and questionnaire: At the end of May and the beginning of June, before students were busy with extracurricular activities and Eid al-Adha.
- Other gamification phases were distributed flexibly between these periods to ensure continuity despite holidays, Eid, and Ramadan.
- Students: While the teacher was arranging the implementation of the model, students prepared to use the agreed-upon educational game (Roblox Hayacities) by choosing the devices they would use: a computer, phone, iPad, or tablet.

Technical update and personal account creation

The teacher:

- Demonstrated how to download the educational game (Roblox Hayacities) in various ways.
- A written user guide was also provided explaining how to download the game, create an account, and log in, with clear and easy steps.
- Check the internet status for weak internet, device problems, or installation errors.

Students:

- Downloaded the game on their chosen devices, and the teacher reminded students to check their storage space and internet speed.
- If they encountered technical problems, the teacher was present at all times.
- Students followed up on choosing strong passwords for account security.
- Each student was free to choose a username that reflected their personality or interests, while respecting the game rules. They also chose a personalized avatar for their character in the game.

Stimulating enthusiasm and explaining the game's mechanics.

The teacher:

- Dedicated a lesson to a live demonstration of the game to the students, focusing on educational objectives and fun, how to interact, collecting points, registering names on the leaderboard, and strategies for dealing with the challenges within the game.
- The teacher played the first round of the game with the students, explaining the steps to progress and how to solve the challenges.

Students:

- Watched the teacher's presentation of the game, and their experience of it excited them, especially when they chose avatars to represent them.
- They kept the user's manual to understand the basic rules and how to progress through the levels.
- They began with initial in-game experiences to explore the game, learn how to play, and understand the gameplay.

From the second to the third stage, with the completion of technical and psychological preparations and the readiness to dive into the next stage, students are ready to discover educational cities and begin learning through self-exploration and free interaction.

3. Exploration Stage: to move on to the actual application of the gamification model.

Initial Exploration and Familiarization with the Map:

Students received a message from their grandparents as they begin the game. They then discovered that the game contains a map of six Arab cities: their own, their parents', and their grandparents', each represents a learning station. They were asked to complete each city's challenges in sequence according to the map.

Students expressed their happiness when they noticed that the challenges in each city covered the language skills, they were currently studying in the Arabic language curriculum, which increased their sense of realism and practicality of the experience.

The challenges were arranged in the six cities:

1. The first city:

Included grammatical challenges on the types of nouns, plurals, and a Quranic text for reading comprehension.

The students were required to collect cards containing scattered words and classify them according to their types.

2. The second city:

Focused on reading comprehension of another type of text, namely stories, identifying the main idea and sub-ideas, and introduced them to another grammar material according to the curriculum.

3. The Third City:

It contained another type of text: informational text, linguistic puzzles related to written expression, where they were asked to complete incomplete sentences and various skills such as comparison. Another grammar lesson was also included, corresponding to what they had learned.

As they progressed through the cities, students noticed that the challenges increased in difficulty.

Self-exploration and Independent Interaction:

The teacher:

Remains a guide, encouraging, and non-interfering, asking guiding questions to promote thinking.

Feedback from the teacher:

This took the form of subtle hints and constant encouragement:

– Well done in the first city! Did you notice the grammatical patterns changing in the subsequent cities?

The students:

In this stage, curiosity and exploration were fostered. The students independently managed their progress within the game, making individual and group decisions to solve challenges.

Finally, this stage reflected the practical essence of the gamification model, where Students tested their ability to explore, analyze, and work collaboratively within a virtual world that mimicked their real-life learning journey. They felt a strong connection between the in-game challenges, the curriculum, and reality, making learning a vivid and engaging experience.

To a stage with deeper challenges, exchange of strategies, strengthening of problem-solving skills, and enhanced group cooperation in which critical thinking skills and social interaction are developed in a realistic educational environment.

4. Application Stage: to enhance students' application of competencies, encourage greater teamwork, and create positive social interaction through the exchange of solutions and ideas, and collaborative work to overcome challenges.

The teacher:

Their role is to foster collaboration among students:

– Activate a group dialogue window within the game to exchange ideas and experiences.

– Encourage students to think as a group, not as individuals:

– Think about how to exchange methods.

– Provide simple hints to guide their collective thinking.

– Provide illustrative links or a simple explanation when students encounter difficulty with a grammatical topic.

The teacher increases social interaction:

– Set aside time at the end of the challenges for students to share their gaming experiences outside of Arabic to foster friendly relationships.

– Use a leaderboard to stimulate interaction and encourage students to continue playing and discussing.

– Implement challenges and puzzles:

– In addition to providing ongoing feedback as students progress, the teacher monitor the strategies they use and guide them, when necessary, to develop alternative solutions.

– Encourage them to adjust their strategies to accommodate the increasing difficulty of the challenges.

Students:

Enhancing collaboration:

– Work in groups or pairs, discuss challenges, and exchange solutions.

– They observe the increasing difficulty of the challenges as they progress.

– They adjust their strategies based on the feedback they receive.

– They apply their language competence to solve new problems and learn how to make decisions under pressure in the game.

After the stages in which students gradually advanced their skills, they now possess cognitive tools and interactive experiences that qualify them to advance to a higher level of collective thinking and planning.

5. Consolidation Stage: to a higher level of challenges that require strategic planning, conscious group decision-making, and the development of advanced thinking and self-learning skills.

The teacher:

- Announces and celebrates students' achievements in front of the class.
- Organizes a short session to present and share experiences and learning challenges.
- Provides specific, positive feedback.
- The teacher encourages students to think about the future and setting new goals.
- Presents more challenging challenges and demonstrates the importance of time management.
- Allows students to plan and make group decisions, with immediate support to improve strategies.

* Students:

Students express pride in their accomplishments and thank each other.

– They discuss the challenges they faced and how they overcame them through strategies, thinking, and problem-solving techniques.

- They use feedback to improve performance.
- They plan collectively, assign roles, and develop strategies to solve challenges.
- They reevaluate their plans after each challenge and adjust them as needed.

To the final stage, to evaluation, reflection and achievement, examining the extent to which students' competencies have developed compared to what they were at the beginning of the model.

6. Reflection and Evaluation Stage: measuring the extent of development in their linguistic competencies and level of motivation after completing their journey.

The teacher:

– Re-administers the same test administered in the preparatory stage to measure competence development.

- Distributes the Motivation Survey (IMMS) again to measure changes in student enthusiasm.
- Analyzes the results using statistical tools such as SPSS to compare pre- and post-test competence.
- Reviews the students' performance at each stage of the model, identifying areas of strength and weakness.

– Presents certificates of participation and appreciation to each student who completed the gamified journey.

- Holds a group evaluation session to discuss key observations and suggestions with the students.

Students:

– Took the final exam and completed the questionnaire for a second time.

– Discuss with their teacher and classmates the challenges they faced and the stages of the model that benefited them most.

– Expressed their opinions about the experience and made suggestions for improvement should the model be implemented in the future.

– Receive their certificates and shared their feelings of pride and accomplishment with their classmates.

– The visual summary of the 6-stage gamification model can be based on key components by stage (Table 3).

Table 3 – Key components per stage

Stages	Key components for practical implementation
Preparatory Stage	Pre-tests (PISA-like, IMMS). Student self-analysis → Goal-setting. Teacher introduces gamification (e.g., Roblox).
Initiation Stage	Technical setup (download Roblox, create avatars). Teacher demo + user guide. Schedule alignment (school calendar).
Exploration Stage	Students explore "Hayacities" map (6 Arab cities = learning stations). Challenges: Grammar, reading, puzzles (aligned with curriculum). Teacher as guide (minimal interference).
Application Stage	Collaborative challenges (group problem-solving). Teacher fosters discussion (hints, leaderboard). Adjust strategies for difficulty progression.
Consolidation Stage	Advanced challenges (strategic planning, time management). Celebrate achievements + group reflection.
Reflection & Evaluation Stage	Post-tests (competence/motivation). Compare pre/post results (SPSS analysis). Certificates + feedback session.

While the study clearly outlines the positive outcomes of gamification in improving Arabic language competencies and motivation, the post-test results are not presented in the same detailed statistical format as the pre-test data (e.g., means, SDs, or comparative tables). This omission stems from the article's focus on methodological innovation and qualitative insights – such as student engagement and the six-stage model – rather than exhaustive quantitative reporting. The post-test was conducted and analyzed, albeit without granular numerical disclosure. Future research could enhance transparency by including full pre-post comparisons to strengthen empirical validation.

Conclusion

The application of the "Hayacities" gamification model highlights that developing Arabic language competence depends not only on content, but also on a learning environment that interacts with the student and considers them as active participants in the learning process, rather than as mere recipients. By employing gamification in a systematic way that integrates language challenges into a virtual space resembling the student's world, this model has enabled the development of the relationship with the language, making Arabic a field of discovery, dialogue, play, and belonging. It has also made addressing linguistic deficiencies – whether in comprehension, expression, or syntax-possible, while simultaneously enhancing students' motivation to learn and giving them a sense of empowerment and control. Student participation within the game has also demonstrated that collaborative learning grows naturally in a safe and stimulating environment.

Ultimately, gamification can connect students to their language, make language an existential part of their lives, develop their competence, and improve their motivation through a dynamic learning journey.

REFERENCES

1. Hommed, A. A new look at Keller's model of motivational design (ARCS), an applied model / A. Hommed // Education in the Arab world towards a distinctive educational system. – 2018. – № 3. – P. 101–117.
2. From Game Design Elements to Gamefulness: Defining "Gamification" / S. Deterding, D. Dixon, R. Khaled, L. Nacke // Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference : Envisioning Future Media Environments, MindTrek 2011 (28–30 Sep., 2011, Tampere, Finland). – New York : ACM, 2011. – P. 188–190.
3. Perez, M. L. Development of PISA-Like Reading Comprehension Test / M. L. Perez, R. J. Rodriguez // International Journal of Knowledge Management and Practices. – 2023. – Vol. 11, № 2. – P. 120–128.
4. Keller, J. M. Motivational Design for Learning and Performance: The ARCS Model Approach / J. M. Keller. – New York : Springer, 2010. – 283 p.

Поступила в редакцию 02.10.2025

E-mail: p.d.n.92@hotmail.com

Г. Нассап

РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ У УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ ШКОЛ ИЗРАИЛЯ СРЕДСТВАМИ ГЕЙМИФИКАЦИИ: ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Современные реалии образования демонстрируют снижение уровня владения арабским языком среди израильских школьников. Данное исследование направлено на реализацию задачи совершенствования компетенций в области владения арабским языком у учащихся седьмых классов, обучающихся в арабских школах Израиля, с использованием образовательной модели геймификации. Модель была апробирована в Израиле на выборке учащихся, разделенных на четыре группы, с использованием интерактивной виртуальной среды (платформа Hayacities на базе Roblox). Результаты предварительного тестирования выявили серьезные пробелы в уровне владения арабским языком, что связано с отсутствием позитивной эмоциональной связи с языком. Применение модели продемонстрировало значительное улучшение как языковых компетенций, так и уровня мотивации к изучению языка, подтверждая, что геймификация представляет собой методологический подход, способный осуществить фундаментальную трансформацию процесса изучения языка.

Ключевые слова: компетентность в арабском языке, мотивация, геймификация.

УДК 373.24

K. Saadi

PhD Student of the Department of Pedagogy, Mozyr State Pedagogical University

Named after I. P. Shamyakin, Mozyr, the Republic of Belarus

Scientific adviser: Chekina Alena Valentinovna, Candidate of Science in Pedagogy, Associate Professor

REDUCING THE NEGATIVE IMPACT OF SCREEN TIME ON PRESCHOOLERS' SPEECH COMPETENCE: A PRACTICAL INTERVENTION MODEL

This study examines the impact of excessive screen time on preschoolers' speech development and proposes a practical intervention model implemented in Israel. Using a quasi-experimental design with 200 children aged 3–6, the research highlights concerning trends: 95% of participants used gadgets daily, 35% starting by the age of two, and 27.5% of parents reported negative effects of gadgets on their children's verbal expression. Pre-test results showed a modest level in storytelling skills (the control group: 7.45 and the intervention group: 6.69 mean scores). The intervention involved collaborative efforts between teachers and parents, including structured screen time limits, educational apps, and workshops, and increased parental engagement (88.5% adopted screen time rules). Challenges included low workshop attendance, addressed via Zoom sessions. The study underscores the need for balanced technology use, digital literacy training for parents, and longitudinal research to assess long-term effects. The model advocates for community-wide strategies to foster healthy language development in the digital age.

Keywords: speech competence, preschool children, gadget use, screen time, an intervention model.

Introduction

In today's digital age, children's use of electronic gadgets has become common, resulting in a significant increase in gadgets time. This phenomenon is particularly prominent in modern societies where technology use is considered a part of daily life. According to the American Academy of Pediatrics (AAP) in 2017, there are significant gaps in parent and teacher awareness about the impact of screen time on children's development. Existing research highlights the intense presence of technology in children's lives during early childhood, with interaction with gadgets becoming a dominant activity for preschoolers [1]. Our findings confirm this: 95% of children in the study used gadgets daily, which may raise concerns for their speech, social, and psychological development. According to the study by Novianti et al., there is a need for clear and specific recommendations to help parents and teachers effectively monitor children's gadget use [3].

Studies indicate that the quality of the content used plays a pivotal role in the impact of electronic gadgets, while the family environment and parenting practices can mitigate negative effects. For example, co-viewing with caregivers and parents' choice of high-quality educational programs are associated with improved language outcomes for children [2]. Therefore, it remains important to identify the optimal interaction children need with electronic gadgets and direct it towards supporting the development of their verbal proficiency, especially in light of studies confirming that appropriate content can help overcome developmental difficulties in children [5].

Research methods and methodology

In the current study, the researcher used a pre-test quasi-experimental design. Pre-test designs are employed in assessments of participants' attitudes or perceptions regarding an occurrence [6].

We recruited 200 children (aged 3–6) from 8 randomly selected kindergartens in Kafr Manda, Israel, using a multistage sampling technique. This age group represents a critical window for speech development, allowing us to assess how screen time affects emerging language skills.

In this study a Multistage sampling technique was utilized to select population in succession from bigger to smaller groups. When the population is big, using this technique is an excellent choice as it is affordable and feasible [4].

Sampling: For this study, 8 Kindergartens were chosen randomly out of 35 in Kafr Manda's ones, using a computerized system technique. The kindergartens were stratified based on size and type, enabling the selection of a representative sample that reflects the diversity present in the community. This selection aimed to enhance the representativeness and generalizability of the findings across similar settings.

Practical Application of the Model

Our proposed model was implemented in kindergartens, with WhatsApp groups used as the primary communication tool between teachers and parents. Additionally, some classes with children were conducted

remotely via Zoom. This facilitated greater participation and effective interaction. The model was implemented over a nine-month period, with interventions conducted 2–3 times per month as needed. During this period, children's progress and teachers' feedback were periodically assessed.

Module 1 of the educational work with children focused on the use of technological tools in everyday activities. We organized workshops to familiarize teachers with how to effectively integrate these tools into children's activities. The strategy was divided into several elements, including setting time limits for electronic device use: children were allowed to use them for no more than 15 minutes per day, with specific time limits specified. We also established rules of conduct regarding respect and cooperation when using gadgets, and identified activities that involve integrating gadgets, such as educational events and art projects.

Regarding content monitoring, educational apps and programs were selected to promote language development, with teachers trained to guide children in selecting appropriate content. Some apps were selected that allowed us to control their content, such as "Tiny Tap" for teaching vocabulary and improving speech clarity, and "World wall" for storytelling. A committee of teachers and parents was formed to select apps based on interactivity and content quality criteria.

Module 2 addresses the importance of ongoing communication with parents, through the establishment of regular communication channels such as newsletters, meetings, and workshops. Parents were educated about managing screen time and the impact of gadget use on children's development, and were provided with advice and support in implementing appropriate activities at home.

Parent workshops were also developed, focusing on managing electronic gadget use, and support programs were provided that included reliable information on general health and child development. Children's pronunciation proficiency was assessed, and individualized plans were developed for each child based on their needs. This fosters collaboration between parents and teachers to improve children's language and pronunciation skills.

Support and assistance programs were provided, with reliable information on general health, child development, and speech proficiency, including guidelines on the positive use of gadgets. Electronic brochures and resources were provided, including tips on best practices for using monitoring devices. Monthly newsletters were created on social media groups to share ideas and tips on gadget use.

A support group was also created for parents, where they could share their experiences, challenges, and solutions related to managing gadgets time. Through these groups, many qualitative insights were highlighted from parents' discussions, where common challenges emerged, such as understanding gadgets time-control apps, balancing digital and physical activities, and selecting appropriate content. At the same time, successful strategies were shared, such as participating in alternative activities, limiting gadgets time, and collaborating with families to share ideas and resources.

Research results and discussion

Pre-test results show some concerning trends regarding children's screen time habits and speech proficiency. As shown in Table 1, nearly all children (95%) were exposed to daily screen time, with 35% starting as early as age two. This aligns with global trends of increasing gadget use among toddlers (Madigan et al., 2020). Interestingly, 35% of these children began using gadgets by age two, reflecting concerns about early exposure to technology and its potential developmental effects. The data reveal that 67.5% of children spend one to two hours per day, using their devices. Their screen time is excessive, and its impact on psychological and physical health may be harmful. Furthermore, 27.5% of parents reported that device use negatively impacted their children's ability to express thoughts and feelings verbally. Those facts highlight the mentioned problem of excessive device use by children, which impact their ability to express themselves verbally. All this calls for optimization of technology use.

Table 1 – Description of Gadget Usage Time

Variables		Control		Intervention		Total	
		n	%	n	%	n	%
Does my child use gadgets?	Yes	95	95.00	95	95.00	190	95.00
	No	5	5.00	5	5.00	10	5.00
My child started watching gadgets at the age of...	1 years	10	10.00	9	9.00	19	9.50
	2 years	37	37.00	33	33.00	70	35.00
	3 years	43	43.00	45	45.00	88	44.00
	4 years	9	9.00	13	13.00	22	11.00
	5 years	1	1.00	0	0.00	1	0.50

Table 1 (cont'd)

My child's screen time (daily average) is ...	< 1 hrs.	19	19.00	26	26.00	45	22.50
	1–2 hrs.	68	68.00	67	67.00	135	67.50
	2–4 hrs.	10	10.00	6	6.00	16	8.00
	>4 hrs.	3	3.00	1	1.00	4	2.00
In my opinion, the appropriate amount of time for a child to use gadgets during the day is...	< 1 hrs.	65	65.00	53	53.00	118.00	59.00
	1–2 hrs.	34	34.00	47	47.00	81	40.50
	2–4 hrs.	1	1.00	0	0.00	1	0.50
	>4 hrs.	0	0.00	0	0.00	0	0.00
Used devices							
TV	Yes	89	89.00	90	90.00	179	89.50
	No	11	11.00	10	10.00	21	10.50
Smartphones	Yes	71	71.00	59	59.00	130	65.00
	No	29	29.00	41	41.00	70	35.00
Computer	Yes	14	14.00	24	24.00	38	19.00
	No	86	86.00	76	76.00	162	81.00
Tablets such as iPads and tablets	Yes	39	39.00	31	31.00	70	35.00
	No	61	61.00	69	69.00	130	65.00
Video games	Yes	15	15.00	24	24.00	39.00	19.50
	No	85	85.00	76	76.00	161.00	80.50
Electronic devices content							
Educational programs	Yes	71	71.00	77	77.00	148	74.00
	No	29	29.00	23	23.00	52	26.00
YouTube	Yes	75	75.00	74	74.00	149	74.50
	No	25	25.00	26	26.00	51	25.50
Electronic programs	Yes	70	70.00	82	82.00	152	76.00
	No	30	30.00	18	18.00	48	24.00
Shorts or reels	Yes	47	47.00	31	31.00	78	39.00
	No	53	53.00	69	69.00	122	61.00
In my opinion, the effect of the gadgets on the child is ...	Negative	34	34.30	32	32.00	66	33.20
	Very negative	17	17.20	23	23.00	40	20.10
	Neutral	38	38.4	41	41.00	79	39.70
	Positive	9	9.10	4	4.00	13	6.50
	Very positive	1	1.00	0	0.00	1	0.50
Does your child use gadgets (TV, smartphones, computers, tablets such as iPads) for a fixed period of time?	Yes	47	47.00	51	51.00	98	49.00
	No	53	53.00	49	49.00	102	51.00
Is there a prior agreement between you and your child about how to use gadgets ?	Yes	84	84.00	80	80.00	164	82.00
	No	16	16.00	20	20.00	36	18.00
Do you apply specific restrictions or rules with your child when using gadgets?	Yes	89	89.00	88	88.00	177	88.50
	No	11	11.00	12	12.00	23	11.50
Do you participate in choosing the content your child watches on gadgets?	Yes	92	92.00	91	91.00	183	91.50
	No	8	8.00	9	9.00	17	8.50
Does your child prefer using gadgets to playing outdoors with peers?	Yes	35	35.00	27	27.00	62	31.00
	No	65	65.00	73	73.00	138	69.00
Do you watch or share gadgets with your child?	Yes	88	88.00	83	83.00	171	85.50
	No	12	12.00	17	17.00	29	14.50
Do you use gadgets as a way to calm your child when he or she is upset or angry?	Yes	29	29.00	31	31.00	60	30.00
	No	71	71.00	69	69.00	140	70.00
Do you think gadgets use has affected your child's ability to express themselves verbally?	Yes	31	31.00	24	24.00	55	27.50
	No	69	69.00	76	76.00	145	72.50
Do you think your child's gadgets affects their social interaction with other children?	Yes	28	28.00	27	27.00	55	27.50
	No	72	72.00	73	73.00	145	72.50
Has the child ever been diagnosed with any communication or speech disorder?	Yes	28	28.00	19	19.00	47	23.50
	No	72	72.00	81	81.00	153	76.50

Despite unavailability of post-test results, parental engagement with the intervention suggests promising behavioral change: 88.5% of parents implement screen time rules.

The low pre-test storytelling results (mean = 6.69) that children demonstrated underscore the importance of these programs, too. For example, the mean storytelling score was 7.45 for the control group and 6.69 for the intervention groups (Table 2).

Table 2 – Test scores

Variables	Control group		Intervention group		Total	
	M	SD	M	SD	M	SD
Vocabulary	17.91	6.13	18.10	5.75	18.01	5.93
Articulation	23.39	6.92	24.66	5.31	24.03	6.19
Comprehension	19.66	5.93	18.94	5.63	19.30	5.78
Imitation	18.57	7.81	18.01	8.64	18.29	8.22
Expression	21.73	9.54	20.57	8.98	21.15	9.26
Story	7.45	5.42	6.69	4.32	7.07	4.90
Kid total	108.65	33.34	107.20	31.94	107.93	32.57

M = Mean, SD = Standard Deviation.

The collected data indicate the importance of early interventions in improving communication and language skills in children. This raises the question of managing screen time and its impact on children's development in storytelling and speaking skills. Taking into account the increasing use of electronic gadgets by children, it is vital to understand how these devices impact learning and social interaction.

The intervention's effectiveness likely stems from two factors: (1) structured activities (e.g., 'making salad') that contextualized vocabulary, aligning with Vygotsky's social learning theory, and (2) parental co-viewing, which amplified engagement – a finding consistent with Madigan et al. [2]. These activities not only reinforced nouns but also included various adjectives and general and specific verbs such as "cut" and "pour," helping children use language interactively and enjoyably. In addition, we used these activities in computer-based activities, where educational content was integrated with technology to enhance the learning experience. This integration helped make learning more engaging and effective, contributing to enhanced interaction between children. Parental role models played a pivotal role in the intervention's success. 85.5% of parents reported watching the content with their children, as shown in Table 1 above. This type of interaction sets a positive example for children on how to use technology responsibly and effectively.

Conclusion

To sum up, this research highlights concerning trends: 95% of participants used gadgets daily, 35% starting by the age of two, and 27.5% of parents reported negative effects of gadgets on their children's verbal expression. We described the model that aims to create an integrated environment that encourages learning and positive interaction, contributing to raising a generation capable of using gadgets responsibly without negatively impacting their speech competence development. As the model implementation demonstrates, screen time management requires collaboration: 88.5% of parents adopted rules after workshops. To scale this, we recommend: integrate screen time guidelines into preschool curricula, teach parents to select educational apps (e.g., 'Tiny Tap'), longitudinal studies to assess sustained effects on speech. Such collaboration is essential to the success of any strategy aimed at managing children's use of electronic gadgets in a safe and beneficial manner. A shared understanding between parents and teachers of the importance of managing gadget time makes a difference in skill development. When parents and teachers recognize the importance of gadget time, they can take effective steps to reduce it and guide children toward responsible technology use. Furthermore, digital literacy training is vital to ensure parents have the necessary tools to guide their children. Developing parents' skills in selecting appropriate content and using technology for effective learning can help children to use technology more productively, enriching their educational experience.

This model can be replicated in other communities to improve educational outcomes and enhance communication skills.

REFERENCES

1. American Academy of Pediatrics. Handheld screen time linked with speech delays in young children // HealthyChildren.org. – URL: <https://www.healthychildren.org/English/news/Pages/Handheld-Screen-Time-Linked-with-Speech-Delays-in-Young-Children.aspx> (date of access: 05.06.2025).

2. Associations between screen use and child language skills: a systematic review and meta-analysis / S. Madigan, D. Browne, N. Racine [et al.] // JAMA Pediatrics. – 2020. – Vol. 174, № 7. – P. 665–675. – DOI: 10.1001/jamapediatrics.2020.0327.
3. Novianti, Z. The role of preschool in using gadgets for digital natives generation / Z. Novianti, R. Novianti, M. Garzia // JPUD-Jurnal Pendidikan Usia Dini. – 2021. – Vol. 15, № 2. – P. 221–238. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/367a/f13431e49fcfca996525b58446375a91c25.pdf> (date of access: 05.06.2025).
4. Polit, D. F. Study guide for essentials of nursing research: appraising evidence for nursing practice / D. F. Polit, C. T. Beck, S. V. Owen. – 9th ed. – Philadelphia : Wolters Kluwer, 2018. – 256 p.
5. Solon, O. Does spending too much time on smartphones and tablets damage kids' development? / O. Solon // The Independent. – URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/health-and-families/does-spending-too-much-time-on-smartphones-and-tablets-damage-kids-development-a7067261.html> (date of access: 05.06.2025).
6. Stratton, S. J. Literature reviews: methods and applications / S. J. Stratton // Prehospital and Disaster Medicine. – 2019. – Vol. 34, № 4. – P. 347–349. – DOI: 10.1017/S1049023X19004440.

Поступила в редакцию 02.10.2005

E-mail: k.m.86@hotmail.com

Х. Саади

СНИЖЕНИЕ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ЭКРАННОГО ВРЕМЕНИ НА РЕЧЕВУЮ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ДОШКОЛЬНИКОВ: ПРАКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВМЕШАТЕЛЬСТВА

Данное исследование изучает влияние чрезмерного использования гаджетов на речевое развитие детей дошкольного возраста и предлагает практическую модель вмешательства, реализованную в Израиле. В рамках квазиэкспериментального исследования с участием 200 детей в возрасте 3–6 лет были выявлены тревожные тенденции: 95 % участников ежедневно пользовались гаджетами, 35 % начали их использовать уже к двум годам, а 27,5 % родителей отметили негативное влияние на вербальное выражение. Результаты констатирующего исследования показали невысокий уровень навыков повествования (контрольная группа: средний балл 7,45 и экспериментальная: 6,69). Вмешательство включало совместные усилия педагогов и родителей: структурированные ограничения экранного времени, обучающие приложения и семинары, направленные на повышение вовлеченности родителей (88,5 % ввели правила использования гаджетов). Среди трудностей отмечалась низкая посещаемость семинаров, что было решено за счет проведения Zoom-сессий. Исследование подчеркивает необходимость сбалансированного использования технологий, обучения родителей цифровой грамотности и проведения лонгитюдных исследований для оценки долгосрочных эффектов. Предлагаемая система выступает за внедрение стратегий на уровне сообщества для поддержки здорового речевого развития в цифровую эпоху.

Ключевые слова: речевая компетентность, дети дошкольного возраста, использование гаджетов, экранное время, система практической реализации.

УДК 37

Гао Хансин

Аспирант кафедры педагогики и проблем развития образования,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель: Калачёва Ирина Ивановна, доктор исторических наук, профессор

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В КИТАЙСКОЙ СЕМЬЕ: КОНФУЦИАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается педагогическое наследие китайского народа как фундамент воспитания нравственных добродетелей у детей. Анализируются традиционные конфуцианские семейные нормы – от принципа отцовской доброты и сыновней почтительности до идеалов мужской справедливости и женской верности – и их значение для гармоничного развития личности. Особое внимание уделяется роли семьи как «теплицы» нравственности, где формируются базовые моральные установки, а также влиянию этих ценностей на межпоколенческую коммуникацию и общественное устройство в эпоху Хань. На основе изучения классических текстов (Чжун-юнь, Ли цзи), современных исследований Линя Цзяньчу и Фэя Сяотуна, а также эмпирических данных опроса китайской молодёжи выявляются пути адаптации конфуцианских идеалов к реалиям XXI века и их роль в сохранении социальной стабильности.

Ключевые слова: китайская семья, семейное воспитание, семейные традиции, семейная этика, педагогическое наследие, сыновняя почтительность, уважение и почитание родителей, мужская справедливость, женская верность, межпоколенческая коммуникация.

Введение

Современный Китай переживает глубокие социально-демографические изменения: снижение рождаемости, старение населения и рост доли пожилых граждан ставят под угрозу традиционные модели семейной поддержки и выдвигают задачу поиска новых форм межпоколенческой солидарности. Одновременно ускоренная урбанизация и индивидуализация молодёжи размывают представления о семейных ролях, создавая коммуникативные барьеры между поколениями и требуя переосмысления классических конфуцианских норм для поддержания гармонии внутри семьи. Государственные реформы в сфере брака и семьи, начатые в середине XX века, а также активная идеологическая политика последних лет подчёркивают необходимость теоретического осмысления механизмов адаптации традиционных ценностей к реалиям XXI века. В КНР, как и в других странах мира, присутствуют такие тенденции, которые связаны с демографическими угрозами, старением населения, коммуникативными барьерами в отношениях между поколениями, с расплывчатостью представлений о том, каким должен вырасти ребёнок и пр. Поэтому в современных условиях китайские эксперты обращаются к устойчивым константам, таким ценностям, которые утвердились в обществе давно и выдержали «проверку» временем. Таким наследием являются традиционные конфуцианские семейные нормы и традиции. В них провозглашается ценность семьи и семейного человека как единой концепции функционирования человека в гармонии с миром и с собой.

За последние десятилетия проблема семейных ценностей в Китае получила значительное отражение в отечественных и зарубежных исследованиях. Классические труды Линя Цзяньчу [1] анализируют структуру и функции конфуцианской семейной этики, тогда как работы Фэя Сяотуна [2] посвящены межпоколенческой взаимопомощи и социальным последствиям урбанизации. Однако существующие публикации не в полной мере учитывают современные социокультурные трансформации, связанные с государственной политикой «реформ и открытости» и активным продвижением идеологием «гармоничной семьи» через образование и СМИ. В этом контексте недостаточно изучены пути интеграции традиционных конфуцианских ценностей в современные педагогические практики и правовые нормы.

Цель исследования – обосновать педагогические подходы к внедрению ключевых принципов конфуцианской семейной этики в современную систему воспитания детей в Китае с целью укрепления нравственных добродетелей и межпоколенческих отношений в условиях социально-демографических изменений XXI века.

Методы и методология исследования

Методология исследования базируется на системно-структурном подходе к анализу педагогических феноменов и историко-педагогическом методе для выявления эволюции конфуцианских ценностей.

Методы исследования: теоретический анализ классических текстов («Чжун-юнь», «Ли цзи», «Даюй») и современных работ по семейной этике; контент-анализ государственных правовых документов и образовательных программ; эмпирический опрос китайской молодежи (14–35 лет) с целью выявления актуальных представлений о семейных ценностях.

Результаты исследования и их обсуждение

Семья является базовой ячейкой общества, её стабильность напрямую связана с общественными процессами. Она также выступает отправной точкой нравственного воспитания, «теплицей», где формируются ценности и моральные установки детей. Несмотря на глубокие социальные трансформации, ценности конфуцианской семейной этики остались неизменными: основная идея создания гармоничной и счастливой семьи продолжает оставаться актуальной и в условиях XXI века [3, с. 68–74].

Современные китайские исследователи отмечают, что традиционные конфуцианские нормы претерпевают изменения, однако базовые представления о семье, доме и воспитании по-прежнему важны для молодежи. По результатам опроса «Китайская семья: современные тенденции и традиции», респонденты (14–35 лет) утверждают, что семья – это социальная ячейка, состоящая из тесно связанных между собой людей, обычно включая родителей и детей. Семья воспринимается как место эмоционального общения, любви, поддержки и самосовершенствования; как «тёплая гавань», в которой возвращаются любовь и чувство ответственности; как важный институт передачи культуры, ценностей и этики; как начало жизненного пути каждого человека, формирующее его нравственные установки.

Согласно конфуцианским правилам, добродетели семейной общности – взаимная любовь, сыновняя почтительность и братская уважительность, доверие, согласие – издавна высоко ценились, сформировав своеобразные для Китая «философию семьи» и «культуру семьи» [3, с. 68–74].

В «Чжун-юне» («Учении о середине») сказано, что понимание гуманности определяется как человечность, в центре гуманности лежит любовь к близким, а наивысшей нормой проявления гуманности является любовь к своей семье. Гуманность в семье проявляется в отцовской доброте и сыновней почтительности, мужской справедливости и женской верности, в доброжелательных отношениях между старшими и младшими братьями. Китайский исследователь Линь Цзяньчу считает, что семейная этика – это система норм и правил поведения, сформированная для регулирования различных отношений между членами семьи. Этика брака – важнейшая часть семейной этики, а отношения между мужчиной и женщиной – ядро, удерживающее семейные связи [1, с. 51–55].

Конфуцианская семейная этика охватывает как внутренние, так и внешние взаимодействия семьи с окружающим обществом. В «Ли цзи. Ли юнь» («Книга обрядов. Ход обрядов») изложена формула взаимных обязанностей: «Отцовская доброта, сыновняя почтительность; мужская справедливость, женская верность; дружелюбие старших братьев, почтительность младших» [4, с. 18–24]. Эти слова отражают права и обязанности внутри семьи: между отцами и сыновьями, супругами и братьями.

Конфуцианская семейная этика охватывает более широкий круг вопросов: она требует не только правильно упорядочивать отношения внутри семьи, но и согласовывать отношения с внешними участниками, тесно связанными с семьёй.

Согласно этическим нормам, отношения отца и сына – определяющая линия отношений всей семейно-родственной системы. В патриархальном обществе возмечивается путь «отца и сына», а отношения между отцом и сыном ставятся на первое место среди норм человеческих отношений. «Будучи сыном – предел в почтительности; будучи отцом – предел в милосердии» («大学», «Великое учение»).

Каждый человек может и должен стать родителем («рожден быть родителем»). Нравственный императив «сыновняя почтительность» означает, что дети обязаны почитать и воздавать родителям – это естественно и непреложно, это составляет основу семейных отношений как наиболее гуманных. Согласно китайской традиции, «отцовская (родительская) доброта» означает, что, будучи родителями, следует иметь милосердное сердце, заботиться и любить своих детей, воспитывать их, помогая вырасти и стать достойными людьми, – так исполняется долг родителей.

Китайская литература насыщена примерами, касающимися заботы матери о своём ребёнке. Так, известен образ Матери Мэн-цзы, которая ради хорошей среды для развития и воспитания ребёнка трижды меняла своё место жительства. Этот пример стал образцом для многих родителей и их детей.

Супружеские отношения, согласно конфуцианской этике, самые важные в системе семейно-родственных связей, именно с них начинается семья. В ней первая роль отводится мужу и жене, затем отцу и сыну, а уже потом – родственникам и друзьям. В издании «Книга Перемен. Сюэгуа Жуань» (易. 序卦传) сказано: «Сначала появились небо и земля – затем все существа; есть существа – есть мужчина и женщина; есть мужчина и женщина – есть супруги; есть супруги – есть отец и сын; есть отец и сын – есть государь и подданный; есть государь и подданный – есть верх и низ; а когда есть верх и низ, ритуал и долг находят свои места» [3, с. 18–24]. Супружеская ответственность играет важнейшую,

основополагающую роль, супружеские отношения влияют на все родственные связи, поэтому в китайской традиции большое значение придаётся гармонии в отношениях между супругами. «Праведность мужа» означает, что муж должен относиться к жене милостиво и по справедливости. Для мужа в отношении жены нет различия между «высоким» и «низким», «знатным» и «незнатным»: жену надлежит уважать, независимо от внешних причин и условий. Как и ранее, в традиционной культуре уважение к жене – обязанность мужа. «Послушание жены» означает, что, будучи женой, следует повиноваться мужу, прислушиваться к нему и добросовестно исполнять свои обязанности.

Конфуцианство особенно подчёркивает «сыновнюю почтительность». Сяо – основа нравственности и своеобразный моральный кодекс детей в отношении к родителям и старшим рода. Жизненный идеал конфуцианского учения – «умиротворить Поднебесную» (平天下), в этом аспекте на первое место выносятся те добродетели, которые указывают на важность сыновней почтительности. В эпоху Хань императоры «управляли Поднебесной посредством сыновней почтительности», эта добродетель как качество личности учитывалась при назначении на должности государственных служащих.

В «Биографии Вэй Бяо» приводятся слова Конфуция: «Кто служит родителям с почтительностью, тот способен перенести верность на государя» [3, с. 3]. Почитание родителей рассматривается как условие формирования нравственных поступков, таких качеств личности, которые наилучшим образом помогут достичь успехов в карьере, на государственной службе. Достигнув внутреннего состояния сыновней почтительности, человек непременно сможет всем сердцем «служить» государству, отечеству.

Подчеркиваемый конфуцианством принцип «отцовская доброта – сыновняя почтительность» и в современном обществе сохраняет определённую актуальность. «Отцовская (родительская) доброта» проявляется в том, чтобы воспитать ребёнка достойным человеком, передать ему опыт и мудрость, научить полезным навыкам. Раз родители даровали ребёнку жизнь, они обязаны вырастить его, помочь ему стать личностью.

Однако в реальности в китайском обществе на современном этапе заметны следующие тенденции. С одной стороны, многие родители чрезмерно опекают своих детей, что нередко приводит к нарушению их прав. Взрослые порой игнорируют нравственно-этические нормы поведения, что негативно влияет на психическое здоровье детей, лишая их детской «свободы».

С другой стороны, родители считают, что, родив ребёнка, они тем самым уже выполнили свою задачу, отказываются участвовать в воспитании, предоставляя учебным заведениям право на формирование и развитие личности ребёнка. В обоих случаях имеет место недостаток родительской заботы и неисполнение родительского долга, что полностью противоречит конфуцианскому принципу «отцовской доброты». Следует уважать волю ребёнка, уметь становиться на его место, а не «похищать» его любовью или отталкивать под видом любви; нужна не только материальная поддержка, но и сопутствующая любовь, духовная опека, реальный «мост общения» с детьми.

«Сыновняя почтительность» означает «отплатить» родителям за их труд, за их постоянную заботу и опеку. Поэтому согласно традиции, китайские дети с раннего детства приучались к семейным ценностям, уважительно относились к старшим. Хотя система семейных ценностей меняется и часть традиций конфуцианской культуры «сыновней почтительности» уже не соответствует потребностям современного общества, лучшие ее элементы сохранились в сердцах людей, стали частью культуры.

В китайском обществе встречаются случаи неуважительного отношения к родителям: иждивенчество сыновей/дочерей, жестокое обращение с пожилыми близкими людьми, отказ от материальной заботы. Современные китайские исследователи утверждают, что необходимо преодолевать эти явления, чаще обращаться к истокам конфуцианской семейной этики, извлекая ее нравственные правила и раскрывая их пользу для современных китайцев.

Такой базовый принцип в отношениях между родителями и детьми, как почтение, обозначает меру доверия, уважения, признательности старших, благодарности детей за свое воспитание и отношение родителей к ним. Конфуцианские правила гласят, что в общении детей со своими родителями важно уделять внимание духовному утешению стареющих родных людей. Необязательно быть рядом ежеминутно, но своей любовью и почтением к родителям передавать уверенность в поддержке и уважении каждый миг жизни. Хотя принцип «пока родители живы – не странствуй далеко» уже не вполне соответствует устремлениям молодых, всё же, какие бы речи ни говорились, ничто не заменит пожелания: «Чаще навещайте родительский дом».

Сыновняя почтительность занимает фундаментальное место в китайской этике. В начале 1980-х годов XX века Фэй Сяотун охарактеризовал китайские межпоколенные связи как «модель обратной отдачи»: если в западных обществах действует «эстафетная модель», где каждое поколение растит следующее, а, став взрослыми, дети не содержат старших, то в Китае действует «модель сыновней почтительности», что обозначает следующее: каждое поколение растит новое, а дети,

повзрослев, не оставляют своих родителей, а помогают им, оказывая материальную и духовную помощь и поддержку [2, с. 5–6].

При этом важнейшей чертой воспитанного человека в Китае долгое время оставалась такая, как уважение и почитание родителей и старших членов рода и семьи. Такая установка сформировала важнейший принцип семейной жизни – необходимость подчинения старшим как условие для устойчивых отношений в семье.

С быстрым продвижением модернизации, особенно в период «реформ и открытости», процессы мобильности молодёжи получили ускорение, что повлияло на ее образ жизни и трудовые практики, и это привело к новым формам взаимодействия со старшим поколением.

Столкнувшись с нетрадиционными жизненными выборами и практиками молодежи, многие родители остро ощущают, что уже не в силах полностью определять поведение детей. Однако у индивидуализирующейся молодежи нет достаточной материальной базы «жить для себя». И поэтому они вынуждены обращаться за материальной поддержкой к старшему поколению. Данная тенденция остается как заметная в отношениях между поколениями, что дает возможность утверждать, что межпоколенческие связи по-прежнему сильны. Но в тоже время влияние западных ценностей всё ещё является ощутимым для китайской молодёжи.

Государство и общество по-разному поддерживают укоренённость семейных традиций и их переосмысление. В начале 1950-х – конце 1970-х годов первая «Книга о браке КНР» впервые на законодательном уровне провозгласила отмену феодального брака и утвердила систему брака и семьи, основанную на свободе, моногамии, равенстве прав мужчин и женщин и защите прав и интересов женщин и детей.

В 1980-е годы была принята вторая редакция «Закона о браке» и связанный с ним пакет норм: впервые принцип планирования рождаемости был включен в закон; свобода развода поставлена в один ряд со свободой брака; «фактический распад супружеских отношений» зафиксирован как законное основание для расторжения брака. Это свидетельствует, что на правовом уровне государство стало рассматривать интимные чувства как важнейшую связку построения и поддержания супружеской жизни китайцев, все больше уважая субъектный статус личности и пытаясь поместить индивидуалистский интимный опыт на приоритетное место модерности, продвигая ценностный сдвиг от «жить для других» к «жить для себя».

После 2000 года, с углублением реформ рыночной экономики, в брачно-семейной жизни китайцев обозначились явления добрачного сожительства, добрачных сексуальных отношений, малолетности и т. п. Правительство, исходя из реальных потребностей брачно-семейной жизни, вносило коррективы. В «Положении о регистрации брака» 2003 года была удалена норма о том, что «совместное проживание под видом супругов без регистрации брака считается незаконным сожительством»; в 2021 году была дополнительно оптимизирована политика рождаемости и пр., что обеспечило социальную защиту для практик разнообразия брачно-семейных стилей. В Гражданском кодексе 2023 года были обновлены ограничения в части брачного возраста и формы: отказались от жестко заданных конкретных возрастных планок, предоставив гражданам больше свободы выбора [5].

Таким образом, брак для китайцев постепенно превращается из этического института в частное дело индивидуального решения, а трансформация частной семейной жизни в ходе модернизации Китая выходит на новый путь – более свободный, более равноправный и более гуманизированный.

Традиционные китайские «семейные наставления» учения Конфуция и его последователей рассматриваются как важный культурный ресурс. Они аккумулируют конфуцианские идеалы, помогают стабилизировать семейный уклад и формируют положительные семейные установки.

С 2012 года в КНР проводится активная пропаганда семейных ценностей. После XVIII съезда КПК государство официально объявило новый курс на формирование культуры семьи и семейных отношений, а семейный уклад, семейное воспитание, «хорошие семейные традиции» стали важной частью идеологической работы. В 2017 году вышел специальный документ о развитии традиционной культуры, в котором подчёркивается необходимость «популяризации хороших семейных традиций», а на XX съезде КПК семья названа «ключевым звеном национального развития» [6].

В рамках образовательных программ для школьников и обучающейся молодёжи все шире вводятся темы традиционной морали, в том числе семейных ценностей. Школьники изучают такие понятия, как 孝 (сяо – сыновняя почитательность) и 敬 (цзин – уважение к старшим) через уроки истории и литературы, а государственные СМИ распространяют материалы о гармоничной семье и образцах нравственных добродетелей. Таким образом, несмотря на социально-экономические и демографические изменения, конфуцианская семейная этика – от отцовской доброты и сыновней почитательности до супружеской справедливости и женской верности – продолжает служить фундаментом нравственного воспитания и укрепления межпоколенческих связей в современном Китае.

Заключение

В ходе исследования подтверждена неизменная роль конфуцианской семейной этики как фундамента нравственного воспитания в Китае. Принципы «отцовской доброты» и «сыновней почтительности», «мужской справедливости» и «женской верности», а также уважение в браке и братская солидарность сформировали уникальную «философию семьи», обеспечивавшую гармонию внутрисемейных и межпоколенческих отношений на протяжении истории. Несмотря на значительные социально-демографические и экономические преобразования XXI века, включая урбанизацию, снижение рождаемости и эволюцию брачно-семейных форм, эти базовые ценности сохраняют свою актуальность и продолжают обеспечивать устойчивость семейных институтов и межпоколенческую солидарность.

Курс государственных реформ в сочетании с законодательными инициативами в сфере семьи и брака позволил интегрировать традиционные нормы в актуальную практику воспитания. Таким образом, конфуцианская этика остаётся не только культурным наследием, но и действенным педагогическим механизмом для воспитания нравственно зрелой, ответственной и социально ориентированной личности XXI века.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 林建初. 现代家庭伦理学. – 合肥: 安徽省人民出版社, 1992. – 页. 51–55. = Линь Цзяньчу. Современная семейная этика / Линь Цзяньчу. – Хэфэй: Издательство народной провинции Аньхой, 1992. – С. 51–55.
2. 费孝通. 家庭结构变化背景下的养老问题 – 再论中国家庭结构的变化 // 北京大学公报. 系列: 哲学与社会科学. – 1983. – № 3. – 页. 5–6. = Фэй Сяотун. Проблема содержания пожилых в условиях изменения семейной структуры – ещё раз об изменениях в структуре китайской семьи / Фэй Сяотун // Вестник Пекинского университета. Серия: Философия и общественные науки. – 1983. – № 3. – С. 5–6.
3. 孙邦金. 儒家家庭伦理的社会导向 // 道德与文明. – 2020. – № 6. – 页. 68–74. = Сунь Бан Цзинь. Общественная направленность конфуцианской семейной этики // Мораль и цивилизация. – 2020. – № 6. – С. 68–74.
4. 刘海鸥. 从传统到启蒙 – 中国传统家庭伦理的现代转化. – 北京: 社会科学文献出版社, 2005. – 页. 18–24. = Лю Хайюу. От традиции к просвещению – современная трансформация традиционной китайской семейной этики / Лю Хайюу. – Пекин: Академическое издательство социальных наук, 2005. – С. 18–24.
5. 王萍萍: 人口总量有所下降 人口高质量发展取得成效 // 国家统计局. – 2024年01月18日. = Ван Пинпин. Общая численность населения снизилась, достигнуты результаты в качественном развитии населения // Государственное статистическое управление КНР: интерпретация данных. – 18 янв. 2024 г. – URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/jd/sjjd2020/202401/t20240118_1946711.html (дата доступа: 10.09.2025).
6. 习近平. 在全国首届“最美家庭”代表座谈会上的讲话 // 人民日报. – 2016. – 12月16日. 页. 3. = Си Цзиньпин. Речь на встрече с представителями первых Всекитайских образцовых семей / Си Цзиньпин // Народная газета. – 2016. – 16 дек. – С. 3.

Поступила в редакцию 16.10.2025

E-mail: gaohangxing231@gmail.com

Gao Hangxing

MORAL EDUCATION IN A CHINESE FAMILY: CONFUCIAN HERITAGE AND MODERNITY

The article examines the pedagogical heritage of the Chinese people as the foundation for nurturing moral virtues in children. It analyzes traditional Confucian family norms – from the principle of paternal kindness and filial piety to the ideals of male justice and female fidelity – and their importance for the harmonious development of personality. Special attention is paid to the role of the family as a "greenhouse" of morality, where basic moral attitudes are formed, as well as the influence of these values on intergenerational communication and social structure in the Han era. Based on the study of classical texts (Zhong Yun, Li Ji), recent research by Lin Jianchu and Fei Xiaotong, as well as empirical data from a survey of Chinese youth, the article explores the ways of adapting Confucian ideals to the realities of the 21st century and their role in maintaining social stability.

Keywords: Chinese family, family education, family traditions, family ethics, pedagogical heritage, filial piety, respect and honor for parents, male justice, female fidelity, intergenerational communication.

УДК 372.864

Н. А. Гаруля¹, З. В. Лукашеня²

¹Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры технологического образования, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры технологического образования, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕНТ СОДЕРЖАНИЯ В ОБУЧЕНИИ УЧАЩИХСЯ ОСНОВАМ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЦЦЫ

В статье рассматривается этнокультурный контент в процессе обучения учащихся основам приготовления пиццы в учреждениях общего среднего образования Республики Беларусь. На основе контент-анализа учебной программы по учебному предмету «Трудовое обучение. Обслуживающий труд» для V–IX классов выявлены возможности интеграции этнокультурного компонента в технологическое образование учащихся. Показано значение национальной кулинарной культуры для формирования этнической идентичности, воспитания уважения к традициям белорусского народа и развития функциональной грамотности учащихся. Предложены меры по компенсации выявленных по ходу осуществления контент-анализа недочётов через потенциал этнокультурного компонента анализируемой программы.

Ключевые слова: этнокультурное образование, этнокультурный контент содержания, обучение приготовлению пиццы, белорусская национальная кухня, технологическое образование, контент-анализ.

Введение

Современное образование Республики Беларусь ориентировано на формирование личности, укорененной в духовных и культурных традициях своего народа, способной к межкультурному диалогу и сохранению национальной идентичности. Важнейшую роль в этом процессе, по нашему мнению, играет этнокультурное образование.

Приоритетность задач общего среднего образования по приобщению учащихся к духовным ценностям и культурно-историческому наследию белорусского народа закреплена на государственном уровне [1; 2]. В данных документах идеи этнокультурного воспитания предполагают уважение к национальной культуре и к обычаям других этнических групп, благодаря приобщению к мировым (общечеловеческим) ценностям в условиях расширения межкультурного взаимодействия.

Этнокультурное образование представляет собой целенаправленный процесс, который ориентирован на развитие личности как представителя своего этноса и гражданина многонационального государства. Это образование, направленное на сохранение этнокультурной идентичности личности путем приобщения к родному языку и культуре с одновременным освоением ценностей мировой культуры [3, с. 22].

Согласно мнению исследователей, основными задачами этнокультурного образования являются:

- формирование чувства национального достоинства, культуры межнационального общения;
- развитие личностных качеств учащихся средствами этнокультурного образования как фактора интеллектуального роста детей и молодежи;
- развитие у учащихся культурно-исторической памяти, особых качеств мышления в процессе системного, комплексного освоения народного искусства;
- формирование ценностного отношения к семье, природе, народному художественному творчеству, национальному наследию [4, с. 35].

Особое значение в системе этнокультурного воспитания имеет приобщение учащихся к традиционной национальной кухне как важнейшему элементу материальной и духовной культуры народа. Пищевые традиции являются важными элементами культуры, поскольку они отражают идентичность народа через способы приготовления пищи, выбор продуктов, ритуалы и символическое значение еды. Они способны сохраняться в современном унифицированном мире и транслировать

этническую уникальность народов. Национальная кухня является одним из важных способов воплощения и трансляции культуры, а пища – элементом этнической идентичности.

Анализу проблем этнокультурного содержания в образовательной сфере посвящены исследования Д. А. Любек, А. Л. Малеева, Е. В. Малеевой, В. А. Рудакова, С. Х. Хакназарова, в которых отражены в основном его региональные особенности. В аспекте этнокультурного контента содержания технологического образования школьников только в исследовании В. А. Рудакова есть опосредованное указание на него в рамках внеучебной работы [5, с. 6]. Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью научного осмысления возможностей этнокультурного контента в технологическом образовании учащихся и в, частности, его эффективной реализации в процессе их обучения основам приготовления пищи.

Целью исследования является выявление доли этнокультурного контента в официально представленном содержании процесса обучения учащихся основам приготовления пищи.

Методы и методология исследования

В Республике Беларусь обучение основам приготовления пищи осуществляется в рамках учебного предмета «Трудовое обучение. Обслуживающий труд» для V–IX классов учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования. Учебная программа, утвержденная постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 29.07.2025 № 135, предусматривает изучение содержательной линии «Основы приготовления пищи» во всех классах второй ступени общего среднего образования [6]. Для достижения поставленной цели исследования мы использовали метод контент-анализа, который представляет собой систематическое, объективное и количественное изучение содержания раздела программы «Основы приготовления пищи» с целью выявления и количественной оценки представленности в нём этнокультурного контента белорусской национальной кухни.

Согласно методологии реализации контент-анализа [7; 8], нами были выделены следующие единицы анализа:

- 1) единица контекста – тема урока в рамках раздела «Основы приготовления пищи»;
- 2) единица счёта – количество часов, отведённых на изучение тем с этнокультурным содержанием;
- 3) смысловая единица – упоминания белорусской национальной кухни, традиционных блюд, обрядов, застольного этикета.

Для выявления этнокультурного контента использовались следующие категории.

Прямые упоминания белорусской национальной кухни (категория 1): темы, в названии которых присутствуют слова «белорусская национальная кухня», «традиционные блюда»; темы, содержание которых посвящено особенностям белорусской кухни.

Упоминания традиционных продуктов (категория 2): указания на традиционные белорусские продукты питания (картофель, ржаной хлеб, гречка, молоко, сало и др.); упоминания способов заготовки, характерных для белорусской традиции (квашение, соление, мочение).

Традиционные технологии приготовления (категория 3): описания способов обработки продуктов, характерных для белорусской кухни; упоминания традиционной посуды и оборудования.

Обрядово-праздничный контекст (категория 4): связь блюд с календарными праздниками (Рождество, Масленица, Пасха, Купалье, Дожинки); связь блюд с семейными обрядами (свадьба, крестины, поминки).

Застольный этикет (категория 5): упоминания традиций белорусского гостеприимства; правила сервировки стола в национальном стиле; белорусские традиции приёма пищи.

Степень представленности конкретной категории этнокультурного контента в содержании раздела «Основы приготовления пищи» учебной программы будет считаться:

- очень высокой – при условии наличия прямых указаний на неё в каждом классе;
- высокой – при наличии только прямых указаний также в каждом классе;
- средней – при условии наличия указаний и упоминаний, но не в каждом классе;
- если представленность категории реализуется только через косвенные упоминания, то она считается низкой.

Результаты исследования и их обсуждение

Белорусская национальная кухня имеет многовековую историю и складывалась на протяжении веков на основе своей самобытной сельской кулинарии и под влиянием своих ближайших соседей – русских, украинцев, литовцев, латышей, поляков. Кулинарные традиции белорусов – это простота

народных рецептов и утонченность блюд для аристократов, разнообразное использование местных продуктов и необычные способы их приготовления [9, с. 63].

Целью изучения предмета «Трудовое обучение. Обслуживающий труд» является формирование основ компетентности учащихся в различных сферах трудовой, хозяйственно-бытовой деятельности, способствующей социализации личности в современных социально-экономических условиях. В задачи обучения включены: формирование знаний, умений и навыков по приготовлению пищи; воспитание культуры труда, эстетического вкуса, культуры поведения и общения; развитие познавательных интересов и самостоятельности, творческих способностей; формирование готовности учащихся к профессиональному самоопределению [6].

Осуществленный нами анализ учебной программы показывает, что в каждом классе предусмотрено изучение темы «Белорусская национальная кухня». Данный факт констатирует, что этнокультурный компонент органично интегрирован в содержание раздела «Основы приготовления пищи» на всех этапах обучения. Результаты данного этапа контент-анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Представленность этнокультурного контента в содержании раздела «Основы приготовления пищи» (по классам)

Класс	Всего часов раздела	Часов с этнокультурным содержанием	Доля этнокультурного контента (%)	Темы с этнокультурным контентом
V класс	7	2	28,6 %	Белорусская национальная кухня. Традиционные блюда к завтраку
VI класс	14	3	21,4 %	Белорусская национальная кухня. Традиционные блюда к ужину
VII класс	14	3	21,4 %	Белорусская национальная кухня. Традиционные блюда к обеду
VIII класс	7	2	28,6 %	Белорусская национальная кухня. Блюда к празднику (календарного цикла)
IX класс	7	2	28,6 %	Белорусская национальная кухня. Блюда к семейным обрядам
ИТОГО	49	12	24,5 %	

Считаем целесообразным рассмотреть детальный анализ представленности этнокультурного контента в содержании раздела «Основы приготовления пищи» по классам.

В **V классе** этнокультурный контент выявлен в составе темы «Белорусская национальная кухня» (2 часа) по следующим категориям.

Прямые упоминания (1). В формулировке темы «Белорусская национальная кухня. Общие сведения об особенностях приготовления блюд белорусской национальной кухни к завтраку»; в названии практической работы «Приготовление блюд белорусской национальной кухни»; в требованиях к результатам: «имеют представление об особенностях приготовления блюд белорусской национальной кухни».

Традиционные продукты (2). Упоминания в контексте других тем: «Бутерброды» – указание на ржаной хлеб, традиционный для Беларуси; «Блюда из яиц» – яичница по-белорусски; «Горячие напитки» – традиционный травяной чай.

Традиционные технологии (3). Упоминание посуды: «глиняные горшки, деревянные ложки»; традиционные способы сервировки стола к завтраку.

Интегрированный этнокультурный контент в содержании раздела учебной программы для V класса выявлен в темах, не имеющих прямого указания на белорусскую кухню. В них присутствуют элементы этнокультурного содержания через примеры традиционных продуктов и блюд.

Соответственно, аналогично по **VI классу**: *прямые упоминания* (1) выявлены в формулировке темы и практической работы; *традиционные продукты* (2) – упоминание традиционных белорусских молочных продуктов (сметана, творог, сыр клинковый, масло); указание на крупы, традиционно используемые в белорусской кухне, и блюда из них. *Традиционные технологии* (3) представлены

приготовлением гущи (традиционной каши) и использованием традиционной посуды (глиняная посуда). *Застольный этикет* (5) упоминается при раскрытии сервировки стола к ужину в правилах подачи блюд в белорусских традициях. Темы о молочных продуктах и крупах содержат косвенный (интегрированный) этнокультурный контент через упоминание традиционных белорусских продуктов и блюд.

В содержании анализируемого раздела программы для **VII класса** этнокультурный контент в категории «*Прямые упоминания*» (1) выявлен в формулировке темы «Белорусская национальная кухня. Общие сведения о способах и приемах приготовления традиционных белорусских блюд. Особенности приготовления блюд белорусской национальной кухни к обеду» и соответствующей ей формулировке практической работы. Категория «*Традиционные продукты*» (2) выявлена через упоминание традиционных белорусских овощей и способов их обработки; видов мяса, традиционно используемых в белорусской кухне. *Традиционные технологии* (3) представлены приготовлением традиционных мясных (мачанка, верещака, пяхыста) и овощных (капустняк, борщ, свекольник) блюд, а также использованием пряностей и специй, характерных для белорусской кухни. В наличии *обрядово-праздничный контекст* (4), выявленный косвенным упоминанием через «блюда к обеду» – центральный приём пищи в традиционной белорусской семье. *Застольный этикет* (5), как и в предыдущем классе, упоминается при раскрытии сервировки стола к обеду в правилах подачи блюд в белорусских традициях. В темах об овощах и мясе присутствует значительный косвенный этнокультурный контент через примеры традиционных блюд и технологий их обработки.

В программном содержании раздела по **VIII классу** этнокультурный контент выявлен по всем пяти основным категориям:

– *прямые упоминания* (1) – в формулировке темы «Белорусская национальная кухня. Особенности приготовления блюд белорусской национальной кухни, связанные с праздниками календарного цикла» и соответствующей ей формулировке практической работы: «Приготовление блюд белорусской национальной кухни к празднику»;

– *традиционные продукты* (2) – упоминание традиционных рыбных блюд белорусской кухни и традиции консервирования и заготовок («Консервы в домашнем питании»);

– *традиционные технологии* (3) – технология приготовления рыбных блюд (каarp по-королевски, рыбные галки, уха); использование пряностей и специй в белорусской кухне; традиции консервирования (квашение, соление);

– *обрядово-праздничный контекст* (4) выявлен через прямое указание: «Особенности приготовления блюд белорусской национальной кухни, связанные с праздниками календарного цикла» и характеристику обрядовых блюд к календарным праздникам (Рождество, Масленица, Пасха, Купалье, Дожинки);

– *застольный этикет* (5) – сведения о характерных особенностях сервировки стола при разных видах приема гостей к празднику.

Значительный интегрированный этнокультурный контент содержат темы о рыбе, консервах, пряностях.

Выявленный этнокультурный контент в содержании учебной программы по **IX классу** в категории «*Прямые упоминания*» (1) представлен формулировками темы («Белорусская национальная кухня. Общие сведения об особенностях технологии приготовления блюд белорусской национальной кухни, связанных с семейными обрядами») и практической работы («Приготовление блюд белорусской национальной кухни»). Категория «*Традиционные продукты*» (2): в теме «Виды теста и способы его приготовления» – мука, традиционная для белорусской выпечки; в теме «Сладкие блюда» – традиционные белорусские сладости. Категория «*Традиционные технологии*» (3) в содержании для этого класса выявлена в технологии приготовления традиционной выпечки (калачи, бабки, пироги, каравай) и сладких блюд (кисель из овсяной муки, компоты, мёд). Категория «*Обрядово-праздничный контекст*» (4) реализуется через прямое указание: «Особенности технологии приготовления блюд белорусской национальной кухни, связанные с семейными обрядами», обрядовые блюда к семейным праздникам (свадьба – каравай, обрядовые блюда; крестины – калачи; поминки – кутья; юбилеи – праздничные блюда). *Застольный этикет* (категория 5) выявлен в правилах подачи обрядовых блюд и в застольном этикете на семейных торжествах. Интегрированный этнокультурный контент присутствует в темах о тесте и сладких блюдах через примеры традиционной выпечки и десертов.

Представленность категорий этнокультурного контента обобщенно визуализирована в таблице 2.

Таблица 2 – Степень представленности категорий этнокультурного контента в содержании раздела «Основы приготовления пищи» учебной программы

Категория	Степень представленности	Примеры
Категория 1 «Прямые упоминания белорусской национальной кухни»	Высокая (наличие в каждом классе)	Специальные темы в каждом классе
Категория 2 «Традиционные продукты»	Очень высокая (наличие прямых указаний и упоминаний в каждом классе)	Картофель, ржаной хлеб, гречка, молоко, сало, крупы
Категория 3 «Традиционные технологии»	Высокая (наличие в каждом классе)	Квашение, соление, тушение, выпечка в печи
Категория 4 «Обрядово-праздничный контекст»	Средняя (VIII–IX классы)	Календарные и семейные обряды
Категория 5 «Застольный этикет»	Средняя (VI–IX классы)	Правила сервировки, приём гостей

Как видно из вышеизложенного, этнокультурный контент представлен в содержании раздела «Основы приготовления пищи» учебной программы по учебному предмету «Трудовое обучение. Обслуживающий труд» систематически на протяжении всего курса обучения (V–IX классы). В каждом классе выделена отдельная тема, специально посвящённая белорусской национальной кухне. Наблюдается чёткая логика усложнения этнокультурного содержания; тематически структура этнокультурного контента организована по принципу «от простого к сложному»:

- V класс: знакомство с особенностями белорусской кухни, простые блюда к завтраку (начальный уровень сложности);
- VI класс: изучение традиционных блюд к ужину, застольный этикет (базовый уровень сложности);
- VII класс: освоение более сложных технологий – мясные, овощные блюда к обеду (средний уровень сложности);
- VIII класс: изучение обрядовой кулинарии, связанной с календарными праздниками (повышенный уровень сложности);
- IX класс: освоение сложных обрядовых блюд, связанных с семейными торжествами (высокий уровень сложности).

Этнокультурный контент представлен в 100 % практических работ по темам белорусской национальной кухни, в рамках которых предполагается: приготовление традиционных блюд, использование аутентичных рецептов, соблюдение традиционных технологий, оформление блюд в национальном стиле. Во всех классах требования к результатам включают: представления об особенностях белорусской национальной кухни, умения готовить традиционные белорусские блюда, понимание традиций, застольного этикета. Программа содержит указание: «на основании... региональных особенностей и традиций» [6], что создаёт возможность учёта местных кулинарных традиций разных регионов Беларуси. Этнокультурный контент интегрирован не только в специальные темы, но и в общее содержание раздела (примеры традиционных блюд используются при изучении блюд из различных видов продуктов). В старших классах (VIII–IX) введена обрядово-праздничная тематика, прослеживается связь кулинарии с календарными и семейными обрядами.

Осуществленный нами контент-анализ выявил также недочёты, устранение которых, по нашему мнению, позволит повысить уровень представленности этнокультурного контента в содержании образования учащихся основам приготовления пищи и поможет в более полной мере реализовать поставленные задачи. К таковым мы относим следующие:

- недостаточная детализация содержания: формулировки тем носят общий характер; рецепты и технологии не указаны конкретно;
- отсутствие непосредственных указаний на региональные различия; не конкретизированы особенности кухни разных регионов Беларуси;
- ограниченность исторического контекста: не указывается историческая эволюция блюд; отсутствует информация о происхождении рецептов;

- слабая представленность фольклорного материала: не упоминаются пословицы, поговорки о пище; отсутствуют ссылки на фольклорные источники;
- недостаточная связь с современностью: не показана адаптация традиционных рецептов к современным условиям; не указаны современные интерпретации традиционных блюд.

Заключение

Учебная программа по учебному предмету «Трудовое обучение. Обслуживающий труд» для V–IX классов по разделу «Основы приготовления пищи» содержит значительный этнокультурный контент белорусской национальной кухни, который представлен систематически, последовательно и с соблюдением дидактических принципов. Прямой этнокультурный контент составляет 24,5 % в содержании раздела (12 часов из 49 специально отведено темам белорусской национальной кухни). Косвенный этнокультурный контент присутствует в 60–80 % тем раздела через примеры традиционных продуктов, блюд, технологий. Доля этнокультурного контента варьируется от 21,4 % (VI–VII классы) до 28,6 % (V, VIII–IX классы), средняя доля составляет 25,72 %. Этнокультурный контент программы характеризуется системностью (представлен во всех классах, выделены специальные темы), последовательностью (соблюдается логика усложнения от простых блюд к обрядовым), практической направленностью (100 % тем включают практические работы по приготовлению традиционных блюд, аутентичностью (используются подлинные названия блюд, традиционные технологии). Этнокультурный контент присутствует не только в специальных темах, но и интегрирован в общее содержание; в старших классах сделан акцент на связь кулинарии с обрядами и праздниками.

Выявленный этнокультурный контент учебной программы по учебному предмету «Трудовое обучение. Обслуживающий труд» для V–IX классов по разделу «Основы приготовления пищи» способствует реализации целей этнокультурного образования: предполагает формирование знаний учащихся о традиционной культуре народа, воспитание у них уважения к культурному наследию, развитие их этнокультурной идентичности; создает условия для приобщения учащихся к традициям через практическую деятельность; содействует формированию готовности к сохранению и развитию национальных традиций.

Результаты контент-анализа могут быть использованы учителями обслуживающего труда при планировании уроков с учётом этнокультурного контента; методистами – для разработки рекомендаций по нивелированию выявленных в процессе контент-анализа недочетов; разработчиками учебников при создании учебных пособий с этнокультурным содержанием; исследователями для дальнейших научных исследований в области этнокультурного образования.

Проведённый контент-анализ показал, что учебная программа по разделу «Основы приготовления пищи» для V–IX классов обладает значительным потенциалом для реализации этнокультурного компонента образования. Выявленный этнокультурный контент является основой для разработки системы разноуровневых заданий, способствующих компенсации выявленных по ходу осуществления контент-анализа недочётов. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методических материалов по конкретным темам раздела «Основы приготовления пищи», созданием электронных образовательных ресурсов по белорусской национальной кухне, изучением региональных особенностей кулинарных традиций Беларуси. Региональный компонент делает обучение более лично значимым для учащихся, позволяет им лучше понять и прочувствовать связь с малой родиной, осознать себя частью культурного сообщества. Приобщение учащихся к традициям национальной кухни в процессе технологического образования является важным фактором духовно-нравственного воспитания, формирования культурной идентичности и подготовки молодого поколения к самостоятельной жизни в современном поликультурном мире.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция учебного предмета «Трудовое обучение» : приказ М-ва образования Респ. Беларусь от 29 мая 2009 г. № 675. – URL: http://school20-orsha.by/index.php?option=com_content&view=article&id=525&Itemid=170 (дата обращения: 10.09.2025).
2. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Респ. Беларусь от 09 апр. 2025г. № 12. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-no-12-ot-9-aprela-2025-g> (дата обращения: 10.09.2025).
3. Пивторак, Е. В. Теория и методика этнокультурного образования : учеб.-метод. пособие / Е. В. Пивторак. – М. : ЛитРес, 2019. – 120 с. – URL: <https://www.litres.ru/book/evgeniya-vladimirov/teoriya-i-metodika-etnokulturnogo-obrazovaniya-uchebn-42350162> (дата обращения: 11.09.2025).

4. Газизова, Ф. С. Этнокультурные ценности в воспитательной траектории дошкольной образовательной организации: теоретические и практические аспекты / Ф. С. Газизова, О. А. Еремеева // Этнокультурное образование: традиции и новые вызовы : сб. ст. / М-во образования и науки Удмуртской Республики, КНУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования» / редкол. Н. И. Ураськина (отв. ред.) [и др.]. – Ижевск, 2022. – С. 32–37.

5. Рудаков, В. А. Изучение предметов с этнокультурным содержанием в ХМАО-Югре / В. А. Рудаков // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 62–14. – С. 5–8.

6. Учебная программа по учебному предмету «Трудовое обучение. Обслуживающий труд» для V–IX классов учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования, с русским языком обучения и воспитания. Постановление Министерства образования Республики Беларусь от 29.07.2025 № 135. – URL: <https://adu.by/images/2025/08/12/Trud-obuch-Obsluzh-trud-5-9.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

7. Аверьянов, Л. Я. Контент-анализ : моногр. / Л. Я. Аверьянов. – М. : РГИУ, 2007. – 286 с.

8. Приборович, А. А. Контент-анализ – форма исторического исследования / А. А. Приборович // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения : науч. сб. (по материалам 1-й Междунар. науч.-практ. Интернет-конф. / редкол. В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2011. – С. 153–159.

9. Дубанос, Е. А. Белорусская национальная кухня: урок трудового обучения в 7 классе / Е. А. Дубанос // Настаўніцкая газета. Дадаткі. – 2022. – URL: https://n-asveta.by/dadatki/madelnyn_urok/2022/n10/dubanos.pdf. (дата обращения: 24.09.2025).

Поступила в редакцию 29.10.2025

E-mail: ninagarulya@yandex.by

N. A. Garulya, Z. V. Lukashenya

ETHNOCULTURAL CONTENT IN TEACHING STUDENTS THE BASICS OF FOOD PREPARATION

The article examines the ethnocultural content in the process of teaching students the basics of food preparation in general secondary education institutions of the Republic of Belarus. Based on a content analysis of the curriculum for the subject *Labour Education. Service Labour* for grades 5–9, the study identifies opportunities for integrating an ethnocultural component into technological education. The significance of national culinary culture in shaping ethnic identity, fostering respect for the traditions of the Belarusian people, and developing students' functional literacy has been demonstrated. Measures have been proposed to compensate for the shortcomings identified during the content analysis by leveraging the potential of the ethnocultural component of the program under review.

Keywords: ethnocultural education, ethnocultural content, teaching food preparation, Belarusian national cuisine, technological education, content analysis.

УДК 159.9

М. А. Дыгун¹, Е. С. Колесникова²

¹Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и социальной педагогики, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Педагог-психолог, педагог социальный, ГУО «Средняя школа № 11 г. Светлогорска», г. Светлогорск, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ПОДУЧЕТНОЙ КАТЕГОРИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТЕПЕНИ ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ

В статье представлен сравнительный анализ социального поведения подростков подучетной категории, который направлен на выявление их специфических особенностей. Исследование проводилось с подростками подучетной категории 12–17 лет с использованием шкалы оценки интернет-зависимости К. Янг и метода взаимного выдвижения по восьми социометрическим критериям, отражающим различные аспекты социального взаимодействия. Результаты исследования обосновывают необходимость организации социально-педагогического сопровождения подростков подучетной категории с акцентом на развитии навыков реального общения и на цифровой гигиене.

Ключевые слова: подростки, социальное поведение, аддиктивное поведение, интернет-зависимость, социально-педагогическое сопровождение.

Введение

Современный мир немислим без интернета, который стал неотъемлемой частью жизни большинства людей, особенно подростков. Для них интернет является не только источником информации и развлечений, но и площадкой для социализации, самовыражения и формирования идентичности. Однако, наряду с позитивными аспектами, стремительное развитие цифровых технологий порождает и новые вызовы, одним из которых является интернет-зависимость.

Интернет-зависимость среди подростков представляет собой серьезную социально-педагогическую проблему, требующую проведения соответствующих научных исследований и разработки эффективных программ социально-педагогического сопровождения. Степень вовлеченности в интернет-пространство может варьироваться от умеренного использования до патологической зависимости, что диктует необходимость дифференцированного подхода к социально-педагогической работе. Особое внимание стоит уделять сопровождению тех детей, кто уже находится в группе риска. К ней могут относиться подростки из неблагополучных семей, сироты, подростки, имеющие проблемы с законом и состоящие на учете в инспекции по делам несовершеннолетних в отделе внутренних дел или комиссии по делам несовершеннолетних, а также те, кто испытывает трудности в обучении и межличностном взаимодействии. Виртуальное пространство для такой категории подростков зачастую становится не просто инструментом, а альтернативной средой обитания. В связи с этим актуальным представляется вопрос о том, как наличие или отсутствие интернет-зависимости влияет на социальное поведение подростков, состоящих на различных видах учета.

Современные подходы к пониманию интернет-зависимости все чаще рассматривают ее как многомерное явление, включающее не только компульсивное поведение, но и когнитивные и эмоциональные компоненты, а также выраженные нарушения в социальной сфере. И так как подростковый возраст является критическим периодом для формирования социальных навыков и идентичности, в этом контексте интернет-зависимость может рассматриваться как одно из проявлений аддиктивного поведения. Под аддиктивным поведением в психологии и смежных науках понимается такая форма отклоняющегося поведения, которая «выражается в стремлении к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активных видах деятельности» [1, с. 16]. В ситуации, когда человеку не удается найти смыслы и интерес в окружающей его реальности и осуществляемых видах активности, выбор аддиктивного поведения может стать устойчивой стратегией взаимодействия с действительностью, порождая различные негативные следствия. Согласно точке зрения Е. П. Конаревой, подростковая интернет-зависимость «характеризуется постепенной потерей контроля над

способностью регулировать или ограничивать время, проведенное в интернете, а также способностью справляться со своими эмоциями, зачастую из-за смытой границы между реальной и виртуальной жизнью» [2, с. 53].

Мы согласны с признанием особой актуальности проблемы интернет-зависимости в подростковом возрасте по таким причинам, как сложность и кризисность этого жизненного периода; активный интерес подростков к интернет-ресурсам и новым технологиям; важность влияния происходящих процессов в это время на последующую жизнь [3, с. 56].

Различные аспекты исследуемой нами проблемы изучались многими учеными. Так, К. Янг разработала критерии диагностики и классификацию форм зависимости. И. В. Азаров, А. Ю. Егоров, Ю. М. Забродин изучали феномен интернет-зависимости, ее психологические механизмы и влияние на подростков. Вопросы формирования социального поведения изучали в своих исследованиях такие ученые, как М. Вебер, Т. Парсонс, А. Леонтьев, Б. Теплов, А. Запорожец, П. Гальперин. Проблемы социально-педагогического сопровождения несовершеннолетних рассматривались в трудах С. А. Беличевой, А. Б. Белинской, М. В. Швецово́й, А. Ю. Широких.

Объектом нашего исследования является социальное поведение подростков.

Предмет – социальное поведение подростков подучетной категории в зависимости от степени интернет-аддикции.

Целью статьи является выявление на основе сравнительного анализа специфических особенностей социального поведения интернет-зависимых подростков подучетной категории.

Методы и методология исследования

Методологической основой выступили концепции интернет-зависимости (К. Янг [4]), биоэкологическая теория развития У. Бронфенбреннера, концепция киберсоциализации (А. В. Мудрик [5], В. А. Плешаков [6]). Выявление специфических особенностей социально-поведенческих профилей интернет-зависимых подростков подучетной категории обусловило использование таких методов, как психодиагностическое тестирование (шкала оценки интернет-зависимости Кимберли Янг, адаптированная версия), методики исследования межличностных отношений и поведенческих особенностей (метод взаимного выдвижения Л. Э. Прино [7]), сравнительный анализ, математические методы обработки данных.

Результаты исследования и их обсуждение

Проблему интернет-зависимого поведения необходимо рассматривать с учетом всех подходов, существующих к изучению социального поведения. В качестве таковых выделяются:

- системный: социальное поведение как особая система, обладающая уникальной потенциальностью и гибкостью (Н. Ф. Наумова);
- процессуальный: социальное поведение как многомерный процесс, протекающий в сложной социальной среде и определяющийся действием многочисленных факторов (Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева);
- функциональный: социальное поведение как функция личности, действующая в рамках психологического поля (К. Левин);
- целевой: социальное поведение как реакция, направленная на изменение ситуации с целью удовлетворения им своих потребностей (М. А. Робер, Ф. Тильман);
- нормативный: социальное поведение как последовательность эпизодов, законченных фрагментов, регулируемых определенными правилами и планами (Р. Н. Харре);
- деятельностный: социальное поведение как совокупность поступков и действий, отражающих внутреннее отношение людей к условиям, содержанию и результатам деятельности (Т. И. Заславская, В. Вичев, М. Вебер).

Т. П. Спирина рассматривает социальное поведение личности как актуализированный способ ее бытия, выражающийся в действиях и поступках. При этом ею отмечается, что «социальное поведение характеризуется двойственностью: с одной стороны, действия человека обусловлены извне и отвечают логике причинности и необходимости, а с другой – поступки определяются самой личностью, ее свободой. Этой двойственностью объясняется сложность управления социальным поведением» [8, с. 10]. Исходя из этого, социальное поведение трактуется как «процесс реализации индивидом своих возможностей «быть» в пространстве межличностных отношений».

В то же время, комплексная характеристика личности, отражающая устойчивые особенности ее поведения, коммуникации и взаимодействия с социумом в различных ситуациях составляют ее

социально-поведенческий профиль. Это своего рода «паспорт» социальной активности человека, описывающий типичные паттерны его поведения в группе.

Социально-поведенческий профиль подростков подучетной категории мы можем анализировать по следующим ключевым параметрам:

- характер социальных связей;
- академическая и правовая активность (успеваемость, посещаемость учебных заведений, повторные правонарушения);
- эмоционально-волевая сфера;
- ценностно-мотивационная структура.

Исследование проводилось на базе государственного учреждения образования «Средняя школа № 11 г. Светлогорска» среди учащихся подучетной категории V–XI классов (всего 16 респондентов). В выборку вошли две группы подростков (от 12 до 17 лет), сформированные на основе результатов диагностики с использованием шкалы оценки интернет-зависимости К. Янг:

группа 1: 9 подростков с диагностированной интернет-зависимостью или повышенной склонностью к ее формированию (средний и высокий уровень формирования интернет-зависимости);

группа 2: 7 подростков без признаков интернет-зависимости (низкий уровень формирования интернет-зависимости) (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты диагностики степени предрасположенности к интернет-зависимости у подростков подучетной категории

Уровни	Высокий	Средний	Низкий
Результат	3 (18,75%)	6 (37,5%)	7 (43,75%)

Как видно из таблицы 1, 7 респондентов (43,75 %) демонстрируют низкий уровень предрасположенности к интернет-зависимости. Такие подростки характеризуются контролируемым использованием интернета, отсутствием навязчивого влечения к сети, сохранением баланса между онлайн-активностью и другими сферами жизни. Однако значительная часть выборки (6 респондентов (37,5 %)) была отнесена к среднему уровню предрасположенности к интернет-зависимости. Подростки этой группы находятся в зоне риска развития интернет-зависимости и требуют внимания. Наименьшая часть выборки (3 респондента (18,75 %)) показала высокий уровень предрасположенности к интернет-зависимости, что указывает на существование проблемы выраженного компульсивного использования интернета среди данной группы подростков.

Чтобы изучить социальные характеристики учащихся, мы использовали метод взаимного выдвижения, который мы применяли индивидуально к каждому респонденту. Вопросы были разработаны для оценки аспектов, связанных как с социальными предпочтениями (вопросы 1 и 2), так и с восприятием социального поведения (вопросы с 3 по 8). На одном из еженедельных мероприятий «Подросток и закон» (для учащихся подучетной категории V–XI классов) участников мероприятия попросили назвать одного или нескольких ребят, которые лучше всего подходят под описание по восьми пунктам. Учащиеся не могли назвать себя, но могли назвать одного и того же участника в нескольких вопросах:

1. (Общение) *С кем из вашей группы тебе больше всего нравится общаться?*
2. (Выполнение заданий) *С кем из вашей группы вам больше всего нравится работать в паре?*
3. (Беспокойство) *Кто больше всех шумит в группе и мешает другим?*
4. (Помощь) *Кто из вашей группы всегда придет на помощь?*
5. (Конфликтность) *Кто из вашей группы чаще всех вступает в спор?*
6. (Изоляция) *Кто из ребят чаще предпочитает оставаться в стороне?*
7. (Хорошо ладят с педагогами) *Кто на ваш взгляд находится в хороших отношениях с педагогическим коллективом?*
8. (Жертвы шуток) *Есть ли ребята в вашей группе, над которыми любят подшучивать другие?*

Для анализа полученных данных была составлена сводная матрица, чтобы наглядно видеть «кто кого выбрал», но поскольку наша цель сравнить две группы, нам не так важны индивидуальные выборы, как общие тенденции. Количество выборов, полученных каждым участником, мы суммировали по группам: ИЗ – интернет-зависимые и ИНЗ – интернет-независимые участники. Сравнительный анализ паттернов выборов у двух групп подростков представим в таблице 2.

Таблица 2 – Сравнительный анализ паттернов выборов интернет-зависимых и интернет-независимых подростков подучетной категории

№ п/п	Критерий социометрического выбора	ИЗ группа (n=9)	ИНЗ группа (n=7)	Интерпретация
1.	Общение	2.2	4.1	ИЗ подростки менее привлекательны для общения в реальной жизни, что отражает их социальную изоляцию и предпочтение виртуальному миру.
2.	Выполнение заданий	1.1	3.9	У ИЗ подростков ниже воспринимаемая надежность и концентрация, что делает их менее желанными партнерами для выполнения общих задач.
3.	Беспокойство	1.7	1.5	Показатели у обеих групп примерно равны.
4.	Помощь	1.1	3.4	ИЗ подростки реже воспринимаются как готовые помочь, что может быть связано с их погруженностью в себя и виртуальную жизнь.
5.	Конфликтность	2.3	2.0	Склонность к конфликтности, агрессии или раздражительности у обеих групп примерно равны.
6.	Изоляция	4.7	1.2	Высокая степень самоизоляции ИЗ подростков. Сверстники признают их отстраненность и нежелание участвовать в групповой активности.
7.	Хорошо ладят с педагогами	1.0	4.5	Высокая степень общительности с педагогическим коллективом среди ИНЗ подростков говорит о том, что они более открыты идти на контакт, нежели ИЗ подростки.
8.	Жертвы шуток	0.2	0.1	Ни одна из групп не является объектом насмешек по признаку наличия/отсутствия интернет-зависимости.

Таким образом, исходя из данных, представленных в таблице 2, среди подростков подучетной категории интернет-зависимость является маркером углубления социальной дезадаптации. ИЗ подростки более изолированы и ненадежны в глазах сверстников и менее склонны к конструктивному взаимодействию. Проведенный анализ показывает, что интернет-зависимость формирует у подучетных подростков качественно иной социально-поведенческий профиль, для которого характерны: предпочтение виртуального мира социальному взаимодействию, низкая воспринимаемая надежность, высокая степень самоизоляции.

Ключевые различия в социальном поведении интернет-зависимых и интернет-независимых подростков:

1. *Социальное взаимодействие.* Подростки ИЗ группы склонны к виртуальному общению. Они предпочитают общение в социальных сетях и онлайн-играх, что приводит к сокращению контактов с реальными людьми. В отличие от них, подростки из ИНЗ группы активно взаимодействуют с окружающими, у них более развиты навыки межличностного общения.

2. *Эмоциональная сфера.* У подростков ИЗ группы часто наблюдается эмоциональная отчужденность, безразличие к социуму. Они могут использовать интернет для эскапизма (бегства от реальности), чтобы избежать решения проблем. Подростки ИНЗ группы показывают более стабильное эмоциональное состояние и лучшую способность к преодолению трудностей.

Это указывает на необходимость дифференциации профилактических мер: для ИЗ группы работа должна быть направлена на цифровую гигиену, формирование критического отношения к онлайн-контенту, развитие навыков «живого» общения через тренинги и проективную деятельность. Ключевая задача – мягкий «возврат» подростка в реальность, создание для него ситуации успеха вне сети; для ИНЗ группы основные усилия должны концентрироваться на разрыве связей с асоциальной средой, вовлечении в просоциальные группы (спорт, творчество), формировании правового сознания и ответственности за поступки в реальном мире.

Заклучение

Сравнительный анализ социального поведения интернет-зависимых и интернет-независимых подростков подучетной категории показал, что интернет-зависимые или с высокой склонностью к формированию интернет-зависимости подростки в глазах интернет-независимых сверстников выглядят более изолированными и менее склонными к общению или к социальному взаимодействию. Проведенный анализ показывает, что интернет-зависимость формирует у таких подростков качественно иные особенности социального поведения, для которых характерно: предпочтение виртуального мира социальному взаимодействию, низкая воспринимаемая надежность, высокая степень самоизоляции.

Результаты исследования подчеркивают необходимость разработки специализированных программ, направленных на профилактику и коррекцию интернет-зависимости, а также на вовлечение в просоциальные группы и занятость как интернет-зависимых подростков, так и подростков с низкой предрасположенностью к интернет-зависимости. Эти программы должны включать не только ограничение времени в сети, но и развитие навыков реального общения, эмоциональной регуляции и формирование здоровых интересов.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Котова, С. А. Интернет-зависимость у детей и подростков: риски, диагностика и коррекция / С. А. Котова. – СПб. : ВВМ, 2023. – 212 с.
2. Конарева, Я. П. Интернет-зависимость у детей и подростков / Я. П. Конарева // Символ науки. – 2022. – № 9. – С. 52–55.
3. Григорьева, Н. В. Интернет-зависимость у подростков / Н. В. Григорьева // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2014. – № 1. – С. 56–64.
4. Янг, К. С. Диагноз – Интернет-зависимость / К. С. Янг // Мир Internet. – 2000. – № 2. – С. 24–29.
5. Мудрик, А. В. Воспитательные ресурсы Интернета / А. В. Мудрик // Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2008. – № 4. – С. 37–39.
6. Плешаков, В. А. Киберсоциализация: социальное развитие и социальное воспитание современного человека / В. А. Плешакова // Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2010. – Т. 16, № 2. – С. 15–18.
7. FromTheirPointofView: Identifying socio-behavioral profiles of primary school pupils based on peer group perception. – URL: <https://www.frontiersin.org> (date of access: 23.09.2025).
8. Спирина, Т. П. Социальное поведение личности как философская проблема : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / Спирина Татьяна Павловна ; Волгоград. гос. архит. - строит. ун-т. – Волгоград, 2001. – 128 л.

Поступила в редакцию 06.10.2025

E-mail: dygunma@gmail.com

M. A. Dygun, E. S. Kolesnikova

CHARACTERISTICS OF SOCIAL BEHAVIOR AMONG JUVENILES UNDER SUPERVISION IN RELATION TO THE DEGREE OF INTERNET ADDICTION

The article represents a comparative analysis of the social behavior of juveniles under supervision, aiming to identify their distinctive features. The study was conducted with juveniles aged 12–17 using Young's Internet Addiction Scale alongside a peer-nomination method based on eight sociometric criteria reflecting various aspects of social interaction. The findings substantiate the need for organizing social and pedagogical support for juveniles under supervision, with an emphasis on the development of real-life social skills and digital hygiene.

Keywords: juveniles, social behavior, addictive behavior, Internet addiction, social and pedagogical support.

УДК 376

И. В. Ковалец¹, Ю. С. Татарина²

¹Кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры специальной и инклюзивной педагогики, ГУО «Академия образования», г. Минск, Республика Беларусь

²Учитель-дефектолог высшей квалификационной категории, ГУО «Мозырский районный центр коррекционно-развивающего обучения и реабилитации», г. Мозырь, Республика Беларусь

ФОРМИРОВАНИЕ У УЧАЩИХСЯ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА НАВЫКОВ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ПРИКЛАДНОГО АНАЛИЗА ПОВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается одно из актуальных направлений коррекционно-педагогической помощи учащимся с расстройствами аутистического спектра (далее – РАС) – формирование навыков выполнения самостоятельной деятельности. Раскрываются теоретические и практические аспекты данной работы, конкретизируются понятие «самостоятельная деятельность» и особенности данной деятельности у детей с РАС, условия и последовательность формирования заявленных навыков, а также возникающие трудности и пути решения, основываясь на прикладном анализе поведения или АВА-терапии.

Ключевые слова: учащиеся с расстройствами аутистического спектра; педагогические работники; коррекционно-педагогическая помощь; навыки самостоятельной деятельности; прикладной анализ поведения; центр коррекционно-развивающего обучения и реабилитации (ЦКРОиР).

Введение

Статистические данные Министерства образования Республики Беларусь показывают, что за последние 22 года количество детей с расстройствами аутистического спектра (далее – РАС) в республике увеличилось в 38 раз [1]. Общей целью коррекционно-педагогической помощи ребенку с РАС является коррекция нарушений развития и формирование навыков, необходимых для успешной адаптации, полноценной и самостоятельной, насколько это возможно, жизни в социуме. Основу успешной социализации составляет минимизация зависимости ребенка с РАС от посторонней помощи взрослых (законных представителей, воспитателей персонального сопровождения и др.) и возможность быть автономным в бытовой, социальной и иных сферах. Одной из задач, способствующих достижению указанной цели, является работа по формированию у детей навыков самостоятельной деятельности. **Под самостоятельной деятельностью** нами понимается способность и готовность ребенка функционально занять себя продуктивной, игровой или релаксационной деятельностью без помощи других людей.

Анализ научных исследований в области специальной педагогики показывает, что родители (законные представители), воспитывающие детей с тяжёлыми множественными нарушениями в физическом и (или) психическом развитии, в том числе с РАС, отмечают важность расширения возможностей досуговой деятельности своих детей, необходимость формирования у них умений выполнять какую-либо работу самостоятельно, иметь занятие по интересам, а также занятость в какой-то сфере [2]. Законные представители ребенка отмечают такие свои ожидания от коррекционной работы: уменьшение агрессии ребенка с РАС, улучшение общего психического состояния и адекватное поведение, приобретение навыков самообслуживания, овладение навыками коммуникации и элементарными трудовыми навыками и др. [3, с. 19]. Запрос родителей детей с РАС обусловлен реальностью, поскольку неспособность организовать себя усложняет жизнь не только ребенку, но и его родным. Перерывы между домашними делами, поездки в транспорте, время ожидания очереди в поликлинике, в магазине и другие жизненные ситуации требуют от ребенка с РАС умений заняться какой-либо деятельностью самостоятельно, без привлечения взрослых. А в случае, когда он не способен это сделать, ребенок не просто скучает, а может проявлять деструктивное поведение, увеличиваются самостимуляция или самоагрессия. По мере взросления подобные ситуации могут усугубиться. Вместе с тем, даже если у ребенка тяжелая форма аутизма, но сформированы навыки самостоятельной деятельности, он умеет функционально занять себя, умеет ожидать, когда этого требуют обстоятельства, то это существенно облегчает жизнь как ребенку, так и окружающим его людям. Наличие навыков функциональной самостоятельной деятельности в репертуаре человека с РАС позволяет не только стабилизировать его поведение, но и удовлетворять запросы законных представителей.

Целью исследования, излагаемого в данной статье, является выявление особенностей научно-практического опыта формирования навыков самостоятельной деятельности у детей с РАС на основе прикладного анализа поведения или АВА-терапии в условиях центра коррекционно-развивающего обучения и реабилитации (далее – ЦКРОиР) и трансляция обобщенных результатов для обсуждения педагогической общественностью.

Методы и методология исследования

Методологической основой исследования являются системно-деятельностный (А. Н. Леонтьев, В. В. Краевский, М. Н. Скаткин), коррекционно-развивающий подходы (Л. С. Выготский, Л. В. Занков, Т. Л. Лещинская), а также изучение аутизма как первазивного нарушения развития ребенка (К. Гилберт, К. С. Лебединская, О. С. Никольская, И. Е. Валитова, И. В. Ковалец и др.). Использовались методы изучения специальной психолого-педагогической литературы, наблюдения, анализа, обобщения и систематизации. Работа проводилась в ГУО «Мозырский районный центр коррекционно-развивающего обучения и реабилитации».

Результаты исследования и их обсуждение

Навыки, необходимые для осуществления самостоятельной деятельности любого человека находятся в плоскости *исполнительного функционирования*. К исполнительной функции мозга исследователи относят широкую группу когнитивных процессов, в том числе когнитивную гибкость (способность изменять поведение и мышление в соответствии с ситуацией), концентрацию внимания, рабочую память, инициацию выполнения задачи, планирование своих действий, решение проблем, мониторинг собственной деятельности, организацию своей деятельности и саморегуляцию (контроль над своими эмоциями и поведением) [4, с. 531]. Данный комплекс когнитивных процессов используется человеком ежедневно. Для лиц с РАС в большинстве случаев характерна исполнительная дисфункция, которая проявляется набором трудностей, обусловленных первазивностью аутизма, а именно: неумением планировать свой досуг, самостоятельную работу над какой-то задачей, организовывать и контролировать собственную деятельность, свой быт, неспособность справиться с изменениями в расписании или рутине, шаблонность мышления и, как следствие, «застревание» на каком-либо одном действии или этапе выполнения задания [4, с. 136].

Рассмотрим последовательность формирования навыков самостоятельной деятельности у ребенка с РАС на основе прикладного анализа поведения. *Прикладной анализ поведения или АВА-терапия* (от англ. *Applied Behaviour Analysis*) в настоящее время разрабатывается рядом исследователей [5, с. 144]. В основе лежит бихевиористский подход к анализу поведения человека, ключевая идея – любое поведение влечет за собой последствия, и, если ребенку последствия нравятся, он будет это поведение повторять, а если не нравятся, то не будет. Все сложные навыки, включая речь, творческую игру, умение смотреть в глаза и др., разбиваются на мелкие блоки – действия (behaviors). Каждое действие разучивается с ребенком отдельно, затем действия соединяются в цепь, образуя сложное действие [5, с. 145].

В контексте АВА-терапии поведение – это взаимодействие организма с окружающей средой (например, ходьба, произнесение слов, чтение книги, мытьё рук и др.). Прикладной анализ поведения имеет «обширные доказательства эффективности... научно доказано снижение степени выраженности ключевых нарушений у лиц с РАС на различных возрастных этапах» [6, с. 81]. Во многих исследованиях, посвященных АВА, лейтмотивом проходит необходимость работы, в первую очередь, над установлением сотрудничества с ребенком с РАС и формированием у него учебного поведения, далее – над навыками коммуникации, самозанятости и бытового самообслуживания [7; 8].

Особую актуальность наличие в репертуаре ребенка навыков самостоятельной деятельности приобретает в учреждении образования. В ЦКРОиР образовательный процесс реализуется в ходе учебных и коррекционных занятий. При этом уровень навыков учащихся с РАС зачастую оказывается недостаточным для группового обучения. Практика показывает, что некоторые из детей данной категории в буквальном смысле никогда не демонстрируют больше одной реакции после одной инструкции. Дети не умеют следовать правилам, нуждаются в подсказках, одобрении со стороны взрослого, процедурах дифференцированного усиления для перехода от одной деятельности к другой и участия в деятельности класса, что требует от педагога значительных временных затрат. Во время учебных занятий педагогу часто приходится взаимодействовать с учащимися индивидуально либо в малой подгруппе, что обуславливает необходимость организации самостоятельной деятельности других детей, это же необходимо и во время перерывов между учебными занятиями, либо после них и т. д.

Пониманию специфики формирования навыков самостоятельной деятельности на основе прикладного анализа поведения способствует изучение *особенностей организации самостоятельной деятельности учащихся с РАС*. Перечислим эти особенности на примере деятельности мальчика с РАС (Миша, 11 лет) в ЦКРОиР.

1. *Начало – конец – результат*. В самостоятельной деятельности ребенку необходимо видеть чётко выраженные начало, конец и результат в виде конечного продукта. Например, в качестве задания перед Мишей стоит коробка с четырьмя отверстиями разной формы и четыре объёмные геометрические формы (цилиндр, куб, призма, параллелепипед). Ребенку необходимо вставить геометрические формы в отверстия в коробке. Задание будет выполнено, когда все формы окажутся в коробке.

2. *Поощрение*. Самостоятельная деятельность не является синонимом игры, поскольку в игре поощрение встроено в сам процесс и дети играют, исходя из внутренней, а не внешней мотивации [7]. После завершения самостоятельной деятельности ребенку с РАС обязательно необходимо предоставлять поощрение. Например, перед началом выполнения заданий в рамках самостоятельной деятельности Миша в качестве поощрения выбрал и закрепил на визуальном расписании карточку «игрушка-бонстик». Фигурки бонстиков являются для Миши мотивационным стимулом и выполняют роль поощрения за самостоятельную деятельность, задания из которой Мише знакомы, понятны, но не являются мотивационными – это *внешняя мотивация*. Когда Миша получит бонстики и начнёт с ними играть, то он будет двигаться *внутренней мотивацией*. Дополнительных поощрений ему не понадобится, потому что игра с любимыми фигурками Мише важна, приятна и значима.

3. *Индивидуальный интерес*. Приступая к работе по обучению самостоятельной деятельности, мы всегда отталкиваемся от имеющихся интересов, навыков, поведения конкретного ребёнка с РАС. Например, Миша имеет хорошо развитое визуальное восприятие, все задания на визуальное сопоставление мальчик быстро осваивает, в отличие от заданий, связанных с графомоторными навыками. Задания по визуальному сопоставлению для мальчика нейтральны, однако, когда ему предлагают взять фломастер и провести линию от точки к точке, Миша начинает громко вокализовать, раскачиваться и, если не убрать фломастеры, может укунить себя за тыльную сторону ладони. Придерживаясь общего алгоритма, наполняем содержание самостоятельной деятельности, исходя из предпочтений Миши, выбираем задания из области визуального сопоставления: идентичные и неидентичные изображения, «заплатки», части целого, матрицы, пазлы и т. д. Учитывая, что Миша любит играть с бонстиками, предлагаем сложить бонстика из частей, соотнести на рисунке силуэт серого бонстика с цветным и т. п. Включение подобных заданий с предметами, представляющими сверхценный интерес для ребенка с РАС, помогает ему быть сосредоточенным на деятельности, увлеченным ею.

4. *Функциональный уровень*. У детей с РАС зачастую наблюдается асинхрония развития, то есть при возрасте 10 лет ребенок может демонстрировать очень низкий функциональный уровень, например, на уровне 4 лет. В данном случае необходимо подбирать такие задания, которые будут подходить его навыкам, но при этом не будут слишком выделять его среди сверстников. Если десятилетний ребёнок придёт в поликлинику и, ожидая своей очереди, будет стереотипно играть с бонстиками, то, наверняка, привлечёт к себе слишком много ненужного внимания или осуждения окружающих. Дети с РАС внешне не отличаются от сверстников. И если бы ребенок достал телефон и начал играть, то он вряд ли привлёк бы внимание окружающих. Надо заранее продумывать такие моменты, это поможет в формировании имиджа ребенка с РАС в социуме.

5. *Понимание заданий*. Подбираются такие задания для самостоятельной деятельности ребенка с РАС, которые будут тому интуитивно понятны. Например, когда Миша увидит заламинированный лист бумаги с серыми фигурами и приклеенной сверху липучкой, а рядом вырезанные из бумаги, заламинированные такие же фигуры, только в цвете и с липучкой на тыльной стороне, мальчик интуитивно поймёт, что нужно делать, даже если он видит это задание впервые.

6. *Самостоятельность*. Важно помнить, что в данном контексте наша задача – научить ребенка *самостоятельной работе и навыку доводить работу до конца*, а не правильно выполнить задание. Чтобы деятельность стала самостоятельной, все ее задания, а также ее этапы должны быть полностью освоены учащимся.

Изучение особых образовательных потребностей детей с РАС и специфики их деятельности, учет методических оснований прикладного анализа поведения, нюансов содержания и организации взаимодействия с такими детьми, включая ресурсное обеспечение занятий, позволяет нам выделить следующие *условия* для успешности обучения самостоятельной деятельности ребенка с РАС:

1. *Взаимодействие.* Установление качественного взаимодействия ребенка с РАС с детьми класса, создание позитивной атмосферы в классе, выявление сильных и слабых сторон учащихся с РАС, опора на их сильные стороны.

2. *Учебное поведение.* Для успешного обучения навыку самостоятельной деятельности ребенку важно уметь по инструкции педагога или звуковому сигналу прерывать мотивационную деятельность, приходиться за стол, сидеть и слушать, реагировать на инструкции, воспринимать ответные реакции педагога на свои действия, осознавать, что выполнение требований взрослого ведёт к немедленным поощрениям [9, с. 58].

3. *Сначала – потом.* Понимание обусловленности «сначала – потом» поможет учащимся выполнять задания, которые часто вызывают у них сопротивление. В основе данной обусловленности лежит принцип *Примака (Premack principle)* или «бабушкин закон» («сначала суп – потом десерт»), соответствии с которым «активность, проявляющаяся с высокой частотой, может служить подкреплением для поведенческих актов, осуществляющихся с низкой частотой» [10, с. 301]. Для Миши, который всё время готов проводить в стереотипной игре с бонстиками, принцип Примака звучит так: «выполнишь задания – играешь с бонстиками». В качестве визуальной поддержки мальчику предлагается расписание «сначала – потом», где в ячейке «сначала» закреплена, например, карточка с изображением «книга самозанятости», а в ячейке «потом» – карточка с изображением «бонстики».

4. *Мотивация и подкрепление.* Чтобы ребёнок участвовал в определённом виде деятельности или демонстрировал навык, необходимо создать мотивацию [7]. В самом начале подкрепление должно быть очень значимым. В качестве мотивационных стимулов могут быть предметы для самостимуляций и стереотипий детей с аутизмом (ленточки, акриловые звёзды, камешки, пластиковые стаканчики и др.), предметы из репертуара сверхинтереса ребенка (пазлы, книга с динозаврами, фигурки из любимого мультфильма и т. д.), предметы для организации активности (фитбол, батут) и др.

5. *Навык «ждать».* Подкрепление также является важным, поскольку оно предоставляется в самом конце, за выполненные задания [9, с. 233]. Поэтому объём и количество заданий, включаемых в самостоятельную деятельность ребенка, первоначально должны быть очень небольшими, важна помощь взрослого, которую постепенно пошагово снижают. Начинать необходимо с самого простого задания, например, достать (сложить) предметы из контейнера. Ребенок успешно его выполняет и получает ожидаемое подкрепление.

На основе теоретического анализа психолого-педагогической литературы и изучения специфики развития ребенка с РАС нами определена *следующая последовательность формирования у ребенка с РАС навыков самостоятельной деятельности:*

1. Подбор пособий. Основным критерием отбора пособий выступает наличие конечного количества предметов или элементов, поскольку ребёнку важно понимать, когда задание будет считаться выполненным. Например, на листе изображены 6 теней животных, и ребенку необходимо сопоставить каждое животное с его тенью. Также педагог подготавливает *«Книгу самозанятости»*, список заданий для самостоятельной деятельности, визуальное расписание, карточки с мотивационными стимулами.

2. Обучение взаимодействию с пособиями и материалами. Учим ребенка: приклеить, вставить, обвести, провести линию, подобрать нужный по цвету маркер, пересыпать из коробки в банку и т. д. Например, животные крепятся к своим теням с помощью двухсторонних липучек, расположенных как на теневой основе, так и на цветном изображении животного.

3. Обучение подготовке материала для себя. Учим ребенка:

– брать по одному контейнеру (если материалы находятся в контейнерах), ориентируясь на маркировочные символы (цифры, геометрические фигуры, цвета спектра и др.), сопоставляя символ визуального расписания с символом на контейнере. Контейнеры могут находиться на столе, слева от ребёнка, или в специально отведённом для них месте в классе;

– перелистывать страницы книги, поочередно выполняя задания (если задания собраны в *«Книгу самозанятости»*);

– подходить к месту, где лежат пособия из списка заданий для самостоятельной деятельности, выбирать нужное и возвращаться с пособием за стол для выполнения задания.

4. Обучение завершению самостоятельной деятельности. Учим ребенка:

– закрыть контейнер с выполненным заданием внутри и отнести его в обозначенное место. Если контейнеры изначально стоят на столе слева от ребёнка, то переставить контейнер с выполненным заданием вправо;

– закрыть книгу;

– переместить крайний символ, обозначающий задание, визуального расписания из графы «надо сделать» в графу «сделано».

5. Обучение сообщению о завершении деятельности. Учим ребенка:

– взять карточку «ВСЁ», лежащую на столе либо закреплённую на обратной стороне последнего листа «Книги самозанятости», и передать её педагогическому работнику;

– взять карточку из визуального расписания с обозначением мотивационного стимула и передать её педагогу для обмена на мотивационный стимул (рисунок 1).



Рисунок 1 – Визуальное расписание с обозначением мотивационного стимула – бонстиками

Параллельно ведётся работа над визуальным сопоставлением фотографии того или иного пособия с самим пособием, форма визуального расписания зависит от уровня речевых и когнитивных навыков ребенка. Визуальные расписания помогают учащимся с РАС самостоятельно осуществлять игровую и другую досуговую деятельность [10, с.193].

6. Объединение всех этапов. Учим ребенка: объединять все этапы и отрабатывать их с постепенным уменьшением помощи со стороны взрослого, увеличением объёма задания, количества заданий и времени, необходимого для их выполнения.

В основе обучения самостоятельной деятельности лежит метод формирования поведения, называемый шейпингом. *Шейпинг (shaping)* – процесс, в ходе которого систематически и дифференцированно подкрепляются последовательные приближения к желаемому (конечному) поведению [11, с. 463]. В ходе обучения самостоятельной деятельности происходит *шейпинг*: качество выполнения заданий (точность, корректность выполнения заданий, скорость), количество выполняемых заданий (постепенное наращивание количества заданий), дистанции со взрослым (постепенное отдаление взрослого и увеличение расстояния между взрослым и ребёнком). Шейпинг может быть довольно продолжительным, важно умение педагога заметить и подкрепить малейшее приближение ребенка к целевому поведению.

Уменьшение помощи со стороны взрослого. Перед началом выполнения заданий учащемуся дается инструкция, например: «Выполни свои задания», «Позанимайся сам», «Поиграй». В начале ребенку может требоваться вербальная инструкция, физическая, жестовая подсказка, одобрение, ответная реакция взрослого. Однако, как только ребенок освоит навык, необходимо сократить присутствие взрослого, сделав это постепенно:

1) прекратить разговоры с ребенком и убрать визуальный контакт во время выполнения им необходимой деятельности;

2) ослаблять степень присутствия, сначала находясь рядом с ребенком на расстоянии учебного стола, затем – на расстоянии нескольких шагов, далее – где-то в пределах класса.

Увеличение объёма и количества заданий (количества элементов для выполнения) осуществляется постепенно. Увеличение количества заданий подразумевает, что педагог всегда начинает с одного и постепенно добавляет по одному. Например, ребенку предоставляется поле теневого лото, на котором из шести животных четыре уже соотнесены и прикреплены к теням, ребенку необходимо сопоставить лишь двух животных. Далее – трех, четырех и др., пока учащийся сам не сможет выполнить всё задание целиком. Так, в самом начале в «Книге самозанятости» у Миши был один лист с теньевым лото «Найди животное по тени». После достижения критерия «самостоятельное выполнение задания» в «Книгу самозанятости» добавился лист «Соотнеси животное с его детёнышем» и т. д. Увеличение объёма и количества заданий осуществляется с целью увеличения времени, которое ребенок проводит за самостоятельной деятельностью. Задания, которые выполняет ребенок, постоянно отслеживаются, выясняется, с каким настроением он их делает, добавляются новые задания, убираются те, что стали неактуальными и неинтересными. Если этого не делать, то самостоятельная деятельность распадется.

Организация пространства

Определим последовательность заданий для самостоятельной деятельности учащегося. Когда ребенок освоил несколько заданий и соотносит их с карточками визуального расписания, тогда можно тренировать работу по списку.

1. *Список* – это визуальное расписание из карточек с фотографиями либо адаптированными изображениями тех заданий, которые ребенку необходимо выполнить (рисунок 2). Сами задания находятся в доступном месте (на специальном столе, полке, в контейнере). Если учащийся умеет читать, то список – это напечатанные либо написанные от руки названия заданий.



Рисунок 2 – Список заданий «Надо сделать – сделано»

2. *«Книга самозанятости»* – это набор скреплённых листов-заданий, подобранных для конкретного учащегося (рисунок 3). Она может быть одним из заданий, входящих в *список* (п. 1). В этом случае карточка с фотографией «Книги самозанятости» крепится в визуальном расписании, то есть в списке.



Рисунок 3 – «Книга самозанятости»

3. *Контейнеры с заданиями* (рисунок 4), промаркированные цифрами либо символами. Ребенок последовательно, в соответствии с символами на визуальном расписании, берет нужную коробку, открывает её и выполняет задание. Затем выполненное задание перекладывает обратно в контейнер, закрывает его и берет следующий.



Рисунок 4 – Контейнеры с заданиями

Рассмотрим проблемы, которые могут возникнуть в процессе обучения ребенка с РАС самостоятельной деятельности, и варианты их решения.

Ребёнок не выполняет задание, уходит в самостимулятивную деятельность, отвлекается. Возможные причины: 1 – поощрение не является мотивационным для ребенка (не значимо для него, дается педагогом не вовремя); 2 – задания сложные и не освоены учащимся в достаточной для самостоятельной деятельности степени; 3 – ребенку скучно (возможно, задания слишком легкие или не обновлялись долгое время). Необходимо начать заново процедуру шейпинга, последовательно, от полной помощи и постепенного её уменьшения прийти к самостоятельному выполнению, а далее тренировать дистанцию со взрослым так, чтобы ребенок мог выполнять задания один.

Предлагаем некоторые варианты видов деятельности для самозанятости ребенка с РАС.

Дидактические и развивающие задания, игры: пазлы, разрезные картинки, конструкторы «Лего», вкладыши, лото, шнуровки, мозаики, раскраски, раскраски по цифрам, аппликация, оригами, модели, лабиринты, копирование рисунков, пособия с заданиями «пиши – стирай», задания на визуальное сопоставление (подбери по тени, найди часть от целого, заплатки и др.), книжки с наклейками, поиск предметов в сенсорной коробке, нанизывание бус, пуговиц, макарон, рисование по точкам, прослушивание музыки, видео, мобильные игры, игры на компьютере, фотографирование и т. д.

Бытовые рутины: сортировка: носки, столовые приборы, вещи для стирки, бакалейные товары. Задания на самообслуживание: одеться, почистить зубы и др. Приготовление простых блюд: бутерброда, салата. Домашние обязанности: убрать одежду, убрать со стола, убрать игрушки, вынести мусор, загрузить/разгрузить стиральную (посудомоечную) машину, развесить белье, разобрать пакет с покупками, подмести пол, пылесосить, вытереть пыль, покормить животных, полить комнатные растения и т. д.

Заключение

В результате проведенного теоретического исследования, подкрепленного практическим опытом, установлено, что способность организовать себя, свой досуг, является критически важной для функциональной жизнедеятельности лиц с РАС, а также для их окружения. Данная способность не может развиваться сама по себе, поэтому требует последовательного и организованного формирования. Изложенная в статье последовательность коррекционно-педагогической помощи по формированию навыков самостоятельной деятельности на основе прикладного анализа поведения показала свою эффективность и подтверждена на практике имеющимися у учащихся с РАС Мозырского районного ЦКРОиР результатами, время функциональной самозанятости которых в отдельных случаях достигает 25 минут и потенциально способно увеличиваться.

Анализ практики педагогических работников ЦКРОиР и полученных ими результатов убедительно показал, что сформированная функциональная самостоятельная деятельность учащихся с РАС позволила снизить количество эпизодов нежелательного поведения, заменяя их социально приемлемым поведением, сократить частоту и продолжительность самостимуляций. На примере учащихся с РАС Мозырского районного ЦКРОиР, включенных в целенаправленное и систематическое формирование навыков самостоятельной деятельности, мы наблюдаем способность к обобщению и генерализации данного навыка, т. е. демонстрация адекватной самостоятельной деятельности не только в условиях учреждения образования, но и дома, в общественных местах, что в перспективе будет способствовать улучшению социального портрета ребенка и снижению стигматизации в отношении лиц с расстройствами аутистического спектра в целом.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Основные показатели развития системы специального образования в Республике Беларусь. Информационный бюллетень. – Выпуск № 24. – Мн., 2023. – 105 с.
2. Формирование жизненных компетенций у детей с инвалидностью : пособие для педагогов / Т. В. Жук, Д. Н. Забелич, Т. В. Лисовская, Т. Б. Пивоварчик ; под науч. ред. Т. В. Лисовской. – Мн. : Народная асвета, 2020. – 167 с.
3. Коррекционная помощь детям с аутистическими нарушениями (с аутизмом) : пособие для педагогов / И. В. Ковалец, Т. Л. Лещинская, И. Е. Валитова [и др.] ; под ред. И. В. Ковалец, Т. Л. Лещинской. – 2-е изд. – Мн. : Народная асвета, 2017. – 159 с.
4. Волкмар, Ф. Аутизм : Комплексное руководство для родителей и специалистов помогающих профессий / Ф. Волкмар, Л. Вайзнер ; пер. с англ. У. Жарниковой ; под науч. ред. С. Анисимовой. – Екатеринбург : Рама Паблишинг, 2025. – 552 с.

5. На пути к инклюзии: сопровождение ребенка с аутистическими нарушениями в образовательном процессе : пособие для педагогов учреждений образования, реализующих образоват. программы спец. образования на уровне общ. сред. образования / И. В. Ковалец, Т. Л. Лещинская, Л. А. Зайцева [и др.] ; под ред. И. В. Ковалец, Т. Л. Лещинской. – Мн. : Изд. центр БГУ, 2017. – 187 с.
6. Чурило, Н. В. Создание специальных условий для детей с особенностями психофизического развития в учреждениях среднего образования (первая ступень) с учётом инклюзивных подходов : учеб.-метод. пособие : в 3 ч. / Н. В. Чурило, С. Л. Рубчяня. – Мн. : БГПУ, 2018. – Ч. 2. – 140 с.
7. Шрамм, Р. Мотивация и подкрепление : Практическое применение методов прикладного поведения и анализа вербального поведения (АВА/VB) / Р. Шрамм ; пер. с англ. У. Жарниковой ; предисл. С. Анисимовой. – Екатеринбург : Рама Паблишинг, 2022. – 608 с.
8. Уорд, С. Формирование ранних навыков сотрудничества и коммуникации у детей с РАС / С. Уорд ; пер. с англ. У. Жарниковой ; предисл. С. Анисимовой. – Екатеринбург : Рама Паблишинг, 2023. – 734 с.
9. Лиф, Р. Стратегии работы с поведением. Учебный план интенсивного поведенческого вмешательства при аутизме / Р. Лиф, Д. Макэкен ; пер. с англ. ; под общ. ред. Л. Л. Толкачев. – М. : ИП Толкачев, 2022. – 608 с.
10. Коэн, М. Дж. Визуальная поддержка. Система действенных методов для развития навыков самостоятельности у детей с аутизмом / Марлен Дж. Коэн, Питер Ф. Герхардт ; пер. с англ. У. Жарниковой ; под науч. ред. С. Анисимовой. – 3-е изд. – Екатеринбург : Рама Паблишинг, 2023. – 264 с.
11. Купер, Дж. О. Прикладной анализ поведения / Дж. О. Купер, Т. Э. Херон, У. Л. Хьюард ; пер. с англ. – М. : Практика, 2016. – 864 с.

Поступила в редакцию 04.08.2025

E-mail: i-kovalets@yandex.ru; yuliyabobr@mail.ru

I. V. Kovalets, Ju. S. Tatarinova

FORMATION OF INDEPENDENT ACTIVITY SKILLS AMONG STUDENTS WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS BASED ON APPLIED BEHAVIOR ANALYSIS

The article discusses one of the most relevant areas of correctional and pedagogical assistance for students with autism spectrum disorders (ASD) – the development of independent activity skills. The article reveals the theoretical and practical aspects of this work, specifies the concept of independent activities and the specific features of this activity in children with ASD, the conditions and sequence of developing these skills, as well as the difficulties that arise and the solutions based on applied behavior analysis or ABA therapy.

Keywords: students with autism spectrum disorders; teaching staff; correctional and pedagogical assistance; independent activity skills; applied behavior analysis; center for correctional and developmental learning and rehabilitation.

УДК 37.015.3, 373.3

Н. Л. Оганесова¹, Л. А. Лазаренко², А. Д. Сафронова³

¹Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Российская Федерация

²Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Российская Федерация

³Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Российская Федерация

ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи творческой активности и учебной мотивации младших школьников. Обосновывается тезис о том, что креативная деятельность способствует реализации личностного потенциала обучающихся и обеспечивает достижение конкретных, осязаемых результатов, что усиливает их интерес к процессу обучения. В ходе исследования был проведен анализ творческой активности младших школьников на базе школ № 57 и № 82 г. Краснодара, Российская Федерация. В тестировании принимали участие ученики в возрасте от 9 до 10 лет в количестве 132 человек. Кроме того, анализировался личный педагогический опыт авторов статьи.

Ключевые слова: творческая активность, младшие школьники, мотивация, педагогические средства, образовательная среда, психолого-педагогические условия, диагностические инструменты, личностное развитие, проектная деятельность, игровые методы.

Введение

Актуальность проблемы формирования устойчивой учебной мотивации в младшем школьном возрасте обусловлена необходимостью создания психолого-педагогических условий для становления активной познавательной позиции ребенка. Одним из действенных средств решения данной задачи является целенаправленное развитие творческой активности, которая выступает не только как ресурс личностного роста, но и как значимый мотивационный фактор.

Цель исследования, результаты которого представлены в данной статье, заключается в выявлении взаимосвязи между творческим мышлением и учебной мотивацией младших школьников; определении психолого-педагогических способов и методов развития творческой активности у младших школьников.

У детей младшего школьного возраста наблюдается комплексное совершенствование самосознания, эмоциональной сферы и способности к рефлексии. В этот возрастной период эмоциональный фон отличается наибольшей интенсивностью, выступая ключевым фактором обогащения чувственной сферы и психики, можно сказать, что развитие личности ребенка становится внутренне богаче и интереснее как для него самого, так и для окружающих.

Как отмечает Л. А. Лазаренко, «Вначале младшему школьнику может быть трудно принимать участие в учебном процессе, у него могут также возникнуть сложности в общении со сверстниками и педагогом, так как все это сопровождается обычно сдерживанием своих чувств. Тем не менее в ходе познавательной и учебной деятельности младшие школьники учатся контролю собственных эмоций, поведения за счет требований, предъявляемых к ним со стороны педагога, которые в дальнейшем сменяются требованиями, предъявляемыми окружающими людьми, обществом» [1, с. 390]. И здесь важным моментом в образовательном процессе становится мотивация. Эффективность любого педагогического взаимодействия обусловлена учетом индивидуальных особенностей мотивационной сферы обучающегося. При этом внешне идентичные поведенческие акты могут детерминироваться различными причинами, а один и тот же поступок – иметь принципиально разную мотивационную основу.

Мотивационный фактор можно рассматривать как желание действовать. Мотивация оказывает влияние на поведение человека, его активность, способность оказывать управляющее воздействие на свое поведение, в результате чего обеспечивается удовлетворение потребностей, необходимых

человеку для нормальной жизнедеятельности. Мотивация трактуется как осознанный регулятор деятельности личности, детерминированный ее ориентацией на достижение конкретного результата. Таким образом, мотивационная сфера личности представляет собой не статичный набор стимулов, а динамическую, многокомпонентную систему. Ее изучение требует от педагога выхода за рамки внешней поведенческой феноменологии и перехода к глубинному анализу индивидуальных движущих сил учебной деятельности ученика.

Методы и методология исследования

Методологию определения экспериментальных задач в рамках планируемой цели составили различные методы и методики исследования: анализ историко-психологической литературы для выработки теоретической базы исследования, теоретические методы (методы системного обобщения, концептуального моделирования); эмпирические методы (психолого-педагогический тест креативности Э. П. Торренса [2], «Изучение мотивации обучения у младших школьников» М. Р. Гинзбурга [3]). Для статистической обработки данных применялся коэффициент ранговой корреляции Ч. Э. Спирмена.

Как выше было сказано, для выявления уровня учебной мотивации использовалась методика «Изучение мотивации обучения у младших школьников» М. Р. Гинзбурга, которая предназначена для определения общего (итогового) уровня мотивации успеха в целом и преобладающих мотивов. Цель методики заключается в измерении уровня развития учебной мотивации учащегося. В форме анкеты учащемуся предлагаются неоконченные предложения и варианты ответов к ним. Время на заполнение анкеты – 20 минут. Следует выбрать для окончания предложения 3 варианта из предлагаемых ответов. Кроме того, с помощью методики можно выявить, какие группы мотивов преобладают у учеников:

- внутренний мотив;
- игровой мотив;
- получение отметки;
- позиционный мотив;
- социальный мотив;
- учебный мотив.

Для оценки уровня развития творческого мышления был использован тест креативности Э. П. Торренса. Используемый в настоящем исследовании фигурный тест Э. П. Торренса предназначен для взрослых, школьников и детей от 5 лет. Этот тест состоит из трех заданий. Ответы на все задания даются в виде рисунков и подписей к ним. Время выполнения задания не ограничено, так как креативный процесс предполагает свободную организацию временного компонента творческой деятельности. Художественный уровень исполнения в рисунках не учитывается.

Само исследование проводилось на базе школ № 57 и № 82 г. Краснодара, Российская Федерация. В тестировании принимали участие ученики в возрасте от 9 до 10 лет в количестве 132 человек.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследование проводилось во внеурочное время по согласованию с руководством школ. В целом нужно отметить благоприятное отношение всех испытуемых к просьбе поучаствовать в диагностике. Предварительно было получено разрешение родителей учащихся на их привлечение к исследованию.

Распределение 132 учащихся по уровням учебной мотивации на основе методики М. Р. Гинзбурга представлено в таблице 1. Процентные значения рассчитаны от общего количества респондентов (N = 132) и округлены до двух знаков после запятой.

Таблица 1 – Распределение детей по уровню учебной мотивации

Уровень мотивации	Абсолютное количество человек	Процент (%)
Очень высокий	16	12,12
Высокий	23	17,42
Средний	25	18,94
Сниженный	37	28,03
Низкий	31	23,48
Итого	132	100,0

В рамках исследования в обеих школах было схожее распределение по уровням учебной мотивации среди учащихся. Анализ распределения учащихся по уровням учебной мотивации демонстрирует выраженную неоднородность мотивационной сферы в выборке. Наибольшие группы формируют дети с низким (23,48 %) и сниженным (28,03 %) уровнями мотивации, в совокупности составляя половину выборки. Средний (18,94 %) и высокий (17,42 %) уровни представлены меньшей долей учащихся, тогда как очень высокий уровень мотивации характерен лишь для 12,12 % школьников. Таким образом, полученные результаты позволили разделить учащихся на две группы.

Первая группа – это учащиеся с уровнем учебной мотивации выше среднего, характеризуются устойчивой познавательной направленностью и позитивным отношением к школьному обучению. Для них свойственно стремление к систематическому выполнению учебных требований, успешному освоению программного материала и проявлению академической инициативы. Данные школьники демонстрируют высокую степень прилежания, способны к самостоятельной работе, следуют инструкциям без внешнего контроля и проявляют широкий учебный интерес ко всем предметам. Их социальный статус в коллективе, как правило, является благоприятным.

Важным аспектом выступает то, что у этих детей наблюдается сформированность метакогнитивных умений: они способны планировать свою учебную деятельность, оценивать результаты и корректировать способы достижения целей. Эмоциональная составляющая учебного процесса проявляется в переживании удовлетворения от познавательной деятельности, а не только от внешнего поощрения.

Вторая группа – это учащиеся с уровнем учебной мотивации ниже среднего. Дети из этой группы либо ориентированы преимущественно на внеучебные аспекты школьной жизни (общение со сверстниками и учителем), либо демонстрируют безразличное или отрицательное отношение к школе. В первом случае дети могут позитивно воспринимать школу как социальную среду, но их познавательные мотивы развиты слабо, что снижает вовлеченность в учебный процесс. Во втором случае наблюдается нежелание посещать занятия, склонность к отвлеченному поведению на уроках и нарушению дисциплины. Следствием этого является поверхностное и фрагментарное усвоение знаний.

Психолого-педагогический анализ позволяет выделить в данной группе две подкатегории: дети с ситуативным снижением мотивации, обусловленным временными трудностями в обучении, и дети со стойкой учебной дезадаптацией, требующие комплексной поддержки психолога и педагога. Для последних характерна несформированность базовых учебных действий и слабое развитие регуляторных функций.

Особого внимания заслуживает структура доминирующих мотивов в общем распределении учебной мотивации среди обучающихся, детализированная в таблице 2. Поскольку методика позволяет выявить преобладающий мотив для каждого ученика, общее количество наблюдений равно размеру выборки. Проценты рассчитаны от общего числа учащихся. Небольшое расхождение в сумме процентов связано с округлением.

Таблица 2 – Распределение видов преобладающих мотивов

Преобладающий мотив	Абсолютное количество человек	Процент (%)
Позиционный мотив	32	24,24
Получение отметки	31	23,48
Учебный мотив	24	18,18
Социальный мотив	23	17,42
Игровой мотив	16	12,12
Внутренний мотив	6	4,55
Итого	132	100,0

Ведущую роль в структуре играют внешние регуляторы – позиционный мотив (24,24 %) и получение хорошей отметки (23,48 %). Социальный и учебный мотивы занимают подчиненное положение со значениями в 18,18 % и 17,42 %, в то время как игровая мотивация, естественная для данного возраста, представлена лишь 12,12 % учащихся. При этом внутренний мотив, не связанный напрямую непосредственно с учебной деятельностью, а представляющий стремление к самообразованию, занимает минимальную долю в 4,55 % от выборки.

Выявленное распределение отражает общую тенденцию в современной начальной школе, где доминирование внешней мотивации над внутренней становится системной характеристикой. Особенно

показательным является факт, что только каждый восьмой ученик демонстрирует устойчивый познавательный интерес к учебной деятельности, в то время как для половины выборки характерны серьезные мотивационные дефициты.

Сравнительный анализ мотивационных профилей двух групп детей со средне-высоким и низким уровнями учебной мотивации выявил существенные различия в иерархии мотивов. Если для успешных учащихся характерно доминирование учебно-познавательных и социальных мотивов, то у школьников с низкой мотивацией преобладают внешние стимулы и позиционные мотивы. Это свидетельствует о различной смысловой нагрузке учебной деятельности для данных категорий учащихся.

Полученное распределение указывает на необходимость дифференцированного подхода в педагогической работе, направленного на перевод внешних стимулов в устойчивую внутреннюю мотивацию через создание ситуаций познавательной успешности и осмысленности учебной деятельности.

С целью эмпирического выявления взаимосвязи между учебной мотивацией и уровнем развития творческого мышления у обучающихся младшего школьного возраста было проведено диагностическое исследование. В качестве методического инструментария были использованы: методика «Изучение мотивации обучения у младших школьников» М. Р. Гинзбурга и тест креативности Э. П. Торренса. Выборку составили учащиеся в возрасте 9–10 лет.

Проведенный анализ диагностических данных позволил сформулировать следующие выводы.

1. Характер учебной мотивации. Для репрезентативной выборки младших школьников характерен средний или низкий уровень учебной мотивации. В мотивационной структуре испытуемых доминируют внешние мотивы, в частности, мотив получения отметки и позиционный мотив, что свидетельствует о недостаточной сформированности внутренней познавательной активности.

2. Специфика развития творческого мышления. Результаты диагностики креативности указывают на средний общий уровень развития творческого мышления. При этом наиболее развитым компонентом оказалась *оригинальность*, показатели по которому превышают средние значения. Напротив, наименее сформированными были выявлены *беглость* (скорость генерации идей) и *разработанность* (детализация и выборка творческого продукта). Это проявляется в замедленном темпе выполнения творческих задач и недостаточной проработанности конечных результатов. Параметр *оригинальности и абстрактности названий*, напротив, демонстрирует высокие результаты, что указывает на способность испытуемых к генерации уникальных идей.

3. Взаимосвязь исследуемых параметров. Корреляционный анализ подтвердил наличие прямой статистически значимой связи между уровнем учебной мотивации и показателями творческого мышления. Таким образом, учащиеся с более высоким уровнем сформированности положительной мотивации к учебной деятельности демонстрируют более высокий уровень развития творческих способностей.

Для статистической проверки гипотезы о связи между учебной мотивацией и показателями креативности был применен коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s). Анализ проводился для общей выборки ($N = 132$, после исключения 4 протоколов с неполными данными), а его результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Корреляции между уровнем учебной мотивации и показателями креативности по тесту Э. Торренса ($N = 132$)

Показатель	Коэффициент корреляции Спирмена (r_s)	p-value (уровень значимости)	Доверительный интервал для r_s
Общий уровень креативности	0.41	$p < 0.001$	[0.25, 0.55]
Беглость	0.32	$p = 0.002$	[0.15, 0.48]
Оригинальность	0.38	$p < 0.001$	[0.22, 0.52]
Разработанность	0.35	$p = 0.001$	[0.18, 0.50]
Абстрактность названий	0.29	$p = 0.005$	[0.11, 0.45]

Как показывает таблица 3, все корреляции являются положительными и статистически значимыми ($p < 0.05$), что подтверждает наличие прямой связи между уровнем учебной мотивации и развитием творческого мышления. Наиболее сильная связь наблюдается с общим уровнем креативности

($r_s = 0.41$, $p < 0.001$). Это означает, что учащиеся с более высокой учебной мотивацией демонстрируют и более высокие результаты по всем компонентам теста Торренса.

На основе выявленной корреляционной связи и анализа структуры креативности можно сформулировать конкретные рекомендации для педагогической практики. Поскольку наименее развитыми у учащихся оказались беглость (скорость генерации идей) и разработанность (детализация), целенаправленное развитие именно этих компонентов через специальные задания может дать наибольший синергетический эффект для повышения мотивации. Таким образом, в рамках проектной деятельности и творческих заданий следует делать акцент на:

1) упражнениях на скорость генерации идей. Задания, требующие за ограниченное время предложить как можно больше решений или ассоциаций, будут напрямую развивать беглость;

2) заданиях на детализацию и улучшение. Упражнения по типу «усовершенствуй этот объект», «опиши его во всех возможных деталях», «нарисуй схему и подпиши все элементы» будут способствовать развитию разработанности;

3) комбинированных методах. Наибольший прирост мотивации, согласно нашим данным, следует ожидать от методов, которые одновременно стимулируют и познавательный интерес (внутренний мотив), и требуют проявления креативности. Например, создание собственных мини-проектов с обязательным этапом мозгового штурма (беглость) и последующей детальной проработкой конечного продукта (разработанность).

Включение элементов творчества в учебный процесс оказывает комплексное положительное воздействие на мотивационную сферу младшего школьника. К основным преимуществам данного подхода можно отнести:

1) развитие познавательной самостоятельности. Творческая деятельность способствует формированию внутренней заинтересованности и увлеченности, что определяет характер учебного труда и переводит его из сферы внешней регламентации в плоскость внутренней потребности;

2) формирование интеллектуальной гибкости. Систематическое решение творческих задач развивает такие качества мышления, как быстроту реакции, оригинальность, гибкость и находчивость, что является основой для успешного освоения учебных дисциплин;

3) содействие личностной самореализации. Художественное творчество, в частности, предоставляет ребенку уникальные возможности для самовыражения и раскрытия индивидуальности, поскольку базируется на активизации воображения и продуктивного мышления.

Для эффективного использования творческой активности с целью повышения учебной мотивации целесообразно применение следующих педагогических технологий и методов:

- творческие задания. К их числу относятся дидактически организованные виды работы – составление загадок, ребусов и кроссвордов, литературное творчество (сочинение сказок, рассказов), а также создание собственных книжек-самоделок. Эти формы работы стимулируют интерес к содержанию учебного предмета;

- проектная деятельность. Данный метод предоставляет широкие возможности для реализации творческой инициативы как учащихся, так и педагога, выстраивая образовательный процесс на принципах сотрудничества, что позитивно влияет на мотивацию к обучению;

- игровые технологии. Использование деловых и ролевых игр позволяет раскрыть творческий потенциал учащихся, способствует развитию уверенности в себе, критического мышления и устойчивого интереса к изучаемой области;

- внеурочная деятельность. Занятия в творческих кружках и студиях создают благоприятную среду для самоутверждения и самовыражения личности младшего школьника в неформальной обстановке, закрепляя и усиливая положительное отношение к процессу познания в целом.

Эти целенаправленные вмешательства, в отличие от общих творческих занятий, призваны воздействовать на выявленные «слабые звенья» в структуре творческого мышления, что, в силу установленной статистической связи, будет опосредованно способствовать и росту учебной мотивации.

Заключение

Проведенное теоретическое и эмпирическое исследование позволяет сделать ряд обобщающих выводов о взаимосвязи учебной мотивации и творческого мышления в младшем школьном возрасте.

Учебная мотивация, понимаемая как специфический для учебной деятельности тип мотивации, представляет собой сложную, многокомпонентную систему. Ее эффективность определяется сбалансированным взаимодействием внутренних (познавательных, социальных), внешних (условия

обучения) и личностных (интересы, стремления, ценности) составляющих. Деформация любого из этих компонентов неминуемо ведет к ослаблению всей мотивационной структуры, что негативно сказывается на результативности учебной деятельности.

Младший школьный возраст представляет собой сензитивный период для формирования творческого мышления и развития когнитивных способностей. Согласно научным данным, целенаправленное развитие данного вида мышления должно осуществляться именно на данном этапе, побуждая учащихся к активному, гибкому и быстрому мышлению. Теоретический анализ, проведенный авторами ранее [4; 5], подтверждает, что мотивационная сфера выступает в качестве фундамента и условия развития мышления, в то время как сама мыслительная деятельность, в свою очередь, оказывает обратное влияние на формирование мотивов. При этом продуктивность мышления находится в прямой корреляционной зависимости от создания оптимальной образовательной среды, характеризующейся атмосферой открытости и творческого поиска. Эффективность развития когнитивной гибкости в указанный период обусловлена возрастными особенностями психики, включающими пластичность нервной системы, любознательность и недостаточную ригидность мыслительных стереотипов. Это указывает на наличие двусторонней взаимозависимости между данными процессами.

Эмпирическая проверка данной взаимосвязи, осуществленная с помощью методик М. Р. Гинзбурга и теста креативности Э. П. Торренса на выборке детей 9–10 лет, подтвердила выдвинутые теоретические положения. Результаты исследования выявили, что для современных младших школьников характерен средний или низкий уровень учебной мотивации с доминированием внешних мотивов (отметка, социальный статус). Параллельно было установлено, что общий уровень развития творческого мышления также находится в среднем диапазоне. При этом наблюдается дисбаланс в развитии отдельных компонентов креативности. Наименее развитыми оказались беглость и разработанность идей, тогда как оригинальность мышления продемонстрировала уровень выше среднего.

Ключевым результатом работы стало выявление прямой статистически значимой связи между уровнем учебной мотивации и уровнем развития творческого мышления. Учащиеся с более позитивно сформированной мотивацией к учебе демонстрируют и более высокие творческие способности. Это доказывает, что внутренняя познавательная активность и личностные стремления к самореализации являются мощным катализатором творческого потенциала.

Таким образом, целенаправленное развитие учебной мотивации через внедрение творческих заданий, проектной и игровой деятельности не только повышает интерес к обучению, но и создает необходимые психолого-педагогические условия для раскрытия и развития творческого мышления младших школьников, что в совокупности закладывает основу для их дальнейшего личностного и академического роста.

Перспективой дальнейшего исследования может стать разработка и апробация психолого-педагогической программы, направленной на одновременное развитие учебной мотивации и творческого мышления через систему специально организованных учебных заданий и проектной деятельности. Особый интерес представляет изучение динамики выявленной взаимосвязи на последующих этапах школьного обучения.

В качестве приоритетного направления для дальнейших исследований видится изучение долгосрочных эффектов такого интегрированного подхода. Требуется проследить, как устойчивая мотивация и развитое творческое мышление, сформированные в начальной школе, влияют на академические результаты и личностное развитие учащихся на последующих этапах обучения в основной школе.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лазаренко, Л. А. Особенности развития эмоционального интеллекта у детей младшего школьного возраста / Л. А. Лазаренко // Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2024. – № 1 (28). – С. 388–392. – URL: http://univers-plus.ru/files/1/1/2/1125/Na%20peresech_2024_1/086_Лазаренко_Особенности.pdf (дата обращения: 01.10.2025).
2. Туник, Е. Е. Тест Е. Торренса: диагностика креативности : методическое руководство / Е. Е. Туник. – СПб. : ИМАТОН, 1998. – 111 с.
3. Методика «Изучение мотивации обучения у младших школьников» М. Р. Гинзбурга. – URL: https://cdk-detstvo.centerstart.ru/sites/cdk-detstvo.centerstart.ru/files/2022-12/metodiki_shkolnaya_motivaciya.pdf (дата обращения: 05.10.2025).

4. Оганесова, Н. Л. Психолого-педагогические исследования проблемы неуспеваемости младших школьников / Н. Л. Оганесова // Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2025. – № 1 (31). – С. 465–469.

5. Сафронова, А. Д. Родительские установки как фактор развития эмоционального интеллекта детей младшего школьного возраста / А. Д. Сафронова, Е. В. Куцевольская // Культура родительства и семейные ценности в современном мире : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., 17 нояб. 2021 г., Киров / Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании ; редкол.: А. Г. Ларионова (гл. ред.) [и др.]. – Киров, 2021. – С. 267–271.

Поступила в редакцию 13.11.2025

E-mail: nelli.oganesova60@mail.ru; larisa_bulanova@mail.ru;
89183353777@mail.ru,

N. L. Oganeseva, L. A. Lazarenko, A. D. Safronova

CREATIVE ACTIVITY AS A FACTOR OF LEARNING MOTIVATION IN EARLY SCHOOL-AGE CHILDREN

The article examines the relationship between creative activity and learning motivation in early school-age children. It substantiates the claim that engagement in creative tasks facilitates the realization of students' personal potential and leads to concrete, measurable outcomes that, in turn, strengthen their interest in the learning process. The study included an analysis of the creative activity of primary school pupils at Schools No. 57 and No. 82 in Krasnodar, Russian Federation. A total of 132 students aged 9–10 years participated in the assessment. In addition, the authors' personal teaching experience was also taken into consideration.

Keywords: creative activity, primary school children, motivation, pedagogical tools, educational environment, psychological and pedagogical conditions, diagnostic instruments, personal development, project-based learning, game-based methods.

УДК 378.147:376.1:004

В. А. Самойлова

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, УО «Белорусский государственный университет физической культуры», г. Минск, Республика Беларусь

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЦИФРОВОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СТУДЕНТОВ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье обоснованы педагогические условия цифрового сопровождения студентов с расстройствами аутистического спектра в системе высшего образования Республики Беларусь. На основе научных исследований и международного опыта выделены четыре ключевых блока условий: цифровая образовательная среда; формирование коммуникативных и социальных компетенций обучающихся; повышение цифровой и инклюзивной компетентности педагогических кадров. Представленные положения направлены на развитие социальной адаптации студентов и повышение эффективности инклюзивного обучения.

Ключевые слова: инклюзивное образование, цифровая образовательная среда, Республика Беларусь, расстройства аутистического спектра, педагогические условия, цифровая компетентность.

Введение

В Республике Беларусь вопросам инклюзии в системе образования уделяется приоритетное внимание. Это подтверждается ратификацией Конвенции о правах инвалидов и закреплением в Кодексе Республики Беларусь об образовании права лиц с особенностями психофизического развития на получение качественного образования на всех его уровнях. Такие положения отражают приоритеты государственной политики, направленной на построение справедливого, социально ориентированного общества, где каждый гражданин, независимо от особенностей здоровья, имеет возможность реализовать свой личный и профессиональный потенциал [1, с. 4].

Приоритеты образовательной политики, зафиксированные в Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года и в Программе развития национальной системы обеспечения качества образования до 2025 года и на перспективу до 2030 года, ориентированы на обеспечение доступности, вариативности и высокого качества образовательных услуг, в том числе в сфере профессиональной подготовки.

Особое значение в этих процессах приобретает интеграция лиц с расстройствами аутистического спектра (далее – РАС) в образовательную и социальную среду. Согласно данным отечественных исследований [2, с. 17], в нашей стране достигнут определенный прогресс в развитии инклюзивного образования. Однако в сфере профессионального и особенно высшего образования сохраняются нерешенными задачи, связанные с созданием образовательной среды, способной учитывать особенности восприятия и взаимодействия студентов с РАС. Российские исследователи [3, с. 255; 4, с. 61] также подчеркивают сложности работы с данной категорией обучающихся, указывая на недостаточную подготовленность педагогических кадров и ограниченность комплексных программ сопровождения.

Современные исследования демонстрируют высокую эффективность применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в создании инклюзивной образовательной среды для лиц с РАС [5; 6]. Использование цифровых инструментов позволяет не только индивидуализировать процесс обучения, но и снижать уровень тревожности и стресса у студентов этой категории, способствуя их успешной учебной и социальной адаптации [7].

Мировой опыт накопил значительное количество примеров успешного применения цифровых технологий в обучении студентов с аутизмом в системе высшего образования [8, с. 494]. Среди перспективных направлений выделяются методики преподавания дисциплин в области естественных наук, технологий, инженерии и математики, организация дуального обучения и использование виртуальной реальности для повышения вовлеченности студентов с РАС в образовательный процесс [9]. Вместе с тем указанные подходы не нашли широкого применения в отечественной образовательной практике и требуют адаптации к национальному контексту и нормативной правовой базе.

Несмотря на значительное число отечественных и зарубежных исследований, остаются нерешенными вопросы, связанные с формированием педагогических условий для эффективного цифрового сопровождения студентов с РАС в системе высшего образования Республики Беларусь. Недостаточно изучены механизмы интеграции цифровых технологий в образовательный процесс, способы сопровождения студентов в цифровой образовательной среде, а также вопросы подготовки педагогических кадров к работе в условиях цифровой инклюзии.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и обосновании педагогических условий цифрового сопровождения студентов с расстройствами аутистического спектра в системе высшего образования Республики Беларусь с учетом отечественной практики и современных вызовов цифровой трансформации образовательной сферы.

Методы и методология исследования

Исследование носит теоретико-аналитический характер и направлено на научное обоснование педагогических условий, необходимых для проектирования системы цифрового сопровождения студентов с расстройствами аутистического спектра в учреждениях высшего образования Республики Беларусь. Методологическая основа исследования сформирована на базе системного, компетентностного и инклюзивного подходов, обеспечивающих комплексное осмысление цифровой трансформации образовательной среды в условиях реализации государственной политики равного доступа к образованию.

Ввиду ограниченной представленности студентов с официально установленным диагнозом РАС в системе высшего образования Республики Беларусь, а также отсутствия масштабных эмпирических исследований по данной категории обучающихся, в работе применен комплекс теоретических методов:

- сравнительный анализ зарубежного и российского опыта цифрового сопровождения студентов с РАС в системе высшего образования;
- контент-анализ актуальных научных публикаций в рецензируемых международных и национальных изданиях по вопросам инклюзии и цифровизации образования;
- нормативно-правовой анализ ключевых стратегических документов Республики Беларусь в области образования, таких как Кодекс об образовании Республики Беларусь (ред. 2024 г.), Концепция развития системы образования до 2030 года, Программа развития национальной системы обеспечения качества образования и др.

Использование указанных методов позволило сформулировать научно обоснованные педагогические условия цифрового сопровождения студентов с РАС, адаптированные к отечественному образовательному контексту, отражающие приоритеты государственной образовательной политики.

Результаты исследования и их обсуждение

Цифровое сопровождение студентов с РАС рассматривается как системный подход к обеспечению учебной и социальной поддержки обучающихся через цифровые технологии [10, с. 220]. Данное направление предполагает системное взаимодействие научного сообщества, органов управления образованием и профессионального педагогического сообщества. Создание национальной модели цифрового сопровождения студентов рассматриваемой категории возможно при условии учета особенностей белорусского образовательного контекста и стратегических приоритетов социальной справедливости.

На основании анализа отечественного и международного опыта автором выделены ключевые педагогические условия цифрового сопровождения студентов с РАС в системе высшего образования Республики Беларусь (рисунок 1).

Переходя к первому блоку педагогических условий, представленному на рисунке, следует особо подчеркнуть, что в современных условиях цифровой трансформации системы высшего образования в Республике Беларусь индивидуализация обучения студентов с расстройствами аутистического спектра приобретает не только научное и педагогическое, но и важнейшее социальное и государственное значение. Это не просто требование времени или научная новация, а практическое воплощение конституционного принципа социальной справедливости и равных возможностей для каждого гражданина нашей страны. Данный вектор развития системы образования четко отражен в Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года и в иных нормативных актах, регламентирующих создание инклюзивной образовательной среды, соответствующей высоким стандартам белорусской государственности.

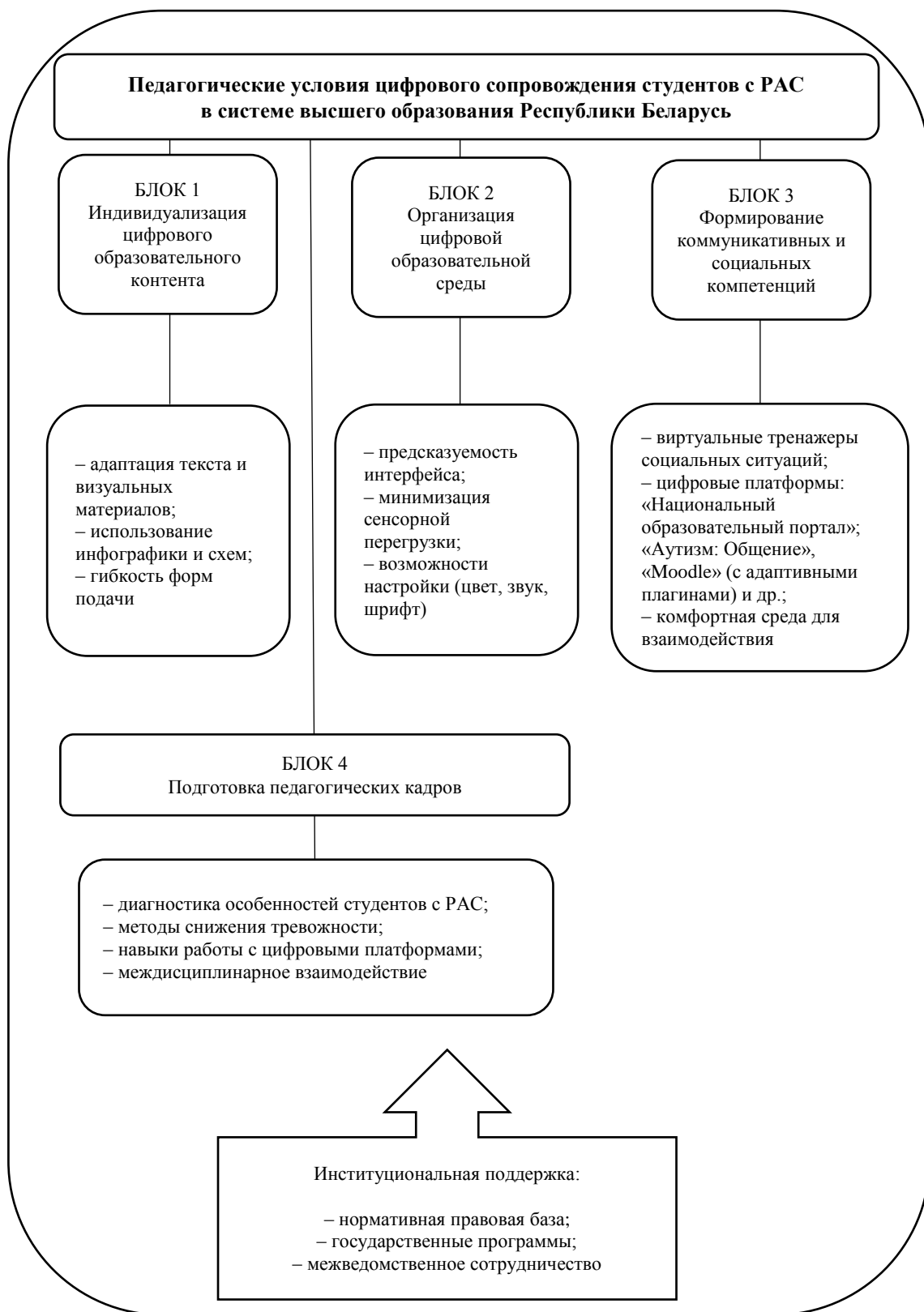


Рисунок 1 – Педагогические условия цифрового сопровождения студентов с расстройством аутистического спектра в системе высшего образования Республики Беларусь

Ключевым аспектом индивидуализации образовательного процесса для студентов с РАС является адаптация цифрового образовательного контента с учетом их уникальных психофизиологических особенностей. Это необходимо в связи с тем, что лица данной категории часто обладают повышенной сенсорной чувствительностью, замедленным темпом обработки информации и выраженной потребностью в четкой и логичной структуре учебного материала. В этих условиях особое значение приобретают такие подходы, как упрощение языковых конструкций, исключение из цифрового образовательного контента элементов, способных вызывать сенсорную перегрузку, а также активное применение наглядных визуальных средств – схем, инфографики, пошаговых инструкций. Это позволяет значительно оптимизировать познавательную нагрузку, сделать процесс обучения более индивидуализированным и обеспечить его осмысленность и результативность.

Не менее важным элементом индивидуализации является гибкость в способах представления цифрового образовательного контента. Студенты с РАС могут по-разному воспринимать материал – в текстовом, визуальном или аудиоформате. В этих условиях педагогу необходимо владеть методикой создания цифровых модулей разной степени сложности и структуры, адаптированных к уровню развития и сенсорной толерантности обучающихся. В условиях нашей страны, где ценится практичность и адресность государственных программ, персонализация в рамках первого блока педагогических условий означает не просто технологическое новшество, а выполнение глубокой социальной миссии – создание для каждого студента условий для полноценной учебной, профессиональной и социальной реализации.

Перейдя ко второму блоку педагогических условий, следует отметить, что организация структурированной, эргономичной и предсказуемой цифровой образовательной среды – это задача, иная по своей сути, но тесно связанная с содержательной стороной образовательного процесса. Если первый блок затрагивает методику и содержание преподавания, то второй блок отвечает за создание надежной технологической инфраструктуры, обеспечивающей доступность и комфортность образовательного процесса для каждого гражданина, независимо от его особенностей развития.

Базисным элементом цифровой образовательной среды является ее стабильность и предсказуемость. Для студентов с РАС исключительно важно, чтобы цифровое пространство сохраняло неизменную структуру, без неожиданных изменений интерфейса, спонтанно всплывающих окон или перестроек. Нарушение стабильности вызывает стресс и дезориентацию, снижает учебную мотивацию и затрудняет усвоение знаний. Напротив, стабильность интерфейсов и структурных элементов цифровых платформ способствует формированию у студентов с РАС чувства уверенности и защищенности.

Ключевыми характеристиками качественной цифровой образовательной среды являются структурированность и эргономичность интерфейса, обеспечивающие логичную навигацию, минимизацию переходов и визуальную доступность элементов управления. Избыточная графика, анимация и звуковое сопровождение повышают сенсорную нагрузку, что особенно критично для студентов с расстройствами аутистического спектра.

Цифровая среда должна проектироваться с учётом возможности индивидуальной настройки параметров отображения и звука. Минимизация сенсорной перегрузки – не только условие комфортного обучения, но и проявление инклюзивной образовательной политики, ориентированной на уважение и поддержку студентов с особыми образовательными потребностями.

Блок третий – формирование коммуникативных и социальных компетенций в системе цифрового сопровождения студентов с РАС – занимает особое место в структуре педагогических условий. Его содержание принципиально отличается от первых двух блоков, так как направлено не столько на передачу знаний или технологическое обеспечение образовательного процесса, сколько на развитие у студентов жизненно необходимых навыков социального взаимодействия. Это неотъемлемое условие их социальной и профессиональной интеграции, без которого невозможно полноценное раскрытие их личностного и профессионального потенциала.

Цифровые инструменты, применяемые в реализации коммуникативного подхода, позволяют создавать контролируемые и многократно воспроизводимые социальные сценарии, в которых студенты могут безопасно тренировать различные модели общения. Использование таких специализированных программ, как «Аутизм: Общение», Moodle, а также возможностей Национального образовательного портала открывает широкие возможности для совершенствования коммуникативных навыков студентов с РАС. Национальный образовательный портал особенно ценен тем, что является отечественным цифровым продуктом, созданным с учетом особенностей белорусской образовательной системы и языковой специфики.

Важную роль играют виртуальные тренажеры социальных ситуаций, позволяющие многократно отрабатывать ключевые коммуникативные навыки – от ведения диалога до решения конф-

ликтных ситуаций. Такая форма обучения способствует снижению тревожности студентов, формирует уверенность в себе и способствует подготовке граждан, способных активно участвовать в жизни общества и успешно строить профессиональную карьеру.

Таким образом, третий блок педагогических условий имеет ярко выраженное социально-воспитательное значение, поскольку направлен на формирование у студентов социально-коммуникативной компетентности, которая является залогом их полноценной интеграции в белорусское общество, где приоритетом неизменно остается человек и его благополучие.

Блок четвертый – это кадровое обеспечение всей системы цифрового сопровождения студентов с РАС. Если первые три блока ориентированы преимущественно на нужды студентов, то блок четвертый адресован педагогическим кадрам, без которых невозможно качественное внедрение инклюзивных подходов в систему высшего образования. Педагогу необходимо владеть не только дефектологическими методами и основами работы с лицами с РАС, но и современными цифровыми технологиями, уметь проектировать образовательные сценарии, учитывать особенности студентов с РАС и грамотно использовать цифровые ресурсы. Необходимо предусматривать в программах подготовки и повышения квалификации педагогических кадров следующие направления: основы диагностики особенностей студентов с РАС; методы раннего выявления признаков стресса или дезадаптации в цифровой образовательной среде; приемы формирования учебной мотивации и эмоциональной устойчивости студентов; стратегии внедрения цифровых инструментов для обучения, коммуникации и социализации.

Таким образом, блок четвертый не только завершает систему педагогических условий цифрового сопровождения студентов с РАС, но и является ее прочным методологическим и кадровым фундаментом. Без соответствующей профессиональной подготовки педагогических кадров невозможно построить устойчивую модель инклюзивного высшего образования.

Обобщая, следует подчеркнуть, что все четыре блока педагогических условий представляют собой единую и согласованную систему, отражающую государственный приоритет – создание обстановки, в которой каждый гражданин, независимо от особенностей его развития, может реализовать себя в профессиональной, общественной и личной жизни. Это полностью соответствует стратегическому курсу Республики Беларусь на построение справедливого и социально ориентированного общества, в центре которого неизменно стоит человек как главная ценность государства. Представленные педагогические условия являются новым научным продуктом применительно к специфике нашей страны, где вопрос цифрового сопровождения студентов с РАС находится на стадии концептуального формирования.

Заключение

В ходе проведенного исследования выявлены и обоснованы педагогические условия цифрового сопровождения студентов с расстройствами аутистического спектра в системе высшего образования Республики Беларусь. Установлено, что приоритетами такой работы являются индивидуализация цифрового образовательного контента, организация предсказуемой и эргономичной цифровой образовательной среды, применение специализированных цифровых инструментов, а также качественная психолого-педагогическая подготовка кадров.

Анализ зарубежного опыта показал эффективность цифровых технологий в снижении тревожности студентов с РАС, повышении их учебной мотивации и социализации, однако выявил дефицит локальных методик, адаптированных к отечественному контексту. В Республике Беларусь Национальный образовательный портал обладает потенциалом для поддержки студентов с РАС, вместе с тем его успешное применение требует комплексной адаптации контента, интерфейса и сценариев обучения.

Выделенные четыре блока педагогических условий образуют целостную систему, направленную на создание образовательной среды, способной обеспечить равные возможности для профессиональной, социальной и личностной реализации студентов с РАС. Полученные результаты обладают научной новизной и прикладным значением для разработки национальной модели цифрового сопровождения студентов с РАС в условиях цифровой трансформации образования в Республике Беларусь.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Жук, А. И. Анализ современного состояния педагогического образования в Республике Беларусь / А. И. Жук // Непрерывное педагогическое образование: достижения и перспективы : сб. науч.-метод. ст. – Мн., 2022. – С. 4–13.

2. Хруль, О. С. Этапы реализации идей инклюзии в системе специального образования в Республике Беларусь / О. С. Хруль, Н. Г. Еленский // Педагогическая наука и образование. – 2023. – № 4. – С. 17–26.

3. Смагина, Т. В. Проблемы восприятия студентов-аутистов в системе высшего образования России / Т. В. Смагина, О. Л. Ляхова, А. А. Анашкина // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 4 (89). – С. 254–257.

4. Хилькевич, Е. В. Создание специальных условий при обучении студентов с РАС по специальностям творческой направленности / Е. В. Хилькевич, А. С. Стейнберг, А. В. Хаустов // Аутизм и нарушения развития. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 53–61.

5. Campus-based supports for autistic students in higher education: A scoping review of the literature from the United States and Canada / A. G. Crocker, H. K. Brown, S. Tischler [et al.] // Frontiers in Education. – 2023. – Vol. 8. – Article 1157326. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/educ.2023.1157326/full> (дата обращения: 15.01.2025).

6. Innovative technologies for autism: critical reflections on digital bubbles / S. Parsons, N. Yuill, M. Brosnan, J. Good // Journal of Assistive Technologies. – 2015. – Vol. 9, № 2. – P. 116–121.

7. Navas Bonilla, M. F. Inclusive education through technology: a systematic review of types, tools and characteristics / M. F. Navas Bonilla, J. Guerra, J. Arango // Frontiers in Education. – 2025. – Vol. 10. – Article 1527851. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/educ.2025.1527851/full> (дата обращения: 22.06.2025).

8. Taylor, M. J. Teaching students with autistic spectrum disorders in HE / M. J. Taylor // Education + Training. – 2005. – Vol. 47, № 7. – P. 484–495.

9. A systematic literature review on the efficacy of emerging computer technologies in inclusive education for students with autism spectrum disorder / A. Lawan, I. Yarima, I. Usman [et al.] // OBM Neurobiology. – 2023. – Vol. 7, № 2. – Article 172. – URL: <https://www.lidsen.com/journals/neurobiology/neurobiology-07-02-172> (дата обращения: 20.12.2024).

10. Suppes, P. The Uses of Computers in Education / P. Suppes // Scientific American. – 1966. – Vol. 215, № 3. – P. 206–220.

Поступила в редакцию 06.08.2025

E-mail: 11824528s@gmail.com

V. A. Samoilava

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR DIGITAL SUPPORT OF STUDENTS WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article substantiates the pedagogical conditions for digital support of students with autism spectrum disorders (ASD) in the higher education system of the Republic of Belarus. Based on scientific research and international experience, the four key blocks of conditions have been identified: digital learning environment; the development of students' communicative and social competencies; and enhancement of educators' digital and inclusive competencies. The proposed framework is aimed at fostering students' social adaptation and improving the effectiveness of inclusive education.

Keywords: inclusive education, digital learning environment, Republic of Belarus, autism spectrum disorders, pedagogical conditions, digital competence.

УДК 37.022

Т. Н. Талецкая¹, О. Н. Новикова², Ю. В. Калугина³

¹Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет», г. Уфа, Республика Башкортостан

³Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет», г. Уфа, Республика Башкортостан

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ МЕТОДИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Статья посвящена описанию классических методических приемов в обучении иностранным языкам, их преемственности и совершенствованию в диахроническом аспекте. Авторы статьи показывают, какие приемы и способы обучения заимствованы современной методикой из классических методов, а также демонстрируют те изменения, которым приемы обучения подверглись в историческом процессе, чтобы достичь своей эффективности в современных условиях иноязычного образования.

Ключевые слова: прием обучения, метод, преемственность, коммуникативная компетенция, учебный курс.

Введение

Методика преподавания иностранных языков – это самостоятельная наука, предметом которой является не только научное обоснование целей и содержания обучения, но и научная разработка наиболее эффективных методов, приемов и форм обучения. Методика, как и любая другая наука, имеет собственные категории и понятия. К основополагающим методическим понятиям относятся *метод* и *прием*. В разные исторические периоды в зависимости от изменявшегося социального заказа появлялись и сменяли друг друга методы иноязычного образования. Каждый новый метод заимствовал наиболее ценные идеи обучения из предыдущих методов и разрабатывал на их основе новые приемы, принципы, подходы под актуальный спрос на овладение иностранным языком. Традиционно считается, что прием – это элемент метода. Каждый метод или технология состоит из совокупности различных приемов обучения. Считать метод только лишь совокупностью приемов – не совсем правильно. Метод – это «обобщенная модель реализации основных компонентов учебного процесса по иностранному языку, в основе которой лежит доминирующая идея решения главной методической задачи» [1, с. 18]. Если метод рассматривать как путь для достижения определенной цели, то прием можно определить как элементарный методический поступок или действие на пути к решению конкретной учебной задачи на определенном этапе занятия [2, с. 17–18]. Н. И. Гез приводит в качестве примеров изолированных или сопряженных приемов в обучении устной (или письменной) речи следующие: название предметов по картинкам, контрольное чтение вслух слов и предложений, объяснительное чтение, использование транскрипционных значков при чтении, обучение устной речи на основе типовых образцов, написание на доске трудных для усвоения орфограмм и т. д. [2, с. 17–18].

Методические приемы, используемые в обучении аспектам языка и видам речевой деятельности, очень разнообразны. В современной методике основное внимание, естественно, фокусируется на новых технологиях и приемах обучения. Но при этом иногда игнорируется значимость классических приемов, которые не утратили со временем своей актуальности. Их наследие должно быть сохранено в современной методике преподавания иностранных языков, потому что именно они лежат в основе качественного и эффективного обучения, несмотря на появление новых технологий, новых способов обучения в системе современной комплексной методической модели. Актуальность тематики данной статьи в том, что авторы обращаются к анализу практической ценности универсальных методических приемов, их преемственности и совершенствованию в диахроническом аспекте.

Цель данной статьи – выявить методические приемы обучения иностранным языкам, пришедшие в современную методику из классических методов обучения, описать те изменения, которым они подверглись в историческом контексте, обобщить их образовательную значимость и методическую ценность для современной практики иноязычного образования.

Методы и методология исследования

При проведении исследования авторы статьи проанализировали совокупность приемов обучения, предложенных в свое время переводными методами (грамматико-переводной, текстуально-переводной), методами «Реформы» (натуральный, прямой) и неопрямыми методами (метод Г. Пальмера, аудиолингвальный, аудиовизуальный методы, метод М. Уэста), являющихся в истории методики классическими. Затем были отобраны и описаны те приемы, которые не отрицались последующими методами, а дорабатывались и совершенствовались в связи с новыми целями обучения иностранным языкам и новым социальным заказом общества. На основе сопоставительного анализа интерпретированы существенные изменения, которым подверглись эти приемы, войдя в современную методику. Ретроспективный анализ методического опыта позволил тем самым выявить ряд универсальных методических приемов, показать их преемственность и эффективность в современной практике иноязычного образования.

Результаты исследования и их обсуждение

Первые известные в истории методики преподавания иностранных языков методы – это переводные (грамматико-переводной и текстуально-переводной). Они появились в Европе в середине XIX века и основывались на преподавании мертвых языков – латинского и греческого. Целью обучения по грамматико-переводному методу было развитие логического мышления через овладение структурой языка, т. е. грамматикой. В этом методе все внимание было сосредоточено на грамматической форме. Само содержание текста, на базе которого усваивался грамматический материал, особой роли не играло, тексты использовались в этой связи часто вообще бессодержательные, чтобы не отвлекать от грамматики. Основными приемами метода были следующие – заучивание грамматических правил и построение на их основе предложений; заучивание тематически разрозненной лексики; использование родного языка как опоры при семантизации лексических единиц; дословный перевод (часто искажавший смысл) с родного языка на иностранный и наоборот. Текстуально-переводной метод в основу обучения положил сам текст, а не грамматическую систему языка. Основными приемами работы над текстом стали транскрипция, имитация речи учителя, дословный перевод (максимально сохранявший структуру предложений иностранного языка), механическое заучивание наизусть. Оба метода (грамматико-переводной и текстуально-переводной) с позиций современной методики являются примитивными, так как они не были ориентированы на овладение устной речью. Но многие из выше перечисленных приемов используются в практике преподавания иностранных языков и сегодня, например, имитация речи учителя или диктора, использование родного языка (при введении абстрактной лексики), использование транскрипции, осознанное заучивание наизусть грамматических правил после введения грамматического явления на устной основе и его первичного закрепления.

В конце XIX века на смену переводным методам приходят натуральный и прямой методы (известные в методике под названием «Реформа»). Появилась необходимость в людях, практически владеющих устной речью на иностранном языке. Натуральный метод вырос из практической необходимости и опирался на аналогию в овладении ребенком речью на родном языке. Представители натурального метода обратились к живому разговорному языку, родной язык при этом полностью исключался из обучения. Была создана методика обучения устной речи. Появилась фонетика как раздел науки о языке, стали изучаться процессы артикуляции звуков, в обучении иностранному языку особо значимое место заняло обучение произношению. Появление такого направления как «гештальтпсихология» во многом предопределило дальнейшее обучение устной речи на основе речевых образцов. Был сделан правильный вывод, что единицей обучения должно быть не изолированное от контекста отдельное слово, а некий «гештальт», т. е. целое предложение. Имитация и в этом методе продолжила играть важную роль, особенно при формировании произносительных артикуляционных и интонационных навыков. Перевод в ознакомлении с иноязычной лексикой был заменен на наглядное предъявление материала. Помимо этого, в натуральном методе были разработаны разнообразные игровые приемы работы над лексикой, стали создаваться ситуации реальных условий общения. Главное достижение прямого метода в том, что прямисты обратили внимание на проблему отбора языкового материала. Был научно отобран фонетический материал, лексика стала отбираться по тематическому принципу, из изучения иноязычной грамматики исключили явления, не отвечающие современной языковой норме. Прямисты отказались от перевода, предложив связывать иноязычный материал непосредственно с соответствующими понятиями через прямые ассоциативные связи. Ими разработаны разнообразные беспереводные способы семантизации лексики. Лексика следовало

изучать только в контексте ввиду многозначности слова. Наряду с имитацией прямисты использовали уже описание артикуляции. Такой подход (аналитико-имитационный) сохранен в современной методике преподавания иностранных языков. Современная методика использует многие приемы, разработанные натуральным и прямым методами. Следует отметить, что сегодня методисты не так категоричны по отношению к полному исключению родного языка из иноязычного образования.

В XX веке появляется большая потребность в людях, владеющих иностранными языками, и на смену прямым приходят неопрямые методы. Иностранный язык приобретает статус обязательного учебного предмета в школах Европы и Америки. Неопрямые методы разрабатывались для продуктивного (метод Г. Пальмера, аудиолингвальный и аудиовизуальный методы) и рецептивного овладения языком (метод М. Уэста).

В неопрямых методах при введении грамматических явлений большое значение приобретают иллюстрирующие их речевые образцы, основным способом усвоения которых становится многократность повторения с заменой и подстановкой лексики. Г. Пальмер предложил обучение иностранному языку начинать с устной речи, по аналогии с овладением ребенком речевыми навыками на родном языке: вначале имеет место пассивное восприятие речи на слух, на основе которого постепенно формируются и совершенствуются активные навыки говорения. В современной методике эта идея воплощена в принципе устного опережения, в соответствии с которым любое языковое явление вводится в речевом образце без опоры на графический образ. Г. Пальмер ввел интересный прием для тренировки лексики – устную схему вопросов, назвав ее «условный диалог». В современной методике эта схема вопросов сохранилась и эффективно работает в качестве условно-речевого упражнения на этапе тренировки. В разработанной Пальмером схеме вначале используются подсказки, содержащиеся в общих вопросах, требующих утвердительного, отрицательного, альтернативного ответов. Заключает эту цепочку специальный вопрос без подсказки, сигнализирующий учителю о степени усвоения иноязычной лексики.

За методом Г. Пальмера последовал аудиолингвальный метод, который уделил основное внимание обучению моделям предложения. Новые грамматические структуры должны были усваиваться в специальных коротких диалогах (в современной методике это так называемые диалогообразцы). Содержание диалогов базировалось на использовании конкретных жизненных ситуаций общения. Для проверки понимания содержания диалога в качестве приемов предназначались истинные и ложные утверждения, вопросы, перевод. Диалоги заучивались наизусть и обеспечивали тем самым основу для тренировки грамматических структур и их последующего автоматического использования в речи. При работе с диалогом применялись приемы хоровой и индивидуальной имитации, опора на иллюстративные картинки и диалог-эквивалент на родном языке. Выученные в диалогах грамматические структуры были необходимы для беглого построения на их основе собственных высказываний. В тренировочных упражнениях использовались следующие приемы: имитация, дифференциация, подстановка, трансформация. Сегодняшняя методика положила их в основу тренировочных языковых упражнений на этапе автоматизации языкового материала.

Следующий метод – аудиовизуальный (главная черта метода – структурализм). Основными способами усвоения иноязычного материала выступили: имитация, механическое заучивание наизусть, построение по аналогии. Обучение иноязычному материалу построено только на устной основе с использованием технических средств. Языковой материал, объединенный в диалого-темы и охватывающий наиболее частые случаи повседневного общения, вводился в структурах, воспринимаемых на слух, и значение которых раскрывалось с помощью визуальных средств. В работе над диалогом-темой придерживались следующей методической последовательности: презентация материала, объяснение, повторение и активизация. В ходе презентации диалого-темы появился новый прием: диафильм просматривался дважды, первый раз без звука (чтобы активизировать речемыслительную активность), второй – со звуком. На втором этапе происходило обсуждение содержания с необходимыми объяснениями. На этапе повторения каждая реплика тщательно отработывалась с помощью имитации диктора. На этапе активизации диафильм снова демонстрировался без звука, а учащиеся воспроизводили выученные структуры. Цикл работы над диалогом-темой заканчивался беседой на изученную тему.

Метод М. Уэста положил начало работе над рецептивным видом речевой деятельности – чтением. Основоположник метода ставил цель сформировать навыки и умения беглого чтения про себя с общим охватом содержания, поскольку именно этот вид чтения наиболее часто используется в повседневной жизни. Для учебных текстов тщательно отбиралась лексика. Грамматику М. Уэст предлагал изучать интуитивно (на основе аналогии и догадки). Основной прием работы с текстом

по Уэсту – скольжение глазами по тексту в поисках определенной информации. Многие рекомендации М. Уэста успешно используются в современной методике преподавания иностранных языков.

В 70–80 гг. XX века появляется коммуникативный метод, концепция которого получила обоснования в трудах Е. И. Пассова. Идея, заложенная в концепции коммуникативного метода, заключается в том, что процесс обучения иностранному языку должен быть своего рода моделью процесса коммуникации, а сам процесс иноязычного образования должен осуществляться посредством общения. Цель метода – сформировать коммуникативную компетенцию в рамках лингвистического, прагматического и социолингвистического компонентов [1, с. 19]. Лингвистический компонент предполагает овладение системой изучаемого иностранного языка (фонетическими и лексико-грамматическими средствами общения), а также формирование навыков владения иноязычными средствами общения. Прагматический компонент включает знания, навыки и умения понимать и порождать иноязычные высказывания в зависимости от конкретной ситуации общения, речевой задачи и своего коммуникативного намерения. Социолингвистический компонент включает знания, навыки и умения, позволяющие осуществлять вербальное и невербальное общение с носителями изучаемого языка в диалоге культур – родной и иноязычной [1, с. 19].

Коммуникативный метод, естественно, явился продолжением предыдущих методов, заимствовал наиболее рациональные приемы и способы обучения для реализации новой поставленной цели – овладения иностранным языком на таком уровне, чтобы уметь пользоваться им как средством общения. Приоритетными для коммуникативной технологии являются устная основа для введения нового языкового материала, беспереводная семантизация, моделирование ситуаций общения, использование видеосюжетов для активизации речемыслительной активности учащихся и др. Коммуникативный метод вводит и новые закономерности в учебный процесс по овладению иноязычным общением. Методическая последовательность овладения языковым материалом следующая: формирование языковых навыков, совершенствование языковых навыков, развитие речевых умений. Введение нового лексического и грамматического материала осуществляется в речевом контексте. При введении нового языкового явления начинают с презентации коммуникативной функции данного явления, а затем переходят к языковым правилам, т. е. соблюдается следующая последовательность обучения: от функции и условий общения к системно-образующим характеристикам (т. е. правилам). С целью интенсификации овладения иноязычным материалом Е. И. Пассов предложил вводить учащихся в речевую деятельность начиная с первых уроков работы над устной темой. Для этого были предложены специальные коммуникативные опоры и приемы. Для создания предметности общения (о чем говорить) в качестве коммуникативной опоры используются функциональные таблицы с необходимой лексикой. Эта лексика имеет достаточно удобное расположение для простоты использования. В основе ее автоматизации лежит прием функционального замещения как способ быстрого перехода от родного слова к иноязычному слову. Для формирования умений иноязычного монологического высказывания коммуникативная технология опирается и на другие коммуникативные опоры, например, логико-смысловые схемы и логико-смысловые карты проблемы, в которых отражаются содержание иноязычного высказывания, его логика и последовательность.

Большая роль в современной методике преподавания иностранных языков отводится различным инновационным технологиям. Они позволяют эффективнее формировать навыки общения на изучаемом языке, способствуют когнитивному развитию обучающихся, стимулируют их речевую и творческую активность. Однако методические приемы, ставшие своего рода классикой в методике преподавания иностранных языков, не утратят в дальнейшем своей актуальности. Они могут получить новые названия, видоизмениться, адаптируясь к новым социальным заказам, но они сохранят свою эффективность в будущем, поскольку являются образцовыми.

Заключение

Рассмотренные в данной статье методические приемы обучения, описанные трансформации, которым эти приемы подверглись в процессе истории сменяемости и преемственности в иноязычном образовании, помогут глубже осознать основы современного обучения иностранным языкам.

Так, из переводных методов в современной методике сохранились такие приемы обучения, как имитация, использование родного языка (при введении абстрактной лексики), использование транскрипции, осознанное заучивание наизусть грамматических правил после введения грамматического явления на устной основе и его первичного закрепления, построение собственных предложений по аналогии, перевод как средство контроля и др. Натуральный и прямой методы обогатили современную методику обучения устной речи различными приемами обучения на основе

речевых образцов, игровыми приемами, для наглядного предъявления материала были разработаны беспереводные способы семантизации лексики. В неопрямых методах появилась в качестве приема тренировки лексики устная схема вопросов, а также стали использоваться такие приемы, как имитация, дифференциация, подстановка и трансформация. Современная методика продолжает использовать разработанную аудиовизуальным методом методическую последовательность работы с видеосюжетами на преддемонстрационном, демонстрационном и последедемонстрационном этапах, а также предложенные в нем методические приемы.

Таким образом, приемы, заимствованные современной методикой в переводных методах, методах «Реформы» и неопрямых методах, являющихся в истории методики классическими, сохранили свою значимость и эффективность, претерпев определенные изменения и адаптировавшись к новым условиям преподавания иностранных языков.

Современное иноязычное образование направлено на формирование коммуникативной компетенции учащихся. Для реализации этой цели в образовательной практике используются ставшие классическими приемы и способы обучения, которые отвечают принципу коммуникативной направленности обучения. Эти приемы направлены на то, чтобы мотивировать подготовленные и неподготовленные высказывания учащихся на изучаемом языке, создавать предметность общения в учебном дискурсе, моделировать речевые ситуации, близкие по функциональности к реальным условиям коммуникации.

Знание истории появления классических методических приемов, понимание причин тех трансформаций, которым они подверглись в историческом контексте, осознание их методической значимости в рамках современного иноязычного образования позволит учителю более свободно ориентироваться в выборе эффективных приемов обучения, сознательно и творчески применять их в своей работе.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 2-е изд., испр. – М. : Академия, 2005. – 336 с.

2. Методика обучения иностранным языкам в средней школе : учебник / Н. И. Гез, М. В. Ляховицкий, А. А. Миролюбов [и др.]. – М. : Высш. школа, 1982. – 373 с.

Поступила в редакцию 06.08.2025

E-mail: tatanataleckaa@gmail.com;
novikova58@bk.ru; kel-2004@mail.ru

T. N. Taletskaaya, O. N. Novikova, Ju. V. Kalugina

THE CONTINUITY OF METHODOLOGICAL TECHNIQUES IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

This article is devoted to the description of classical methodological techniques in teaching foreign languages, focusing on their continuity and evolution from a diachronic perspective. The authors highlight which teaching techniques from classical methods have been incorporated into contemporary methodology, and also demonstrate the changes these techniques have undergone in the historical process in order to achieve their effectiveness in modern foreign language education.

Keywords: teaching technique, method, continuity, communicative competence, educational discourse.

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 821.161.3+93/94

И. П. Азевич

Аспирант кафедры белорусской и русской филологии, УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель: Крикливец Елена Владимировна, доктор филологических наук, доцент

**ОНЕЙРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ
В ПОВЕСТИ О ВОЙНЕ СЕШКО О. В. «СНУТЬ ВОШЛЕБНАЯ»**

В данной статье рассматривается художественное своеобразие онейрических мотивов в детской повести о Великой Отечественной войне белорусского русскоязычного писателя О. В. Сешко «Снуть вошлебная». Отмечаются типичные черты нейрорпространства произведения, соединяющего в себе элементы реалистической и постмодернистской поэтики. Описывается сюжетообразующая функция мотива сна в произведении как одного из способов художественного осмысления событий Великой Отечественной войны писателем-представителем невоенного поколения.

Ключевые слова: онейрические мотивы, мифопоэтика, современная литература о Великой Отечественной войне, повесть, сюжет, полифоничность.

Введение

Идея двоemiрия, прозвучавшая изначально в романтизме как страдание творца от конфликта воображаемого и реального миров, трансформировалась в модернизме в веру эстетической победы над абсурдностью миропорядка. В поэтике постмодернизма двоemiрие заменяет набор равноценных возможных миров, созданных предшествующей общечеловеческой культурой. Когда-то фантастическая мысль о множественности миров повлияла на появление литературы, в которой возможны не только традиционный уход в мир мечты, далеких путешествий, но и глубокие погружения в сновидения. Это дало возможность современной литературе, которая соединяет в себе элементы традиционалистской и постмодернистской эстетик, создать параллельные образные варианты истории, связанные со сновидениями, с игрой мифологическими архетипами. В начале XXI века в белорусской русскоязычной прозе происходит активизация мифопоэтических архетипов как одного из способов художественного осмысления событий Великой Отечественной войны писателями невоенного поколения. Мотив сна позволяет автору в художественном пространстве связать прошлое и настоящее, отразить собственное восприятие описываемых военных событий.

Цель нашей работы – выявить особенности онейрорпространства в повести О. В. Сешко «Снуть вошлебная» и их влияние на сюжетную организацию художественного текста о войне.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью детального изучения современного национального литературного процесса и анализа тенденций к осмыслению военного прошлого нашей страны с помощью различных литературных инструментов.

Универсальный образ, мотив, который охватывает всю культуру человечества с древнейших времен до современности, называется **архетипом** [1, с. 140]. По К. Л. Юнгу, архетип – это психический орган, присущий всем нам. Максимум, что мы можем сделать, – это следовать воображением за мифом, придавая ему современное облачение» [2, с. 96]. У З. Фрейда «бессознательное является ничем иным, как скоплением забытых и вытесненных содержаний» [3, с. 6–7].

Архетипы лежат в основе **мифов** – представлений человека об окружающем мире, зависящих от нашего восприятия и мышления. Они являются средством передачи человеческого опыта из поколения в поколение и отражают нашу действительность.

Неофрейдист Э. Фромм предложил тезис о том, что наряду с многочисленными языками мира существует и единый универсальный язык – общий для всех народов и всех эпох – **язык снов и мифов**. Этот язык есть проявление внутреннего опыта, более архаичного по сравнению с внешним опытом, связанным с цивилизацией [4].

В русском литературоведении оригинальную концепцию архетипов предложил Е. М. Мелетинский. Он определил архетипы как «первичные схемы образов и сюжетов, составившие некий

исходный фонд литературного языка, понимаемого в самом широком смысле» [5]. В сфере внимания исследователя находились не архетипические образы, а сюжеты. По мнению Е. М. Мелетинского, взаимоотношения внутреннего мира человека и окружающей его среды не в меньшей мере составляют предмет мифологического, поэтического воображения, чем соотношение сознательного и бессознательного начал в душе.

В современном литературоведении активно используется подход, при котором через призму архетипов рассматриваются не только образы и сюжеты, но и мотивы и детали, которые играют в композиционной организации повествования иллюстрирующую, эмоционально-оценочную, а также сюжетообразующую роли.

Методы и методология исследования

Материалом для исследования послужили первая и вторая книги повести белорусского автора О. В. Сешко «Снуть вошлебная», опубликованные в 2022 и 2023 годах. Изучение данного произведения осуществлялось с помощью сравнительно-типологического и культурно-исторического методов.

Методологической основой исследования послужили классические труды К. Юнга, З. Фрейда, посвященные анализу природы мифа и сновидений, Е. М. Мелетинского, Э. Фромма, В. П. Руднева, а также работы современных исследователей мифологизма в литературе Е. В. Крикливец, Э. А. Сулейменов и др.

Результаты исследования и их обсуждение

При разнообразии интерпретаций мотив сна является «одним из самых устойчивых в мировой литературе» [6, с. 123]. Онейромотивы широко использовались Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, И. С. Тургеневым, И. А. Гончаровым, М. Ю. Лермонтовым, М. А. Булгаковым, М. М. Пришвиным, В. В. Ерофеевым, Т. Н. Толстой и др. Сон в художественном произведении – иррациональная форма познания человеком мира и самого себя и всегда важный элемент в произведении, который помогает читателям более полно понять внутренние изменения и переживания героев.

Одной из особенностей онейропространства повести «Снуть вошлебная» является его **объемность**: сны органически вписываются в единство изображенного сюжета. Они создают второй план, который в итоге оказывается не фантастическим допущением, а параллельной жизнью в ретроспективе.

«Снуть вошлебная» – это сюжет с взаимопроникающими реальностями. С одной стороны, автор показывает реальные события, происходящие здесь и сейчас: семья главной героини семиклассницы Кати Соколовой переехала в маленький поморский городок. Папа – военный, и это не первый раз в ее юной жизни, когда девочка меняет школу и вынуждена вливаться в новый школьный коллектив. С другой стороны, перед читателями предстает сновиденческий мир со своими героями, который оказывается еще одной реальностью.

Как отмечает Е. В. Крикливец при анализе указанного произведения, «мы наблюдаем постмодернистский принцип создания альтернативных реальностей, наделенных собственными пространственно-временными характеристиками и системой персонажей» [7, с. 45]. При этом мир сновидений тесно связан с реальностью и ею обусловлен.

Сновидения героев в повести можно разделить на два цикла, которые формируются по всем законам развития сюжета, – завязка, развитие и кульминация.

Главным героем-проводником является Катя Соколова. Именно к ней попадает саамская кукла-оберег Акка, в которую один из шаманов «вдохнул волшебную силу» и она стала «одной из самых ценных реликвий мирового значения». Кукла Соня, так назвала ее Катя, постоянно уводит девочку в сны, «вторую жизнь», в город, «кишащий пауками». Показывая «иную» реальность, автор воздействует на все органы чувств читателя, что создает объемность повествования: *«Вечером из далекого небытия, из пустоты постепенно начинали вырастать дома и храмы неизвестного города. Чудились взрывы и стрекотание пулемета, крики «Ура», толпы беженцев на дорогах, маленький чумазый мальчик с безумной мамой, взрывы, пожары, убитые и раненые»* [8, с. 112]. Мы окунаемся в атмосферу тяжелого трупного запаха, резких звуков, ощущения замкнутости, страха, смерти. Всё это в повествовании объединено одним словом – война... О. В. Сешко предлагает посмотреть на трагедию, которая произошла почти 85 лет назад, с позиций современного ребенка-подростка. Лексический уровень произведения выстроен так, что читатель полностью охвачен детскими переживаниями и страхами: *«слово это обросло шерстью, обзавелось зубастой пастью, длинными когтистыми лапами и стало обозначать ужасающе-страшное чудовище, которое даже не нужно вызывать»* [8, с. 55].

Представление образа войны как мифического страшилища свойственно детской психике и в повести приобретает черты вселенского зла: «*Чудовище вылезло из берлоги и пошло по свету, заставляя людей дрожать и прятаться*» [8, с. 58]. Всё, что связано с войной и служит ее интересам, предстает в произведении в нечеловеческих образах, например, немецко-фашистские захватчики и полиция сравниваются с пауками и крысами: «*Вот тогда они и превратились в пауков – от злости и безысходности*» [9, с. 14], «*Настоящие пауки – ядовитые, страшные и противные, которых хочется раздавить*» [9, с. 92], «*Всё вынюхиваешь чего-то, подслушиваешь, как крыса. Крыса ты, Федя, и есть, а не матерый. Крысой тебя звать буду. Нравится такое прозвище? Ну и что с того, что не нравится? Кто же тебя спрашивает-то? Крыса!*» [9, с. 95]. Нечеловеческие существа осознают свою ущербность и взращивают ее до вселенских масштабов, не пытаясь освободиться от отрицательных свойств. В тексте это показано с помощью гиперболических сравнений и метафор: «*И злость от понимания своего уродства в нём превращается в яд, накапливается внутри в огромных количествах, вполне достаточных для того, чтобы перекусать весь город*» [9, с. 132]. Они не только визуальное мерзкие и отталкивающие, но и на уровне обоняния, слуха вызывают отвращение: «*Полиции. От них жутко пахнет тухлой рыбой. От одного их вида тошнит и выворачивает наизнанку. Полиции везде – разносят свой мерзкий запах вместе с нервным истерическим смехом*» [8, с. 210].

Сюжет сна стал реалистичным и превратился в «одну маленькую жизнь», центром которой является еврейский мальчик Лёва вместе со своими родителями и бабушкой, мирно и размеренно живущими в городе, напоминающем Витебск. Но внезапно их жизнь разделилась на до и после, произошедшие события сломали людей: «*Первым прибежал папа – худой и взлохмоченный, нервный какой-то, дёрванный, словно поломавшийся внутри*» [9, с. 89]. Больше не было увлекательных бабушкиных историй, которые она сама называла «форшмаком из прошлого», на землю вдруг посыпались «озлобленные на весь мир бомбы». Автор ярко, метафорически, задействуя снова весь спектр чувств читателя, описывает потерю детства маленьким человеком: «*Вид смерти в одночасье сделал Лёву большим, вырвал из детства, лишил слез*», «*Первое, что он увидел, – раздавленного кузнечика на подошве ботинка. Серые колготки отчего-то сделались красными. А в глазах? Он всё же набрался смелости и заглянул. И не увидел человека. Человек был, но его не было*» [8, с. 98]. Прием демонстрации событий глазами ребенка – всегда беспроегранный вариант: субъективное детское восприятие мира позволяет оголить все его несовершенства и открыто поговорить на острые социальные темы.

Трагические события во сне, который снится Кате, разворачиваются на глазах у Лёвы по нарастающей. Прием градации позволил автору усилить эмоциональное напряжение, придать динамичность повествованию. Кульминацией сюжета сна становится опасная вылазка Лёвы из гетто в город для того, чтобы раздобыть еду для своей подруги Годы, его спасение собакой Шершнем и, к сожалению, опоздание к своей любимой подруге, которую в фургоне увозят на верную смерть: «*Мир переворачивался, перемешивался, сливался, гремел набатом. Вращаясь, исчезали дома и люди, заснеженные берега, пар над рекой, пауки и их слуги, мост и любимый город – всё, что недавно казалось реальным, исчезало в черных зрачках мальчика*» [9, с. 181].

Архитектоника сна основывается на перемещении Кати в образе Стрекозы в военный город и ее способности с помощью солнечных лучиков помогать героям из параллельной реальности. Главная героиня, соприкасаясь с трагедией еврейской семьи, выступает в роли связующего звена между разными сюжетами, объединяя их в единое целое. Катя, будучи эмоционально включенной в жизнь близких ей людей, собрала «пазл» поколений, обнаружив, что еврейский мальчик Лёва из ее снов – это и есть пропавший отец тети Маши, который, в свою очередь, и есть дедушка-отшельник, ушедший от людей и волею случая спасший Катиного приятеля Мишу Смирнова.

Мотив сна позволяет связать прошлое и настоящее героев, а также наталкивает на мысль о преемственности поколений и, тем самым, сохранении памяти о страшных военных событиях, которые встроены в культурный код белорусского народа и сыграли огромную роль в формировании его национальной идентичности.

В повести выделяется еще один сновиденческий мир, называемый Е. В. Крикливец «элементом кризисной геротопии» [7, с. 46], в который попадает очередной «собирает снов» – маленький Максимка. Потеря куклы Акки обернулась для него мучительными, изнуряющими, убивающими изнутри снами, из которых он никак не может выбраться. Обретение оберега означает для Максимки полноценную, счастливую жизнь. Об этом мы узнаем из уст Марии Леонидовны (тети Маши), которая предлагает Кате вернуть куклу мальчику. Для девочки – это моральный выбор: оставить оберег и иметь возможность возвращаться в прошлое или отдать погибающему ребенку из ее настоящего. Катя Соколова, осмысливая происходящее, выбирает жить здесь и сейчас и отдать куклу Максимке.

Сон Максимки о Волчке – это интерпретация сюжета колыбельной песни о волчке, который органически вписывается в единство повествования. Он создает обманчивое ощущение второго плана, которое в итоге оказывается не параллельной жизнью, а чувствами и страхами героев. Сон не противопоставляется яви, он – ее отзеркаливание. Сновидения Максимки сигнализируют читателю о том, что в прошлом произошло страшное, трагическое событие. Волчок как воплощение вселенского зла стремится похитить жизнь у мальчика, и в последний момент из его лап Максимку вырывает танк: *«Волчок рванул через серое поле к дому, к комнате, к кровати, готовый ухватить и потащить. Мальчик заметался, задергался, вспыхнул, пытаясь проснуться, и мама с этой стороны уже готовилась впустить его к себе, выдернуть, оставив волчка без положенной ему добычи. Но в это время выехал танк. Повертел башней во все стороны и уставился грозно всеми красными звездами в хищные глаза волка. Волк ощерился, изогнулся, зарычал. Танк громыхнул траками, направил дуло прямо в оскаленную волчью морду, заставив серенького попятиться. Мальчик прижался к танку и погладил его мягкое железо, услышал довольное урчание в самой его глубине, улыбнулся, подогнув ноги, и закрыл глаза»* [8, с. 29].

Образ танка, приобретая черты мифологемы, символизирует победу человека над вселенским злом, преодоление своей слабости, прежде всего духовной, и способность выстоять в самых нечеловеческих условиях: *«Волчок выглядывал из норы, нюхал воздух, чихал, прятал нос в костистые лапы. Подслушивал, о чем там шепчется мальчик со своим новым знакомым, чтоб он заржавел. Чтоб на нем краска облезла, чтоб у него колёса поотвалились, чтоб у него дуло узлом завязалось. И откуда он только взялся такой – защитник обиженных и угнетённых? Старая консервная банка!»* [8, с. 147].

Автор поднимает вопрос душевной гармонии и человеческих страданий, эгоизма, гордости и гордыни: *«Лучше жить в смерти, чем омертветь при жизни. Лучше ли?»* [8, с. 204]. И размышляет на эту тему вместе с читателями через образ матери Максимки, Юли, страхи которой, как выясняется, также являются препятствием для спокойной и счастливой жизни ее единственного сына.

Архетип матери наделен сильнейшей энергией как созидающей, так и разрушающей. «С ним ассоциируются такие качества, как материнская забота и сочувствие; магическая власть женщины; мудрость и духовное возвышение, превосходящее пределы разума; любой полезный инстинкт или порыв; все, что отличается добротой, заботой или поддержкой и способствует росту и плодородию» [2, с. 218]. Обида Юлии на мужа Свистунова, который ушел из семьи, лишила Максимку опоры, так необходимой детской психике. И когда два главных человека в жизни ребенка сумели преодолеть гордыню, эгоизм, Максимка вновь почувствовал, как его наполняет любовь, которую автор показывает также через детское восприятие: *«Любовь – это солнышко. Она греет так же сильно и ласково. Когда ничего не болит, когда можно смело идти по дорожке или ползать на коленках по травке, нюхать клевер или ромашки (они такие красивые), разглядывать муравьев, паучков, здороваться с ними, играть. Маму люблю и Свистунова. Любовь нельзя запретить»* [9, с. 192]. Обретя это чувство, герой получает огромную силу встретиться один на один со своим страхом – Волчком – и победить его. Этот эпизод встречи является кульминацией сна. Через наивные и основополагающие вопросы Максимки к Волчку о папе, маме мы узнаем в образе Волчка полиция Фиму из сна Кати, причины предательства которого разобраны в повести с анатомической точностью: *«– Мама! Ты помнишь её? Волчок подполз ближе, заскулил, завыл протяжно и больно, закручиваясь штопором в одну едва заметную точку. В ней бушевал огонь. Мелькали тени»* [9, с. 207]. В следующем эпизоде автор описывает, как из множества человеческих тел полицией Фима откапывает свою мать, в которую он накануне выстрелил по приказу своих хозяев – немцев.

Сон Максимки, в котором переплетаются эпохи, создает напряжение повествования, **полифоничность** его звучания, что является еще одной характерной особенностью онейропространства повести «Снуть вошлебная». Сон в произведении выступает преодолением мифического времени, становится самой реальностью, модератором которой выступает следующее поколение, призванное выстроить здоровые связи и сохранять историческую память.

Заключение

Таким образом, мотив сна – важнейший структурный элемент мифопоэтического текста. Онейропространство в анализируемой повести обладает такими специфическими чертами, как объемность, выражающаяся в органичном построении произведения как сюжет в сюжете, и полифоничность, что обусловлено одновременным звучанием и взаимодействием в тексте разных судеб и идей.

Основная функция сна в произведении «Снуть вошлебная» – сюжетобразующая. Такой прием концептуальной организации повествования помогает интерпретировать смешение темпораль-

ных и пространственных планов, собственную точку зрения персонажа и внутритекстовую точку зрения рассказчика. Читатель воспринимает сновидческие миры как реально существующие. Автор добивается своей цели путем стимуляции читательского воображения с помощью неконвенциональных нарративных стратегий: активизация читательского восприятия через визуальный, слуховой, обонятельный, кинестетический уровни, актуализация приема показа событий глазами ребенка. В результате инициируется художественная коммуникация, в которой эмпирический опыт читателя сталкивается с культурным кодом, заложенным в повествовании, позволяющий в художественном пространстве связать прошлое и настоящее, отразить авторское восприятие описываемых им военных событий.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сулейменова, Э. А. Реализация метода мифокритики на примере повести И. С. Тургенева «Сон» / Э. А. Сулейменова // Нурғалиевские чтения-ХІІ: Научное сообщество ученых XXI столетия. Филологические науки : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Астана, 23–24 февр. 2023 г. : в 3 т. / под общ. ред. К. Р. Нурғали. – Астана, 2023. – Т. 1. – С. 139–144.
2. Юнг, К. Л. Душа и миф: шесть архетипов / К. Л. Юнг. – М. – К : Совершенство – Port-Royal, 1997. – 384 с.
3. Фрейд, З. Толкование сновидений / З. Фрейд ; пер. с нем. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 512 с.
4. Фромм, Э. Забытый язык / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2025. – 352 с.
5. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Наука, 1976. – 407 с.
6. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века : ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1999. – 381 с.
7. Крикливец, Е. В. Принцип «двоемирия» и герои-медиаторы в современной прозе о Великой Отечественной войне (на примере повести О. В. Сешко «Снуть вошлебная») / Е. В. Крикливец // Сибирский филологический форум. – 2024. – № 2 (27). – С. 41–45.
8. Сешко, О. В. Снуть вошлебная. Повесть. Книга первая / О. В. Сешко. – Гомель : Барк, 2022. – 228 с.
9. Сешко, О. В. Снуть вошлебная. Повесть. Книга вторая / О. В. Сешко. – Гомель : Барк, 2023. – 228 с.

Поступила в редакцию 24.09.2025

E-mail: drozd2929@mail.ru

I. P. Azevich

ONEIRIC MOTIVES AS PLOT-FORMING ELEMENTS IN O. V. SESHKO'S WAR NOVELLA 'SNUT VOSHLEBNAYA'

The article examines the artistic originality of oneiric motives in a children's novella about the Great Patriotic War 'Snut Voshlebnaya' by the Belarusian Russian-language writer O. V. Seshko, revealing the typical features of the neurospace of the given piece of literature, which combines characteristics of realistic and postmodern poetics. The plot-forming function of the dream motive in the work is described as one of the ways of artistic understanding of the events of the Great Patriotic War by a writer representing the non-war generation.

Keywords: oneiric motives, mythopoetics, recent literature on the Great Patriotic War, story, plot, polyphony.

УДК 811.161.1:801.82

А. А. Алексеенко

Старший преподаватель кафедры белорусского и русского языков, УО «Белорусский государственный медицинский университет», г. Минск, Республика Беларусь;
соискатель кафедры языкознания и лингводидактики, УО «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка»
Научный руководитель: Чайка Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор

ОКУЛЕСИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА И В ПЕРЕВОДАХ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу невербальных окулесических компонентов коммуникации в произведениях А. П. Чехова и их белорусскоязычных переводах. Выявлены основные функции окулесических компонентов коммуникации в контексте создания художественных образов и раскрытия авторского замысла, описаны структурно-семантические особенности языковой реализации окулесических компонентов в прозе А. П. Чехова. Определены особенности перевода окулесических компонентов коммуникации с русского языка на белорусский.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, окулесика, окулесические компоненты коммуникации, перевод, эмотивная функция, регулятивная функция, контролирующая функция, когнитивная функция.

Введение

Невербальные компоненты коммуникации широко представлены в прозе А. П. Чехова. Репрезентированные различными средствами языковой системы невербальные компоненты составляют значительную часть структуры текста и способны детально выразить эмоциональное состояние литературных персонажей, во многом определяющее характер их вербального взаимодействия. Анализ средств невербального общения персонажа – это неотъемлемая часть процесса восприятия художественного образа [1].

В произведениях А. П. Чехова представлены разные типы невербальных компонентов коммуникации: жесты, мимика, взгляды, тон и интонация голоса, позы, различные виды касаний и др. Значительный интерес представляет собой визуальное поведение чеховских персонажей, язык глаз, зрительный контакт. Такие невербальные компоненты находятся в центре внимания науки окулесики. Коммуникативно значимыми в окулесике считаются 4 основных аспекта: зрительный контакт, движение глаз, расширение зрачков, а также направление взгляда. С помощью взглядов коммуниканты «демонстрируют готовность к общению, побуждают собеседника к высказыванию, оценивают восприятие партнера, его реакцию на сказанное, выражают эмоции» и т. д. [2, с. 147].

Исследования в области окулесики ведутся учеными из разных стран: М. Аргайлом, А. Кендоном, М. фон Кранахом, М. Нэппом, Г. Е. Крейдлиным и др. Одним из первых изучением распределения зрительного внимания собеседников в ходе естественной коммуникации занимался А. Кендон [3]. Его коллега М. Аргайл продолжил исследования в данной области, уделив основное внимание функциям взглядов [4]. Швейцарским ученым Марио фон Кранахом предложена классификация взглядов в зависимости от их направления и коммуникативного намерения, описаны факторы, влияющие на визуальное поведение человека [5, с. 220].

По-разному интерпретируются исследователями функции взглядов. Так, российский лингвист Г. Е. Крейдлин выделяет 4 основные коммуникативные функции глаз: когнитивную (передача информации), эмотивную (трансляция эмоционального состояния), контролирующую (контроль восприятия и понимания) и регулятивную (призыв к реакции на сообщение) [6, с. 387]. Помимо выделенных Г. Е. Крейдлиным, американский лингвист М. Нэпп включает в число функций взглядов также выражение характера межличностных отношений [7, с. 383]. Однако, на наш взгляд, данная функция соотносится с эмотивной, поскольку посредством взглядов человек в первую очередь выражает чувства, испытываемые в процессе общения, определяя тем самым характер межличностных отношений.

Цель нашего исследования состоит в комплексном анализе невербальных окулесических компонентов коммуникации как значимого элемента художественного стиля А. П. Чехова и в оценке адекватности их передачи в переводах на белорусский язык.

Научная новизна работы заключается в комплексном функционально-семантическом анализе окулесических компонентов коммуникации в прозе А. П. Чехова и в переводах на белорусский язык, предпринятом с учетом лингвистических и стилистических аспектов. Впервые системно описываются структурно-семантические особенности языковой реализации окулесических компонентов в произведениях писателя, а также выявляются доминантные функции, определяющие выразительность художественного образа. Полученные результаты расширяют теоретические представления о роли окулесики в создании художественного образа и в процессе межкультурной коммуникации.

Методы и методология исследования

Материалом исследования послужили более 300 контекстов, включающих языковые реализации окулесических компонентов коммуникации, отобранные методом сплошной выборки из оригинальных и переводных текстов произведений А. П. Чехова (переводы К. Крапивы, А. Якимовича, И. Шамякина, А. Кулаковского, Н. Татура, В. Шаховца, П. Пестрака, Я. Мавра и др.).

Методологической основой данного исследования является комплексный подход, в рамках которого сочетаются описательный метод, метод функционально-семантического анализа, сопоставительный метод, а также элементы количественного анализа. Интегрируя эти методы, исследование стремится комплексно осветить функционально-семантический аспект окулесических единиц в оригинальных произведениях А. П. Чехова и их переводах на белорусский язык, определить роль окулесических компонентов в создании художественного образа и передаче авторского замысла, а также выявить закономерности и особенности переводческой интерпретации окулесических компонентов.

Результаты исследования и их обсуждение

Опираясь на классификацию функций взглядов, предложенную Г. Е. Крейдлиным, мы проанализировали 4 типа окулесических компонентов коммуникации в прозе А. П. Чехова в аспекте их функциональной нагрузки. На рисунке 1 представлены данные о процентном соотношении окулесических компонентов, выполняющих различные функции, в прозе А. П. Чехова.



Рисунок 1 – Функции окулесических компонентов в прозе А. П. Чехова

Наиболее частотная функция взглядов, выявленная нами в произведениях русского классика, – эмотивная (124 единицы из 303 проанализированных): *глядеть / смотреть испуганными / полными ужаса глазами; глядеть / взглянуть нежно / удивленно / сердито; смотреть / глядеть с наивным любопытством / с ненавистью / с умилением / с ужасом; облить презрением; глаза выражали невыносимое душевное страдание; глаза заблестели дикой, свирепой злобой; в глазах светилось счастье; обращать смеющиеся глаза; поднять печальные, виноватые глаза; взгляд ласкает, нежит.*

Для передачи различных оттенков эмоционального состояния персонажей используются окулесические компоненты, содержащие глагольные формы и отглагольные существительные со значением визуального восприятия (*глядеть, смотреть, взглянуть, оглядывать, заглядывать, взгляд*) и / или лексему «*глаза*». Для описания глаз, выражающих те или иные эмоции, используются глаголы со значением проявления качества, воспринимаемого органами чувств (*глаза заблестели; в глазах блеснуло; в глазах светилось*), а также со значением изменения положения в пространстве (*обращать глаза; поднять глаза; устремить глаза*). Данные глаголы отражают динамику визуального

поведения чеховских персонажей в процессе общения: глаза двигаются, меняется направление взгляда, степень его интенсивности, цветовые и световые характеристики, что отражает динамику внутреннего состояния коммуникантов, испытываемых ими эмоций.

Передача мельчайших оттенков эмоционального состояния участников общения осуществляется с помощью сочетающихся с лексемой «*глаза*» качественных прилагательных (*печальные, виноватые, презрительные, страшные, злые*) и причастий (*испуганные, смеющиеся, удивленные*), а также с помощью употребляющихся с глаголами визуального восприятия определительных наречий образа действия (*глядеть нежно, удивленно, сердито, зверски, злобно, радостно, грустно, ласково*) и предложно-падежных сочетаний с абстрактными существительными-наименованиями эмоций (*глядеть с ненавистью, с умилением, с удивлением, с восторгом, со злобой, с остервенением, с любовью, взглянуть с ужасом, смотреть с изумлением и тревогой, с жалостью, с восхищением, со страхом*).

При этом преобладающее большинство (62 %) составляют сочетания, передающие отрицательные эмоции – грусть, страх, ужас, злобу, презрение, отвращение, ненависть, чувство вины. Значительно реже (23 %) встречаются единицы со значением положительных эмоций – радости, восхищения, любви, умиления, нежности и др. Наименьшее количество (15 %) составляют окулесические компоненты коммуникации, передающие нейтральные эмоции – удивление, изумление, любопытство, нетерпение. Таким образом, можно предположить, что испытываемые человеком негативные эмоции сильнее влияют на визуальную коммуникацию, интенсивнее отражаются в его визуальном поведении по сравнению с позитивными эмоциями или эмоциями нейтрального характера.

Переводы произведений А. П. Чехова на белорусский язык демонстрируют стремление сохранить оригинальную атмосферу текста. Однако в некоторых случаях происходят те или иные переводческие трансформации. Чаще всего встречаются грамматические трансформации (замена частей речи), сопровождающиеся изменением порядка слов: *измерила его презрительным взглядом – змерала яго позіркам знявагі* (П. Пестрак «Дачка Альбіёна»); *посмотрела на него с удивлением – здзіўлена паглядзела на яго* (І. Шамякін «Вяртуха»). Среди окулесических компонентов с эмотивной функцией нами были отмечены вариативные версии перевода: так, Н. Татур при переводе рассказа «Дом с мезонином» передает окулесический компонент «с удивлением посмотрела на меня» как «са здзіўленнем паглядзела на мяне», используя в переводном тексте предложно-падежное сочетание с существительным. В других контекстах этот же окулесический компонент переводится с заменой предложно-падежного сочетания наречием: *посмотрела на него с удивлением – здзіўлена паглядзела на яго* (І. Шамякін «Вяртуха»); *поглядел с удивлением на рассыльного – паглядзеў здзіўлена на рассыльнага* (К. Крапіва «Інтэлігентнае бярвяно»). Помимо грамматических трансформаций, встречаются также случаи комплексного преобразования оригинального текста в процессе перевода: *обращал свои смеющиеся глаза – звяртаў свой вясёлы позірк* (У. Шахавец «Іоныч»); *зверски глядя – кідаючы свой звярыны позірк* (П. Кавалёў «Анюта»). В отдельных случаях в процессе перевода не удается дифференцировать синонимичные единицы оригинального текста и в белорусскоязычном варианте они передаются одной и той же лексемой: сравним рус. с удивлением посмотрела на меня; смотрела на него с изумлением и с тревогой – бел. са здзіўленнем паглядзела на мяне (М. Татур «Дом з мезанінам»); *глядзела на яго са здзіўленнем і з трывогай* (Я. Шарахоўскі «Душачка»). В оригинальном тексте А. П. Чехова в одном случае герои смотрят с удивлением, а в другом – с изумлением, которое представляет собой крайнюю степень удивления, однако при переводе подобные оттенки семантики не дифференцируются, т. к. в обоих случаях используется сочетание *са здзіўленнем*.

Следующая по частоте употребления функция окулесических компонентов в прозе А. П. Чехова – регулятивная (78 единиц из 303 проанализированных). Посредством установления зрительного контакта или его сознательного избегания один из участников коммуникации хочет добиться определенной реакции со стороны собеседника. В этой функции нами были отмечены такие окулесические компоненты, как *глядеть умоляющими глазами / с мольбой; глядеть вопросительно; поднять вопрошающие глаза; потупить / опустить глаза; потупитья; глядеть на небо / в пол; говорить, не отрывая глаз от чего / не глядя на кого / ни на кого не глядя; не обращать никакого внимания на кого; не взглянуть на кого; закрыть глаза; рассматривать / осматривать кого / что* и др.

Так, *глядя вопросительно*, герои А. П. Чехова побуждают собеседника к высказыванию, сигнализируют о своей готовности занять позицию слушателя. *Умоляющие глаза*, взгляд *с мольбой* также являются своего рода стимулом: побуждают собеседника согласиться с вербальным высказыванием, удовлетворить какую-либо просьбу, простить за ошибки и т. п.

Однако гораздо чаще своим визуальным поведением персонажи А. П. Чехова демонстрируют неготовность или нежелание вступать в коммуникацию. Руководствуясь самыми разнообразными

мотивами (страх, неуверенность в себе, смущение), герои русского классика выбирают отказ от общения и пытаются транслировать это намерение партнеру, разорвав зрительный контакт: направляя взгляд *на небо, в пол*, на какой-либо объект или просто *закрыв глаза*. Тем не менее их собеседники часто не в состоянии уловить и адекватно декодировать подобные невербальные сигналы и продолжают общение. Коммуникация становится напряженной, непродуктивной, тяготит участников. Вне зависимости от того, какой способ передачи чувств был избран: эксплицитный (оформленный вербально) или имплицитный (с помощью невербальных сигналов) – персонажи А. П. Чехова погружены в себя и неспособны услышать и понять окружающих. Неслучайно одним из характерных мотивов, звучащих во многих произведениях русского классика, является мотив глобальной разобщенности людей, тотального отчуждения [8].

Окулесические компоненты с регулятивной функцией часто содержат языковые единицы, характеризующие взгляд с точки зрения его направления: глаголы со значением изменения положения в пространстве (*поднять / опустить / потупить глаза, потупиться*), а также предложно-падежные сочетания с существительными, обозначающими объект, на который направлен или не направлен взгляд (*глядеть на небо / в пол; не отрывая глаз от книги / от окна / от воды; не глядя на Гурова / на гостя / собеседнику в глаза / друг на друга*).

При переводе окулесических компонентов в регулятивной функции на белорусский язык достаточно часто отмечается вариативность использованных переводчиками языковых единиц. Так, выражение *смотреть / глядеть вопрошительно* передается на белорусский язык либо предложно-падежным сочетанием с существительным, либо наречиями: *глядзець з запытаннем* (К. Крапіва «Інтэлігентнае бярвяно») / *запытальна* (У. Шахавец «Жарцік», А. Якімовіч «Бягляк») / *дапытліва* (А. Кулакоўскі «Прыпадак», К. Крапіва «Зламыснік»). Окулесический компонент *закрывать глаза* передается при переводе как *закрываць вочы* (І. Шамякін «Вяртуха», К. Крапіва «Туга») или как *закрываць вочы* (Т. Хадкевіч «Выданніца»). Устойчивое фразеологическое выражение *не отрывать глаз* при переводе на белорусский язык приобретает различные эквиваленты: *не адрываць вачэй* (А. Якімовіч «Хлопчыкі», У. Краўчанка «Ганна на шыі», У. Карпаў «Ведзьма»), *не адводзіць вачэй* (П. Пестрак «Дачка Альбіёна»), *не спускаць вачэй* (К. Крапіва «Агаф'я», У. Карпаў «Ведзьма»). Как видно из приведенных примеров, даже в одном произведении переводчиком могут использоваться различные варианты для передачи одной и той же языковой единицы. Вариативность может проявляться и на уровне морфем. Так, при переводе окулесических компонентов *поднять глаза* и *потупить глаза* используются варианты с различными префиксами: *падняць вочы* (К. Крапіва «Смерць чыноўніка», «Інтэлігентнае бярвяно») / *узняць вочы* (П. Кавалёў «Анюта», А. Якімовіч «Хлопчыкі», П. Пестрак «Дачка Альбіёна», М. Татур «Дом з мезанінам»); *пусціць вочы* (К. Крапіва «Апошняя магіканша») / *спусціць вочы* (К. Крапіва «Інтэлігентнае бярвяно»).

Еще одной важной функцией взглядов является контролирующая, когда один из участников общения по глазам определяет, было ли воспринято и понято его высказывание (56 единиц из 303 проанализированных). Данная функция обеспечивает обратную связь между коммуникантами и взаимопонимание в ходе коммуникативного взаимодействия. В произведениях А. П. Чехова в контролирующей функции нами были отмечены такие единицы окулесической природы, как: *обводить глазами; не спускать глаз с кого; следить за кем; поглядывать на кого; заглядывать / всматриваться в лицо; смотреть на кого / в глаза; поднять глаза на кого; коситься; поглядывать искоса; переглядываться* и др. Большинство из них репрезентированы глагольной формой со значением визуального восприятия (*поглядывать, заглядывать, всматриваться, следить, смотреть, коситься*), сочетающейся с лексемой «глаза». В некоторых случаях используются глаголы перемещения (*обводит глазами; поднять глаза*).

Особое место среди перечисленных примеров занимает глагол *переглядываться* с семантикой взаимного действия («обменяться быстрым и многозначительным взглядом») [9, с. 502]. Попав в неоднозначную ситуацию или не зная, как лучше поступить, персонажи А. П. Чехова ищут ответа друг у друга, обмениваясь взглядами, передающими ту или иную информацию. Так, например, происходит в рассказе «Беззащитное существо», где служащие банка, вовлеченные в неприятную сцену одной из своих посетительниц, не знают, как разрешить конфликт, и ведут безмолвный диалог взглядов (*Служащие в банке стояли по сторонам и, тоже красные, видимо замученные, растерянно переглядывались*).

При переводе окулесических компонентов данного типа на белорусский язык наблюдаются замены отдельных слов: *обводит всех глазами* – *авводзіць усіх позіркам* (І. Грамовіч «Гусеў»). Отмечены также случаи вариативного перевода: например, глагол *коситься / покоситься* передается в белорусскоязычном тексте сочетаниями *глядзець скоса* (К. Крапіва «У лазні», А. Кулакоўскі «Прыпа-

дак»), *зірнуць скоса* (А. Якімовіч «Бягляк»), *глядзець коса* (А. Якімовіч, «Ванька»). А в рассказе «Детвора» этот же глагол переводится как «*пазіраць*», в результате чего приобретает нейтральное значение: сравним рус. *подозрительно косится* – бел. *падазрона пазірае* (Я. Маўр «Дзетвара»).

Самую малочисленную группу окулесических компонентов коммуникации в прозе А. П. Чехова представляют собой единицы, выполняющие когнитивную функцию (45 единиц из 303 проанализированных). В процессе общения коммуниканты способны передавать друг другу информацию без использования речевого высказывания. Выражение глаз, их движения, продолжительность и интенсивность взглядов могут нести определенную информацию, передавать различные смыслы, декодируемые реципиентом: *смотрит такими глазами, как будто она-то и есть самая главная, настоящая злодейка; глядел так, как будто с большим нетерпением ждал отъезда гостей; взглянет так, словно ударить захочет; глядя на нее ... точно желая проглотить ее; заглядывала ему в глаза и словно собиралась залезть ему в душу; переглядывались друг с другом, как бы спрашивая, зачем они тут и что им делать; во всех взглядах я прочел «не знаю»; и в этом его взгляде была написана просьба; я видел по глазам, что она меня не любит* и др. Как видно из приведенных примеров, единицы визуальной коммуникации обладают большим потенциалом в плане выражения того или иного содержания. Окулесические компоненты настолько выразительны и понятны, что могут заменять собой даже развернутые вербальные сообщения.

Окулесические компоненты с когнитивной функцией имеют в своем составе глагольные формы и отглагольные существительные со значением визуального восприятия (*глядеть, смотреть, поглядывать, взглянуть, заглядывать, переглядываться, взгляд*), а также лексику «*глаза*». Нередко единицы, выполняющие когнитивную функцию, представляют собой сложноподчиненные предложения с придаточными сравнительными, а также содержат сравнительные обороты с союзами *как будто, словно, точно, как бы*, что обусловлено необходимостью раскрыть читателям смысловое содержание окулесических единиц, эксплицировать передаваемую ими информацию. В некоторых случаях сравнительные союзы могут вводить однородные предикаты (*заглядывала ему в глаза и словно собиралась залезть ему в душу*). С целью раскрытия смыслового содержания окулесических компонентов данного типа используются также конструкции с лексемами «*глаза*», «*взгляд*», сопровождаемыми глаголами восприятия «*видеть*», «*прочсть*» и т. п.: *во взглядах прочел, по глазам вижу*.

В белорусскоязычных переводах окулесических компонентов с когнитивной функцией нами отмечены грамматические трансформации: замена краткой формы прилагательного полной (*по глазам ее было видно, что она в самом деле не была счастлива – на вачах яе было відаць, што яна сапраўды не была шчаслівай* (А. Якімовіч «Дама з сабачкам»), а также трансформации на уровне синтаксиса: изменение порядка слов (*И, глядя на нее со злобой, с остервенением, точно желая проглотить ее, Алексей Николаич сказал... – І Аляксей Нікалаіч, глядзячы на яе са злосцю і нянавісцю, быццам хочучы яе праглынуць, сказаў...* (П. Пестрак «Безабаронная істота»), пропуск отдельных слов (*А дзячыха заглядывала ему в глаза и словно собиралась залезть ему в душу – А дзячыха заглядала яму ў вочы і нібы збіралася залезці ў душу* (У. Карпаў «Ведзьма»), замена причастного оборота придаточной определительной со словом «*который*» (*судя по умным, покойным глазам, смотрящим ясно и весело – мяркуючы на разумных спакойных вачах, якія глядзяць ясна і весела* (К. Крапіва «Палата № 6»)). Кроме того, встречаются случаи вариативного перевода определенной лексики, причем выполненного одним и тем же переводчиком: *судя по умным, покойным глазам – мяркуючы на разумных спакойных вачах* (К. Крапіва «Палата № 6») и *судя по морщинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз – як відаць было на маршчынах, што скрэмаслі яго лоб, і на выразу вачэй* (К. Крапіва «Конская прозвішча»).

Заклученне

Проведенное исследование окулесики в произведениях А. П. Чехова и в переводах на белорусский язык позволило выявить ряд важных закономерностей и особенностей.

Подтверждена значительная роль невербальных средств и, в частности, окулесических компонентов коммуникации в создании художественного мира писателя. Единицы окулесической природы являются важным инструментом раскрытия внутреннего мира персонажей, передачи их эмоционального состояния и характеристики межличностных отношений. Взгляд в прозе А. П. Чехова несет в себе богатую смысловую нагрузку, выполняя эмотивную, регулятивную, контролирующую и когнитивную функции.

Анализ переводов на белорусский язык выявил определенные трудности, связанные с передачей функционально-семантических особенностей окулесических компонентов коммуникации. В ряде случаев переводчики сталкиваются с необходимостью замены отдельных лексем, обусловлен-

ных различиями в системе русского и белорусского языков, что приводит к потерям или изменениям в смысловых оттенках. Однако, в целом, белорусские переводы демонстрируют достаточно высокую степень адекватности в передаче окулесических единиц, что свидетельствует о профессионализме переводчиков и их внимательном отношении к деталям авторского стиля.

Исследование подтверждает важность комплексного подхода к анализу окулесических единиц в художественном тексте, сочетающего различные исследовательские методы. Функционально-семантический анализ позволяет выявить прагматическую нагрузку окулесических единиц в коммуникативной стратегии автора и в контексте конкретной сцены, а сопоставительный анализ – оценить адекватность передачи этих функций в переводах на белорусский язык.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мишин, А. В. Невербальные средства коммуникации и их функционирование в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Мишин Алексей Викторович ; Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). – М., 2005. – 16 с.
2. Алексеевко, А. А. Глазные кинемы как элемент невербальной коммуникации и их языковая репрезентация в художественном тексте / А. А. Алексеевко // Мова і літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання : матэрыялы VII Рэсп. навук.-практ. канф. маладых вучоных, Мінск, 3 сак. 2023 г. / Бел. дзярж. ун-т ; рэдкал.: В. У. Зуева (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БДУ, 2023. – С. 146–151.
3. Kendon, A. Some functions of gaze direction in social interaction / A. Kendon // Acta Psychologica. – 1967. – Vol. 26. – P. 22–63.
4. Argyle, M. Eye-Contact, Distance and Affiliation / M. Argyle, J. Dean // Sociometry. – Vol. 28. – No. 3 (Sep., 1965). – P. 289–304.
5. Behavior and environment: The use of space by animals and men, Proceedings of an Intern. symposium held at the 1968 meeting of the Amer. assoc. for the advancement of science in Dallas, Texas / Ed. by Aristide H. Esser ... – New York, London : Plenum press, 1971. – XVIII. – 411 p.
6. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
7. Нэпп, М. Невербальное общение. Полное руководство / М. Нэпп, Дж. Холл. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 512 с.
8. Степанов, А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А. Д. Степанов. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 400 с.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : А ГЕИП, 2006. – 944 с.

Поступила в редакцию 24.09.2025

E-mail: alexeenko_hanna@mail.ru

H. Alexeenko

OCULAR COMPONENTS OF COMMUNICATION IN A. CHEKHOV'S PROSE AND ITS TRANSLATIONS INTO BELARUSIAN: FUNCTIONAL AND SEMANTIC ASPECT

The article deals with the analysis of non-verbal ocular components of communication in the works of A. Chekhov and their Belarusian translations. The main functions of the ocular components of communication in the context of creating artistic images and revealing the author's intention have been defined, the structural and semantic features of the ocular components linguistic realization in A. Chekhov's prose have been described. The peculiarities of translating ocular components of communication from Russian into Belarusian have been determined.

Keywords: non-verbal communication, oculusics, ocular components of communication, translation, emotive function, regulatory function, controlling function, cognitive function.

УДК 392.5:398.9:[811.161.1'373.4+811.161.3'373.4+811.111'373.4+811.112.2'373.4]

Е. В. Алимпиева¹, А. В. Телюкова²

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры мировых языков, УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

²Учитель английского языка, ГУО «Средняя школа № 8 г. Витебска», г. Витебск, Республика Беларусь

КОНЦЕПТ БРАК В РУССКОЙ, БЕЛОРУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Статья посвящена выявлению национально-культурной специфики фразеологической объективации концептов брак/шлюб/marriage/Ehe. Актуальность настоящего исследования обусловлена его включённостью в контекст приоритетных направлений антропоцентрической парадигмы лингвистики, одной из наиболее важных задач которой является анализ лингвокультурных универсалий, к которым относится исследуемый концепт, представляющий собой часть любого языкового сознания и служащий средством выражения его характерных черт. Полученные результаты позволяют проследить, каким образом представления о браке как о социальном институте и личном опыте объективируются фразеологическими средствами в парах языков русский, белорусский vs. английский, немецкий, а также сформулировать выводы об общих и специфических характеристиках исследуемых концептов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; лингвокультурология; концепт; брак; фразеологическая объективация; национально-культурная специфика.

Введение

На современном этапе развития когнитивной лингвистики и лингвокультурологии особое внимание уделяется анализу концептов как ключевых элементов ментального пространства, отражающих восприятие и интерпретацию действительности и фиксирующих опыт, эмоции, оценки и культурные нормы, закреплённые в языке.

Одним из способов репрезентации концептов является их фразеологическая объективация. Фразеологизмы представляют собой богатый источник знаний о ценностях и обычаях народа, поэтому справедливо считаются эффективным транслятором особенностей национальной культуры.

Установление национально-культурной специфики фразеологических единиц (далее – ФЕ) – важный этап анализа актуальных для современной концептосферы концептов, к числу которых относится концепт *брак*. Институт брака – старейший общественный институт, придающий сосуществованию в обществе стабильность и смысл. Уникальные традиции, связанные с супружеством, являются неотъемлемой частью языкового сознания каждой нации.

К изучению наиболее значимых для системы социальных понятий лингвокультурных концептов на материале разных языков неоднократно обращались такие исследователи, как С. Г. Воркачёв, В. И. Карасик, В. А. Маслова, М. В. Михалёва, М. В. Пименова, Е. С. Пивовар, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. Д. Старичёнок, Ю. С. Степанов, Г. Г. Слышкин, В. В. Тепкеева и др.

Актуальность настоящего исследования обусловлена как его включённостью в контекст приоритетных направлений антропоцентрической парадигмы лингвистики, так и отсутствием работ, посвящённых сопоставительному анализу фразеологизмов, объективирующих один из наиболее социально значимых концептов – концепт *брак* – в парах близкородственных восточнославянских (русский, белорусский) и западногерманских (английский, немецкий) языков.

Цель статьи – выявить общие и специфические характеристики семантики и системной организации фразеологического поля концепта *брак* в русском, белорусском, английском и немецком языках в сопоставительном аспекте.

Методы и методология исследования

Фактическим материалом послужили 70 ФЕ русского языка, 63 ФЕ белорусского языка, 79 ФЕ английского языка и 76 ФЕ немецкого языка, извлечённых методом сплошной выборки из одно-

и двуязычных фразеологических словарей [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], представляющих собой наиболее полные на сегодняшний день собрания устойчивых сочетаний. В качестве источников дополнительной информации об исследуемом материале привлекались толковые словари рассматриваемых языков [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19].

Для достижения поставленной цели использовались общенаучные методы наблюдения, сравнения, анализа и синтеза, а также частнонаучные описательный и сопоставительный методы, метод сплошной выборки, методы дефиниционного, компонентного и семантического анализа, элементы количественного метода.

Результаты исследования и их обсуждение

Концепт как «многомерный и многокомпонентный конструкт, репрезентирующий ментальную сущность, которая является результатом отражения реального мира в сознании индивида и представляет собой этнически специфическую систему понятий, знаний, оценок, эмоций, ассоциаций, представленную определённым словом» [20, с. 5], является транслятором своеобразия национального менталитета, философии каждой нации.

С точки зрения В. А. Масловой, мы «больше живём в мире концептов, созданных языком для наших интеллектуальных, духовных и социальных потребностей, чем в мире материальных вещей. Таким образом, чтобы слово было признано концептом и ключевым элементом культуры, оно должно быть широко используемым, частым и включено во фразеологизмы, пословицы и поговорки» [21, с. 79].

Типология концептов в современной лингвистике разнообразна и зависит от основания классификации: содержания, формы, уровня абстракции, значимости, характера выражения и др. Анализируемый нами концепт является, в силу значимости брака как социального института, одним из базовых в концептуальной системе каждой этнической картины мира.

Классификация М. В. Пименовой позволяет нам отнести концепт *брак* к «универсальным культурным концептам» [22, с. 47], который, однако, в национальном контексте может приобретать определённые особенности.

Руководствуясь типологией Г. Г. Слышкина, мы можем классифицировать концепт *брак* как «пропорциональный концепт» [23, с. 12], поскольку он продолжает своё развитие как в глубинной, так и в поверхностной семантике, отражая актуальные изменения в обществе и культуре.

Типология концептов, предложенная З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, позволяет рассматривать концепт *брак* либо как «концепт-фрейм» [24, с. 60], поскольку он вербализируется через устойчивую, чётко структурированную систему знаний (этапы вступления в брак, роли супругов, юридические нормы), либо как «концепт-сценарий» [24, с. 66], если трактовать его как развивающуюся последовательность событий (знакомство, сватание, свадьба, совместная жизнь, возможный развод). При этом, с точки зрения авторов, «содержание каждого концепта формируется когнитивными признаками, упорядоченными по полювому принципу: ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферии» [24, с. 42].

В результате анализа специальной литературы выявлено, что концепт *брак* как объект лингвистического исследования особенно хорошо поддаётся описанию посредством анализа лексико-фразеологического поля (далее – ЛФП), так как он представлен в языке совокупностью лексем, синонимических рядов, идиом и т. д., отражающих различные аспекты брачного союза.

Результаты установления лексической наполняемости ядра (прямые номинации: *брак, женитьба, свадьба* и т. п.), периферии (синонимы, переносные значения, контекстуальные характеристики) ЛФП, а также выявления ценностной составляющей исследуемого концепта описаны в наших предыдущих работах [25; 26].

В данной статье мы обратимся к анализу средств фразеологической объективации концептов *брак/шлюб/marriage/Ehe*, ведь, как известно, «лексика и фразеология формируют перекрывающиеся семантические группы, а значит, возможно построение интегрированных лексико-фразеологических полей» [27, с. 107]. Посредством фразеологической картины мира (далее – ФКМ), «характеризующейся универсальностью, антропоцентризмом, экспрессивностью, оценочностью и эмотивностью» [28, с. 8], наиболее отчетливо и выразительно транслируется специфика традиционного национального мировосприятия.

В связи с вышеизложенным, моделирование фразеологической составляющей ЛФП концепта *брак* осуществляется нами на основе анализа семантики, образности и метафоричности ФЕ четырёх языков. К ФЕ единицам в нашем исследовании мы относим устойчивые словесные комплексы, характеризующиеся единичной либо серийной сочетаемостью компонентов и переносным значением,

а также отдельные лексемы, семантика слов-компонентов которых обладает образностью и экспрессивностью и воссоздаёт целостное фразеологическое значение, содержащее оценку и/или отражающее установки культуры по отношению к браку.

Прежде чем перейти к анализу фактического материала, целесообразным видится остановиться на рассмотрении имеющихся дефиниций понятия *брак*, поскольку само определение этого слова – или, точнее, понимание того, что представляет собой институт брака, – по-прежнему остаётся предметом широкого общественного обсуждения.

В «Толковом словаре» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой брак определяется как «семейные супружеские отношения между мужчиной и женщиной; сопровождаемое обрядом бракосочетания христианское таинство вступления в супружество» [9]. Широкий спектр значений представлен в других толковых словарях русского языка, где брак – это «совокупность бытовых и правовых отношений, связывающих мужа и жену; форма закрепления супружеских отношений (церковный, законный, гражданский брак)» [10]; «семейный союз мужчины и женщины; супружество» [11].

«Слоўнік беларускай мовы» И. И. Носовича дефинирует брак (бел. *шлюб*) как «законное супольнае жыхарства мужчыны і жанчыны» [12], что подчёркивает легитимность брачного союза. Сходные определения приводят и прочие белорусскоязычные толковые словари, разъясняя, что *шлюб* – это «юрдычна аформлены саюз мужчыны і жанчыны, які ўстанаўлівае іх правы і абавязкі як мужа і жонкі» [13]; «сумеснае, узаконенае жыццё мужчыны і жанчыны» [14].

Таким образом, в русской и белорусской лексикографических традициях, независимо от эпохи, под понятиями *брак/шлюб* принято понимать официальный союз между мужчиной и женщиной, заключённый с целью создания семьи и продолжения рода, или, другими словами, юридически и социально значимый институт, базирующийся на устойчивых культурных и правовых нормах, что свидетельствует о глубокой укоренённости данного представления в языковом сообществе восточных славян.

Краткий обзор приведённых ниже словарных дефиниций позволяет проследить динамику осмысления понятия *брак* (англ. *marriage*/нем. *die Ehe*) в англо- и немецкоязычной лингвокультурах.

Ранние толкования значения слова *marriage* отражают преимущественно христианские и гетеронормативные представления о браке. Так, например, в первом издании «Samuel Johnson's Dictionary of the English Language» даётся следующее определение: «Marriage the act of uniting a man and woman for life; wedlock; matrimony» [15]. Отсюда следует, что брак в то время воспринимался как продолжающийся на протяжении всей жизни семейный союз мужчины и женщины, супружество, основанное на стабильных ролях супругов в процессе совместного проживания.

На рубеже XX–XXI веков под влиянием изменений в правовых нормах и общественных взглядах – особенно в западноевропейских странах – в лексикографических источниках появляются более нейтральные и инклюзивные формулировки. Так, в редакциях последних десятилетий (с 2010-х гг.) словаря «The Oxford Dictionary of English», в котором брак ранее определялся как «<...> the condition of a man and a woman» [16], мы находим следующее определение: «Marriage is the legally or formally recognized union of two people as partners in a personal relationship» [17], из чего следует, что в настоящее время брак в англоязычном пространстве рассматривается как юридически или официально признанное партнёрство двух людей (англ. *union of two people*).

Сходные дефиниции понятия *die Ehe* представлены и в новейших версиях популярных немецкоязычных словарей: «<...> eine gesetzlich [und kirchlich] anerkannte Lebensgemeinschaft zweier Personen» [18]; «a) die gesetzlich [oder kirchlich] geschlossene dauerhafte Verbindung von Mann und Frau, die grundsätzlich auf der Basis einer exklusiven geschlechtlichen Beziehung und gegenseitiger Fürsorgepflicht beruht und als Familie den Rahmen für die Geburt und Erziehung von Kindern bildet; b) in Deutschland seit 2017: gesetzlich geschlossene dauerhafte, eine Lebensgemeinschaft bildende Verbindung von zwei volljährigen Menschen unterschiedlichen oder gleichen Geschlechts <...> [19].

Из данных определений очевидно, что изменения, произошедшие в немецком законодательстве, нашли своё отражение и в немецкоязычной лексикографии, в связи с чем брак теперь трактуется двояко: традиционно – это юридически или церковно зарегистрированный, постоянный союз между мужчиной и женщиной, основанный на взаимной заботе и заключённый с целью рождения и воспитания детей; с 2017 года брак – это также и официально оформленный жизненный союз двух совершеннолетних людей разных либо одного пола. При том подчеркнём, что в немецкоязычной лингвокультуре церковный брак часто считается более значимым, чем светский, и рассматривается церковью как таинство, как священный союз между мужчиной и женщиной, установленный Богом. Семье, основанной на браке, церковь отводит центральную роль в воспитании детей и сохранении нравственных ценностей.

Приведённый обзор словарных дефиниций свидетельствует о том, что устоявшееся представление о браке как о долговременном союзе, основанном на любви и совместном выполнении родительских обязанностей, являющееся определяющим для носителей русского и белорусского языков, в англо- и немецкоязычном лингвокультурном пространстве уступает место более гибким, гендерно нейтральным подходам. Язык как зеркало культуры фиксирует эти сдвиги в словарной статье, оперативно реагируя на происходящие в общественном сознании и правовой системе изменения.

В результате анализа фактического материала (в совокупности – 288 ФЕ) установлено, что отобранные идиомы в большинстве случаев (98 %) транслируют традиционные представления о браке, сформировавшиеся в восточнославянской и западногерманской лингвокультурах.

Систематизация материала позволила нам выделить 5 семантических групп ФЕ, объективирующих концепты *брак/шлюб/marriage/Ehe* в рассматриваемых языках. При этом отметим, что любая классификация носит в определённой степени условный характер и зависит от исследовательской позиции автора, а потому может демонстрировать элементы субъективности.

Выделенные семантические группы упорядочены нами в порядке убывания численности формирующих их ФЕ.

1. Ядро концепта в каждом из рассматриваемых языков формируют ФЕ, связанные с традициями и ритуалами сватания/отказа от заключения брака (в совокупности – 31 % отобранных ФЕ):

– РЯ (35 % общего количества ФЕ РЯ): *искать руки, принимать венец, положить на слово, брать убогом, отдавать руку, отказывать в руке, сбежать из-под венца* и др. (здесь и далее примеры РЯ приводятся по [1; 2]);

– БЯ (33 % общего количества ФЕ БЯ): *збраць лад, збегчы з-пад вянка, ісці да шлюбу, стаць на рушнік, даць ад варот наварот* и др. (здесь и далее примеры БЯ приводятся по [3; 4]);

– АЯ (27 % общего количества ФЕ АЯ): *to get down on one knee* ‘встать на одно колено, сделать предложение’, *to pop the question* ‘задать вопрос о согласии выйти замуж, сделать предложение’, *to leave at the altar* ‘сбежать из-под алтаря, передумать жениться/выходить замуж в последнюю минуту’, *to say «I do»* ‘сказать «да», дать согласие выйти замуж’ и др. (здесь и далее примеры АЯ приводятся по [5; 6]);

– НЯ (25 % общего количества ФЕ НЯ): *auf die Brautschau gehen* ‘подыскивать себе невесту’, *um ein Mädchen werben* ‘свататься’, *j-m den Laufpass geben* ‘отказать кому-л., дать от ворот поворот’, *j-m den Hof machen* ‘ухаживать за кем-л. с целью заключения брака’ и др. (здесь и далее примеры НЯ приводятся по [7; 8]).

2. К ядерной зоне исследуемого концепта в четырёх языках мы относим также семантически сходные с описанными выше ФЕ, характеризующие процесс заключения брака, свадебные традиции, ритуалы (21 %):

– АЯ (24 %): *the big day* ‘большой день, день свадьбы’, *the white wedding* ‘белая свадьба, все атрибуты которой подчёркивают непорочность невесты’, *to jump the broom* ‘заключить брак’ (дословно: *перескочить через веник), *to join in holy matrimony* ‘вступить в священный брак, обвенчаться’, *to make an honest man/woman out of someone* ‘вступить в брак с человеком, с которым находишься в отношениях’ (дословно: *сделать из кого-л. честного мужчину/женщину) и др.;

– БЯ (24 %): *зварыць каравай, на пасад садзіць, стаць пад вянец, прапіваць платкі, шлюб шлюбавачь* и др.;

– РЯ (23 %): *идти к венцу, крутить свадьбу уходом, принимать венец, принимать закон, стать под венец, составить партию* и др.;

– НЯ (22 %): *j-n zum Altar führen* ‘вести под венец, жениться’, *im Ehehafen landen* ‘шутл. найти тихую пристань (в браке), жениться’, *in den heiligen Stand der Ehe treten* ‘сочетаться священными узами брака’, *sich ins Joch der Ehe beugen* ‘шутл. связать себя брачными узами’ и др.

3. Ближнюю периферию формируют ФЕ, номинирующие лиц мужского и женского пола до и после заключения брака (19 %):

– БЯ (21 %): *вечная нявеста, у дзеўках сядзець, жыццёвы спадарожнік, лепшая палова, мамін дурань, мая доля, польскі кавалер, саламяная ўдава/ўдавец* и др.;

– АЯ (20 %): *bridezilla* ‘очень требовательная невеста’, *her indoors* ‘властная жена’, *old maid* ‘старая дева’, *one's better half* ‘лучшая половина, супруга’, *the old ball and chain* ‘шутл. жена-обуза’, *the angel in the house* ‘шутл. «ангел» в доме, хозяйственная жена’ и др.;

– НЯ (20 %): *der Göttergatte* ‘шутл. благоверный’, *grüne Witwe* ‘зелёная вдова, т. е. проживающая за городом женщина, муж которой работает в городе’, *Strohwitwe(r)* ‘соломенная вдова/вдовец,

т. е. один из супругов, временно проживающий без другого', *j-s bessere Hälfte* 'лучшая половина, жена', *der Nesthocker* 'молодой мужчина, продолжающий после 25–30 лет жить с родителями, не заводя собственной семьи', *spätes Mädchen* 'старая дева' и др.;

– РЯ (19 %): *вековечная невеста, засидеться в девках, моя половинка, моя судьба, соломенная вдова/вдовец, суженый-ряженный, Христова невеста* и др.

4. Дальняя периферия представлена ФЕ, характеризующими семейную жизнь и взаимоотношения между супругами в браке (16 %):

– АЯ (18 %): *a marriage on the rocks* 'брак на грани развода', *happily ever after* 'жить долго и счастливо', *to cheat on someone* 'изменять супругу', *perfect match* 'идеальная пара', *wedded bliss* 'счастливый брак, супружеское блаженство' и др.;

– НЯ (17 %): *einen Seitensprung machen* 'ходить на сторону', *Feuer unter dem Dach haben* 'иметь разлад в семье', *hinter jeder Schürze laufen* 'бегать за каждой юбкой', *in die Brüche gehen* 'трещать по швам (о браке)', *nicht gerade Hand und Handschuh sein* 'не подходит друг другу' и др.;

– РЯ (13 %): *быть/держаться под каблуком, жить душа в душу, жить как кошка с собакой, наставлять рога, трещать по швам, ходить на сторону* и др.;

– БЯ (13 %): *жыць/любіцца як кот з сабакам, наставіць рогі, схавець пад фатой, першым куском удавіцца* и др.

5. На крайней периферии анализируемого концепта находится самая малочисленная группировка – ФЕ, описывающие характер совместного проживания, брака и связанные с ним изменения социального статуса одного из супругов (13 %):

– НЯ (16 %): *eine gute Partie machen* 'составить хорошую партию, выгодно жениться/выйти замуж', *in wilder Ehe leben* 'жить в незарегистрированном браке', *sich (D.) einen Goldfisch fangen* 'найти себе богатого жениха/невесту', *sich ins gemachte Netz setzen* 'удачно жениться/выйти замуж, прийти на всё готовое', *j-n zum Schein heiraten* 'заключить фиктивный брак' и др.;

– АЯ (11 %): *marriage of convenience* 'брак по расчёту', *left-handed marriage* 'морганатический, неравный брак', *to live in sin* 'жить «во грехе», т. е. сожительствовать, не вступая в брак', *Scotch marriage* 'шотландский брак, т. е. брак, заключённый без соблюдения формальностей (путём объявления себя мужем и женой в присутствии свидетелей)', *shotgun wedding/marriage* 'брак «под дулом пистолета», т. е. вынужденный брак ввиду беременности невесты', *starter marriage* 'первый брак (как правило, недолговечный)' и др.;

– РЯ (10 %): *брак по любви, брак по расчёту, венчаться вокруг ракитова куста, клонить дерево не по себе, неравный брак* и др.;

– БЯ (9 %): *жыць у грэху, няроўны шлюб, поўны шлюб, прыбіты шлюб, скванны шлюб, часовы шлюб* и др.

Сопоставление данных четырёх языков позволило определить единое семантическое ядро концептов *брак/шлюб/marriage/Ehe*, а также выявить их общие и национально и культурно обусловленные специфические характеристики.

Об универсальности исследуемых концептов свидетельствует паритетная количественная наполняемость выделенных тождественных семантических групп ФЕ, что указывает на общие представления представителей рассматриваемых лингвокультур о браке как об официальном долговременном союзе, базирующемся на любви и взаимопомощи. Данные представления реализуются как через нейтральные лексемы, принадлежащие к ядру, так и посредством структурно и семантически эквивалентных ядерных ФЕ, семантизирующих процесс вступления в брак и взаимоотношения между супругами: рус. *просить руки/бел. прасіць рукі/англ. to ask for someone's hand/нем. um j-s Hand anhalten*; рус. *жить душа в душу/бел. жыць душа ў душу/англ. to live soul to soul/нем. ein Herz und eine Seele sein* и др.

Выявлено, что одинаково значимое место в языковом сознании представителей исследуемых языковых сообществ занимает христианская традиция, закрепившая в фразеологическом фонде посредством сходной символики сакральное понимание брака, отражающее восприятие супружества как духовного союза, благословлённого свыше: рус. *связать себя узамы Гименя/бел. звязвацца вузамі Гіменя/англ. to tie the knot/нем. den Bund der Ehe eingehen*; рус. *стать под венец/бел. стаць пад вянец/англ. to walk down the aisle/нем. vor den Altar treten* и др.

Тождественно в материале четырёх языков отражены некоторые суеверия, например: рус. *перенести через порог/бел. перавесці цераз парог/англ. to carry (someone) over the threshold/нем. die Braut über die Schwelle tragen*. Этот обычай, возникший в средневековой Европе, предполагает, что при входе в дом жених берёт невесту на руки, чтобы она не наступила на порог или не споткнулась,

поскольку, по поверьям, это могло бы привлечь несчастье. В наше время данная традиция сохранилась в основном как романтический символ начала семейной жизни.

К общим характеристикам ядерной зоны фразеологического поля концептов относятся также неодобрительное отношение к мужчинам и женщинам, не состоящим в браке (рус. *засидеться в девках*/бел. *у дзеўках сядзець*/англ. *to be on the shelf*/нем. *eine alte Jungfer bleiben*; рус. *закоренелый холостяк*/бел. *стары халасцяк*/англ. *old bachelor*/нем. *ein eingefleischter Junggeselle* и др.), и отрицательное, ироническое восприятие отхода от общепринятых гендерных ролей в процессе семейной жизни (рус. *быть под каблуком*/бел. *быць пад пятой*/англ. *to be under someone's thumb*/нем. *bei j-m unter dem Pantoffel sein*; рус. *держаться за мамину юбку*/бел. *трымацца за спадніцу*/англ. *to be tied to one's wife's apron strings*/нем. *der Mutter an der Schürze hängen* и др.).

Равнозначно в четырёх языках характеризуется и супружеская измена: рус. *наставлять рога*/бел. *настаўіць рогі*/англ. *to make a cuckold of smb.*/нем. *j-m die Hörner aufsetzen* и др.

Выявленные в результате сопоставления данных различия локализируются в основном в периферийной зоне исследуемого концепта.

В частности, установлено, что в восточнославянской лингвокультуре брачные отношения более тесно связаны с традиционными социальными и морально-нравственными нормами, коллективистскими установками, в то время как в западногерманском лингвокультурном пространстве в восприятии брака доминируют индивидуалистическая, прагматическая и юридическая составляющие.

Данный факт подтверждается количественным преобладанием в материале английского и немецкого языков, описывающем виды брака и характер взаимоотношений партнёров, безэквивалентных ФЕ, отражающих указанные национально и культурно маркированные особенности: англ. *a green card marriage* 'брак, заключённый ради получения зелёной карты, т. е. гражданства', *a mail order bride* 'невеста по каталогу, брачная иммигрантка', *a trophy wife* 'трофейная жена, т. е. жена, которая рассматривается как показатель статуса мужа' и др.; нем. *auf Abbruch heiraten* 'выйти замуж/жениться в расчёте на скорую смерть богатого супруга', *Bratkartoffelverhältnis zu j-m haben* 'состоять в отношениях без любви', *vom Bett und Tisch geschieden sein* 'развестись и вести раздельное хозяйство, более не имея ничего общего друг с другом' и др. При этом прослеживается нивелирование традиционных гендерных ролей в духе равноправия: англ. *to wear the trousers*/нем. *die Hose anhaben* 'носить брюки, т. е. быть главой/«мужиком» в доме вместо мужа', что демонстрирует ценности западного постиндустриального общества, в большей степени ориентированного на права личности и самореализацию.

Во фразеологическом фонде западногерманских языков нашли отражение также и изменившиеся представления о браке (англ. *marriage equality* 'брачное равноправие', *equal marriage* 'равный брак'; нем. *Ehe für alle* 'брак для всех'), тогда как в русской и белорусской ФКМ понимание брака прочно связано с его осмыслением сквозь призму следования устоявшимся семейным нормам.

Кроме того, установлено, что в восточнославянской лингвокультуре более отчётливо, чем в западногерманской, прослеживается идея предначертанности брака судьбой: рус. *суженый-ржженный, моя судьба*; бел. *мая доля, сужэнец/сужэнка* и др.

Некоторые расхождения демонстрируют семантически эквивалентные ФЕ русского, белорусского и немецкого языков, связанные с предметом, получение которого при сватовстве символизирует несогласие на брак, отказ. Национально и культурно маркированным является субстантивный компонент таких ФЕ (рус. *выкатить тыкву/выставить гарбуз*/бел. *даць/выкаціць гарбуз(а)*/нем. *j-m einen Korb geben/verteilen* (дословно: *дать корзину)), что связано с древними свадебными обрядами. Так, у восточных славян повелось выкатывать тыкву (бел. *гарбуз*) – доступный и подлежащий длительному хранению овощ – жениху или его сватам, если невеста и/или её родители не были заинтересованы в браке. В Германии же «в Средневековье было принято поднимать претендента на руку и сердце дамы в её покои при помощи верёвки и корзины (нем. *der Korb*). Если дама хотела продемонстрировать отсутствие симпатии к поклоннику, она заранее заботилась о том, чтобы при подъёме дно корзины провалилось. Отсюда позднее возникла ещё одна традиция – в знак отказа вручать неудачливому жениху маленькую корзину без дна» [8, с. 409].

Полные структурно-семантические англоязычные эквиваленты данной идиомы в анализируемом материале не зафиксированы. Похожую семантику имеет идиома *to get the bird* (дословно: *получить птицу), означающая «получить насмешки, быть освистанным в знак неодобрения (об артисте и т. п.)» [6]. Представляется, что семантическими эквивалентами являются также англ. *to leave someone hanging* 'отказать кому-л.' (дословно: *оставить кого-л. висющим) и нем. *j-*

n hängen lassen 'отказать кому-л., бросить кого-л.' (дословно: *оставить висеть кого-л.), делающие отсылку к описанному выше ритуалу подъёма жениха в корзине.

Национально и культурно маркированными являются разговорные, шуточные, безэквивалентные идиомы, выявленные в исследуемом материале:

– немецкого языка: *j-n unter die Haube bringen* 'выдать замуж' (дословно: *устроить кого-л. под чепец), *unter der Haube sein* 'быть замужем, состоять в браке (о женщине)' (дословно: *быть под чепцом). В прошлом в Германии чепец (нем. *die Haube*) был неотъемлемой частью традиционного женского костюма, носился после снятия свадебного венка, указывая на то, что женщина замужем;

– белорусского языка: *з зямлёю ажаніцца* и *выйсці замуж за Пана Пясоцкага*. Данные эвфемизмы с семантикой смерти метафорически описывают уход из жизни как своего рода нерасторжимый союз землёй, где, в первом случае, смерть – брак с сырой землёй, во втором, – вымышленное имя *Пан Пясоцкі* делает отсылку к могильному песку, что отражает образное, поэтическое восприятие смерти в белорусскоязычной народной культуре, в том числе через брачную символику. ФЕ белорусского языка *першым кускам удавіцца* 'подавиться первым куском' используется для иронически гиперболизированного описания неудачного первого брака и указывает на нежелание повторно создавать семью.

Следовательно, устойчивые словосочетания не только обозначают явления, связанные с браком, но и выполняют оценочную, экспрессивную функции, демонстрируя амбивалентный характер брака как одновременно желанного и проблематичного, сакрального и обыденного явления.

При этом отметим, что по данным аналитических прогнозов, «к 2030 году около 45 % женщин в возрасте от 25 до 44 лет не будут иметь мужа и детей» [29], что ознаменует значительный сдвиг в традиционных социальных и семейных ролях. Эта тенденция, обусловленная экономической независимостью, карьерными амбициями и изменением взглядов на семью, однако, не означает полный отказ от брака или материнства, а скорее свидетельствует об изменении приоритетов у женщин.

Заклучение

Таким образом, проведённое исследование продемонстрировало, что концепты *брак/шлюб/marriage/Ehe* представляют собой многослойные, тождественно структурированные и семантически сходно наполненные лингвокультурные образования, отражающие общие мировоззренческие и поведенческие стереотипы и закрепляющие в сознании представителей рассматриваемых восточнославянских и западногерманских лингвокультур, в том числе и посредством устойчивых выражений, представления о браке как о нравственно значимом, социально одобряемом и необходимом для рождения и совместного воспитания детей союзе, основанном на верности, взаимной поддержке и уважении к устоям семьи.

Выявленная в результате исследования специфика фразеологической объективации исследуемого концепта подтверждает мысль о том, что концепт *брак* является не только универсальным социальным, но и культурным феноменом, оформленным в языковом сознании согласно доминирующим ценностям каждого лингвокультурного сообщества и фиксирующим происходящие в нём изменения.

В связи с этим дальнейшее исследование концепта *брак* позволит более глубоко и разноаспектно осмыслить происходящие в обществе в сфере семейных отношений трансформации и дополнить уже существующие работы, посвящённые анализу разноуровневых средств, фиксирующих и передающих культурно обусловленное понимание брака в различных языках, что важно для межкультурной коммуникации и изучения национального менталитета.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеол. ед. / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.
2. Фразеологический словарь русского языка : свыше 4000 словар. ст. / [сост. Л. А. Войнова и др.] ; под ред. А. И. Молоткова. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1978. – 543 с.
3. Янкоўскі, Ф. М. Беларуская фразеалогія. Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне / Ф. М. Янкоўскі. – Мн. : Вышэйшая школа, 1968. – 451 с.
4. Зайка, А. Ф. Фразеалагічны слоўнік Косаўшчыны / А. Ф. Зайка. – Брэст : Брэсцкая друкарня, 2014. – 308 с.

5. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.
6. The Chambers Thesaurus / comp. by: D. Swarbrick [et al.]. – 5th ed. – London : Chambers Publishing Limited, 2015. – 1226 p.
7. Шекасюк, Б. П. Новый немецко-русский фразеологический словарь : Neues deutsch-russisches phraseologisches Wörterbuch / Б. П. Шекасюк. – Изд. стер. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 864 с.
8. Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten / Wörterbuch der deutschen Idiomatik / hrsg. und bearb. von G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1992. – (Der Duden : Bd. 11). – 864 S.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2003. – 943 с.
10. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред.: Б. М. Волин, проф. Д. Н. Ушаков ; сост. проф. В. В. Виноградов [и др.] ; под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940. – Т. 4 : А. – 752 с.
11. Словарь современного русского литературного языка / Академия наук СССР. – М. ; Ленинград : Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950. – Т. 1 : А–Б. – 1534 с.
12. Насовіч, І. І. Сборник беларускай гаворкі / І. І. Насовіч. – URL: https://knihi.com/Ivan_Nasovic/Slovar_blorusskaho_narcija.html# (дата звароту: 10.04.2025).
13. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мн. : Бел. Сав. Энциклапедыя імя Петруся Броўкі, 1984. – Т. 5, кн. 2 : Улада – Я, Дадатак. – 608 с.
14. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. – URL: <https://verbum.by/?q=%D1%88%D0%BB%D1%8E%D0%B1&in=tsblm> (дата звароту: 10.04.2025).
15. Samuels Johnson's Dictionary. – Florida, 2010. – URL: <https://johnsonsdictionaryonline.com/index.php> (date of access: 10.05.2025).
16. The Oxford Dictionary of English. – 2th ed. – Oxford University Press, 2003. – 1226 p.
17. Oxford English Dictionary. – URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=marriage> (date of access: 10.05.2025).
18. Duden online. Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/Ehe> (Zugriffsdatum: 12.05.2025).
19. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/wb/Ehe> (Zugriffsdatum: 12.05.2025).
20. Михалёва, М. В. Структура и содержание концепта брак/marriage в языковом сознании русских и американцев : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Михалёва Марина Витальевна ; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2009. – 18 с.
21. Маслова, В. А. Лингвокультурология как наука о наиболее культурноносных языковых сущностях / В. А. Маслова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 78–89. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/30830> (дата обращения: 19.03.2025).
22. Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации : моногр. / М. В. Пименова. – Кемер. гос. ун-т, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов (Кемер. отд-е). – Кемерово : Графика, 2004. – 386 с.
23. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2004. – 39 с.
24. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Воронеж : ИСТОКИ, 2007. – 250 с.
25. Телюкова, А. В. Особенности восприятия понятия брак в белорусской и американской лингвокультурах / А. В. Телюкова // Студенческие научные чтения : материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13 февр. 2025 г. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; отв. ред. В. Д. Синяк. – Мн., 2025. – С. 176–178.
26. Телюкова, А. В. Особенности восприятия понятия marriage в англоязычной лингвокультуре / А. В. Телюкова // На пороге открытий : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. высокомотивированных и одарённых студентов и учащихся, Витебск, 27 февр. 2025 г. / Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова ; редкол.: С. В. Николаенко [и др.]. – Витебск, 2025. – С. 260–263.
27. Ножин, Е. А. Англо-русский фразеологический словарь по семантическим группам (теоретическое обоснование) / Е. А. Ножин // Иностранные языки. – 1966. – № 2. – С. 101–121.

28. Тепкеева, В. В. Концептосфера «Love – Marriage» в английской фразеологической картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Тепкеева Вероника Владимировна ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2007. – 24 с.

29. Peterson, H. More women are staying single longer, and that's great news for Nike and Lululemon / H. Peterson // Business Insider. – 22.08.2019. – URL: <https://www.businessinsider.com/nike-lululemon-more-women-stay-single-longer-2019-8> (date of access: 15.07.2025).

Поступила в редакцию 27.08.2025

E-mail: elena.alimpiyeva@gmail.com; sashatelyukova1@gmail.com

E. V. Alimpiyeva, A. V. Telyukova

THE CONCEPT OF *MARRIAGE*
IN RUSSIAN, BELARUSIAN, ENGLISH AND GERMAN PHRASEOLOGY

The article is devoted to the identification of the national and cultural specifics of the concepts of *брак/шлюб/marriage/Ehe*, objectified by phraseological units. The relevance of this research is due to its inclusion in the context of the priority directions of the anthropocentric paradigm of linguistics, one of the most important tasks of which is the contrastive analysis of linguistic and cultural universals, to which the concept under study belongs, representing a part of any linguistic consciousness and serving as a means of expressing its characteristic features. The results obtained made it possible to trace how ideas about marriage – as a social institution and personal experience – are realized by phraseological means in pairs of languages Russian, Belarusian vs. English, German, as well as to formulate conclusions about the general and specific characteristics of the concepts under study.

Keywords: cognitive linguistics, linguoculturology, concept, marriage, phraseological world picture, national and cultural specifics.

УДК 811.161.1'271.2

Е. А. Болтовская

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянской филологии,
УО «Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова»,
г. Могилёв, Республика Беларусь

ОБ АНАЛИТИЗМЕ В МОРФОЛОГИЧЕСКОМ СТРОЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье характеризуется усиливающаяся тенденция к аналитизму в морфологическом строе современного русского языка, подтверждением которой становятся: упрощённое склонение сложных и составных числительных; возрастающее количество неизменяемых слов; значительные колебания в родовых характеристиках многих несклоняемых существительных; наличие неизменяемых слов-конверсивов; приобретение словами типа врач двойной родовой принадлежности; сокращение парадигм у ранее изменяемых существительных.

Ключевые слова: неизменяемость, упрощение системы, тенденция к аналитизму, морфология, современный русский язык.

Введение

Современные лингвисты, занимающиеся проблемами нормализации и кодификации языковых фактов, выражают обеспокоенность по поводу возрастающей тенденции к упрощению системы русского языка в целом и морфологической системы в частности. Так, И. А. Шаронов, анализируя результаты ежегодных опросов студентов, указывает на то, что в последние десятилетия в речи молодого поколения значительно усилился «процесс устаревания форм родительного партитивного падежа, некоторых форм местного, а также предложного падежа имён собственных на -о типа в *Переделкине, в Шереметьеве...*»; в речи молодёжи почти не остаётся места для окончания -у в количественных и отрицательных конструкциях (*чайка бы горячего, сколько визга, нет от них покоя*); становится меньше вариативность в формах предложного падежа типа *в цехе – в цеху*, «почти не встречается вариативности винительного/родительного при отрицании: *не давать разрешение/разрешения...*» [1, с. 16]. В. Г. Костомаров также приходит к безутешному выводу об отсутствии интереса у будущих филологов к смыслу морфологических различий: например, «отвечая на вопрос, как лучше: “Она не кладёт в чай *сахар, сахара, сахару*”, – 72 % опрошенных сочли единственно правильной только первую форму, остальные, правда, подозревали, что и вторая возможна, если хочешь подчеркнуть, что не всю сахарницу. Никто не знал, что существует (увы, существовала!) третья возможность» [2, с. 64]. Учёный уверен в том, что «недостаточное почитание формы, материально-языкового выражения связано с переносом акцента на смысл, на когнитивно-семантическую сторону, сопряженную не столько с языком, сколько с текстом на языке (курсив Костомарова. – Е. Б.) [2, с. 66]. Стремление к редукции морфологических значений, исчезновению форм – объективный, связанный с развитием языка процесс (истории русского языка известны утрата двойственного числа, унификация падежных парадигм существительных, потеря падежных форм кратких прилагательных, сохранение одной формы (вместо четырёх) прошедшего времени глагола и др.), тем не менее он нуждается в описании с учётом нынешних реалий. Этим объясняется актуальность нашего исследования, цель которого заключается в характеристике маркеров аналитизма в морфологическом строе современного русского языка.

Методы и методология исследования

Теоретическое основание исследования составляет идея о нарастающей тенденции к аналитизму в русской морфологии, отражённая в академических коллективных монографиях середины XX века [3; 4]. Для реализации цели исследования использованы следующие методы: описательный метод, анализ лексикографических источников, контекстуальный анализ, анкетирование, количественный метод. Материалом для исследования послужили словари современного русского языка, данные письменного опроса 120 студентов-филологов МГУ имени А. А. Кулешова и БГУ, тексты из основного, газетного, соцсетевого подкорпусов Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) (<http://www.ruscorpora.ru/new/>).

Результаты исследования и их обсуждение

Тенденция к росту аналитических черт в русском языке, с одной стороны, делает язык проще для новых поколений, а с другой – обедняет его выразительные возможности, лишает исторической глубины. Г. И. Панова замечает, что в большинстве случаев аналитизм в морфологии связан «с уменьшением у слова количества морф. форм, т. е. с частичной или полной утратой изменяемости» [5, с. 57].

Тенденцию к упрощению падежной системы в первую очередь можно проиллюстрировать постепенным, длящимся на протяжении более ста лет сдвигом прежде склоняемых имён собственных к несклоняемости. Так, «начиная с XIX в. в языке отчётливо прослеживается тенденция к несклоняемости фамилий на *-ко*» [4, с. 194]: украинские по происхождению мужские и женские фамилии на *-ко* (*Зоценко, Короленко*) в наше время допустимо склонять только в разговорно-обиходной (но не в письменной!) речи и художественных текстах [6, с. 201]. Русские по происхождению географические названия, оканчивающиеся на *-ово, -ёво, -ево, -ино, -ыно* (*Иваново, Бирюлёво, Шереметьево, Люблино, Голицыно*), под влиянием разговорной, профессиональной и газетной речи [6, с. 202] стали обнаруживать стремление к неизменяемости в советскую эпоху: «В 60-е гг. XX в. люди старшего поколения их ещё склоняли, сознательно отталкивая новую норму, широко распространяющуюся в печати и устной речи» [7, с. 237]. Сейчас они не склоняются в случае совпадения с антропонимом (*Ретин – Ретино, Пушкин – Пушкино, Киров – Кирово*), а также в сочетании с обобщающим нарицательным словом (*село, деревня, посёлок, станция, станица, станицы и др.*): *из района Строгино, в деревню Простоквашино*. В других случаях возможен как склоняемый, так и несклоняемый вариант, причём кодификаторы, стремясь сдержать быстрое распространение несклоняемых форм, отдают предпочтение склоняемому варианту как более соответствующему строгой литературной норме: «Употребление несклоняемых форм в предложных сочетаниях типа *до Клушино, из Бабкино, от Поронино, около Усово* свойственно профессиональной и устной речи; в образцовом литературном стиле (со сцены, с телеэкрана, в радиоречи) эти формы следует склонять» [8, с. 200].

Для современной речи характерно стремление к упрощённому склонению количественных числительных, которое проявляется в употреблении их исходной формы, когда требуется форма косвенного падежа, в склонении только начального и/или конечного компонента составного числительного (**с тремя тысячами пятьсот рублями* вместо *с тремя тысячами пятьюстами рублями*): *Вышедший в Америке четвёртого мая фильм «Мумия возвращается» (The Mummy Returns), сиквел приключенческого боевика «Мумия» (The Mummy), побил рекорд посещаемости и собрал за уик-энд в трёх тысячах четырёхста кинотеатрах в Америке и Канаде 70,1 миллиона долларов.* [«Мумия возвращается» с рекордными сборами // Lenta.ru, 07.05.2001, НКРЯ]. Литературной норме противостоят и распространённые ошибки в склонении сложных числительных типа **шестидесятью* вместо *шестьюдесятью*, **двухста* вместо *двухсот* [6, с. 290; 9, с. 157–158]: *Волыняне – восточно-славянское племя или племенной союз, упоминающийся в Повести временных лет и в баварских летописях. В соответствии с последними, волыняне владели семидесятью крепостями в конце X века.* [vk (13.03.2013), НКРЯ]; *Административный штраф от ста до трёхста рублей.* [Водителей в Кемерове начали наказывать за шумные авто // Комсомольская правда, 14.08.2008, НКРЯ].

Одним из ярких проявлений аналитизма в морфологическом строе русского языка XX века считается приобретение существительными мужского рода (типа *директор, доцент, секретарь*), обозначающих лиц по профессии, роду деятельности, занимаемой должности, свойства двуродовости, расширение их референтной соотнесённости и синтагматических связей: «Сущ. типа *неряха* исторически восходят к сущ. жен. рода, обычно негативно характеризующим лиц женского пола: *неряха, валанда, недогляда*. Когда возникает потребность (возможность) в аналогичных характеристиках лиц мужского пола (первый симптом эмансипации женщин), то система языка использует для этого те же субстантивы, расширяя их референтную соотнесённость и синтагматику. При этом само сущ. не приобретает дополнительной семы “мужской пол”, а, напротив, утрачивает исконную сему “женский пол”: было: *большая неряха* (женский пол); стало: *большая неряха* (женский, а также мужской пол, т. е. в отвлечении от пола) и *большой неряха* (мужской пол). Произошло перераспределение сфер информативности: она уменьшается на уровне словоформы (исчезает сема “женский пол”) и увеличивается, модифицируясь, на уровне синтагмы (род прил. сигнализирует мужской пол обозначаемого лица). <...> Аналогичный процесс переживают сейчас сущ. типа *директор*; было: *наш директор* (мужской пол); стало: *наш директор* (мужской, а также и женский пол) и *наша директор* (женский пол). Сущ. этого типа тоже утрачивают сему пола (мужского), а на уровне синтагмы однозначно может быть выражена сема женского пола (*наша директор, директор*

пришла) (разреженный интервал и полужирный курсив Пановой. – Е. Б.)» [5, с. 58–59]. Происходит смещение способа выражения значения грамматического рода с синтетического, через флексию одного слова (*врач, врача, врачом* и др.), на аналитический, с помощью флексий других слов (*нашлась хорошая врач*) из контекстуального окружения: *И вот, когда мы лежали в неврологии, вдруг нашлась очень хорошая врач – она меня без конца теребила.* [Сергей Мостовщиков. Красота неизлечимая. Синдром настоящего мужчины как генетическое отклонение // Новая газета, 03.03.2017, НКРЯ].

По наблюдениям учёных, на рубеже XX–XXI вв. русский язык активно пополняется номинациями, имеющими в составе аналитические прилагательные (например, *арт-галерея, бизнес-ланч, джаз-фестиваль, офис-дизайн, кантри-шоу, компьютер-холл, фитнес-класс*) [10, с. 264]. Такие конструкции, созданные по аналогии с английскими *art gallery, business lunch* и т. д., с одной стороны, в силу своей компактности удобны в использовании, а с другой – минимизируют морфологическую адаптацию в новой языковой среде, сохраняя первоначальную форму заимствования. Происходит заметное увеличение количества несклоняемых одушевлённых субстантивов на гласный (например, в литературном языке *гуру, зомби, йети, камикадзе, кутюрье, либеро, лобби, мафиози, мачо, ниндзя, папарацци, профи, секьюрити, сомелье, шоколадье, яппи*; в субстандарте *барби, группы, милитари*); среди новых заимствованных существительных на гласный затухает варьирование по признаку склоняемости/несклоняемости в пользу несклоняемости, в то время как «конкуренция вариантов среди существительных на согласный заканчивается “победой” склоняемого варианта» [11, с. 192, с. 187–188]. К примеру, устойчиво склоняются лексемы (в том числе аббревиатуры по происхождению) *памперс, фьючерс, феин/фэйшин/фэшин, экин, пиар, сидиром*, а количество несклоняемых слов в данной группе незначительно (*грин-кард, кантри-мьюзик, от-кутюр, плей-офф*) [11, с. 175–183]. Следовательно, от финального звука иноязычной лексемы во многом зависит её будущее словоизменение в русском языке.

Попадая в принимающий язык, иноязычное слово проходит сложный и многосторонний процесс адаптации («национализации»), когда звуковой состав, графический облик, грамматико-стилистическая характеристика слова начинают соответствовать закономерностям и системным свойствам заимствующего языка. Фонетическое, орфоэпическое, графическое, орфографическое, лексико-семантическое, морфологическое, словообразовательное, синтаксическое, стилистическое приспособление нового слова считается завершённым, если отмечается «стабильное функционирование иноязычия в русской речи как полноправной единицы системы, незатруднённое (“автоматическое”) использование её многими говорящими разных поколений» [11, с. 73]. Скорость протекания, интенсивность адаптации зависит в первую очередь от внешней причины – актуальности обозначаемой словом реалии [11, с. 74].

К основным факторам, поддерживающим отсутствие склоняемости существительных, по мнению Е. В. Мариновой, относятся: 1) грамматическая неформленность слова на начальной стадии освоения, вызванная размытостью лексического значения: «Употребление иноязычного слова в роли наречия и прилагательного (без дополнительных грамматических показателей) формирует представление о его “застывшей”, неизменяемой форме» [11, с. 189]; 2) передача иноязычных слов на письме с помощью графических средств языка-источника: «Например, в рекламе *Дыши футболом! Пей Coca-cola!* латиница “навязывает” несклоняемую форму слову, давно имеющему в русском языке и кириллическое написание (*кока-кола*), и парадигму словоизменения» [11, с. 190]. Таким образом, неопределённость грамматической семантики лексемы и написание латиницей на раннем этапе заимствования замедляют морфологическую адаптацию.

Обычно «внедрение» иноязычного имени существительного в новую языковую среду проходит три стадии. На первом этапе это вкрапление, т. е. несклоняемый вариант в написании латиницей (*сообщение по e-mail*); на втором этапе – по-прежнему несклоняемый вариант в написании кириллицей (*сообщение по имейл*); на последнем этапе – склоняемый вариант (*сообщение по имейлу*). Некоторые заимствования (например, англицизмы, оканчивающиеся на *-инг, -ер, -мент*) минуя второй этап освоения, сразу переходя к склоняемому варианту [11, с. 190–191]. Другие же (например, многие иноязычные слова на гласный) остаются на второй стадии принятия новым языком. Третьи, имея склоняемый и несклоняемый варианты, возвращаются ко второй стадии (например, невзирая на склоняемые варианты *кофий, кофей, кофа, кафеи, кофь, кава, кохей, кохвий, кохвей*, в языке закрепился несклоняемый *кофе*; вместо склоняемых вариантов *фортепьян* (мужской род), *фортепьяна* (женский род), *фортепьяны* (мн. ч.) остались несклоняемые варианты среднего рода *фортепьяно* и *фортепиано* [12, с. 177]; вместо *портмонет – портмоне*, вместо *алой – алоэ*). Даже внешне похожие лексемы из одного и того же языка-источника могут по-разному адаптироваться в новом языке. Так, грузинское несклоняемое неодушевлённое существительное *шампури* [12, с. 188] вошло в систему

русского языка как склоняемое слово мужского рода *шампур*, полностью завершив свою адаптацию, а заимствования *хинкали* (грузинские пельмени), *боржом* (минеральная вода), которые имеют склоняемые варианты мужского рода *хинкал* [12, с. 182], *боржом* [12, с. 43], напротив, более широко распространились в несклоняемом виде. Если в основном подкорпусе НКРЯ нами обнаружено близкое к равному употребление с 1910 по 2017 г. склоняемого варианта *боржом* (в 95 текстах (43,8 %)) и несклоняемого *боржом* (в 122 текстах (56,2 %)), то в подкорпусе «Социальные сети» с 2005 по 2022 г. количественное соотношение склоняемого и несклоняемого вариантов существенно меняется: только в 8 текстах (9,1 %) использован вариант *боржом*, а в 80 (90,9 %) – *боржом*.

Сопоставив данные двух специализированных словарей [12; 13], мы обнаружили, что в «Словаре несклоняемых слов» (1978) Н. П. Колесникова, содержащем около 1800 слов, находится приблизительно 10 % существительных (185 единиц), имеющих склоняемые варианты. В «Современном словаре несклоняемых слов русского языка» (2009) И. Д. Успенской, включающем в себя около 3000 слов, доля таких слов уже вдвое меньше: приблизительно 5 % (160 единиц).

Н. П. Колесников намеренно размещает в словарной статье и стилистически нейтральные для 70-х гг. XX в. склоняемые варианты (например, *маго* – *магот* [12, с. 105], *марабу́* – *марабут* [12, с. 109], *алоэ* – *алой* [12, с. 24], *боржом* – *боржом* [12, с. 43], *бергамаско* – *бергамаска* [12, с. 38–39]), и варианты, оставшиеся в истории языка (например, *импресарио* – *импресарий* [12, с. 76–77], *камэ* – *камей* [12, с. 83], *экстемпорале* – *экстемпоралия* [12, с. 192]), и варианты, используемые в просторечии, тем самым выходящие за пределы литературной нормы (например, *мадам* – *мадама* [12, с. 105], *кенгуру́* – *кенгура* [12, с. 89], *салдо* – *салда* [12, с. 149], *танго* – *танга* [12, с. 163]), обращает внимание на альтернативные склоняемые синонимы для несклоняемых слов (например, *кенгуру́* – *тиболь* [12, с. 89], *агу́ти* – *золотистый заяц* [12, с. 20], *сайми́ри* – *мёртвая голова* [12, с. 148], *алоэ* – *столетник* [12, с. 24], *люмба́го* – *прострел* [12, с. 104]), делая это с чёткой установкой для будущих кодификаторов: «Приведённые образцы склоняемых существительных и прилагательных указывают на тот возможный путь, который могут выбрать языковеды, чтобы заменить в словарном составе русского языка несклоняемые имена склоняемыми и тем самым устранить многие трудности, связанные с употреблением несклоняемых имён...» [12, с. 12].

Само наличие в русском языке неизменяемых слов-конверсивов, которые совмещают в себе семантико-синтаксические признаки разных частей речи и реализуют их в разных контекстуальных условиях, подкрепляет тенденцию к аналитизму: ср. *юбка* (какая?) *мини* (прилагательное, так как относится к существительному, выражает значение признака предмета, является определением) и *носить* (что?) *мини* (существительное, так как относится к глаголу, обладает предметным значением, является дополнением). В подобранных нами из НКРЯ примерах лексема *топлес* (кстати, совсем недавно у неё был орфографический вариант *топлессе*) употребляется как имя существительное (*Смело войдя в заведение под многообещающим парижским названием Lido, я обнаружил, что меня ждёт никакой не топлес, а, увы, фаст-фуд – нечто вроде латышского варианта «Ёлок-палок»*. [Латыши и гости столицы (2000) // «Коммерсантъ-Власть», 29.08.2000, НКРЯ]), имя прилагательное (*Вместо «обнажённые по пояс парни и девушки» следует читать «обнажённые по пояс молодые люди», так как девушки топлес – это всё же большая редкость в нашем резко континентальном климате, да и патриотический порыв должен бы скорее способствовать росту их целомудрия, чем распущенности*. [Эдуард Русаков. Бумажная маска // «Сибирские огни», 2013, НКРЯ]), наречие (*Юбка на ней была короткая, ноги были длинные, и волосы чуть не до разреза юбки, и где-то она загорала недавно, и, может быть, топлес загорала...* [Андрей Колесников. Исповедь участника лотереи (1997) // «Столица», 02.09.1997, НКРЯ]). Таким образом, существование в русском языке грамматических омонимов, способных проявлять признаки различных частей речи в зависимости от контекста, демонстрирует сдвиг в сторону аналитизма, поскольку частеречная принадлежность слова устанавливается за его пределами на основании квалификации его синтаксической роли и сочетаемости.

Неизменяемые существительные вносят большую, чем склоняемые, неупорядоченность в родовую характеристику слова, так как не представляется возможным определить их грамматический род основным для русского языка морфологическим способом, с помощью окончаний падежных форм единственного числа (например, *зверь*, *зверя* – мужской род; *дверь*, *двери* – женский род). «Морфологическая невыраженность рода и передача этой функции целиком синтаксическому уровню при наличии косвенной содержательной мотивации рода...» [14, с. 144] создают веские основания для вариантности несклоняемых существительных по грамматическому роду. Это нередко отражается и в противоречивых рекомендациях кодификаторов, и в реальной речевой практике. Так, в словаре Н. П. Колесникова существительное *ага́ми* (птица отряда журавлей) представлено как слово среднего

рода [12, с. 19], в словаре И. Д. Успенской – женского и мужского рода [13, с. 19], в электронных версиях словарей, размещённых на справочно-информационном портале Грамота.ру (<https://gramota.ru/>), – женского рода; *марабу́* (птица из семейства аистов) в большинстве вышеупомянутых лексикографических источников характеризуется как слово мужского рода, а в словаре И. Д. Успенской отмечается его вариантность: мужского и женского рода [13, с. 234]; лексема *ма́го* (бесхвостая обезьяна подсемейства маргышковых) в словаре Н. П. Колесникова женского рода [12, с. 105], в словаре И. Д. Успенской – мужского и женского рода [13, с. 228], в электронных словарях портала – мужского рода. Из 120 опрошенных нами белорусских студентов-филологов 1 человек (0,8 %) не определил родовую отнесённость лексемы *маго*, 4 человека (3,3 %) отметили вариантность мужского и женского рода, 5 человек (4,2 %) отнесли данное несклоняемое слово к среднему роду, 22 человека (18,3 %) охарактеризовали как слово мужского рода, 88 человек (73,4 %) – как слово женского рода. Так как *маго* – редко употребляемое в узусе слово, обращение к ресурсам НКРЯ не привело нас к пониманию того, какой родовой принадлежностью в большинстве случаев наделяют русскоговорящие эту лексему. Единственный релевантный для определения рода пример из основного подкорпуса НКРЯ отражает норму XIX в., которая, разумеется, могла с течением времени измениться: *Маго – животное, чуждое нашему климату. Её родина – собственно северная Африка.* [К. Д. Ушинский. Детский мир (1864), НКРЯ], а в 8 текстах из основного (3), газетного (4), соцсетевых (1) подкорпусов обнаружен склоняемый вариант мужского рода: *По одной из легенд, британское управление территорией сохранится, пока там будет жив хотя бы один магот (единственная обезьяна, обитающая в диком виде на территории Европы).* [Королева Испании отменила визит к британской королеве // Lenta.ru, 17.05.2012, НКРЯ]; *Мартышки, саймири, лори, капуцин, магот, лемур и другие, так непохожие внешне и такие разные по характеру и темпераменту, впечатлят вас своими необычайными способностями.* [vk (04.12.2014), НКРЯ].

Заключение

Итак, аналитические тенденции в языке состоят в том, что понятийно-грамматическая информация, утрачиваясь на уровне словоформы, концентрируется только на уровне синтагмы. В связи с этим в выражении грамматической информации в структуре высказывания уменьшается значимость словоизменительных аффиксов (синтетических средств) и возрастает значимость контекстуального окружения, служебных слов, порядка слов (аналитических средств).

Важными диагностическими признаками развивающегося аналитизма в морфологическом строе современного русского языка являются: интенсивно возрастающее количество неизменяемых слов иноязычного происхождения; существование неизменяемых слов-конверсивов, частеречный статус которых определяется только в контексте; связанные с грамматическим родом колебания у многих несклоняемых существительных; пополнение лексического фонда номинациями, имеющими в своём составе неизменяемые аналитические прилагательные; распространение в узусе тенденции к упрощённому склонению сложных и составных числительных; приобретение словами типа *врач, педагог* двойной родовой принадлежности по аналогии со словами типа *неряха, ябеда*; стремление прежде склоняемых существительных (фамилии на *-ко*, географические названия на *-ово, -ёво, -ево, -ино, -ыно*) к неизменяемости, т. е. их полная или частичная деморфологизация.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шаронов, И. А. Современные грамматические нормы (проблемы контроля и уточнения) / И. А. Шаронов // Вариативность в языке и коммуникации : сб. статей / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. – М. : РГГУ, 2012. – С. 15–29.
2. Костомаров, В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности / В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 2014. – 220 с.
3. Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис русского литературного языка / под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. – 368 с.
4. Русский язык по данным массового обследования (опыт социально-лингвистического изучения) / под ред. Л. П. Крысина. – М. : Наука, 1974. – 352 с.
5. Панова, Г. И. Морфология русского языка : энциклопедический словарь-справочник / Г. И. Панова. – М. : КомКнига, 2010. – 448 с.

6. Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина [и др.] ; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – 2-е изд., стер. – М. : РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2002. – 726 с.
7. Гловинская, М. Я. Активные процессы в грамматике / М. Я. Гловинская // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С. 187–270.
8. Словарь грамматических вариантов русского языка / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – 3-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 555, [5] с.
9. Волынец, Т. Н. Современный русский язык. Морфология : учеб. пособие / Т. Н. Волынец. – Мн. : РИВШ, 2013. – 328 с.
10. Голанова, Е. И. «Точки роста» в системе современного словообразования: аналитические прилагательные и их место в системе и норме / Е. И. Голанова // Современный русский язык: система – норма – узус / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 261–270.
11. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования / Е. В. Маринова. – Изд. 3-е, стереотип. – М. : ЛЕНАНД, 2021. – 536 с.
12. Колесников, Н. П. Словарь несклоняемых слов / Н. П. Колесников. – Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1978. – 216 с.
13. Успенская, И. Д. Современный словарь несклоняемых слов русского языка : ок. 3000 слов / И. Д. Успенская. – М. : Астрель : АСТ, 2009. – 474, [6] с.
14. Горбачевич, К. С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка / К. С. Горбачевич ; отв. ред. Ф. П. Филин. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 240 с.

Поступила в редакцию 05.08.2025

E-mail: baltouskaya@list.ru

E. A. Boltovskaya

ANALYTIC TENDENCIES IN THE MORPHOLOGICAL SYSTEM OF MODERN RUSSIAN

The article examines the growing analytic tendencies in Modern Russian morphology, manifested through: simplified declension of compound and composite numerals; increased use of indeclinable words; variable gender assignment in uninflected nouns; occurrence of zero-derivation conversives; emerging dual-gender reference in professional terms (e.g., *vrach* 'physician'); and paradigm reduction in historically inflected nouns.

Keywords: indeclinability, system simplification, analytic tendency, morphology, Modern Russian.

УДК 811.111'42:070(=111):004.9

К. Н. Ветошкина

Аспирант кафедры фонетики и грамматики английского языка, УО «Белорусский государственный университет иностранных языков», г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель: Сажина Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ЖАНРА СТОРИТЕЛЛИНГА
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

В статье выделены коммуникативные стратегии и тактики для отдельного структурно-семантического типа самостоятельного жанра сторителлинга. На основе анализа британских интернет-изданий с опорой на 100 англоязычных текстов сторителлинга раскрываются коммуникативно-прагматические характеристики сравнительно-сопоставительного, сценарного и поискового структурно-семантических типов сторителлинга, дается их процентное соотношение по степени частотности в британских интернет-изданиях.

Ключевые слова: сторителлинг, тактика, стратегия, структурно-семантический тип, интернет-издание, сюжетно-композиционная схема.

Введение

В медиадискурсе постоянно появляются новые гибридные жанры, что запускает цепочные изменения в системе средств массовой информации. В связи с этим установленные ранее коммуникативные стратегии и тактики нельзя считать исчерпывающими, что обуславливает актуальность в их дальнейшей разработке для описания воздействующего потенциала сторителлинга как самостоятельного жанра медийного дискурса.

В медиалингвистике принято считать, что современные средства массовой информации являются мощным элементом воздействия на целевую аудиторию. Понятие «воздействие» лингвистами интерпретируется по-разному. Так, некоторые исследователи понимают под ним результат и целеустановку любой речи [1, с. 100]. Следует подчеркнуть, что целью такого воздействия можно определить как видоизменение взаиморасположений типовых и персональных когнитивных моделей посредством влияния текстовой информации [2, с. 121]. Такого рода целевая установка осуществляется с помощью коммуникативных стратегий. Одни лингвисты рассматривают коммуникативную стратегию в качестве прагмалингвистического принципа осуществления иллюкутивного смысла [3, с. 35]. Другие же сходятся во мнении, что коммуникативная стратегия включает в себя понятие замысла, авторской позиции, его мировоззрения, субъективного отношения к описываемому явлению и описываемой проблеме, его актуальных прагматических интересов; располагается фигуративно за текстом или над текстом [4, с. 446]. В процессе реализации стратегии самая главная цель подразделяется на маленькие задачи, согласно которым выбираются необходимые для реализации ведущего намерения тактики – комплекс языковых и речевых приемов построения текста без корреляции напрямую с единицами конкретных языковых уровней, что их и отличает от речевых ходов.

Цель данного исследования – установление в англоязычном медиадискурсе коммуникативных стратегий и тактик в самостоятельном жанре сторителлинга, главными жанрообразующими параметрами которого являются присущая ему особая структура и определенная целевая установка, а также оригинальное название, тема, досконально описанный герой, место, время и контекст повествования, включенных в общий сюжет с целью освещения социально значимых явлений.

Методы и методология исследования

В данном исследовании применены описательный метод и метод контекстуального анализа 100 англоязычных текстов исследуемого жанра, отобранных способом сплошной выборки из британского интернет-издания «The Guardian».

Результаты исследования и их обсуждение

Опираясь на анализ сплошной выборки англоязычных текстов, можно прийти к выводу, что для данного жанра характерно три структурно-семантических типа сторителлинга, которые построены

по определенным сюжетно-композиционным схемам с конкретной целевой установкой, достигаемой с помощью коммуникативных стратегий.

На основе британских интернет-изданий с опорой на 100 англоязычных текстов можно сделать выводы, что сравнительно-сопоставительный тип сторителлинга составляет 50 % по степени встречаемости среди англоязычных текстов. Он построен по линейной параллельной сюжетно-композиционной схеме или линейной сюжетно-композиционной схеме с экскурсами и ставит перед собой коммуникативную цель сопоставления различных объектов, явлений или процессов для выделения их характеристик, преимуществ и недостатков [5, с. 104–105].

Для достижения поставленной цели используется **стратегия формирования читательского отклика**, которая состоит в побуждении целевой аудитории к анализу изложенного и формированию субъективной позиции по отношению к прочитанному. Для реализации данной стратегии используются следующие тактики:

– **тактика полилога с опущением обобщений** выражается в создании диалогической ситуации, посредством которой происходит прямое обращение к целевой аудитории в виде поставленных перед ней вопросов, стимулирующих ее к поиску ответов, стараясь исключить обобщения или готовые выводы при рассмотрении социально значимой проблемы. Данная тактика эксплицируется личными местоимениями *you/we*, риторическими вопросами, вопросно-ответными комплексами, глаголами в форме повелительного наклонения. Примером реализации этой тактики может служить сторителлинг «Our job as scientists is to find the truth. But we must also be storytellers» из британского интернет-издания «The Guardian», в котором посредством обращенных к целевой аудитории риторических вопросов и использования личных местоимений целевая аудитория вовлекается в диалог для формирования собственного мнения на основе прочитанного: *But what should be done? Can we be truly dispassionate about what we are doing in science? There are reasons to think that even when we are operating in the rarefied atmosphere of scientific endeavor, we are never not wrapping our lives in stories* ‘Но что следует предпринять? Можем ли мы по-настоящему беспристрастно относиться к тому, какие открытия мы делаем в науке? Есть основания полагать, что даже когда мы работаем в разреженной атмосфере научных изысканий, мы никогда не обходим свою жизнь без историй’ [6];

– **тактика полилинейного повествования** заключается в инициировании целевой аудитории вступить в диалог с другими людьми, даже с диаметрально противоположным мнением. Эта тактика реализуется посредством предоставления цитат героев сторителлинга с возможностью дистанционного участия целевой аудитории в сформированном полилоге касательно актуальной социально значимой ситуации, приняв чью-то точку зрения или предложив альтернативное мнение. Так, в сторителлинге «Our job as scientists is to find the truth. But we must also be storytellers» демонстрируются разные профессиональные точки зрения ученых касательно корреляции науки и сторителлинга, что позволяет целевой аудитории сопоставить их и сформировать собственное умозаключение: *In an article titled “Against storytelling of scientific results”, Yarden Katz explains that certain defining features of narrative – someone pursuing a goal; a satisfying resolution that resolves this; a meaning that draws people in – are antithetical to key ideals and practices of scientific work* ‘В статье, под названием «Против сторителлинга научных результатов», Ярден Кац объясняет, что некоторые определяющие черты нарратива – кто-то ставит перед собой цель; удовлетворяющее решение, которое решает проблему; смысл, который привлекает людей – противоречат ключевым идеалам и практикам научной работы’ [6];

Further, the scientist’s job is to inform, not persuade. Advice in Nature from authors Martin Krzywinski and Alberto Cairo seems to challenge this norm: “Maintain focus of your presentation by leaving out detail that does not advance the plot”; “inviting readers to draw their own conclusions is risky.” Most scientists would agree that this is going too far ‘Кроме того, задача ученого – информировать, а не убеждать. Советы из издания «Nature» от авторов Мартина Кшивински и Альберто Каиро, похоже, противоречат этой норме: «Сохраняйте фокус презентации, опуская детали, которые не развивают сюжет»; «Предлагать читателям самим делать выводы рискованно». Большинство ученых согласилось бы, что это заходит слишком далеко’ [6].

Следующим среди структурно-семантических типов сторителлинга по степени распространенности среди англоязычных текстов (40 %) является **сценарный сторителлинг**. Данный тип сторителлинга построен по концентрической сюжетно-композиционной схеме с позитивным и негативным финалами и ставит перед собой коммуникативную цель демонстрации возможных вариантов развития ситуации [5, с. 104]. Для реализации вышеописанной цели применяется **стратегия авторской индивидуализации**, заключающаяся в использовании набора речевых действий, выражающих авторское мнение. Для реализации данной стратегии используются следующие тактики.

Тактика самопроявления выражается в описании автором объективных и субъективных оценочных характеристик социально значимого явления.

Она маркируется глаголами в форме первого лица единственного числа, личным местоимением в форме первого лица единственного числа, которое может сочетаться с глаголами и глагольными выражениями со значением желательности (to wish 'желать', to be eager, 'страстно хотеть' would like 'хотелось бы'), сомнения (to doubt 'сомневаться', have scruples 'колебаться', to be uncertain 'быть неуверенным'), уверенности (to know 'знать', to be sure 'быть уверенным', to be certain 'быть убежденным'), интенции (to intend 'намереваться', to have an intention 'иметь намерение', to be going to 'собираться сделать что-либо') и мнения (to think 'считать', to guess 'предполагать', to suppose 'допускать', to presume 'полагать'), лексическими средствами передачи полагания/сомнения/допущения (maybe 'возможно', possibly 'вероятно', presumably 'предположительно', supposedly 'по общему мнению', allegedly 'якобы'), а также именами прилагательными в предикативной функции для выражения объективной и субъективной оценки. Примером реализации данной тактики выступает англоязычный сторителлинг «Tracey Emin On Storytelling, Longevity and Building Her Legacy», в котором посредством личного местоимения единственного числа, глаголов со значением мнения реализуется главная стратегия авторской индивидуализации: *I thought, wow, we've been working together for 30 years; my god, we will be dead in 30 years. Then I thought, no, we'll be 90, she adds. The good ol' New York years. Lots of gallerists and artists live to be 99* 'Я подумала, ничего себе, мы работаем вместе уже 30 лет; Боже мой, через 30 лет мы умрем. Потом я подумала, что нет, нам будет по 90, – добавляет она. Старые добрые нью-йоркские годы. Многие галеристы и художники доживают до 99 лет' [7].

Тактика эмоциональной интерференции реализуется с помощью использования речевых приемов, вызывающих эмоциональный отклик у целевой аудитории. Эта тактика маркируется лексическими и синтаксическими стилистическими средствами. Примером реализации данной тактики является англоязычный сторителлинг «Realising we're all made-up characters in a story world helps me understand people», в котором эмоциональный отклик у целевой аудитории создается посредством использования идиомы: *The self as it exists in this imaginary realm is not made of flesh and blood, but a collection of ideas about who we are* 'Наше «я», существующее в этом воображаемом царстве, состоит не из плоти и крови, а из набора представлений о том, кто мы такие' [8].

Менее распространенным (всего 10 %) структурно-семантическим типом сторителлинга от всей сплошной выборки англоязычных текстов стал **поисковый сторителлинг**. Этот тип сторителлинга построен по линейной сюжетно-композиционной схеме с обратной хронологией и линейной дискретной сюжетно-композиционной схеме и ставит перед собой коммуникативную цель нахождения решений существующей социально значимой проблемы [5, с. 105–106]. Для ее осуществления применяется **стратегия реификации**, подразумевающая под собой создание объективной базы для осмысления социально значимого явления. Для реализации данной стратегии используются следующие тактики.

Номинативная тактика выражается в предоставлении ссылок на источники для демонстрации достоверности данных. Данная тактика эксплицируется цитатами и количественными данными из справочных материалов на примере англоязычного сторителлинга «'Pushed into humanity': can learning about storytelling make better doctors?»: *Crisis support services can be reached 24 hours a day: Lifeline 13 11 14; Suicide Call Back Service 1300 659 467; Kids Helpline 1800 55 1800; MensLine Australia 1300 78 99 78; Beyond Blue 1300 22 4636* 'В службы поддержки в кризисных ситуациях можно обратиться 24 часа в сутки: Линия жизни 13 11 14; Служба обратного вызова для самоубийц 1300 659 467; Детская линия помощи 1800 55 1800; Линия помощи мужчинам в Австралии 1300 78 99 78; За гранью возможного 1300 22 4636' [9].

Когерентная тактика заключается в демонстрации четких и однозначных связей между тематическими блоками сторителлинга посредством вводных слов, союзов, артиклей, местоимений, повторов ключевых слов на примере англоязычного сторителлинга «'Pushed into humanity': can learning about storytelling make better doctors?»: *Reilly and Tokhi insist that many medical practitioners are naturally creative thinkers and writers, as well as big readers of narrative literature. The medical profession has a rich literary history, producing some of the world's finest writers, from Anton Chekhov to Oliver Sacks and Nawal El Saadawi. Reilly is an inveterate traveller who collaborates in paediatric medicine initiatives in China and Pakistan. «There was something about the combination of me being a doctor and having a creative practice that intrigued a lot of my colleagues, many of whom were secretly creative but weren't willing to own that because they felt it made them seem less serious as clinicians» Tokhi says that western medicine's patriarchal hierarchy, its overwhelming emphasis on biological science and encouragement of stoicism among*

practitioners discourages the emotional vulnerability central to good narrative writing 'Рейли и Тохи настаивают на том, что многие практикующие врачи от природы являются творческими мыслителями и писателями, а также заядлыми читателями художественной литературы. Профессия врача имеет богатую литературную историю, благодаря которой родились одни из лучших писателей мира – от Антона Чехова до Оливера Сакса и Наваля Эль-Саадави. Рейли – заядлый путешественник, который участвует в проектах по педиатрической медицине в Китае и Пакистане. «Было что-то такое в сочетании того, что я был врачом и занимался творческой практикой, что заинтриговало многих моих коллег, многие из которых втайне были творческими людьми, но не хотели признаваться в этом, потому что чувствовали, что это делает их менее серьезными клиницистами». Тохи говорит, что патриархальная иерархия западной медицины, ее преобладающий акцент на биологической науке и поощрение стоицизма среди практикующих врачей препятствуют эмоциональной уязвимости, которая играет центральную роль в написании хорошего повествования' [9].

Заклучение

Таким образом, можно прийти к выводу, что среди стратегий и тактик, используемых для разных структурно-семантических типов сторителлинга для британских интернет-изданий характерно следующее процентное соотношение распределения англоязычных текстов:

– ведущая распространенность принадлежит стратегии формирования читательского отклика, которая осуществляется посредством тактик полилога с опущением обобщений и полилинейного повествования в сравнительно-сопоставительном типе сторителлинга, который составляет 50 % от всей сплошной выборки англоязычных текстов. Это объясняется актуальным запросом британской целевой аудитории на автономию и альтернативность взглядов на актуальную социально значимую проблему в сопоставительном ключе;

– следующей по степени встречаемости среди англоязычных текстов оказалась стратегия авторской индивидуализации, реализуемая с помощью тактик самопроявления и эмоциональной интерференции в сценарном сторителлинге, который был представлен 40 % среди англоязычных текстов. Данный процент распространенности может трактоваться тенденцией к снижению заинтересованности целевой аудитории к готовому решению без совместной интерактивности с целевой аудиторией и вовлеченности на равноправной основе;

– самой малораспространенной среди англоязычных текстов является стратегия реификации, достигаемая с помощью когерентной и номинативной тактик в поисковом сторителлинге, который составил 10 % от всей сплошной выборки англоязычных текстов. Это характеризуется сложностью концентрации современной целевой аудитории продолжительное время на сопоставительный анализ предоставляемых автором статистических данных и ссылок на источники для поиска оптимального решения социально значимой проблемы.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Балясникова, О. В. Исследование речевого воздействия СМИ / О. В. Балясникова // Язык средств массовой информации : сб. ст. / отв. ред. Н. Н. Трошина ; Центр гуманит. науч.-информ. исслед., Отд. языкознания. – М. : ИНИОН РАН, 2007. – С. 99–112.

2. Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : [монография] / М. Р. Желтухина. – Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

3. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции : [монография] / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.

4. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова [и др.]. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 524 с.

5. Ветошкина, К. Н. Ключевые сюжетно-композиционные схемы сторителлинга в медийном дискурсе (на материале белорусской и британской прессы) / К. Н. Ветошкина // Новая наука: проблемы и перспективы: научный электронный журнал. – 2024. – № 11. – С. 103–107. – URL: <https://ami.im/nnpip> (дата обращения: 10.10.2025).

6. Enfield, N. Our job as scientists is to find the truth. But we must also be storytellers / N. Enfield // The Guardian. – 2018. – Jun. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018> (date of access: 14.07.2025).

7. Sayej, N. Tracey Emin On Storytelling, Longevity and Building Her Legacy / N. Sayej // Observer. ART. – 2023. – URL: <https://observer.com/2023/11/tracey-emin-on-storytelling-longevity-and-building-her-legacy/> (date of access: 24.07.2025).

8. Storr, W. Realising we're all made-up characters in a story world helps me understand people / W. Storr // The Guardian. – 2025. – Apr. – URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2025/apr/06/realising-were-all-made-up-characters-in-a-story-world-helps-me-understand-people> (date of access: 25.07.2025).

9. Daley, P. 'Pushed into humanity': can learning about storytelling make better doctors? / P. Daley // The Guardian. – 2023. – Jun. – URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2023/jun/12/narrative-medicine-doctors-gps-learning-about-storytelling-communication-skills> (date of access: 25.07.2025).

Поступила в редакцію 10.10.2025

E-mail: vetchristina@gmail.com

K. N. Vetoshkina

COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS OF STORYTELLING GENRE IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE

The article highlights the communicative strategies and tactics for a separate structural-semantic type of an independent genre of storytelling. Based on the analysis of British online publications, using 100 English-language storytelling texts, the communicative-pragmatic characteristics of the comparative, scenario, and search structural-semantic types of storytelling have been revealed, and their percentage distribution according to the frequency of occurrence in British online publications has been given.

Keywords: storytelling, tactics, strategy, structural-semantic type, online publication, plot-compositional scheme.

УДК 811.161.3

М. У. ГульКандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры англійскай філалогіі,
УА “Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна”, г. Брэст, Рэспубліка Беларусь**БЕЛАРУСКАМОЎНЫ МЕДЫЯДЫСКУРС МОДЫ: ЛЕКСІЧНЫ АСПЕКТ**

Гэта даследаванне, заснаванае на аналізе тэкстаў партала zviazda.by (2025 г.), накіравана на выяўленне лексічных асаблівасцей дыскурсу моды, які выступае як гібрыдная з’ява, таму што спалучае рысы медыякамунікацыі і прафесійнай моднай індустрыі. Матэрыял паказаў, што ядро дыскурсу фарміруецца праз тэрміналагічныя намінацыі абутку, адзення, аксесуараў, тканін (лоферы; блэйзер, джогеры; авіятары; дэнім, шыфон) і іх характарыстык: колеру (адценні кавы, мока, горкага шакаладу), фактуры (грубы, плісіраваны), сілуэта (прамы, расклёшаны), стылю (гранж, прэпі) і інш. Адрэчымымі рысамі дыскурсу моды з’яўляюцца высокая частотнасць англіцызмаў і ацэннаасць.

Ключавыя словы: англіцызм, лексічная катэгорыя, медыядыкурс моды, моўныя маркеры, тэрміналагічныя намінацыі.

Уводзіны

Апошнім часам медыядыкурс і медыятэкст усё часцей становяцца аб’ектамі лінгвістычнага аналізу. Гэта цалкам заканамерна, таму што медыядыкурс адлюстроўвае не толькі актуальныя праблемы сучаснага жыцця, але і тыя змены, якія адбываюцца ў мове. Новы напрамак лінгвістычных даследаванняў – медыялінгвістыка – вывучае функцыянаванне мовы ў сферы масавай камунікацыі. Медыядыкурс актыўна даследуецца ў беларусістыцы. Так, аб’ектам навуковага інтарэсу Т. П. Карпіловіч стаў медыятэкст у камунікатыўна-кагнітыўным аспекце [1]. Адным з грунтоўных даследчыкаў медыятэкстаў з’яўляецца В. І. Іўчанкаў, які зацікаўлены ў іх стылістычных і структурных асаблівасцях [2]. В. У. Казімірава ў аўтарскай манаграфіі «Коммуникативные аспекты медийного дискурса» [3] апісвае механізм канструявання катэгорыі адрасанта ў медыятэксце, выяўляе тэндэнцыі ў арганізацыі англамоўнага нарыса і абгрунтоўвае яго відавую парадыгму. В. А. Шуманская даследуе камунікатыўную прастору карпаратыўных медыя [4]. Аднак беларускамоўны медыядыкурс моды застаецца маладаследаваным. Актуальнасць гэтай работы матывуецца неабходнасцю комплекснага асэнсавання сучаснага беларускамоўнага дыскурсу моды як перадачы сістэмы каштоўнасцей беларускага грамадства. Акрамя таго, вывучэнне медыятэкстаў на тэму моды дапаможа выявіць асаблівасці ўзаемадзеяння медыядыскурсу і прафесійнага дыскурсу моды. Мэта даследавання – выявіць лексічныя асаблівасці беларускага медыядыскурсу моды. Пастаўленыя мэты вымагаюць вырашэння наступных задач: 1) удакладніць паняцце “медыядыкурс моды”; 2) вызначыць асноўныя моўныя маркеры медыядыскурсу моды; 3) вызначыць характэрныя асаблівасці медыядыскурсу моды. Матэрыялам для даследавання паслужылі тэматычныя медыятэксты на медыяпартале zviazda.by за студзень – сакавік 2025 г.

Метады і метадалогія даследавання

Тэарэтычнай асновай для даследавання медыятэкстаў на тэму моды паслужылі працы В. А. Гапуцінай [5], Т. Г. Дабрасклонскай [6], В. І. Іўчанкава [2], У. І. Карасіка [7], Ф. Л. Касіцкай [8]. Асноўным метадам даследавання з’яўляецца апісальны.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Тэрмін “медыятэкст” з’явіўся ў 1990-х гг. у англамоўнай навуковай літаратуры і хутка распаўсюдзіўся ў акадэмічных колах. У русістыцы канцэпцыя медыятэксту была сфармулявана ў даследаваннях Т. Г. Дабрасклонскай. Асноўная асаблівасць у тым, што гэтая канцэпцыя выходзіць за межы знакавай сістэмы вербальнага ўзроўню. Класічнае паняцце “тэкст” набывае новыя сэнсавыя адценні, абумоўленыя медыйнымі ўласцівасцямі таго ці іншага сродку масавай інфармацыі [6, с. 29]. Канцэпцыя медыятэксту дапаўняецца ўстойлівай сістэмай параметраў, якая дазваляе даць дакладнае апісанне асаблівасцей яго вытворчасці і функцыянавання. Гэтая сістэма ўключае такія параметры, як 1) спосаб утварэння (аўтарскі – калегіяльны); 2) форма стварэння (вусная – пісьмовая); 3) форма ўзнаўлення (вусная – пісьмовая); 4) канал распаўсюджвання (сродак масавай інфармацыі); 5) функцыянальна-жанравы тып тэксту (навіны, каментарый, публіцыстыка, рэклама); 6) тэматычная дамінанта або прыналежнасць да таго ці іншага ўстойлівага медыятэпіка [6, с. 30]. Згодна са сфармуля-

ванымі Т. Г. Дабрасклонскай параметрамі даследавання медыятэксты на тэму моды на партале zviazda.by можна класіфікаваць як 1) аўтарскія; 2) пісьмовыя па форме стварэння; 3) пісьмовыя па форме ўзнаўлення; 4) апублікаваныя ў інтэрнэце на медыяпартале; 5) публіцыстычныя; 6) прыналежныя да ўніверсальнага медыятопіка (мода). Як заўважае В. І. Іўчанкаў, у беларусістыцы фарміруецца погляд на медыятэкст як на сацыяльнае дзеянне, што выклікана ўплывам работ па сацыяльнай і палітычнай абумоўленасці моўных з’яў [2].

Сістэмастваральнай прыметай інстытуцыянальнага дыскурсу лічыцца статусная функцыя чалавека. Інстытуцыянальны дыкурс – гэта спецыялізаваная клішыраваная разнавіднасць зносін паміж людзьмі, якія могуць і не ведаць адзін аднаго, але павінны ўзаемадзейнічаць у адпаведнасці з нормамі пэўнага соцыуму. Ядром інстытуцыянальнага дыскурсу з’яўляюцца зносіны базавай пары статусна няроўных удзельнікаў камунікацыі [7]. У. І. Карасік вылучае наступныя віды інстытуцыянальнага дыскурсу: палітычны, адміністрацыйны, юрыдычны, ваенны, педагагічны, рэлігійны, медыцынскі, спартыўны, навуковы, масава-інфармацыйны і інш. Сярод удзельнікаў інстытуцыянальнага дыскурсу вызначаецца наступная іерархія: агент – кліент – маргінал [7]. У сучасных даследаваннях дыкурс моды разглядаецца як інтытуцыянальны. Згодна з дэфініцыяй Ф. Л. Касіцкай, дыкурс моды – гэта прадукт дзейнасці групы людзей свету моды, дзе ўказаны сукупнасць значных апазіцый і правіл спалучэння элементаў адзення [8, с. 23]. На думку В. А. Гапуцінай, дыкурс моды, які рэпрэзентуецца ў прасторы масмедыя, з’яўляецца гібрыдным, таму што камбінуе прыметы медыядыскурсу і дыскурсу моды [5, с. 30]. Зносіны ў межах дыскурсу моды характарызуюцца сацыяльнай маркіраванасцю ўдзельнікаў камунікацыі і рэалізуюцца двума варыянтамі камунікатыўных пар: 1) агенты (дызайнеры, стылісты і інш.) – кліенты (спажывальцы); 2) агенты – агенты [5, с. 31]. Мода з’яўляецца важным сацыякультурным феноменам сучаснасці. Значэнне моды ў сучаснай культуры і яе ўплыў на чалавека цяжка пераацаніць.

Аналіз медыятэкстаў на партале zviazda.by паказаў, што асноўнымі моўнымі маркерамі даследаванага медыядыскурсу з’яўляюцца намінацыі прадметаў моды:

а) адзення: *алімпійка, базавая футболка, баскетбольная майка, блуза, блэйзер, бомбер, бярмуды, воданепрымальнае паліто, вятроўка, дажджавік, джогеры, джынсы, джэмпер, жакет, зіп-худзі, камбінезон, камізэлька, кардыган, касуха, кашуля, кашуля ў стылі рэзбі, курткі, купальнік, кофта, легінсы, максі-паліто, мідзі-сукенка, накідка, паліто, паліто-шарф, пухавік, скураная куртка, спадніца, спадніца-аловак, спартыўны касцюм, сукенка, світар (швэдар), талстоўка, топ, трэнч, туніка, футболка, худзі, шкарпэткі, шорты, штаны, штаны-капры, штаны на гумцы, штаны на куліцы;*

б) абутку: *батыльёны, баксёрскія красоўкі, балеткі, балетныя красоўкі, боты, грубыя чаравікі, каўбойкі, каўбойскія боцікі, красоўкі, лоферы, мюлі, слінгбэкі, чаравікі, шлёпанцы;*

в) аксесуараў: *авіятары, гальштук, капялюш, касынка, падвеска, пацеркі, пальчаткі, пояс, ремень, сонцаахоўныя акулеры, сумка, сумка-макрамэ, хустка, шалік, шапка, шнур.*

Асаблівасцю ўжывання намінацый прадметаў моды ў медыядыкурсе моды з’яўляецца іх тэрміналагічны статус, выкарыстанне прафесіяналамі ў гэтай галіне: *Светлыя максі-паліто са штучнага футра – тое, што трэба для аматараў камфорту і элегантнасці. Яны нібы пераасэнсоўваюць класічны стыль авіятараў, дадаючы вобразу лёгкасці* (zviazda.by. 2025. 5 студз.); *Культавыя джынсы, якія ніколі не губляюць сваёй актуальнасці, у гэтым сезоне зноў паўстаюць перад намі ў новым амплуа. На піку папулярнасці будуць ультрасвободныя мадэлі з падоўжанымі калашынамі, якія элегантна абгортваюць абутак* (zviazda.by. 2025. 25 студз.).

Тэрміналагічнае значэнне набываюць і намінацыі тканін, якія выкарыстоўваюцца для шыцця прадметаў моды: *аксаміт, арганза, атлас, бавоўна, габардзін, дэнім, замша, нейлон, скура, цюль, шоўк, шыфон*. У медыядыкурсе моды часта ўжываюцца і прыметнікі, якія абазначаюць матэрыял: *аксамітны, баваўняны, вельветавы, скураны, трыкатажны, цюлевы, шарсцяны, шаўковы*; *Замшавыя блэйзеры, вельветавыя штаны ці аксамітныя спадніцы ў глыбокіх зімовых адценнях – гэта неабходнасць як для гэтага, так і для наступнага года. Дадайце да іх аксесуары з аналагічных матэрыялаў, і ваш вобраз зайграе новымі фарбамі* (zviazda.by. 2025. 5 студз.).

Для большай дэталізацыі часта прымяняюцца намінацыі элементаў адзення: *аплікацыя, банцік, валаны, гафт, гузік, інтэграваны шалік, зашпілька, каўнер, каўнер-стойка, кішэнь, крыналін, крысо, маланка, манжэта, махры, падплечнікі, падспадніца, пояс, рукаў, рушы, стужка, стэжка, устаўка, фурнітура, шнуроўка*; намінацыі частак абутку: *абцас, мыс, нос, шнуроўка*. Назоўнікі, якія абазначаюць дэталі адзення або аксесуары, у медыятэкстах часта спалучаюцца з прыметнікамі, якія маюць экспрэсіўнае значэнне: *Выбірайце мадэлі з цікавымі дэталямі, напрыклад, з асіметрычнай зашпількай або незвычайнай стэжкай* (zviazda.by. 2025. 22 лют.). *Адмоўцеся ад сумных рамянёў у тон*

верхняй вопраткі! Замяніце іх на кантрасны аксесуар – хай гэта будзе яркая шаўковая хустка, наўмысна грубы іншур ці незвычайны пояс з зусім іншай эпохі (zviazda.by. 2025. 16 лют.).

Акрамя таго, да “ядзерных” моўных маркераў дыскурсу моды адносяцца характарыстыкі прадметаў моды, якія паказваюць на колер ці адценне, прынт ці малюнак, фасон, крой, сілуэт, памер, даўжыню, таўшчыню, форму, аб’ём, стыль, прыналежнасць, статус прадметаў моды. Найчасцей гэтыя характарыстыкі перадаюцца назоўнікамі ці прыметнікамі.

Адной з самых вялікіх груп з’яўляюцца намінацыі колеру і адценняў: беласнежны, белыя і светлыя адценні, далікатны ружовы колер, глыбокі карычневы, жыццярадасныя адценні жоўтага, крышталёва чысты белы, насычаны баклажанавы колер, насычаныя адценні, пазачасавы чорны, пастэльныя адценні, пераліўныя адценні, прыглушаныя адценні ружовага, прыглушаныя прыродныя адценні, пяшчотныя адценні, серабрысты, смарагдавы, цёмна-бірузовы, цёмныя адценні, цёплыя зямлістыя таны, яркія адценні і інш. У гэтай групе вызначаюцца традыцыйныя абазначэнні колеру (белы, карычневы, чорны і інш.): Чорнае паліто – гэта заўсёды бяспройгрышыны варыянт, які ніколі не выходзіць з моды (zviazda.by. 2025. 22 лют.); Здавалася б, што новага можна сказаць пра белыя штаны? Аднак, менавіта вясной-летам 2025 яны зноў зайграюць свежымі фарбамі (zviazda.by. 2025. 25 студз.).

У асобную падгрупу можна вылучыць намінацыі адценняў колеру (адценне слановай косці, насычаныя вінныя адценні, ружовая пудра і інш.): Пасля сезона, дзе панавалі дзёрзкія пунсовыя і глыбокія вінныя адценні, пудровы ружовы прыходзіць як заспакаляльны бальзам (zviazda.by. 2025. 9 сак.). Характарыстыкі колеру могуць быць таксама рэпрэзентаваны як назоўнікамі ў назоўным склоне (Эксперты рэкамендуюць звярнуць увагу на спалучэнні гэтага адцення з нейтральнымі танамі, такімі як слановая косць, бэжавы, або з больш глыбокімі танамі, такімі як цёмны шакалад і карамель (zviazda.by. 2025. 11 студз.)), так і назоўнікамі ў родным склоне (адценні какавы). У наступным прыкладзе: Адценні кавы, мока, горкага шакаладу і моцнага эспрэса – карычневы колер паступова заваёўвае нашы сэрца і гардэробы. Калі да гэтага моманту вы супраціўляліся яго зачараванню, то 2025 год – ідэальны час, каб упусціць гэты элегантны колер у свой свет (zviazda.by. 2025. 2 лют.) выкарыстоўваюцца сэнсарныя метафары і натуралістычныя асацыяцыі, каб перадаць эстэтычную прывабнасць карычневага колеру. Спалучэнне адценняў кавы, мока, шакаладу і эспрэса выклікае густавыя і тактыльныя асацыяцыі, тым самым ствараецца эфект сінестэзіі, які мае больш глыбокае эмацыянальнае ўздзеянне на адрасата.

З прыметнікамі, якія абазначаюць колер, суадносяцца найменні малюнкаў і прынтаў: анімалістычны, гарошавы, геаметрычны, жывёльны, інфантальны, каровін, кветкавы, клятчасты, леапардавы, мульцяшыны, паласаты, свавольны. Назоўнікі (кветка, клетка, леопард, змяіная) шкура, зебра), словазлучэнні з галоўным словам – назоўнікам (у тонкую палоску) таксама абазначаюць малюнак ці прынт: Леопард, змяіная шкура, зебра – гэтыя смелыя і дзёрзкія прынты зноў вяртаюцца ў нашы гардэробы, каб дадаць нотку гулівасці і ператварыць нават самы просты нарад у запамінальны ансамбль (zviazda.by. 2025. 5 студз.). Леапардавы прынт, які доўгі час утрымліваў пазіцыі фаварыта, адыходзіць на другі план, а клетка, наадварот, набывае дзёрзкі і бунтарскі характар (zviazda.by. 2025. 23 сак.). Касцюм у тонкую палоску – неабходнасць надыходзячага сезона. Гэты прынт, які ўпрыгожвае не толькі класічныя штановыя камплекты, але і кашулі, сукенкі і кардыганы, становіцца больш дынамічным і разнастайным (zviazda.by. 2025. 23 сак.).

Колер і прынт з’яўляюцца аб’ектыўнымі характарыстыкамі, але пры апісанні характарыстык прадметаў моды часта выкарыстоўваюцца ацэначныя меркаванні: У 2025 годзе на гэты п’едэстал гонару ўзыходзіць адценне, якое атрымала назву «Mocha Mousse» (PANTONE 17-1230) – цёплы карычневы. Ён нагадвае пяшчотны салодкі мус (zviazda.by. 2025. 11 студз.). Клетка, якая заўсёды здавалася стрыманай і класічнай, у гэтым сезоне набывае бунтарскі характар, кідаючы выклік мінімалізму. Гэты прынт, як калісьці гранж, выказвае пратэст і свабоду, уносячы ў гардэроб ноткі смеласці і неардынарнасці (zviazda.by. 2025. 23 сак.). Лексічныя адзінкі, якія называюць колеры і прынты, не маюць у сваім значэнні ацэначнасці, але ў дыскурсе моды могуць набываць станоўчую ацэнку, калі адлюстроўваюць апошнія модныя тэндэнцыі.

Вызначальным для медыядыскурсу моды з’яўляецца апісанне стылю: боха-шык, вечная класіка, вулічны стыль, гібрыдная мода, гранж, класіка, мінімалізм, паляўнічы стыль, прэпі, рамантыка, скандынаўскі мінімалізм, спартыўны стыль, спартыўны шык, стыль гламурных 1920-х гг., утылітарны шык, “цёмная рамантыка”. Гэтыя намінацыі маюць тэрміналагічны статус у медыядыскурсе моды: Лёгка футравыя курткі і паліто, выкананыя ў духу вытанчанага багемнага шыку, будуць паўсюль. Іх можна сустрэць у розных інтэрпрэтацыях, кожная з якіх па-свойму ўнікальная. Акрамя таго, не варта забываць аб футравых камізэльках, якія стануць незаменным элементам

для стварэння лаканічных і стыльных ансамбляў (zviazda.by. 2025. 2 лют.). Стыль характарызуецца і пры дапамозе такіх прыметнікаў, як *актуальны, бездакорны, брутальны, жаноцкі, ідэальны, какетлівы, класічны, рамантычны, строгі*; вобраз – *актуальны, арыгінальны, брутальны, вясновы, дарагі, жаноцкі, запамінальны, звычайны, паўсядзённы, расслаблены, стыльны, строгі, сучасны, унікальны, иматслойны*. Сярод прыметнікаў можна вылучыць падгрупу як тэрміналагічных адзінак: *вінтажны, вулічны, класічны, кэжуал, мінімалістычны, рамантычны, спартыўны*, так і падгрупу прыметнікаў, якія выражаюць станоўчую ацэнку: *ідэальны, какетлівы, непаўторны, пачуццёвы, пяшчотны, раскошны, элегантны, эфектны, яркі*. Такія экспрэсіўныя прыметнікі таксама можна аднесці да асноўных моўных маркераў медыядыскурсу моды: *Шукайце яркія колеры і незвычайныя тэкстуры, каб стварыць на-сапраўднаму запамінальны вобраз* (zviazda.by. 2025. 16 сак.). *Структураванае шарсцяное паліто – гэта сапраўдная палачка-ратавалачка для любой сітуацыі! Яно здольнае імгненна ператварыць нават самы паўсядзённы камплект з джынсаў і базавай футболкі ў элегантны і стыльны вобраз, варты вкладки часопіса* (zviazda.by. 2025. 22 лют.).

У беларускамоўным медыядыскурсе моды цэнтральнае месца займае лексіка, звязаная з фасонам і кроем, паколькі менавіта яна вызначае візуальную і функцыянальную прывабнасць адзення. Гэтая група ўключае тэрміны, якія апісваюць структуру, форму і дэталі вопраткі (*вялікія накладныя кішэні; шырокія, злёгка прыспушчаныя рукавы, нізкая пасадка*). Фасон апісваецца як *аблягаючы, гіпертрафаваны, завужаны, лаканічны, падоўжаны, свабодны, струменісты*; лініі – як *мяккія, строгія, струменістыя*; сілуэт – як *аблягаючы, вядомы, гіпертрафаваны, жаноцкі, завужаны, ідэальны, лятучы, мехаваты, нязмушаны, прамы, расклёшаны, расслаблены, свабодны, спакулівы, ультрамодны, футурыстычны*. Апісанне фізічных параметраў адзення ў медыядыскурсе моды мае ключавое значэнне для стварэння дакладнага і пераканаўчага вобраза. Гэта група аб'ядноўвае лексемы, якія вызначаюць:

- а) даўжыню: *доўгі, кароткі, максі, мідзі, падоўжаны, скарочаны*;
- б) таўшчыню: *грубы, лёгкі, тонкі, ічыльны*;
- в) аб'ём: *аб'ёмны, бясформенны, гіпертрафаваны, зруасткі*.

Для апісанняў асаблівасцей фасону і крою таксама характэрна ацэнчанасць: *Сілуэт з падкрэсленай лініяй плячэй, магчыма, выкліча ў кагосьці лёгкае здзіўленне, але мы ўпэўнены, што ён заваявае ваша сэрца* (zviazda.by. 2025. 2 лют.); *На піку папулярнасці будуць ультрасвабодныя мадэлі з падоўжанымі калашынамі, якія элегантна абортваюць абутак* (zviazda.by. 2025. 25 студз.).

Ключавымі семантычнымі катэгорыямі ў беларускамоўным медыядыскурсе выступаюць фактура і тэкстура. Фактура разумеецца як фізічная характарыстыка, як рэльеф на матэрыяле і перадаецца праз прыметнікі *вязаны, грубы, плісраваны, сеткаваты, цяжкі, ічыльны і інш.*, падкрэсліваючы тактыльны досвед і функцыянальнасць адзення. Тэкстура – гэта візуальны кампанент (гладкасць, празрыстасць, узор на тканіне), які апісваецца пры дапамозе прыметнікаў *гладкі, напайпразрысты, празрысты, слізкі і інш.* У медыятэкстах прыметнікі, якія абазначаюць тэкстуру і фактуру, часта спалучаюцца з назоўнікамі – намінацыямі тканін, матэрыялаў: *Слізкі шоўк і атлас: ідэальны варыянт для стварэння кантрасту з ічыльнымі, вязанымі фактурамі. Гульня святла на тканіне надасць вобразу вытанчанасць і загадкавасць. Пяшчотныя карункі і напайпразрыстыя тканіны: дадайце вобразу наветранасці і рамантыкі, ураўнаважышы іх цяжкім трыкатажам ці ічыльнай скурай* (zviazda.by. 2025. 30 сак.).

У асобныя групы можна вылучыць прыметнікі, якія апісваюць:

- а) кантэкст выкарыстання (*дзелавы, офісны, паўсядзённы, урачысты*);
- б) паходжанне (*кітайскі, скандынаўскі*);
- в) прызначэнне (*жаночы, мужчынскі, унісекс*);
- г) сезоннасць (*асенне-зімовы, асенні, вяснова-летні, вясновы, зімовы, летні*);
- д) функцыянальнасць (*воданепрымальны, практычны, функцыянальны*).

У медыятэкстах пры апісанні модных вобразаў акцэнт часта робіцца на функцыянальнасці вопраткі: *Абарона ад непагадзі: воданепрымальнае паліто – надзейны ічыт ад капрызаў прыроды. Практычная і функцыянальная верхняя вопратка, якая не баіцца дажджу, ветру і іншых непрыемных сюрпрызаў прыроды, неабходная ў гардэробе* (zviazda.by. 2025. 22 лют.); *У гэтым сезоне дызайнеры прапануюць нам звярнуцца да эстэтыкі англійскай глыбінкі: цёплыя ваўняныя паліто ў клетку, утульныя швэдры з узорами і грубая ношкі. Завяршыце вобраз чаравікамі на масіўнай падэшве і торбай у стылі вінтаж. Гэты стыль не толькі эстэтычна прывабны, але і неверагодна практычны ў халодную пару года* (zviazda.by. 2025. 25 студз.).

Адметнай асаблівасцю беларускамоўнага дыскурсу моды з'яўляецца яго насычанасць англіцызмамі: *брэнд, блэйзер, бомбер, бярмуды, дэнім, джогеры, інфлуэнсер, зіп-худзі, кэжуал,*

лагатып, лоферы, мастхэў, мікс, мюлі, аверсайз, прынт, прэці, слінгбэкі, трэнд, флэпер, худзі і інш., што сведчыць аб глабальнасці сучасных модных тэндэнцый. Сярод англіцызмаў можна вылучыць наступныя групы: а) намінацыі адзення: *блэйзер, бомбер, бярмуды, джогеры, джынсы, джэмпер, зіп-худзі, кардыган, легінсы, світар, трэнч, флэпер, худзі* і інш.; б) намінацыі абутку: *лоферы, мюлі, слінгбэкі* і інш.; в) назвы модных стыляў і напрамкаў: *гранж, кэжуал, прэці, аверсайз* і інш.

Заклучэнне

Медыядыкурс моды па сваёй сутнасці з'яўляецца гібрыдным, таму што спалучае рысы дыскурсаў моды і масмедыя. Як і ў іншых інстытуцыянальных тыпах, узаемаадносінны паміж удзельнікамі медыядыкурсу моды характарызуюцца іерархічнасцю (агент – кліент). Найбольш важнай лексічнай асаблівасцю медыядыкурсу моды з'яўляецца ўжыванне намінацый абутку, адзення, аксесуараў у статусе тэрміналагічных адзінак. Да ядзерных моўных маркераў дыскурсу моды адносяцца розныя характарыстыкі дэталей прадметаў моды ці складнікі моднага вобраза: аб'ём, даўжыня, кантэкст выкарыстання, колер, крой, матэрыял, паходжанне, прызначэнне, сезоннасць, стыль, таўшчыня, тэкстура, фактура, фасон, форма, функцыянальнасць. Сярод намінацый прадметаў моды неабходна адзначыць вялікую колькасць англіцызмаў. Да асноўных моўных маркераў таксама можна аднесці ацэначныя характарыстыкі (часта выражаныя прыметнікамі). Ацэначнасць з'яўляецца адметнасцю медыядыкурсу моды: лексічныя адзінкі, якія абазначаюць колеры або фасоны, што адпавядаюць сучасным модным тэндэнцыям, набываюць станоўчую ацэнку.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Карпилович, Т. П. Медиатекст в коммуникативно-когнитивном аспекте / Т. П. Карпилович // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2012. – № 5. – С. 89–95.
2. Ивченков, В. И. Новые модели коммуникации и стилистические приоритеты современного медиадискурса / В. И. Ивченков // Медиалингвистика. – 2019. – № 1 (6). – URL: <https://medialing.ru/novye-modeli-kommunikacii-i-stilisticheskie-prioritety-sovremenno-go-mediadiskursa/> (дата обращения: 29.04.2025).
3. Казимилова, О. В. Коммуникативные аспекты медийного дискурса : монография / О. В. Казимилова. – Витебск : ВГУ, 2018. – 187 с.
4. Шуманская, О. А. Коммуникативное пространство корпоративных медиа: структура, семантика, языковая реализация : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Шуманская Ольга Анатольевна ; Минск. гос. лингв. ун-т. – Мн., 2021. – 28 с.
5. Гапутина, В. А. Медиадискурс моды: процессы, феномены, эффекты : монография / В. А. Гапутина. – М. : РИОР, 2021. – 160 с.
6. Добросклонская, Т. Г. Медиатекст: теория и методы изучения / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 28–34.
7. Карасик, В. И. О категориях дискурса / В. И. Карасик. – URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html> (дата обращения: 29.04.2025).
8. Косицкая, Ф. Л. Дискурс моды и его жанровая дифференциация / Ф. Л. Косицкая. – Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4 (145). – С. 22–27.

Пастуніў у рэдакцыю 30.05.2025

E-mail: boxformail35@mail.ru

Maryia Hul

BELARUSIAN-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE OF FASHION: THE LEXICAL ASPECT

This study, based on an analysis of texts from the *zviazda.by* portal (2025), aims to identify the lexical features of fashion discourse, which functions as a hybrid phenomenon combining traits of media communication and the professional fashion industry. The material has revealed that the core of the discourse is formed by terminological nominations of footwear, clothing, accessories, fabrics (*лоферы; блэйзер, джогеры; авіятары; дэнім, шыфон*), and their characteristics: colour (*адценні кавы, мока, горкага шакаладу*), texture (*грубы, плісіраваны*), silhouette (*прамы, расклёшаны*), style (*гранж, прэці*), etc. The distinctive features of fashion discourse are high frequency of Anglicisms and evaluativity.

Keywords: Anglicism, lexical category, media discourse of fashion, linguistic markers, terminological nominations.

УДК 811.161.3'42(043.3)

В. П. Дзігадзюк

Кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры замежных моў і методыкі выкладання замежных моў, УА “Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна”, г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь

МАДАЛЬНА МАРКІРАВАНАЯ ПРАСПЕКЦЫЯ Ў БЕЛАРУСКАЙ МАСТАЦКАЙ ПРОЗЕ

У артыкуле на матэрыяле мастацкіх твораў беларускіх пісьменнікаў даследуецца тэкставая катэгорыя праспекцыі: вызначаецца структурная арганізацыя праспектыўных частак, паказваюцца логіка-семантычныя адносіны паміж праспектыўнымі кампанентамі, выяўляюцца і сістэматызуюцца мадальна-сэнсавыя значэнні праспектыўных структур – неабходнасці, намеру, пажадання, меркавання, магчымасці.

Ключавыя словы: катэгорыя праспекцыі, мадальна-сэнсавыя значэнні, праспектыўна абумоўленыя кампаненты, праспектыўныя адносіны, мастацкі тэкст.

Уводзіны

У сучаснай лінгвістыцы і літаратуразнаўстве катэгорыя праспекцыі як адзін з ключавых аспектаў часовай мадальнасці прыцягвае ўсё большую ўвагу даследчыкаў. Праспекцыя, якая абазначае арыентацыю на будучыню, прадбачанне падзей і станаў, аказвае значны ўплыў на разуменне сэнсу і інтэрпрэтацыю мастацкага тэксту. Яна дазваляе аўтару ствараць пэўныя чаканні ў чытача, фарміраваць яго эмацыянальны стан і кіраваць ходам успрымання сюжэта.

У мастацкім творы праспекцыя рэалізуецца праз разнастайныя моўныя сродкі, уключаючы формы будучага часу, мадальныя словы і канструкцыі, лексіку з семантыкай чакання і прадбачання, а таксама праз выкарыстанне пэўных стылістычных прыёмаў. Асабліваці функцыянавання катэгорыі праспекцыі ў значнай ступені залежаць ад жанрава-стылявой прыналежнасці твора, ідыятыялогіі пісьменніка і яго светапогляду.

Пытанні, звязаныя з катэгорыяй праспекцыі, цікавілі лінгвістаў і літаратуразнаўцаў на працягу доўгага часу. У беларускай і замежнай навуцы даследаванні праспекцыі праводзіліся ў розных аспектах: ад граматычнага аналізу форм будучага часу да вывучэння ролі праспектыўных значэнняў у стварэнні мастацкага эфекту.

Значны ўклад у вывучэнне катэгорыі часу і мадальнасці ўнесла Н. У. Брускова. У даследаваннях аўтара аналізуюцца асабліваці маркіроўкі катэгорыі праспекцыі на аснове праекцыі на план будучага і тых падзей, якія адбудуцца. Асабліва ўвага надаецца сэнсавай асіміляцыі, якая транспануе часавыя формы абвяснага ладу ў часавую прастору, якая адбудзецца [1].

Катэгорыя праспекцыі ў аспекце суб'ектыўнай і аб'ектыўнай мадальнасці даследавалася ў працах К. В. Ліфанцэвай. Яна разглядае праспектыўныя звышфразавыя адзінкі як мадальна-маркіраваныя і нерэальныя адносна нейкіх падзей, фактаў, якія мелі месца быць або з'яўляюцца ірэальнымі [2].

Праблемы выражэння будучыні ў мове вывучаліся В. В. Давыдавай. Даследчыца сцвярджае, што мадальнае значэнне гіпатэтычнасці больш выражана ў мове персанажаў, чым у словах аўтара, і звязвае гэта з тым, што аўтар валодае далейшай інфармацыяй, а выказванні персанажаў характарызуюцца значэннем прадбачання, меркавання, разважання і іншы раз нават не пацвярджаюцца падзеямі сюжэта [3].

На думку Н. А. Слюсаравай, усе падзеі і з'явы ў будучым успрымаюцца суб'ектыўна: як нешта, што адначасова існуе незалежна і абумоўлена поглядам моўцы, яго жаданнямі і меркаваннямі [4]. Гэта разуменне пераклікаецца з распаўсюджанай думкай пра абстрактнасць будучага, якое цесна пераплецена з мадальнымі значэннямі: неабходнасцю, магчымасцю, прагназаваннем.

Некаторыя даследчыкі адрозніваюць праспекцыю ад паняцця *праспектыўнасці*, якое кваліфікуецца як граматычнае праяўленне будучага ў адносінах да мінулага і маркіруецца адзінкамі, што выражаюць “будучае ў мінулым” і звязаны з мадальным значэннем гіпатэтычнасці. Такім чынам, праспектыўнасць даследчыкі вызначаюць як граматычную з'яву, якая не можа разглядацца на ўзроўні тэксту, бо граматычны час не супадае з мастацкім [5; 6].

Пытанне функцыянальнай ролі катэгорыі праспекцыі ў прозе даследчыца І. В. Малафеева разглядала з пункту гледжання яе маркіроўкі сюжэта і сувязі з тэкставай катэгорыяй мадальнасці.

Даследаваліся мадальная і сюжэтная функцыі і вылучаныя значэнні: праспекцыя тэмы, фармальна-інфармацыйная праспекцыя, праспекцыя развіцця дзеяння, развязкі, адмоўя, праспекцыя меркавання, эмацыянальна-змястоўнай ацэнкі якіх-небудзь падзей і інш. [7].

У беларускім мовазнаўстве, нягледзячы на наяўнасць пэўных даследаванняў, катэгорыя праспекцыі яшчэ не атрымала дастаткова комплекснага асвятлення. Такія працы, як даследаванні Ж. Я. Белакурскай і М. І. Кірушкінай, прысвечаны часаваму кантынууму, закрэпаюць толькі асобныя аспекты гэтай катэгорыі ў мастацкім тэксце. Дадзеная праца накіравана на запаўненне гэтага прабелу і ўносіць пэўны ўклад у вывучэнне праблемы праспекцыі ў беларускім мастацкім тэксце.

Аktуальнасць дадзенага даследавання абумоўлена неабходнасцю далейшага вывучэння катэгорыі праспекцыі ў мастацкім дыскурсе, яе ролі ў стварэнні мастацкага вобраза і ўзаемадзеяння з чытачом. Мэта даследавання ў артыкуле – вызначыць і сістэматызаваць дыяпазон мадальна-сэнсавых значэнняў праспектыўных частак у мастацкім тэксце.

Метады і метадалогія даследавання

Асновай для вызначэння і апісання тыпаў і відаў праспекцыі служаць структурны, функцыянальны і семантычны падыходы ў лінгвістыцы. У межах гэтых падыходаў выкарыстоўваюцца такія метады даследавання, як апісальны, дыстрыбутыўны і метады кампанентнага аналізу.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

У аснову даследавання пакладзены тэарэтычныя прынцыпы лінгвістыкі тэксту, а не традыцыйныя граматычныя падыходы. У структуры мастацкай катэгорыі праспекцыі вылучаны два асноўныя кампаненты: праспектыўны, які фарміруе чаканне, і постпраспектыўны, які паказвае, як гэтае чаканне рэалізуецца. Суадносіны паміж імі вызначаюцца шляхам аналізу адпаведнасці паміж праспектыўным маркіраваннем і фактычнай рэалізацыяй намеру ў постпраспектыўнай частцы тэксту. Гэтая адпаведнасць можа выяўляцца ў выглядзе тоеснасці, уключэння, перасячэння ці неадпаведнасці. Так, праспекцыя з адносінамі тоеснасці характарызуецца поўнай адпаведнасцю паміж праспектыўнай і постпраспектыўнай часткамі тэксту: *Страху ў вільчыку трэба б як-небудзь залапіць, ля коміна ад самай вясны цячэ, калі дождж, таксама як і ў істочцы, што цераз сенцы, пад адным з хатай дахам* [8, с. 119]. <...> (*Яна хвіліну глядзела па-над варотцамі на хату пры добрым, з зашклёнымі бакавінкамі ганку, пад новай саламянай страхой, а ён паказаўся аднекуль збоку ад шмат якіх прыбудовак, хляўкоў, навеяў*) [8, с. 126]. У дадзеным кантэксце гэты тып праспекцыі ілюструецца наступным чынам: фраза “*Страху ... трэба б як-небудзь залапіць...*” (праспектыўная частка) знаходзіць сваё поўнае пацвярджэнне ў апісанні хаты “*пад новай саламянай страхой...*” (постпраспектыўная частка), дзе відавочна, што дах быў адрамантаваны.

Вывучэнне катэгорыі праспекцыі ў мастацкіх творах прадугледжвае аналіз праспектыўных маркераў у выказваннях з мадальным значэннем. Гэта абумоўлена двухкампанентнай структурай праспекцыі ў звышфразавых адзінствах і дыялагічных канструкцыях, а таксама ў прастай і няўласна-простай мове, аўтарскіх разважаннях. Дадзены падыход дазваляе вылучыць і класіфікаваць такія мадальна-сэнсавыя адценні праспектыўных канструкцый, як пажаданне, намер, меркаванне, магчымасць, пабуджэнне і неабходнасць з улікам логіка-семантычных адносін паміж тэкстаструктурамі.

Часцей назіраецца мадальна-маркіраваная праспекцыя ў тэкстаструктурах, паміж якімі ўсталяўваюцца адносіны тоеснасці: *Прускаўцы жылі ў прадчуванні, чагосьці чакалі: недзе ў чэрвені пайшлі чуткі, што пан Падгурскі хоча прадаваць зямлю, якую яму нявыгадна было абрабляць, бо цэны на сельгаспрадукты сталі нізкія* [9, с. 6]. <...> (*3-за Буга прыехалі – палякі, патлумачыў Лявон. Падгурскі ім зямлю прадаў. Нашым не захацеў, а ім прадаў*) [9, с. 30]. У гэтым выпадку мадальна-сэнсавая роля праспектыўных структур пераносіць планавання дзеяння ў ірэальную сферу – як жадаанне, пры гэтым іх пацвярджэнне адбываецца ў рэальным часе.

Праспекцыя можа быць маркіравана мадальна-сэнсавым значэннем намеру і абазначаць мэту дзеяння, якое пры гэтым мае ірэальны характар: – *Вам трэба ў іншы штат. Перакладчык пераклаў. У думках Лявонка ўжо быў гатовы да такога кроку, але... – Перш, чым ехаць, я хацеў бы зарабіць трохі грошай, каб мець на што ехаць, – растлумачыў ён* [10, с. 134]. <...> (*На працу ён пабег з самай раніцы. <...> Патрабаваўся работнік на ферму, штат Ілінойс, і абавязкова каб з Расіі. <...> “Ці хутка той Ілінойс?” Бадзёры бег цяжкіка напаяўняў Лявонку прылівам узбуджанаасці...*) [10, с. 135, 146]. Пры гэтым праспектыўны план вызначаны ясна і адносіны тоеснасці выразна пацвярджаюцца.

Праспектыўна маркіраваная структура з мадальным значэннем меркавання паказвае на няўпэўненасць персанажа ў праўдзівасці прагнозаў або планаў на будучыню. Постпраспектыўная

частка пацвярджае плануемыя дзеянні, утвараючы адносіны тоеснасці паміж імі: *Я звярнуў у вузкі безыменны завулак, на якім некалі хадзіў да ракі. <...> Не, ратунак можа быць толькі ў адным з гэтых дамоў. Але ў якім? <...> Я азірнуўся і... убачыў дом, у які мяне пацягнула нейкае асаблівае чуццё* [11, с. 45]. <...> (*Нам пашанцавала: у дом яны (немцы) больш не вярнуліся*) [11, с. 48].

Вылучаюцца адносіны тоеснасці, якія маркіруюцца значэннем *магчымасці* – ірэальнасць плануемага дзеяння і рэальнасць дзеянняў знаходзяцца ў праспектыўнай і постпраспектыўнай структурах: *Вайсковец ... наведаміў: – Да вас зварот ёсць з Мінска, каб вярталіся. <...> – Можца вяртацца, – паўтарыў вайсковец. – З польскім бокам наладжаны візавы рэжым* [12, с. 595]. <...> (*Нарэшце бежанцы паселі ў вагон і знутры закацілі за сабой цяжкія дзверы*) [12, с. 605]. Ідэнтычным чынам адносіны тоеснасці вызначаюцца значэннем *неабходнасці*: *Не! Трэба дапісаць гэты злашчасны артыкул. Жывіцкі спусціць з мяне тры скуры, калі заўтра не здам* [11, с. 4]. <...> (*Кірыла, шумны з раніцы, вяслы і лагодны пасля заканчэння свайго артыкула, пачаў хмурнець і злавацца*) [11, с. 6].

Праспекцыя можа выражацца праз мадальнае значэнне *пабуджэння*, якое мае на ўвазе прымус да дзеяння: *– Дык во табе мой прыказ: пойдзеш на бульбу. У Выселкі. Ужо ўсё выгнаў, адны вы з бабай засталіся* [8, с. 46]. <...> (*Але пакуль што ўсё абышлося ладна, немцы ўсе вымеліся, пры кухні застаўся адзін толькі Карла, і ёй загадалі памагаць яму: спярша абіраць бульбу (тры паўнюткія вядры), пасля перамыць два тузіны плоскіх кацялкоў з вечкамі. <...> Знарок не хутка, без жаднай ахвоты яна (Сцепаніда) рабіла ўсё гэта <...>*) [8, с. 48]. У дадзеным выпадку рэалізацыя праспекцыі ажыццяўляецца на аснове адносін тоеснасці імпліцытна: выказванне *Пойдзеш на бульбу – загадалі ... абіраць бульбу; яна (Сцепаніда) рабіла ўсё гэта* з’яўляецца сведчаннем таго, што Сцепаніда выканалі загад немцаў.

Адзінкавыя прыклады ў мастацкім тэксце ілюструюць праспекцыю з адносінамі ўключэння, характарызуючыся частковымі суадносінамі паміж намерам ажыццяўлення дзеяння і яго рэалізацыяй. Праспектыўныя (меркаваныя) і постпраспектыўныя (рэалізаваныя) падзеі ўтвараюць адносіны “цэлае – частка”. Выяўлена, што такія праспектыўныя кампаненты могуць быць выражаны праз камунікатыўную функцыю сцвярджэння: *– Перажыта? Не, Маша, усё яшчэ толькі пачынаецца. Усё наперадзе, – як сказана ў Адкрывенні Іаана Багаслова* [12, с. 401]. <...> (*Са Стаўцоўскага пастарунка Марыю Лісак перавезлі ў Баранавіцкую турму. На допытах арыштаваная маўчала, і яе жорстка катавалі. <...> 11 ліпеня 1930 года Марыя Лісак была расстраляна ў Брэсцкай турме*) [12, с. 403]; мадальна-сэнсавае значэнне *неабходнасці*: *“Не, з Грышкам трэба нешта рабіць, каб канчаткова на галаву не сеў...”* [13, с. 222]. <...> (*Не распранаючыся, накіраваўся ў камору, зняў са сцяны стрэльбу ... сціснуў яе ў руках і выйшаў... <...> Хутка адчыніў весніцы, прайшоў вуліцу і павярнуў у двор да Грышкі. <...> Лявон ужо вывёў Грышку з хаты і гнаў далей. <...> – Лявон уздыхнуў, моўчкі павярнуўся і, апусціўшы галаву, з заціснутай у руцэ стрэльбай, нічога не гаворачы, пайшоў дадому*) [13, с. 222].

Між тэкставымі структурамі могуць усталёўвацца адносіны *перасячэння*. Сутнасць гэтых адносін заключаецца ў тым, што праспектыўна маркіраваная і постпраспектыўная інфармацыя адрозніваюцца адна ад адной, але супадаюць у адным аспекце, “перасякаючыся” ў адной плоскасці. Падзея, на якую ўказвае постпраспектыўны кампанент, стварае новую сюжэтную лінію, што прадугледжвае развіццё новых падзей, якія адрозніваюцца ад першапачаткова запланаваных. Аналіз фактычнага матэрыялу дазволіў вылучыць падобныя праспектыўныя кампаненты, якія маркіраваны мадальна-сэнсавым значэннем *пажадання*: *Захацелася наведаць царкву, – а можа, там дзядзька Васіль сустрэнецца?* [10, с. 185]. <...> (*Паслаў цёплы ліст дадому, наведаміў, што да яго ў Дэтройт прыехаў Цімоша. <...> А вось дзядзьку Васіля пакуль што ніхто з іх не сустрэў. Напісаў пра тое, што быў у царкве*) [10, с. 187]. Адметнасцю падобных канструкцый з’яўляецца тое, што маркіруе праспекцыю менавіта мадальны дзеяслоў *захацелася*, бо інфінітыў *наведаць* не нясе тэмпаральнай зместавай нагрукі ў дадзеным кантэксце. Адносіны перасячэння вызначаюцца ў тым, што запланаваны намер праспектыўна маркіраванай часткі *захацелася наведаць царкву; можа, там дзядзька Васіль сустрэнецца* рэалізуецца часткова – *быў у царкве і дзядзьку Васіля ...не сустрэў*.

Нешматлікія прыклады ў мастацкай літаратуры дэманструюць праспектыўную прастору, якая мадальна маркіруецца пэўным значэннем *пабуджэння*: *Звярнулі да Ільі Платонава. <...> – Зярно вязі ў Бузулук, на ссыпной пункт! – загадаў Пяцельнікаў* [12, с. 509]. <...> (*Як толькі звечарэла, Ілья Аляксандравіч паклаў на воз тудоў пад ішэцьдзесят збожжжа і павёз палявою дарогай у бок Бузулука. <...> Ілья Аляксандравіч павярнуў да Самаркі і спыніўся там, дзе бераг быў больш круты. Па аднаму сцягваў мяшкі з воза, развязваў і высыпаў у ваду*) [12, с. 510]. Сэнсавы змест структуры *зярно вязі ў Бузулук, на ссыпной пункт* рэалізуецца часткова – *Ілья Аляксандравіч паклаў на воз ... збожжжа і павёз ... у бок Бузулука і сцягваў мяшкі з воза, развязваў і высыпаў у ваду*, што азначае наступнае: *Ілья Аляксандравіч павёз здаваць збожжжа ў Бузулук, у насыпны пункт, аднак перадумаў і высыпаў яго ў рэчку*.

У мастацкіх творах прасочваюцца адносіны праспектыўнай *неадпаведнасці*, якія характарызуюцца тым, што рэалізацыя меркаваных падзей у будучыні (постпраспектыўных) становіцца немагчымай. Гэта вядзе да сэнсавай разыходнасці паміж асобнымі элементамі твора. Пры такім тыпе адносін праспектыўная форма дыскантынума (парушэнне часовага ці лагічнага парадку) часта выяўляецца ў канструкцыях, якія выражаюць *меркаванне* ці здагадку з дапамогай мадальных сродкаў: *Аляксандр Ільч на момант затрымаўся на парозе: – Аб адном жалею, баця, што клад Сценькі Разіна не знайшоў. <...> – Вазвращайся паскарэй, сыноч, – заплакала Афанасья, – то, можа, і знойдзем...* [12, с. 360]. *<...> (У Запалоннае дайшла вестка пра смерць Аляксандра Ільча)* [12, с. 407]. Адсутнасць рэалізацыі праспектыўна маркіраванай падзеі ажыццяўляецца на аснове проціпастаўлення *вазвращайся паскарэй ... то, можа, і знойдзем...* *<...> вестка пра смерць Аляксандра Ільча.*

Праспектыўная структура можа мець маркіроўку мадальным значэннем *магчымасці*: *Аднойчы, адчуўшы, што ў гаспадара добры настрой, Лявонка набраўся смеласці і звярнуўся да яго напраму, без падрыхтоўкі: – Дзядзьку Грыцько, – дзядзькам нечакана яго назваў, – ці не маглі б вы хоць крыху даць грошай уярод? [10, с. 170]. <...> (Адказ гаспадара не пакрыўдзіў прускаўца: “Што зробіш, кожны перш думае пра сябе”)* [10, с. 171]; значэннем *неабходнасці*: *Косця, уздыхнуўшы, ціха пастукаў пазногцем аб стол. – Трэба, таварышы, не забываць пра пільнасць у нашых радах. <...> Канспірацыя ёсць канспірацыя!* [13, с. 259] *<...> (Косця ... аднойчы не ўтрымаўся і раскідаў каля Шпронькавай лаўкі пачку прывезеных з Камянца перадвыбарчых улётка. <...> Аднекуль ... выскачылі паліцыянтны і тут жа надзелі на “марыканца” наручнікі)* [13, с. 298]; значэннем *пажадання*: *Ён (Пятрок) ужо адчуваў, што гэта паліцэйская завітанка не так сабе, што тут ёсць пэўная мэта і што зараз нешта праясніцца. “Каб хоць Сцепаніда не сунулася сюды, адвёўшы карову, каб як даць ёй уведаць, што тут за госці”, – ліхаманкава думаў ён, з паспеўнай пакорай несучы пачастунак у хату [8, с. 13]. <...> (Каландзёнак выскачыў у сенцы, але хутка вярнуўся. – Баба прыйшла)* [8, с. 13].

Заклучэнне

Вынікі праведзенага даследавання дазваляюць сцвярджаць, што праспекцыя ў мастацкай часовай прасторы рэалізуецца праз сістэму адносін паміж рознымі тэкставымі элементамі. У межах гэтага класа вылучаецца праспекцыя, кампаненты якой звязаны лагічна-семантычнымі адносінамі тоеснасці, уключэння, перасячэння і неадпаведнасці. Для адносін тоеснасці і ўключэння характэрны захаванне стабільнасці сюжэтнай лініі, у той час як адносіны перасячэння і неадпаведнасці, наадварот, спрыяюць яе дынамічнаму развіццю. Даследаванне выявіла мадальную разнастайнасць праспектыўных кампанентаў, якія выражаюцца праз значэнні пажадання, намеру, меркавання, магчымасці, пабуджэння і неабходнасці. У цэлым, катэгорыя праспекцыі з’яўляецца важным аспектам мастацкага тэксту, і яе далейшае вывучэнне адкрывае новыя перспектывы ў разуменні працэсаў тэкстаўтварэння.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Брускова, Н. В. Категории ретроспекции и проспекции в художественном тексте: на материале немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Брускова Наталья Владимировна ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1983. – 22 с.
2. Лифантьева, Е. В. Реализация текстовой категории ретроспекции в англоязычном художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Лифантьева Екатерина Викторовна ; Тул. гос. ун-т. – М., 2009. – 17 с.
3. Давыдова, О. В. Художественное время как средство создания виртуальной реальности в литературном дискурсе: на материале немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Давыдова Ольга Викторовна ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2003. – 19 с.
4. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / Н. А. Слюсарева, Н. Н. Трошина, А. И. Новиков [и др.] ; редкол.: Н. А. Слюсарева (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1982. – 192 с.
5. Глушкова, Ю. П. Категории проспекции в структуре художественного текста / Ю. П. Глушкова // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации : материалы науч. конф. : в 2 ч. / Башк. ун-т ; редкол.: Р. З. Мурясов (отв. ред.) [и др.]. – Уфа, 1999. – Ч. 2. – С. 48–49.
6. Сахарова, Н. С. Развитие средств выражения перспективности в английском языке (новоанглийский период) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Сахарова Наталия Сергеевна ; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1988. – 26 с.
7. Малофеева, И. В. Языковые средства категории проспекции: (на материале прозаического художественного текста) / И. В. Малофеева // Семантика и функционирование языковых единиц

в разных типах речи : сб. науч. ст. : в 2 вып. / Яросл. гос. пед. ун-т ; редкол.: С. К. Болотова (отв. ред.), Е. Н. Лагузова, Р. В. Разумов. – Ярославль, 2009. – Вып. 2. – С. 92–102.

8. Быкаў, В. Знак бяды : аповесць / В. Быкаў. – Мн. : Папуры, 2024. – 319 с.

9. Гніламёдаў, У. Валюшкі на мяжы : раман / У. Гніламёдаў. – Мн. : Маст. літ., 2014. – 574 с.

10. Гніламёдаў, У. Уліс з Прускі : раман / У. Гніламёдаў. – Мн. : Маст. літ., 2006. – 382 с.

11. Шамякін, І. Сэрца на далоні : раман / І. Шамякін. – Мн. : Маст. літ., 2021. – 414 с.

12. Гніламёдаў, У. Расія : раман / У. Гніламёдаў. – Мн. : Маст. літ., 2007. – 672 с.

13. Гніламёдаў, У. Вяртанне : раман / У. Гніламёдаў. – Мн. : Маст. літ., 2008. – 429 с.

Паступіў у рэдакцыю 12.09.2025

E-mail: valya.digadyuk@mail.ru

V. P. Digadyuk

A MODALLY MARKED PROSPECTION IN BELARUSIAN LITERARY WORKS

This article examines the textual category of prospection in the literary works of Belarusian writers. It determines the structural organization of prospective elements, identifies the logical and semantic relations between their components, and systematizes their modal and semantic meanings, specifically those of necessity, intention, wish, opinion, and opportunity.

Keywords: category of prospection, modal-semantic meanings, prospectively conditioned components, prospective relations, literary text.

УДК 811.161.1'373.2+811.161.3'373.2

Е. А. ЗуеваКандидат филологических наук, доцент кафедры филологии,
УО «Барановичский государственный университет», г. Барановичи, Республика Беларусь**ТАКТИКИ СОЗДАНИЯ И МОДЕЛИ ЭРГОНИМОВ – НАЗВАНИЙ КОМАНД КВН**

В статье рассматриваются тактики, к которым прибегают игроки клуба веселых и находчивых, называя свои команды, выделяются конкретные модели этих названий. Установлено, что в эргонимах отражаются различные характеристики, встречаются эргонимы с абстрактной и нулевой семантикой, совмещающие несколько тактик и моделей. Обращено внимание на то, что имена могут быть понятны как многим, так и определенному кругу людей, что может вызывать трудности при рассмотрении данной эргонимической лексики.

Ключевые слова: ономастика, эргоним, КВН, искусственная номинация, информация имени, тактика, модель создания, идеографическая группировка, абстракция, нулевая семантика.

Введение

Эргонимическая лексика, которую составляют эргонимы – собственные имена деловых объединений людей (союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений, кружков) [1, с. 151], – в настоящее время является «неотъемлемой частью современного ономастического пространства» [2, с. 2163]. Исследование феномена КВН в разных аспектах привлекает социологов, культурологов, языковедов, о чем свидетельствуют работы Д. Г. Букланса [3], М. Н. Ковалева [4], И. Ковальчука [5], Ю. В. Игошиной [6], С. А. Панченко [7].

Несмотря на широкую популярность игры КВН, на протяжении более 60 лет являющейся «оригинальным телевизионным продуктом развлекательного характера» и объединяющей «несколько поколений игроков и зрителей» [3, с. 3], названия команд КВН остаются до настоящего времени малоизученным классом ономастических единиц.

Цель исследования – выявить и описать основные тактики создания и модели эргонимов – названий команд КВН.

Методы и методология исследования

Методологической основой исследования послужили труды по ономастике Л. М. Бражник [8], М. В. Голомидовой [9], Н. В. Подольской [1], А. В. Суперанской [10], а также работы по эргонимии Н. И. Григорьевой [11], Н. М. Охрицкой [2], Д. В. Пьянковой [12]. В статье используются описательный метод и семиотический метод, так как «имя выступает семиотической формой, закрепляющей комплекс ощущений, переживаний и мыслительных действий, образующих уникальную сущность субъекта» [9, с. 66]. Материал исследования составили 306 эргонимов – названий команд КВН, участвовавших в высшей лиге с 1986 г. по 2025 г., отобранных методом сплошной выборки с сайта [13].

Результаты исследования и их обсуждение

Названия команд КВН являются следствием искусственной номинации, т. е. представляют собой придуманные имена. Чтобы получить информацию о том или ином названии команды, «необходимо детально проанализировать имя, что само по себе очень трудно» [8, с. 24] из-за того, что номинативные версии, объединяемые в рамках стратегии называния команд КВН, разнообразны, а «установление значимых мотивов номинации <...> не всегда завершается в точке прямого соприкосновения с индивидуальным замыслом» [9, с. 101]. «Информация имени не может быть объективной из-за индивидуальности восприятия» [8, с. 26]. К энциклопедической информации имени относится как «комплекс сведений, который появляется у говорящего в результате знакомства с объектом» [8, с. 26], так и «сумма предварительной информации об объекте, которую он может получить, никогда не видев его» [8, с. 26].

Наиболее отчетливые линии в прорисовке названий команд КВН выявляются при использовании «комплекса знаний об объекте» [8, с. 25–26], что облегчает решение проблемы значения эргонима и позволяет представить идеографическую группировку названий, чтобы «очертить фрагменты реальности», к которым прибегают называющие» [9, с. 101].

С учетом вышесказанного анализ фактического языкового материала позволяет, основываясь на классификации М. В. Голомидовой [9], условно выделить следующие тактики создания и модели названий команд КВН.

Топонимическая тактика (74 названия) указывает на отнесенность эргонима к географическому объекту, месту, с которым реально или условно связано творчество команды, на что указывают:

1) хоронимы – названия территорий, областей, районов, административно-территориальных единиц: *Сборная Великобритании, Грузии, Дагестана, Забайкальского края, Казахстана, Калининградской области, Краснодарского края, Крыма, Пермского края, Прибалтики, Украины «Интер.УА»; Сборная республики Татарстан, Чеченской республики; «Югра»* (Ханты-Мансийск), *«Урал»* (Нижний Тагил), *«Аляска»* (Киев) и др.;

2) астионимы – названия городов: *Сборная Астаны, Баку, Батайска, Владивостока, Днепропетровска, Донецка, Коргалжинино, Москвы, Одессы, Перми, Пятигорска, Санкт-Петербурга, Снежногорска, Харькова; Сборная города Егорьевска, Мурманска; «Городъ ПятигорскЪ»; «Астана.KZ», «Добрянка», «Красноярск», «Лас-Вегас»* (Энгельс), *«Ровеньки»* (команда из г. Ровеньки, с 2021 г. представляет г. Орел), *«Саратов», «Свердловск»* (Екатеринбург), *«Уфа», «Запорожье – Кривой Рог – Транзит»;*

3) единичные имена с оронимами – номинациями рельефа: *«Донецкий крайс»;* потапонимами – именами рек: *«Днепр»* (Днепропетровск), *«С.У.Р.А.»* (Пенза); астионимами и потапонимами: *«Волга-Волга»* (Камышин), *«Вятка»* (Киров); лимнонимами – именами озер: *«Байкал»* (Иркутск – Улан-Удэ), *«Минское море»;* терронимами – географическими именами объектов на суше: *«Евразия»* (Челябинск), *«Полуостров»* (Симферополь);

4) имена с реальными или вымышленными топонимическими привязками (объектами), когда в названиях отражены территориальная отнесенность и имидж, национальный колорит и др.: *«Винницкие перцы», «Владикавказские спасатели», «Дальневосточные ворота»* и *«Забайкальский вариант»* (Улан-Удэ), *«Иркутские декабристы», Команда объединенных молодежных клубов города Львова, «Криворожская шпана», «Женихи из Ташкента», «Махачкалинские бродяги», «Парни из Баку», «Нарты из Абхазии», «Одесские джентльмены», «Одесские мансы», «Рижские готы», «Самарский самолет», «Сибирские монахи»* (Красноярск); *«Регион-13»* (Саранск); *«Тамбовские волки», «ЛУНА»* (*Лица уральской национальности*) и *«Театр Уральского зрителя»* (Челябинск); вымышленные топонимические объекты: *Сборная Камызякского края по КВНу, Сборная поселка А* (Мурманская область);

5) катойконимы – именованья людей по названию места жительства: *«Северяне»* (Нягань); *«Сибирские сибиряки»* (Новосибирск).

Тактика социометрического названия (158 номинаций) включает в себя различные направления, которые отражают и содержат:

1. Связь названия команды с урбанимическими объектами: *«95-й квартал»* (Кривой рог), *«7 холмов», «Рязанский проспект», «Университетский проспект», «Чистые пруды»* (команды из Москвы), *«Омичи», «Москвичи».* Эргонимы могут быть как понятны, так и непонятны, потому что относятся к местам, которые известны определенному кругу людей.

2. Отношение к учебной, трудовой деятельности, увлечениям, причем эргонимы связаны с различными идентификаторами: а) учебными заведениями, узнаваемым брендом которых выступают аббревиатуры, полные названия, или привязки: *БГУ* (Минск), *ВИСИ* (Воронеж), *ДГУ* (Махачкала), *ИГУ* (Иркутск), *ИНЖЭКОН* (Санкт-Петербург), *МГИМО, МГУ, РУДН, RUDN University* (Москва), *НГУ* (Новосибирск), *ПГУ* (Пермь), *ТГМИ* (Тюмень) и др.; *Сборная вузов ГУУ и МИСиС, Сборная Физтеха, Сборная Высшей школы экономики* (команды из вузов Москвы), *Сборная сельскохозяйственной академии* (Иркутск); *«Ковбои Политеха»* (Киев), команды из вузов Ростова-на-Дону *«Приоритет ДГТУ», «Евразы-РостГМУ»,* команды из московских вузов *«RUDN United», «Университет МФЮА – Город Питон»* (студенты Московской финансово-юридической академии из Москвы, Волгограда, Казани, Пензы), *«ВуЗуТ МИИТ»* или *«ВуЗуТ», «Мастер Муси, РЭУ им. Плеханова», «Плеханов и компания», «Улица Плеханова»;* б) факультетами, причем название команды может быть как понятным, так и непонятным, известным только определенному кругу людей: *«Морская Академия»* (Мурманск, факультет техники и технологии кораблестроения и водного транспорта), *«Прима»* (Курск, слияние названий приборостроительного и машиностроительного факультетов), *«Такая история»* (Орел), *«Факультет журналистики»* (Санкт-Петербург), команды *«Юрикен»* (Владикавказ) и *«Юра»* (Москва) образовались на базе юридических факультетов; в) родом занятий,

профессией, социальным положением, увлечениями, с которыми прямо или условно связаны игроки, что выражается в стиле одежды, имидже, концепции команды: «**Актеры**», «**Негоден**», «**Поэтессы**» (команды из Санкт-Петербурга), «**Молодые ученые Росатома**», «**Незолотая Молодежь**», «**Сборная МВД «Подъем**», «**Станция Спортивная**» (команды из Москвы), «**Атомная сборная**» (Ленинградская область), «**Бомонд**» (Челябинск), «**ИП Бондарев**» (Надым), «**Кубанские казаки**» (Краснодар), «**Настоящие тамады**» (Тбилиси), «**Партия любителей**» (Волгоград), «**Плохая компания**» (Красноярск), «**Приказ 390**» (Воронеж, Федеральная служба исполнения наказания России), «**Сборная (Большого) Московского Государственного Цирка**», «**Сборная банкетных ведущих**» (Татарстан), «**Сборная бывших спортсменов**» (Пермский край), «**Сборная СНГ по вольной борьбе**» или «**Борцы (Северный десант)**» (Сургут), «**Эскадрон гусар**» (Львов).

3. Разного рода коммуникативные маркеры, характеризуется абстракцией, нулевой семантикой, или «семантикой, понятной очень ограниченному кругу лиц» [6, с. 113], поэтому названия могут быть непонятны, но содержать отсылки, которые указывают на: а) условные родственные связи и семейные отношения, маркером чего является указание родства: «**Будем дружить семьями**» (Москва), «**Сборная бывших**» (Тула), «**Семейные Штучки**» (Ростов-на-Дону); б) близость, знакомство: «**Близкие**» (Белгород), «**Друзья**» (Пермский край), «**Лучшие друзья**» (Минск), «**Соседи**» (Свердловск и Тюмень), «**Сборная Краснодарского края «БАК-Соучастники**»; в) позицию и установку команды, скрытую в эргониме: «**Горизонт**» (Москва, одно время игроки позиционировали себя как самую высокотехнологичную команду, используя в выступлениях айпады и роботов, шутя на соответствующие темы), «**Дрим-тим**» (Донецк – Екатеринбург, в переводе с английского dream team ‘команда мечты’), «**Максимум**» (Томск, каждый игрок команды должен выкладываться по максимуму), «**Мега**» (Москва, возможно, связано с понятием ‘чрезвычайно большой, огромный, миллион’), «**НАТЕ**» (ст. Брюховецкая, синоним слова «возьмите», что символизирует некую наглость в их юморе), «**Неудержимый Джо**» (Россия, можно предположить, что команду невозможно остановить на пути к победе), «**Проигрыватель**» (Тамбов, по признанию игроков, название выбрали для того, чтобы не обидно было проигрывать), «**Радио Свобода**» (Ярославль, игроки слово «радио» считают стильным, винтажным, говорящим о прошлом времени, а «свобода» – бешеный ритм каждого участника команды, боевое настроение, мировоззрение); г) количество участников, входящих в команду, или нескольких команд, объединившихся в одну: «**2х2**» (Самара), «**Сборная Малых Народов**» (Москва), «**СТЭПиКо**» (Новосибирск, объединение команд «Стэп» и «Контраст»), «**Северное слияние**» (Томск – Ямал, Салехард), «**4**» и «**Четыре татарина**» (Казань), «**50 на 50**» (Кемерово – Кривой Рог); д) ситуацию в момент создания команды: «**Валеон Дассон**» (Пенза, имя придумано по принципу «испорченного телефона»), «**25-я**» (Воронеж, игроки собирались в аудитории № 25).

4. Дистрибуцию к различным сферам человеческой деятельности. Данные названия могут быть известны как многим, так и ограниченному кругу людей, характеризоваться абстракцией, не содержать явных характеристик и отсылать к: а) музыке (названиям и строчкам песен): «**Зеленый чемодан**» (Кемерово, песня М. Коржа), «**Не кипишуй**» (Казахстан, строка из песни «Вокруг шум» группы «Каста»), «**Русская дорога**» (Армавир, альбом и песня И. Растеряева), «**Шизгара**» (п. Воскресенское, песня “Venus” группы Shocking Blue известна как «Шизгара» (по звучанию английских слов She’s got it)); б) названиям фильмов или сериалов: «**В джазе только девушки**» (Новосибирск), «**Детективное агентство “Лунный свет”**» (Белгород), «**Джентльмены удачи**» (Курганская область), «**Доктор Хаус**» (Могилев), «**Леон Киллер**» (Камышлов, отсылка к фильму «Леон»), «**Наполеон Динамит**» (Тюменская область), «**Чернокнижник**» (Рязань, американский фильм ужасов); в) литературной ономастике – произведениям, персонажам, населенным пунктам: «**Тихий Дон**» (Шахты – Таганрог, роман-эпопея М. Шолохова), «**Дети лейтенанта Шмидта**» (Томск, аферисты из романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок»), «**Город N**» (Челябинск), «**Уездный город**» (Челябинск – Магнитогорск) (обозначения провинциального города); г) науке: «**Ботанический сад**» (Хабаровск), «**МАГМА**» (Москва, команда Московского государственного горного университета), «**Так-то**» (Красноярск, название, чтобы научить правильно писать «то» через дефис), «**Триод и Диод**» (Смоленск, «лампа» и «полупроводник»); д) одноименным организациям, обществам, учреждениям и предприятиям разного рода, которые выступили спонсорами команды: «**Ананас**» (Вязьма, деятельность ресторанов и услуг), «**ГАЗ**» (Нижний Новгород, Горьковский автомобильный завод), «**Динамо**» (Тбилиси, футбольный клуб), «**Колосок**» (Михайловск, ООО по торговле машинами и оборудованием для сельского хозяйства), «**Корона**» (Добрянка, индивидуальное частное предприятие), «**Нефтегаз**» (Тюмень, в регионе развита нефтегазовая промышленность), «**Океан**» (Владивосток, Всероссийский детский

центр образования и отдыха детей), «*Планета Сочи*» (ведущий туроператор юга России), *Сборная КВНшников «G-Drive»* или «*G-драйв*» (Россия, по названию бензина G-Drive 100), *Сборная «Монди СЛПК»* (Сыктывкар, целлюлозно-бумажный комбинат Сыктывкарского лесопромышленного комплекса), *Сборная Татнефти* или «*Татнефть*» (Альметьевск), «*Уральские пельмени*» (Екатеринбург, ресторан), «*Хара Морин*» (Улан-Удэ, от бур. хара морин ‘черная лошадь’, ‘темная лошадка’, женский волейбольный клуб), «*Экспо*» (Ставрополь, Экспо – выставка технологических достижений); е) информационным технологиям: «*Sega Mega Drive 16 бит*» (Москва, название игровой приставки 90-х Sega Mega Drive), «*Error 404*» (Нижний Новгород); ж) междометиям, звукоподражаниям: «*АССА*» (Махачкала), «*Парапанарам*» (Москва); з) другим видам человеческой деятельности: играм: «*Флэш-Рояль*» (Ростов-на-Дону), важным датам: «*350*» (Иркутск – Улан-Удэ, в 2011 г. отмечалось 350-летие вхождения Бурятии в состав Российского государства и основания Иркутска).

Имено-метрическая и антропометрическая тактики (30 имен) придерживаются характеристик людей по различным признакам. Данные названия характеризуются абстракцией, могут иметь нулевую семантику, так как одни номинации могут быть понятны многим, другие – ограниченному кругу людей. Эргонимы содержат: а) реальные антропонимы – имена известных людей: «*Дети Тьюринга*» (Минск, А. Тьюринг – математик и криптограф), *Инда* (Набережные Челны, сокращение имени и фамилии актрисы Ингеборги Дапкунайте), «*Михаил Дудиков*» (Ставрополь, название дано в честь голливудского актера и мастера боевых искусств Майкла Дудикоффа), «*Федор Двинятин*» (и СК РОСТРА)» (Москва – Ступино, Ф. Двинятин – знаток телевизионной игры «Что? Где? Когда?»), «*Плюшки имени Ярослава Гашека*» позже «*Плюшки имени Ярослава Мудрого*» (Тверь, Ярослав Гашек – чешский писатель; Ярослав Мудрый – князь киевский); б) имена, фамилии, никнеймы близких, знакомых, связанных с командой: «*Доброжелательный Роман*» (Санкт-Петербург, название дано в честь рождения у участника команды сына, которого называли Романом), «*Красный лис*» (Владивосток, перевод никнейма «redfox» основателя команды М. Пряженникова), «*Оборович*» (Москва, знакомая игроков А. Оборовская, которую они называют Оборович); в) другие имена, отчества и фамилии: «*Иван Иванов*» (Москва), «*Пал Палыч*» (Хабаровский край), «*Раисы*» (Иркутск), «*Селивановы*» (Ульяновск, у многих есть такие родственники); г) указание на пол: «*Без баб*» (Москва, хотя в команде девушки), «*Девчонки*» (Клин), «*Не парни*» (Екатеринбург); д) возрастные характеристики: «*Уже не дети*» (Светлый), «*Молодость*» (Красноярск); е) культурно-национальные, этнические, расовые признаки, внешность: «*Буряты*» (Иркутск – Улан-Удэ), «*Гураны*» (Чита), «*Казахи*» (Астана), «*Армянская сборная*», «*Кыргызы*» (команды из Москвы), «*Опять грузины*» (Батуми), «*Армянский проект*», «*Новые армяне*» (команды из Еревана), «*Азия MIX*» (Бишкек, в команде кыргызы, таджик, узбечка, казах), «*Казахстанский проект*» (Алматы), «*Каракуз*» (Альметьевск, в переводе с татарского ‘черный глаз’); ж) другие характеристики: «*Обычные люди*» (Москва), «*Умные люди*» (Рязань).

Некоторые названия могут совмещать несколько тактик и моделей (14 номинаций):

1) топонимическую и социометрическую: «*КемБридж*» (Кемерово, (возможно Кемеровский) бридж – карточная интеллектуальная игра; одноименный университет в Великобритании), «*Остров Крым*» (Симферополь, полуостров; роман В. Аксенова), «*Парма*» (Пермь) (возвышенности и хребты на Северном Урале; предприятие), «*Спарта*» (Астана, команда была малочисленной, жила в спартанских условиях и не обладала поддержкой; город в Древней Греции; фильм «300 спартанцев»);

2) антропонимическую и социометрическую: «*Ворошиловские стрелки*» (Луганск) (отсылка к нагрудному знаку по имени К. Е. Ворошилова; кинофильму), «*Полиграф Полиграфыч*» (Омск, персонаж повести М. Булгакова «Собачье сердце» и отсылка к химико-полиграфическому факультету), «*Столик*» (Чулым, по имени наставника Анатолия (Толика), квнщики говорили, что пропадают «С Толиком», также «Столик» – место, где рождаются шутки, царит дружеская атмосфера и хорошее настроение, т. е. то, что соответствует КВН);

3) различные модели социометрической тактики: «*Ва-банк*» (Луганск, рок-группа; в карточных играх: на все деньги, находящиеся в банке), «*Город снов*» (Элиста, у картографов на картах неопределенный город обозначается как «город снов»; название может трактоваться и с позиции того, что у игроков узкие глаза, и они спят), «*СОК*» (Самара, «Самая обыкновенная команда», спонсором которой выступает «Спорт. Образование. Культура»; предприятие), «*Союз*» (Тюменская область, участники из разных городов России; чертой команды является исполнение музыкальных пародий, что может отсылать к лейблу одноименной студии звукозаписи), «*Три толстяка*» (Хмельницкий, одноименная сказка Ю. Олеши и фильм-сказка), «*Утомленные солнцем*» (Сочи, ассоциируется с одноименными танго, фильмом; может быть связано с тем, что в Сочи жаркое солнечное лето).

Выделены эргонимы, отличающиеся **абстракцией, нулевой семантикой** (30 названий), так как имя команды не содержит каких-либо явных характеристик. Данные номинации включают выражения или слова из разных сфер, употребляющиеся в различных ситуациях: «*Мегаполис*», «*Свои Секреты*», «*Секция*», «*Станция Динамо*», «*Это они*» (команды из Москвы), команды из Нижнего Новгорода «*Партия*», «*Росы*» (отсылает к шутке из «Comedy Woman»: «Я чиста, как вологодские росы»), «*Экспедиция по городу*», «*Я обиделась*» (команды из Новосибирска), «*Без вариантов*» (Пермь), «*Без грани*» (Чита), «*Без консервантов*» (Санкт-Петербург), «*ВВ – Вопрос Времени*» (Омск), «*Громокошки*» (Липецк), «*Дежа Вю*» (Сборная Якутии), «*Дизель*» (Николаев), «*Для вас*» (Мурманск), «*Есть контакт!*» (Добрянка – Пермь), «*Имени меня*» (Королев), «*Кефир*» (Нягань), «*Место действия*» (Челябинск), «*Новая Реальность*» (Одесса), «*Особое мнение*» (Уфа), «*Отдел кадров*» (Норильск), «*Пирамида*» (Владикавказ), «*Служебный вход*» (Курск), «*СПИКЛ*» (Саратов, Свой прикол), «*Те самые*» (Ставрополь), «*Территория игры*» (Красноярск), «*ЧП*» (Минск).

Заключение

Эргонимы, представляющие собой названия команд КВН, включаются в эргонимическое языковое пространство, являясь следствием искусственной номинации. Номинации команд КВН являются узнаваемыми брендами команд, репрезентируют различные черты, которые отражаются в тактике создания и моделях рассмотренных эргонимов. При создании названия команды самыми распространёнными являются социометрическая и топонимическая, менее – имено-метрическая и антропометрическая тактики. В названиях могут отражаться несколько тактик. Некоторые имена имеют нулевую семантику. Каждая тактика отсылает к определенной модели с разного рода идентификаторами, которые могут быть понятны как многим, так и определенному кругу лиц, что вызывает затруднение в интерпретации названия той или иной команды. Перспективным, на наш взгляд, является дальнейшее ономастическое исследование данной группы эргонимов в разных направлениях.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
2. Охрицкая, Н. М. Способы образования эргонимов (на материале наименований итальянских музыкальных групп) / Н. М. Охрицкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14., вып. 7. – С. 2162–2165.
3. Букланс, Д. Г. КВН как феномен современной массовой культуры: коммуникативные аспекты : автореф. дис. ... канд. культ. : 24.00.01 / Букланс Дмитрий Григорьевич ; Вят. гос. гуманитар. ун-т. – Киров, 2010. – 19 с.
4. Ковалев, М. Н. КВН (Клуб веселых и находчивых) как социокультурное явление современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / Ковалев Михаил Николаевич ; Моск. гуманитар. ун-т. – М., 2004. – 22 с.
5. Ковальчук, И. Откуда появились странные названия команд из КВН? От «Уральских пельменей» до «Плюшек» / И. Ковальчук // Палач. – URL: <https://click-or-die.ru/2021/01/otkuda-poyavilis-strannye-nazvaniya-komand-iz-kvn-ot-uralskih-pelmenej-do-plyushek/#new> (дата обращения: 21.08.2025).
6. Игошина, Ю. В. КВН-язык как маркер молодежных субкультурных форм / Ю. В. Игошина // Вестник Вятского государственного университета. – 2009 – С. 110–116. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvn-yazyk-kak-marker-molodezhnyh-subkulturnyh-form/viewer> (дата обращения: 21.08.2025).
7. Панченко, С. А. Названия команд КВН и КВН-сравнения: семантический аспект / С. А. Панченко // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Філологія. – 2015. – Т. 1, № 18. – С. 140–142.
8. Бражник, Л. М. Основы русской ономастики : учеб. пособие / Л. М. Бражник. – М. : Директ-Медиа, 2022. – 197 с. – URL: <https://e-univers.ru/upload/iblock/d65/xew00x3wtek4ty5zr6tsg0l1n7h1qmtk.pdf> (дата обращения: 21.08.2025).
9. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике : моногр. / М. В. Голомидова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998. – 232 с.
10. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская ; под ред. А. А. Реформатского. – М. : Наука, 1973. – 367 с.

11. Григорьева, Н. И. Приемы и способы создания названий музыкальных групп: тенденции в номинации / Н. И. Григорьева. – URL: <https://journals.uspu.ru/attachments/article/1921/04.pdf> (дата обращения: 21.08.2025).

12. Пьянкова, Д. В. Названия музыкальных коллективов рок- и «хеви металл»-направлений в ономаσιологическом аспекте / Д. В. Пьянкова // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького ; под ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 6. – С. 161–173.

13. Команды. Высшая лига, Москва. 1987–2025 // КВН. – URL: <https://kvn.ru/teams/info/league/3/year/2023> (дата обращения: 21.08.2025).

Поступила в редакцию 07.10.2025

E-mail: katarzyna.zujewa@mail.ru

E. A. Zueva

TACTICS OF CREATING AND MODELS OF ERGONYMS – NAMES OF KVN COMMANDS

The article examines the tactics employed by players of KVN (the Club of the Merry and Sharp-witted) when naming their teams and identifies specific models underlying these names. It has been established that ergonyms reflect various characteristics; some demonstrate abstract or zero semantics, while others combine multiple tactics and models. Attention is drawn to the fact that such names may be understandable either to a broad audience or to a limited group of people, which can create difficulties in analyzing this type of ergonymic vocabulary.

Keywords: onomastics, ergonym, KVN, artificial nomination, name information, tactic, naming model, ideographic classification, abstraction, zero semantics.

УДК 811.161.3'373

Е. В. Ковалёва¹, О. Г. Соколовская²

¹Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и методики преподавания иностранных языков, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ПРАГМАТОНИМЫ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются наиболее частотные топоосновы наименований торговой продукции региона. Прагматонимы, находящиеся на периферии ономастического поля, также являются составной частью ономастического пространства. Такие онимные единицы представляют собой сочетание номенклатурного компонента (как правило, идентификатора и квалификатора). Вторым компонентом прагматонима является проприальная группа, указывающая на вкусовые особенности, ассортимент, качество продукции, на ассоциации с определенными географическими названиями. Данные ономастические единицы содержат связь между наименованием и объектом, понятием или образом, который вызывает у потребителя продукции определенные мысли и ассоциации.

Ключевые слова: оним, ономастическое пространство, прагматоним, квалификатор, проприальная группа, апеллятив.

Введение

Онимы являются неотъемлемым элементом языка города или региона. Имена собственные разных классов составляют ономастическое пространство, включающее в себя онимы, находящиеся, как в центре ономастического поля, так и на его периферии. На современном этапе развития общества закономерно появление новых классов имен собственных. К таким ономастическим единицам относятся и прагматонимы, под которыми понимается «номен для обозначения сорта, марки, товарного знака» [1, с. 113]. Лингвисты отмечают, что данные онимы (товарные марки, или словесные товарные знаки) находятся на грани между именами собственными и апеллятивами [2]. Прагматонимы, как и многие другие периферийные ономастические классы, являются результатом искусственной номинации. Наименование объекта может происходить от его локализации, от названий предлагаемых товаров и услуг, их характеристик. Данные имена собственные имеют структурно-семантическое разнообразие и прагматическую направленность; они могут содержать признаки рекламного текста. Прагматонимы можно рассматривать как свернутый текст, который «состоит из нескольких логико-информационных модулей» [3, с. 6]. Удачно выбранное название для выделения наименования из однотипных товаров и услуг имеет важное значение для воздействия на целевую аудиторию. Для товарного знака характерны семантические категории, так как именно в значении слова, использованного в качестве имени товара, содержится прагматический элемент, реализация которого приводит к созданию соответствующей психологической установки» [4].

В современной лингвистике прагматонимы исследуются как периферийный разряд ономастической лексики, частично анализируются их номинативные и функциональные особенности, функционирование в речи и в литературных произведениях (Е. Л. Березович, М. В. Горбаневский, С. В. Земскова, В. М. Калинин, Ю. А. Карпенко, И. В. Крюкова, А. М. Мезенко, М. Я. Новичихина, Т. А. Соболева, В. И. Супрун, Е. В. Тихоненко, Т. В. Шмелёва и др.).

Прагматонимы Восточного Полесья изучены фрагментарно, анализ этого онимного материала позволяет зафиксировать номинативные особенности наименований, что обуславливает **актуальность** исследования: классификация прагматонимов, установление их мотивирующих основ способствуют уточнению теоретического материала в области ономастики, так как данные онимные единицы представляют собой класс постоянно обновляющихся онимов.

Цель исследования – выявление семантики апеллятивов, идентификаторов и квалификаторов различных тематических групп прагматонимов Восточного Полесья.

Методы и методология исследования

Фактическим материалом исследования послужили названия продукции предприятий Восточного Полесья, которые охватывают наименования мясных, молочных и хлебобулочных изделий

(более 300), отобранные при помощи сплошной выборки из каталогов, представленных на официальных страницах предприятий в интернете.

Результаты исследования и их обсуждение

Прагматонимы по своей лексической структуре являются поликомпонентными ономастическими единицами. Первый компонент прагматонима, как правило, является номенклатурным, который может включать в себя идентификатор и квалификатор, т. е., как отмечает Л. А. Годуйко, «является носителем важнейшей категориальной информации, выполняет функцию введения в ряд» [5, с. 14]. Номенклатурный компонент исследуемых названий включает в себя идентификатор, определяющий продуктовый ряд, и квалификатор, конкретизирующий продукт. В группе прагматонимов, обозначающих мясную продукцию, выявлены такие идентификаторы, как *колбаса*, *сосиски*, *сардельки*, *консервы*, *бутербродные пасты*, *рулет*, *жаркое* и др. Квалификатор конкретизирует, уточняет некоторые характеристики продукта, например, *колбаса вареная*, *паштет мясной*, *паштет птичий мясной вареный*, *рулет куриный*, *продукт из свинины соленый рубленый* и т. д. В качестве квалификатора может использоваться одно слово или целое словосочетание. В отношении мясной продукции этот компонент номенклатурной группы указывает на сырье (*колбаса сыровяленая из мяса птицы Заряночка*), наличие или отсутствие кулинарной обработки или степень готовности к употреблению (*колбаса сырая Сельская*, *полуфабрикат Свинина особая быстро приготовления*, *полуфабрикат Деревенский мясной натуральный крупнокусковой мясокостный*). Примерами квалификаторов, которые содержат указание на состав продукта, в данной группе прагматонимов являются: *фарш говяжий классический*, *колбаса Нежная с мясом птицы*, *сардельки с телятиной элит*, *зельц Сальтисон с языком*. Такая конкретизация в названии определяет выбор покупателей с индивидуальными предпочтениями. Указание в названии способа обработки, назначения продукции также является квалификатором: *колбаса вареная Элитная*, *продукт из свинины копчено-вареный Лопатка царская*, *закуска Дедовская сыровяленая*; *колбаски для жарки*, *колбаски для гриля*, *набор для первых блюд Домашний*. Как видно из примеров, данный компонент может употребляться в середине или конце названия продукта.

Наименования хлебобулочных изделий, зафиксированных в регионе, также содержат групповые идентификаторы, а именно апеллятивы *хлеб*, *сладости мучные*, *пряники*, *щербет*, *батон*, *булочка*, *сухари*. Наиболее частотным является номенклатурный термин *хлеб*, который используется с топонимным дескриптором, указывающим на определённый топоним данного региона (*Могилёвский*, *Днепровский*, *Бобровицкий*). В наименованиях молочной продукции этот компонент представлен одной или двумя лексемами, однако встречаются и более сложные словосочетания, содержащие уточняющую характеристику продукта: *напиток на основе сыворотки Ананас-манго*, *продукт йогуртный «На ура!» Ваниль*, *молоко пастеризованное «Мозырское»*. Идентификаторы в данной группе представлены, включая приведенные примеры, такими единицами, как *масло*, *молоко*, *кефир*, *биоряженка*, *сыворотка*, *творог*, *пудинг*, *сыр*, *биопродукт кисломолочный*, *йогурт*. Как правило, данный компонент используется в начале онимной конструкции.

Номенклатурный компонент в составе прагматонимов может быть единичным или групповым. Примерами единичных идентификаторов в названиях мясной продукции являются *Флячки в желе*, *Шкварка фирменная*, *Спинка классическая копчено-вареная*. Групповой номенклатурный компонент представляет варианты продукции одного способа кулинарной обработки, например, *продукт из свинины копчено-вареный Карбонат княжеский*, *продукт из свинины копчено-вареный Лопатка царская* (*Полоска княжеская*, *Буженина царская*). Единичные идентификаторы в группе молочных продуктов представляют только один продукт, например, *биоряженка* или *сыворотка*. Прилагательные, которые выступают в качестве идентификаторов, изменяют родовые окончания согласно нормам языка, что не влияет на объединение продуктов в одну группу.

Второй компонент прагматонима, а именно проприальная группа, выступает «базой имени собственного» [5, с. 16]. Проприальная группа формируется, как правило, на основе вкусовых качеств продукта, ассоциаций с определенными географическими названиями, с приятными воспоминаниями и т. п. В составе названий используются прилагательные *нежные*, *домашний* и др.: *сосиски Нежные*, *фарш Домашний новый*, *колбаса Домашняя со вкусом меда сыровяленая*. Проприальным дифференциатором также являются названия добавок в составе продукта: *рулет копчено-вареный Оригинальный с зеленью*, *рулет копчено-вареный Мраморный с сыром*, *паста бутербродная Классическая с прованскими травами*. В рассмотренных названиях молочных продуктов преобладают групповые идентификаторы, объединяющие вкусовую палитру продуктового ряда, например, *йогурт Греческий классический*, *йогурт Греческий тыква-мюсли*, *йогурт Греческий манго-чиа*.

Групповые названия проприального компонента охватывают серию продуктов: *сосиски Кремлевские*, колбаса *Кремлевская* салями, колбаса *Кремлевская* престиж сырокопченая. Сам оним *Кремлевский* отсылает к истории, ассоциируется с важностью места, тем самым повышая ценность продукта. Прилагательное *элитный*, т. е. отборный, лучший, употребляется во многих названиях с вариациями: *сосиски Элитные*, колбаса *вареная Элитная* премиум, *варено-копченая колбаса Пармская элит*. Такой компонент направлен на формирование у покупателя представлений как об очень качественном продукте. Один прагматоним также может объединять разные виды молочной продукции: *молоко пастеризованное Мозырское*, *кефир Мозырский*, *сметана Мозырская*. Оним *Мозырский* указывает на известный на Полесье населенный пункт, что также ассоциируется с качеством продукта. Вторая группа в названии выполняет функцию дескриптора и не является фиксированной или обязательной.

Среди исследуемых единиц можно выделить отобъектные наименования (конкретные сведения о мясных продуктах, а именно названия, указывающие на состав продукта, его качество) и отадресатные онимы (ориентация на установление эмоционального контакта с потенциальным покупателем). Так, на способ приготовления, на качество выпускаемой продукции указывают следующие наименования: *колбаса вареная Вкусная новая*, *сосиски Элитные*. Среди исследуемых названий хлебобулочных изделий также можно выделить отобъектные (*Ванильные водар*) и отадресатные единицы (*щербет Сладкоежка с арахисом*, *батон Постный*).

Другая характерная черта рассматриваемых прагматонимов – использование в их составе таких лексем, как *деревенский*, *селянский*, *сельский* и др. Следует отметить, что более 5 % названий имеют определенные ассоциации с родным, знакомым вкусом: прагматонимы *Деревенская*, *Деревенский*, *Деревенские*, мотивированные лексемой *деревенский* ‘характерный для деревни’, наименования *Крестьянская*, *Сельская* происходят от лексем *крестьянская*, *сельская* соответственно. Такая референция может оказывать влияние на выбор потребителя, т. к. создает в его сознании образ натурального продукта, далекого от искусственных добавок и ароматизаторов. Образ чего-то родного и близкого создается за счет использования в названиях лексем, ассоциируемых с домом, с детством, с родными: *продукт из свинины сырокопченый Вырезка домашняя*, *зельц Бабушкин* *смак*, *закуска Дедовская* *сыровяленая*, *колбаса вареная Как раньше*. Такие образы отсылают к приятным моментам из прошлого, вызывают желание их повторить, почувствовать снова.

Около четверти наименований содержат указание на ингредиенты продукта. Прагматоним *Мясная* мотивирован апеллятивом *мясная*, оним *Печеночный* – лексемой *печеночный*. Наименование *Зернистая* происходит от апеллятива *зернистая* ‘состоящая из зерновидных частиц’, оним *Балыковая* – от лексемы *балыковая* ‘приготовленные в виде балыка’, название *Пряная* – от апеллятива *пряная* ‘острая и ароматная на вкус’. На возможный способ приготовления указывают прагматонимы *Полендвица домашняя*, *Свинина по-домашнему*. Локативно-ориентированные названия представляют собой номинации с апеллятивами *домашняя*, *дорожная* и др., указывающими на место приготовления или употребления (прагматонимы *Домашняя*, *Дорожная*). Название *Охотничья* (продукты питания) соотносится с лексемой *охотничья* и указывает на целевую аудиторию.

Исторический колорит проявляется в таких названиях, как *колбаса вареная Боярушка*, *колбаса вареная Сударушка*, *колбаса полукопченая Панская* *любимая*, *продукт из свинины сырокопченый Гостинец панский*, *пельмени Купеческие*. Исторические коннотации подразумевают проверку продукта временем, т. е. ассоциируются с качеством.

Употребление топонимов также является частым приемом наименования мясной продукции. Такие варено-копченые колбасы, как *Полесская* и *Минская* или вареная *Бресткая* ассоциируются с престижем определенной местности Беларуси. Оним *Белорусский* (*Белорусская*) соотносится с лексемой *белорусский* ‘имеющий отношение к Беларуси’. Прагматоним *Венгерский* происходит от апеллятива *венгерский* (от хоронима *Венгрия*). Оним *Варшавки* (сосиски, сардельки) мотивирован ойконимом *Варшава*. Название *Финская* соотносится с адъективом *финская*, от хоронима *Финляндия*; прагматоним *Мазовецкая* – с топонимом *Мазовецкий* (Польша), оним *Женевская* – с лексемой *женевская*, от ойконима *Женева*. Название *Подмосковная* соотносится с топонимом *Подмосковье*. Наименование *Кремлевский* мотивировано онимом *Кремлевский*, соотносящимся с годонимом *Кремль*, который может ассоциироваться с продукцией высшего качества. Названия других изделий отсылают к гастрономическому разнообразию Италии: *Итальянская сырокопченая*, *Венецианская Престиж сыровяленая*, *продукт сырокопченый из говядины Тоскано*. Используются ассоциации и с другими странами и красивыми местами: *Финский сервелат*, *Тирольская сырокопченая*, *продукт из говядины сырокопченый Санторини*. Оним *По-европейски* соотносится с апеллятивом *европейский* ‘относящийся к Европе’. Следует отметить, что данная лексема зафиксирована в 10 наименованиях продукции.

В единичных случаях к этой лексеме добавляется адъектив *новый* (рулет *Европейский новый*). Часть прагматонимов мотивирована топонимом *Мозырский*, который указывает на местность, которая воспринимается как известная, привычная и родная. Такие компоненты в названиях, как *Российский* или *Греческий* ассоциируются с качеством товаров из соответствующих стран, что также привлекает покупателей.

Немногочисленную группу, около 4 %, составляют названия продуктов, в составе которых нет проприальной группы: *штик боковой несоленый, полуфабрикат из свинины для первых блюд, полуфабрикат мясной крупнокусковой, колбаски для гриля, рагу свиное*. Примерно в 7 % исследуемых названий используются лексемы на белорусском языке: *хлеб «Чараўнік» с семечками новый, сладости мучные Кветочка*.

Заключение

Таким образом, прагматонимы содержат сознательно созданную или интуитивно возникающую связь между наименованием и объектом, понятием или образом, который вызывает у потребителя продукции определенные мысли и ассоциации. Такие онимные единицы представляют собой сочетание номенклатурного компонента (как правило, идентификатора и квалификатора) – *колбаса вареная*. Вторым компонентом прагматонима является проприальная группа, указывающая на вкусовые особенности, ассортимент, качество продукции, на ассоциации с определенными географическими названиями (*йогурт Греческий классический, йогурт Греческий манго-чиа*). Данные ономастические единицы содержат связь между наименованием и объектом, понятием или образом, который вызывает у потребителя продукции определенные мысли и ассоциации. Отличительной чертой является использование однотипных лексем для наименования ряда мясных, молочных и хлебобулочных продуктов (*молоко Мозырское, кефир Мозырский, сметана Мозырская*). Определение семантических особенностей прагматонимов способствует выявлению частотных апеллятивов, указывающих на особенности менталитета носителей языка определенного региона.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 199 с.
2. Соболева, Т. А. Товарные знаки / Т. А. Соболева, А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1986. – 176 с.
3. Горбаневский, М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Горбаневский Михаил Викторович ; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 1994. – 39 с.
4. Исангузина, И. И. Прагматонимы в ономастическом пространстве: семантический, лингвокультурологический и синтаксический аспекты (на примере названий кондитерских изделий) / И. И. Исангузина – Вестник Башкирского университета. – 2008. – № 4. – С. 990–993. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatonimy-v-onomasticheskom-prostranstve-semanticheskij-lingvokulturologicheskij-i-sintaksicheskij-aspektu-na-primere-nazvaniy> (дата обращения: 19.05.2025).
5. Годуйко, Л. А. Ономастикон Брестчины : электронный учебный словарь для студентов филологических факультетов : в 3 ч. / Л. А. Годуйко, О. Б. Переход, О. А. Корабо ; под ред. Л. А. Годуйко. – Брест : БрГУ, 2018. – Ч. 1 : Прагматонимия: названия продовольственных товаров. – 150 с.

Поступила в редакцию 30.05.2025

E-mail: alena.kavaliova@gmx.de; olgasokolovskaya2023@mail.ru

A. V. Kavaliova, O. G. Sokolovskaya

PRAGMATONYMS OF EASTERN POLESIE: SEMANTIC ASPECT

The article deals with the most frequent toponymic stems of the names of trade products in the region. Pragmatonyms, which are at the border of the onomastic field, are also an essential part of the onomastic space. These onymic units can be a combination of a nomenclature component (as a rule, an identifier and a qualifier). The second component of the pragmatonym is a proprietary group, indicating the flavour characteristics, range of goods, and quality of the product, as well as associations with certain geographical names. These onomastic units have a connection between the name and an object, concept, or image that evokes certain thoughts and associations.

Keywords: onym, onomastic area, pragmatonym, qualifier, proprietary group, appellative.

УДК 811.161.1

Е. П. Пустошило

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и белорусского языков, УО «Гродненский государственный медицинский университет», г. Гродно, Республика Беларусь

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КВАНТИТАТИВА:
КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ**

В статье анализируется практика использования термина «квантитатив» и опыт лингвистических исследований квантитатива как синтаксически неделимого количественно-именного сочетания. Представлены категориальное значение и дифференцирующие признаки ядерных конституентов функционально-семантического поля квантитатива. Определена задача дальнейших исследований – выявление особенностей строения и тенденций функционирования конструкций, находящихся на периферии функционально-семантического поля квантитатива.

Ключевые слова: квантитатив, количественно-именное сочетание, функционально-семантическое поле, дифференцирующие признаки.

Введение

Семантика количества пронизывает все сферы жизни человека. Будучи неотъемлемой частью языковой картины мира, количественные характеристики окружающей действительности всегда находили отражение в языке [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. При этом конкретное понимание количества в связке с тем, что исчисляется (*пять домов* или *десять человек*), является первичным по отношению к абстрактному числу как таковому (*пять* или *десять*). Именно такие сочетания, состоящие из количественного (Num) и субстантивного (Nom) компонентов, и закономерности их развития в современном русском языке являются предметом нашего исследования.

Это обусловлено тем, что сегодня в текстах разных стилей и жанров интенсивность экспликации количества в его связи с предметным миром только нарастает. По словам М. И. Конюшкевич, «усложнение институциональных и экономических отношений в современном обществе, развитие научной картины мира, дифференциация наук, технологические инновации привели и к развитию средств вербализации количественных показателей» [9, с. 128].

В своей работе при номинации количественно-именных сочетаний (Num+Nom), опираясь на работы М. В. Всеволодовой [10; 11], мы будем использовать термин «квантитатив».

Цель данной работы – проанализировать практику использования в современной лингвистике термина «квантитатив», а также опыт лингвистических исследований квантитатива как неделимого количественно-именного сочетания, представить категориальное значение и дифференцирующие признаки функционально-семантического поля квантитатива.

Методы и методология исследования

Данное исследование проводится в рамках функционально-семантического подхода к описанию языковых явлений. Использован описательный и аналитический методы с применением приёмов наблюдения, обобщения, интерпретации и классификации.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде всего обратимся к практике использования термина «квантитатив» и к тому, что вкладывают в его понимание разные лингвисты.

Данный термин используется в работах Г. А. Золотовой и трактуется как тип значения любой синтаксемы с количественной характеристикой и сама синтаксема с этим типом значения. К квантитативам исследователь относит как количественно-именные сочетания (*до тысячи экскурсантов, за 30 лет, человек под сто*), так и конструкции типа *огней – до неба, [далеко] за полночь, ростом под потолок* [12, с. 48–49, 182, 220].

А. Б. Копелиович использует термин «квантитатив» для номинации количественного компонента в количественно-именных сочетаниях (в его терминологии «квантитативно-субстантивных словосочетаниях» [13, с. 13]) различных типов: *десять* яблок, *десяток* яблок, разграничивая их

на квантитативы-числительные и квантитативы-существительные [13, с. 55]. Квантитативы-существительные исследователь попеременно называет то «квантитативными субстантивами» [13, с. 60], то «субстантивными квантитативами» [13, с. 61].

Схожую трактовку термина «квантитатив» встречаем в работах Ф. И. Панкова и Е. Н. Гулидовой [14; 15], где эта номинация используется по отношению к лексемам *много, очень, немного, мало* и их производным *множество, большое / малое количество*.

Н. Н. Хухрянская в состав квантитативов как любой количественной номинации, или «количественных значений, выраженных лексическими средствами» [7, с. 5], включает имена числительные, количественно-именные сочетания, другие знаменательные части речи с количественным обозначением и разнохарактерные квантитативные сочетания: *двенадцать, 12 лет, 25 тонн, свыше трех миллионов человек, четверо малышей, пятерка, десятилетие, меньшинство, вдесятером, удвоиться, четверть граждан, более половины площадей, двойное впечатление, двойной DVD-альбом, многоканальный телефон, многие люди, третьи лица, с гилькин нос, львиная доля, не один год* и др.

Как синтаксически неделимое количественно-именное сочетание обычно в виде Num+Nom (числительное + существительное) термин «квантитатив» встречается у О. Ф. Жолобова. В статье «Статика и динамика древнеславянских квантитативных форм» отмечено, что «именная природа числительных реализуется во всей полноте при обозначении количества в речи, в тексте, когда оно соотносится с приложением количественных показателей к предметно-вещному миру... В этом случае числительные образуют квантитативные конструкции, для описания которых необходимо выйти за границы морфологии, обратившись к комплексным – морфосинтаксическим показателям» [5, с. 377–378], а «функционирование квантитативов как целостных грамматических единиц индуцирует унификацию морфосинтаксических образцов в исходном славянском употреблении» [15, с. 381].

На морфосинтаксический характер квантитатива, образуемого сочетанием числительное + существительное, указывает также М. В. Всеволодова, определяя квантитатив как «специфическую для славянских языков морфосинтаксическую категорию» [11, с. 69], отмечая, что состав и поведение данного лексико-грамматического единства «на современном уровне не всегда объяснимы и пока не нашли соответствующего грамматического представления» [10, с. 32].

Подобное понимание квантитатива как синтаксически неделимого, но способного раздвигать свои границы количественно-именного сочетания находим в работах Р. Судзуки, занимавшейся исследованием единиц предложного типа в русских атрибутивных конструкциях со значением «параметрическая характеристика предмета» [16], и М. И. Конюшкевич, обратившей внимание на потенциал расширения внешних и проницаемость внутренних границ квантитатива [9].

Подведем промежуточные итоги. Исследователи, использующие в своих работах термин «квантитатив», определяют им:

- 1) сугубо количественный компонент количественно-именного сочетания или другой количественной номинации (А. Б. Копелиович, Ф. И. Панков, Е. Н. Гулидова);
- 2) количественно-именное сочетание как синтаксически неделимое единство – синтаксему (О. Ф. Жолобов, М. В. Всеволодова, Р. Судзуки, М. И. Конюшкевич);
- 3) любую количественную номинацию, расширяя объем значения термина, но не исключая из его состава неделимые количественно-именные сочетания (Н. Н. Хухрянская).

В своей работе, как уже было указано выше, мы будем придерживаться второй точки зрения на квантитатив как на синтаксически неделимое количественно-именное сочетание, мотивируя использование однословного термина для номинации данных единиц их синтаксической целостностью.

Далее обратимся к анализу лингвистических исследований, предметом изучения которых становились количественно-именные сочетания. Они привлекали лингвистов прежде всего с точки зрения их нетривиальной структуры и норм употребления. Среди исследований, посвященных анализу структуры количественно-именных сочетаний, кроме отмеченных ранее, целесообразно назвать работы И. А. Мельчука и П. В. Гращенкова.

В монографии И. А. Мельчука «Поверхностный синтаксис русских числовых выражений» количественно-именные сочетания вида числительное + существительное, или (в терминологии автора) числовые выражения, подвергнуты всестороннему анализу с точки зрения поверхностного синтаксиса. Исследователь признает, что русские числовые выражения в силу их сложного исторического развития (восхождения числительных к разным частям речи и дальнейшее их выравнивание по аналогии), при котором «аналогические процессы далеко не везде дошли до конца, в результате чего создалась очень запутанная, внутренне непоследовательная и даже противоречивая картина ... невозможно описать так, чтобы удовлетворить всех и во всех отношениях» [17, с. 80].

Противоречивым оказывается решение вопроса о главном и зависимом компоненте количественно-именного сочетания, их связи и формах выражения. Автор приходит к выводу, что русское числовое выражение «ведет себя как некоторый единый объект, имеющий свою собственную морфологическую характеристику» [17, с. 165], и вводит понятие падежа числового выражения в целом как «абстрактно-морфологического конденсата синтаксической позиции» [17, с. 165].

П. В. Гращенков также обращается к анализу структуры количественно-именного сочетания (называя его количественной группой) с точки зрения главного (вершины) и зависимого компонента с опорой на данные, представляемые разноструктурными языками [18].

Что касается исследования употребления количественно-именных сочетаний с точки зрения языковых норм, то здесь исследователи обращают внимание не только на сложность их усвоения, но и на активную фазу их становления в современном русском языке [19], тенденции в их изменении [20; 21] и необходимость анализа системных случаев отступлений от нормы, а также на употребления, до сих пор не охваченные нормой, в целях выявления системы языка, фиксации и прогнозирования норм употребления [10; 22; 23].

Одним из наиболее продуктивных подходов к анализу языковых явлений выступает функционально-семантический подход «описания грамматики в теснейшей и необходимой связи с выражением ею внеязыковых содержательных категорий» [11, с. 70], т. е. от содержания к разнообразию средств его передачи. Характеризуя функционально-семантическое поле (ФСП) количественности во вступительных замечаниях к «Теории функциональной грамматики: Качественность. Количественность», А. В. Бондарко отмечает, что данное поле является полицентрическим и «опирается, с одной стороны, на грамматическую категорию числа (прежде всего имен существительных), а с другой – на имена числительные, количественно-именные сочетания, адъективные и адвербиальные показатели квантитативных отношений, наконец, особый тип количественности представлен в сфере глагольных предикатов» [24, с. 161]. Словно уточняя это утверждение, М. В. Всеволодова заявляет: «Ядром категории количественности в славянских языках – в силу своей эксплицитности – является не категория числа имени существительного, а количественно-именная группа *три дома – пять домов*» [11, с. 69]. Именно вокруг этого ядра формируется ФСП количественности.

Признавая полицентричность ФСП количественности и количественно-именные сочетания (квантитативы) одним из его очевидных центров, который, в свою очередь, тоже имеет полевое строение, обратимся к представлению ФСП квантитатива.

ФСП есть содержательно-формальное единство, которое формируется разноуровневыми средствами языка и базируется на понятийной категории. Категориальное значение квантитатива основано на приложении количественных показателей к предметам и явлениям окружающего мира (*сколько чего*). Общее значение ФСП квантитатива представлено комплексом дифференцирующих признаков (ДП).

Первый ДП, определяющий квантитатив, – наличие в его структуре двух уровней членения: собственно квантитативного и синтаксемного.

В структуре квантитатива на собственно квантитативном (внешнем) уровне выделяются две составляющие: количественный компонент (Num) и субстантивный компонент (Nom). Num может быть выражен количественными числительными различных разрядов (*пять, пятьдесят, пятеро, две целые пять десятых, мало, много, несколько*), а также существительными с количественным значением (*десяток, сотня, дюжина*), Nom же, как правило, представлен именами существительными, которыми обозначены предметы или явления с точки зрения их количественной характеристики (*пять столов, пятьдесят человек, пятеро ножиц, две целые пять десятых процента, много дел, десяток яиц* и т. под.).

Синтаксемный уровень членения квантитатива, основанный на его синтаксемной природе, с точки зрения М. И. Конюшкевич, тоже содержит два компонента: номинативный компонент, который складывается из лексических значений Num и Nom (например, для квантитатива *пять столов* – ‘столы в количестве пяти штук’) и грамматический формант, представленный сочетанием флексий Num и Nom, – «неким подобием их синтаксического “конфикса”, или сокращенно “синплекса”» [9, с. 118] (грамматический формант квантитатива *пять столов* может иметь шесть вариантов синплекса: *пять_стол-ов, пят-и стол-ов, пят-и стол-ам, пять_стол-ов, пять-ю стол-ами, пят-и стол-ах*).

Второй ДП квантитатива – конкретность значения, которую квантитатив приобретает благодаря субстантивному компоненту в противоположность к абстрактному числу. В квантитативе отражается количественная характеристика конкретных предметов и явлений окружающего мира

(В комнату с пятью столами принесли ещё два стола. Итого в комнате оказалось семь столов) в отличие от отвлеченных чисел (*Пять плюс два равняется семи*).

Третий ДП вытекает из присущего ядру ФСП квантитатива значения расчлененности – дискретности, возможности пересчитать предметы или явления окружающей действительности. Так, квантитативы *десять столов, двенадцать стульев* принадлежат ядру ФСП в отличие от сочетаний *десяток столов, дюжина стульев, много книг*, которые имеют значение нерасчлененности на отдельные предметы и находятся на периферии ФСП.

Четвертый ДП следует из сопоставления определенности (объективное), приблизительности или неопределенности (субъективное) количественного значения квантитатива. Движение значения квантитатива от определенного к неопределенному (от объективного к субъективному) также представляет собой движение от ядра к периферии: *пять столов, около пяти столов, несколько столов, небольшое количество столов, какое-то количество столов*.

Пятый ДП связан с тем, что структура квантитатива в зависимости от выражаемого им значения определенности / приблизительности / неопределенности и дискурсивных особенностей функционирования квантитативов способна усложняться:

- через усложнение количественного компонента (*пять процентов столов, двадцать (пять процентов) столов, примерно пять столов, пять-шесть столов, пять плюс-минус два стола, от пяти до восьми столов, где-то около двух-трех столов* и т. под.);

- через усложнение субстантивного компонента (*пять письменных столов, пять двухтумбовых письменных столов, пять двухтумбовых письменных столов с выдвижными ящиками* и т. под.);

- путем включения в состав квантитатива строевой единицы (часто предлога), вводящей квантитативную синтаксему в высказывание, что может порождать непоследовательность в оформлении синтаксической связи (*в около 200 фильмах* или *в около 200 фильмов*);

- посредством перестановки компонентов, подвижности и взаимопроницаемости внутренних границ квантитатива (*пять столов, столов пять, где-то пять столов, где-то столов пять, пять столов плюс-минус два, в более чем пяти столах, более чем в пяти столах*) [25].

Таким образом, конститuentам ядерной зоны ФСП квантитатива присущи следующие ДП:

- 1) наличие двух уровней членения: собственного квантитативного (Num + Nom) и синтаксемного, проистекающего из единства синтаксической позиции его компонентов;

- 2) конкретность (в противоположность абстрактности);

- 3) расчлененность (в сопоставлении с нерасчлененностью);

- 4) определенность (в сопоставлении с приблизительностью и неопределенностью);

- 5) неусложненность (в сопоставлении с усложненностью).

Чем сложнее и длиннее квантитативная конструкция, чем больше в ней компонентов, тем дальше она от ядра ФСП. И если ядерная зона ФСП квантитатива, представленная набором всех ДП, определяется достаточно ясно, то квантитативы, принадлежащие его ближней и дальней перифериям, наделенные значениями нерасчлененности, приблизительности/неопределенности и имеющие усложненную структуру, вызывают исследовательский интерес как с точки зрения их строения, так и с точки зрения их дискурсивного функционирования в текстах разных стилей и жанров.

Заключение

Квантитатив как синтаксически неделимое количественно-именное сочетание может быть описан с точки зрения функционально-семантического подхода с выделением особой понятийной категории приложения количественных показателей к предметам и явлениям окружающего мира (*сколько чего*) и набором из пяти дифференцирующих признаков, принадлежащих конститuentам ядерной зоны ФСП. Задача дальнейших исследований по данной проблеме состоит в определении особенностей строения и тенденций функционирования конструкций со значением «сколько чего», находящихся на периферии ФСП квантитатива, что, в свою очередь, может позволить выйти на уровень понимания общих тенденций в развитии языка.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акуленко, В. В. О выражении количества в семантике языка / В. В. Акуленко // Категория количества в современных европейских языках. – Киев : Наукова думка, 1990. – С. 7–40.

2. Маджидов, С. Р. Приблизительное количество как языковая категория и способы ее выражения в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Маджидов Сабохиддин Рауфович ; Таганрог. гос. пед. ин-т. – Таганрог, 1995. – 152 л.
3. Галич, Г. Г. Семантика и прагматика количественной оценки (на материале современного немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Галич Галина Георгиевна ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1999. – 341 л.
4. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание. Структура и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 312 с.
5. Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / редкол.: Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) [и др.]. – М. : Индрик, 2005. – 675 с.
6. Маслова, А. Ю. Введение в прагмалингвистику / А. Ю. Маслова. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 152 с.
7. Хухрянская, Н. Н. Квантитативные номинации в российских печатных СМИ 2005–2009 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Хухрянская Надежда Николаевна ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2009. – 176 л.
8. Никитевич, А. В. Магия числа и деривация в русских народных говорах : монография / А. В. Никитевич. – Гродно : ЮрСаПринт, 2021. – 171 с.
9. Конюшкевич, М. И. Внешние и внутренние границы синтаксем с квантитативами в русском языке / М. И. Конюшкевич // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / редкол.: В. В. Красных, А. И. Изотов (отв. ред.) [и др.]. – М. : МАКС Пресс, 2018. – Вып. 60. – С. 114–130.
10. Всеволодова, М. В. Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы / М. В. Всеволодова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2013. – № 6. – С. 16–62.
11. Всеволодова, М. В. Специфика категории количественности в славянских языках: числительные, квантитативы, счетное множество и изменения в парадигматике русских числительных (функционально-коммуникативная грамматика) / М. В. Всеволодова // Stephanos. – 2013. – № 2. – С. 69–142. – URL: http://stephanos.ru/izd/2013/2013_2_4.pdf (дата обращения: 05.04.2022).
12. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – Изд. 3-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2006. – 440 с.
13. Копелиович, А. Б. Род и грамматика межсловных синтаксических связей / А. Б. Копелиович. – М. – Владимир : Ин-т языкознания РАН, ВГГУ, 2008. – 147 с. – URL: <https://abkopeliovich.narod.ru/doc/86.pdf> (дата обращения: 11.01.2025).
14. Панков, Ф. И. Представление русских квантитативов в иноязычной аудитории: система упражнений и заданий. Статья первая. Лексемы много, очень и их производные / Ф. И. Панков, Е. Н. Гулидова // Русский язык за рубежом. – 2020. – № 5. – С. 78–87.
15. Панков, Ф. И. Представление русских квантитативов в иноязычной аудитории: система упражнений и заданий. Статья вторая. Лексемы немного, мало и их производные / Ф. И. Панков, Е. Н. Гулидова // Русский язык за рубежом. – 2021. – № 4. – С. 30–37.
16. Судзуки, Р. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Судзуки Рина ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2008. – 24 с.
17. Мельчук, И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений / И. А. Мельчук. – Берн : Peter Lang International Academic Publishers, 1985. – 509 с. – URL: <http://library.oapen.org/handle/20.500.12657/27193> (дата обращения: 10.07.2022).
18. Гращенков, П. В. Родительный падеж при русских числительных: типологическое решение одной «сугубо внутренней проблемы» / П. В. Гращенков // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 74–119.
19. Накорякова, К. М. Цифра в публицистическом тексте. Часть 2 / К. М. Накорякова // Лениздат.Ру. Информационный портал медиасообщества Северо-западного региона. – URL: <https://www.lenizdat.ru/articles/1027135/> (дата обращения: 12.11.2004).
20. Граудина, Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты / Л. К. Граудина. – М. : Наука, 1980. – 288 с.
21. Рябушкина, С. В. Собирательные числительные в современной русской речи: семантика и синтагматика / С. В. Рябушкина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 8. – С. 110–114.

22. Всеволодова, М. В. Язык: норма и узус (подходы к системе языка) / М. В. Всеволодова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2015. – № 6. – С. 35–57.
23. Всеволодова, М. В. Язык как система и проблемы объективной грамматики / М. В. Всеволодова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2016. – № 3. – С. 7–37.
24. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Т. Г. Акимова, В. П. Берков, А. В. Бондарко [и др.] ; отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб. : Наука, 1996. – 264 с.
25. Пустошило, Е. П. Усложненные квантитативы в современном дискурсе / Е. П. Пустошило // Письменник – мова – стиль : матэрыялы III Міжнар. навук. канф., прысвеч. праф. Ц. П. Ломцеву, Мінск, 21–22 верас. 2023 г. / Бел. дзярж. ун-т ; рэдкал.: М. І. Світунова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн., 2023. – С. 215–224.

Поступила в редакцию 31.03.2025

E-mail: elenapustoshilo@mail.ru

A. P. Pustashyla

FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF A QUANTITATIVE:
CATEGORICAL MEANING AND DIFFERENTIATING FEATURES

The article examines the use of the term ‘quantitative’ and surveys linguistic research on the quantitative as a syntactically indivisible quantitative-nominal combination. It outlines the categorical meaning and the distinguishing features of the nuclear constituents within the functional-semantic field of the quantitative. The paper also identifies a task for further investigation: to determine the structural characteristics and functional tendencies of constructions situated at the periphery of the functional-semantic field of the quantitative.

Keywords: quantitative, quantitative-nominal combination, functional-semantic field, distinguishing features.

УДК 811.161.1

А. Ч. Рыжкович

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», г. Гродно, Республика Беларусь

**НЕОФРАЗЕМЫ СО СЛОВОМ ЛАЙК
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ: СОСТАВ И СЕМАНТИКА**

В статье рассмотрены подходы к изучению неофразем в лингвистике, критерии выделения неофразем. Проведен лексикографический анализ лексемы лайк. Слово лайк охарактеризовано как дискурсивно-коммуникативный феномен и как лексическая единица русского языка. Приведен списочный состав неофразем с лексемой лайк, выявлены их семантические особенности. Установлено, что англицизмы являются одним из самых популярных источников возникновения неофразем в составе русского языка. Глагольные сочетания со словом лайк можно рассматривать как неофраземы, поскольку они неоднословны и раздельнооформлены, семантически осложнены (делятся на 5 групп по значению, причем в других контекстах теряют свое значение), не зафиксированы в словарях, имеют стилистическую окраску, чаще всего разговорную или экспрессивную.

Ключевые слова: фразеология; фразеологический оборот; фразема; неофразема; интернет-дискурс.

Введение

Фразеологическая система языка является динамичной, изменяясь как количественно, так и качественно: «В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или, скорее, кинематики» [1, с. 349]. Мы не можем считать фразеологические единицы статичными, поскольку они постоянно изменяются в языковой практике, исчезают из употребления: «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт, но как созидающий процесс» [2, с. 69].

Среди основных причин динамизма фразеологического состава языка И. А. Туркулец выделяет «изменение культурных, социальных и экономических условий жизни человека, которые влияют на употребление и смысл фразеологических оборотов; экстралингвистические тенденции, которые оказывают влияние на появление новых фразеологизмов и изменение смысла существующих; процессы глобализации и культурного обмена, которые приводят к появлению новых идиоматических выражений и переносу идиоматических единиц между языками и культурами» [3, с. 342].

Начиная с 2000-х годов, важнейшим источником пополнения фразеологизмов является английская лексика, ставшая для русского языка «главным донором эпохи» или «новой латынью» [4, с. 116]. В русском языке заимствования появляются не только как «наименования новых предметов, явлений, но и как синонимы русских слов, напр.: имидж – образ, маркет – магазин, менеджер – управляющий и др.» [5, с. 45]. Входящие в русский язык заимствования образуют устойчивые семантико-синтаксические сочетания, поскольку многие из этих сочетаний приобретают не прямое, а переносное (метафорическое / метонимическое) значение, поэтому мы можем говорить о возникновении целого класса неофразем со словами англоязычного происхождения.

Под неофразеологизмами (неофраземами) Т. В. Попова понимает «новые фразеологизмы и устойчивые сочетания слов с формирующейся идиоматичной семантикой, или аналитические сочетания, по терминологии Н. З. Котеловой» [6, с. 30]. Изучением данных единиц занимались русисты Е. В. Сенько, А. Н. Баранова, В. М. Мокиенко, С. И. Алаторцев, Г. Я. Солганик и др. Неофраземы плодотворно продуцируются, усваиваются и активно функционируют в медиадискурсе, который объединяет в себе элементы всех других стилей.

А. Н. Столярова предлагает следующие критерии выделения неофразем: «структурный (неоднословность и раздельнооформленность); семантический (семантическая осложненность); стилистический (эффект новизны); критерии устойчивости и воспроизводимости, а также лексикографический критерий – незафиксированность в словарях» [7, с. 171]. В. М. Мокиенко включает в свое определение неофраземы в качестве одного из ключевых свойств фразеологизма его экспрессивность

и обращает внимание на способ образования неофразем: «Они создаются заново, заимствуются из других языков, образуются в процессе фразеологических трансформаций и на конкретный момент времени не зарегистрированы толковыми словарями» [8, с. 65].

Целью нашего исследования является выявление семантических особенностей глагольных неофразем с лексемой *лайк* в русскоязычном интернет-дискурсе.

Методы и методология исследования

Методологическую основу нашего исследования составляют научные работы в области фразеологии и неофразеологии (В. М. Мокиенко, Т. С. Валгина, И. А. Туркулец и др.). Предметом нашего изучения стали глагольные неофраземы со словом *лайк* в русскоязычном интернет-дискурсе. Для описания значения слова *лайк* и неофразем с данным словом нами применяется дефиниционный и контекстуальный анализ. Функционально-коммуникативный анализ неофразем с данным словом позволяет выявить и охарактеризовать особенности их использования в русскоязычном интернет-дискурсе. При отборе материала для исследования использовался метод сплошной выборки. Источником материала послужили тексты сети Интернет.

Результаты исследования и их обсуждение

Лайк как дикурсивно-коммуникативный феномен

В сетевой коммуникаций лайк (сердечко) условно воспринимается как знак одобрения опубликованного пользователем контента. Автором и разработчиком технологии лайков является программист Ван дер Меер. Технологию он разработал в 1998 году, причем ее назвали как одноименную социальную сеть. В социальной сети «Фейсбук» лайк впервые начал применяться в 2010 году. Разработчики стремились устранить проблему избыточности данных, возникшую из-за повторяющихся комментариев. Первоначально кнопка называлась Bomb, затем – Awesome, но данные названия по-разному считывались представителями различных культур, и возникла необходимость создать новое простое название. Awesome казалось слишком молодежным, а Love – излишне эмоциональным.

Благодаря кнопке «лайк» пользователи социальной сети рассказывали своим друзьям о понравившихся материалах в онлайн-пространстве. Главная цель создания кнопки «лайк» заключалась в анализе предпочтений пользователей. Эти данные использовались для настройки персонализированной рекламы и эффективного взаимодействия с аудиторией [5, с. 46].

На данный момент функционал кнопки «лайк» в социальных сетях расширился: лайк не только выражает положительную оценку контента, но и продвигает публикации в ленте, помогает выбрать понравившиеся публикации, оценить действие или качество человека. «Лайк» является знаком одобрения, похвалы. Для того чтобы получить положительную отметку, необходимо совершить определенное действие. Например, опубликовать подборку фотографий, динамичный видеоролик с интересным сюжетом, текстовый пост и др.

Лингвист М. Кронгауз отмечал, что лайки стали простым способом выражения коммуникативных потребностей, исключая необходимость писать комментарии. Достаточно одного нажатия кнопки, и лайк мгновенно превращается в мерило популярности, успешности и значимости [9, с. 263]. Одним из способов продвижения в «Инстаграме» является лайк-тайм. Использование этой методики позволяет получать лайки, повышать охват публикаций, попадать в топ «Инстаграма» и привлекать новых подписчиков. Лайк-таймы приобрели свою популярность примерно в 2016 году после обновления «Инстаграма». Именно в это время владельцы социальной сети отказались от хронологической ленты и стали ранжировать посты в зависимости от их актуальности и интереса для других пользователей. Теперь, чтобы пост получил большой охват и смог попасть в популярное, ему необходимо собрать высокую активность сразу после публикации. Для этой цели и используется метод лайк-тайм (пост, который объединяет пользователей, готовых проявить взаимную активность в аккаунтах других юзеров).

Таким образом, лайк выполняет в сети Интернет следующие функции: социальное одобрение; привлечение внимания к личности того, кто оставляет лайк; привлечение внимания к информации, на которую оставляют лайк; выражение личной симпатии. Лексема *лайк* в сочетании с глаголами образует новые речевые формулы – неофраземы, которые направлены на регулирование отношений в сети Интернет.

Лайк как лексическая единица в русском языке

Лексема *лайк* заимствована из английского языка. Как справедливо отмечают В. М. Мирзоева, А. Т. Аксенова, А. В. Некрасова, «существенной характеристикой лингвокультурной ситуации

в России конца XX – начала XXI века является тот факт, что заимствования из американского варианта английского языка носят массовый характер и стремительно адаптируются в русском языке» [10, с. 81].

В английском языке в качестве глагола слово *like* означает «нравится» и используется, когда носитель языка выражает хорошие чувства по отношению к кому-либо/чему-либо: *Kate likes dogs but she doesn't like cats much*. Слово *like* также может выполнять функции предлога (в таких случаях оно переводится как «такой, как», «как», «похожий»: *My brother is like my father*) или союза (однако такое употребление не относится к числу классического английского: *Like any good friend will tell you, don't do it just for fun*. – *Как любой хороший друг сказал бы тебе, не делай это просто ради веселья*).

Семантика и функции лексемы *лайк* в социальной сети Интернет расширяются. Русский язык освоил существительное *лайк*, причем на графическом и морфологическом уровнях, о чем свидетельствует употребление данного существительного в привычной форме мужского рода и редко употребительной форме женского рода *лайка*.

Глагольные неологизмы со словом лайк в русскоязычном интернет-дискурсе

Нами методом сплошной выборки через поиск контекстов со словом *лайк* были выбраны 24 глагольные неологизмы с данной лексемой, которые распадаются на 5 семантических групп:

1) 'жать на кнопку' (5 неологизмов).

Жать на лайк – нажимать на соответствующую кнопку под постом.

Если видео понравилось, то человек и сам нажмет лайк. Понравилось? Жми лайк! Жми лайк, поделись, если поддерживаешь спорт и здоровый образ жизни! Жми лайк, если знакома с мастером.

Поставить лайк. Данное сочетание употребляется как в прямом значении (нажать соответствующую кнопку), так и в переносном (выразить одобрение в интернете). Например: *Некоторые знакомые в Бресте перепостили ..., некоторые знакомые в Бресте поставили лайк. Все, что нужно делать – ставить лайки нашим новым товарам, чтобы повысить их рейтинг. Ставить лайки можно вручную или с помощью автоматизированных решений.*

Лайкать лайки – подтвердить полезность материала. В контексте: *Возможность лайкать лайки в соцсетях, предоставленная владельцам ... нюансов в процессы сетевого общения. Брать в одинарные «».*

Лепить лайки. В словаре синонимов глагол *лепить* имеет следующее значение: разг. (разговорное), неодобр. (неодобрительное) беспорядочно, небрежно, бессмысленно располагать, сооружать, нагромождать; разг. (разговорное), неодобр. (неодобрительное) совершать нечто нелепое с неразумным упорством и постоянством. Таким образом, в составе неологизма глагол сохраняет свое лексическое значение: лепить лайки – бездумно и многократно нажимать кнопку лайк. В контексте: *Я беру и леплю лайк за Чёрного Властелина и большой жирный дизлайк за котика.*

Швырять лайки – необдуманно ставить положительные реакции на любую опубликованную информацию;

2) 'набирать, приобретать' (9 неологизмов).

Набрать лайков – достичь большой положительной реакции от пользователей на опубликованный пост, увеличить количественный показатель лайков. Например: *Самый простой способ набрать кучу «лайков», не имея ни одного друга в сетях! Как набрать лайки самому? Простой и очень удобный одностраничный сервис, который поможет набрать подписчиков, лайки, просмотры и другие реакции в TikTok. Но тем не менее 1000 лайков набрать мне удалось.*

Накручивать / накрутить лайки – искусственно увеличить число реакций на публикацию. Лайки покупают у сервисов для накрутки или на биржах, получают с помощью взаимнообмена. Сервисы для накрутки предлагают лайки ботов и живых пользователей. Например: *Накрутить лайки в ВК платно без регистрации, без заданий, без программ через онлайн сервис youliker.ru. На вопрос о том, как накрутить лайки в ВК бесплатно без программ, наиболее распространенным ответом и популярным методом является онлайн-сервис. На нашем сервисе можно бесплатно накрутить подписчиков, лайки.*

В маркетинге существует целый процесс накрутки лайков – получения одобрительных оценок контента в социальных сетях искусственным путем. Например: *Накрутка лайков – важный индикатор вовлеченности ваших подписчиков.*

Собирать лайки – получать положительную реакцию от пользователей в виде сердечек. В данной неологизме реализуются переносные значения глагола *собирать*: 1) перен. добиваться, завоевывать, приобретать что-либо; 2) постепенно скапливать. В контекстах: *Я никогда не видел, чтобы белорусские ... появляются регулярно и собирают кучу лайков. С помощью нашего Сервиса*

VK.BARKOV.NET вы сможете **собрать лайки** к комментариям ВКонтакте, а также и сами тексты постов и комментарии ВК. Время собирать лайки. Русский солдат сражается, а не собирает лайки.

Разжиться лайком – приобрести, получить лайк (положительную реакцию), часто с трудом или случайно. В контексте: *Сегодня дал в фейсбуке на него ссылку и разжился одним-единственным лайком.*

Купить лайки – быстрый способ повысить видимость и популярность аккаунта в интернете путем оплаты или на договорной основе. В контексте: *Купить живые лайки ВК из Беларуси недорого.* В интернете есть специальные сервисы для покупки лайков. Однако не все пользователи положительно оценивают данный способ продвижения аккаунта.

Обмениваться лайками – еще один метод продвижения аккаунта, который предполагает, что один пользователь ставит лайки на посты других пользователей в обмен на лайки на свои публикации. В контексте: *Узнай, как обмениваться лайками бесплатно и получи популярность уже сегодня!*

Наловить лайков – получить в большом количестве лайки.

Поймать лайк – случайным образом получить положительную реакцию на опубликованный пост. Например: *Как поймать лайк;*

3) ‘терять, удалять’ (6 неологизмов).

Стирать лайки – нажатием соответствующей кнопки убирать положительную реакцию на какое-либо сообщение. Например: *Однако, вы можете попробовать удалить лайки вручную, открывая каждую запись, фотографию или видео, на которые вы ставили лайк, и снимая его.*

Аналогичное значение имеют также неологизмы **отменять лайки** (ФБ собирается **отменять лайки**, оставляют только опцию подписки, которой ... выразить признание нравящемуся автору), **убрать лайки** (Как **убрать лайки** от пользователя, не удаляя запись) и **снять лайки**.

Делить лайки – распределять по частям лайки в совместном аккаунте. Например: *В социалистическом обществе лайки делятся поровну, вот и все.*

Завещать лайки – предназначать, оставлять лайки в аккаунте после смерти пользователя; передавать по завещанию;

4) ‘просить’ (3 неологизмы).

Просить лайки – вежливо обратиться к пользователю с предложением положительно оценить опубликованный пост. В контекстах: *Стыдно ли просить лайки? Просить лайки нужно с умом. Не просите лайки в комментариях: это может выглядеть навязчиво и неуважительно к другим пользователям.*

Выпрашивать лайки – усиленными просьбами добиваться положительной реакции от пользователей, стараться получить лайки. Например: *Нет, без вопросов, выпрашивать лайки за красивые глаза или за дружбу – это, во первых, глупо, а во-вторых – неуважение к себе. «Нам стыдно выпрашивать лайки». Выпрашивать лайки, это то же самое, если бы Хабенский выпрашивал аплодисменты.*

Клянчить лайки – в толковом словаре глагол *клянчить* имеет следующее значение: разг. (разговорное), пренебр. (пренебрежительное) унижаясь, просить о чём-либо; слёзно умолять. Соответственно, *клянчить лайки* – просить поставить положительную реакцию на опубликованный пост. Например: *Зачем на ютубе 90 % авторов клянчат лайки, подписку и жать на колокольчик? Я не сторонник клянчить лайки, но сейчас это дело принципа! Мне до чертиков надоело клянчить лайки и оплачивать продвижение публикаций, чтобы хоть кто-то их увидел;*

5) ‘приобрести выгоду’ (1 неологизм).

Заработать на лайках – приобрести материальную выгоду, данное значение реализуется также в неологизме *деньги за лайки*. Например: *Как заработать на лайках в Инстаграм?*

Заключение

Таким образом, фразеологический состав русского языка является подвижной системой с открытыми границами. Русский язык характеризуется гибкой фразеологической системой, адаптирующейся к изменяющимся культурным, социальным и экономическим контекстам. Особенно заметной является роль англицизмов, которые часто становятся источником возникновения новых фразеологических единиц в русском лексическом пространстве. Глагольные сочетания со словом *лайк* мы можем рассматривать как неологизмы, поскольку они неологизмы и раздельнооформлены, семантически осложнены (делятся на 5 групп по значению, причем в других контекстах теряют свое значение), не зафиксированы в словарях, имеют стилистическую окраску, чаще всего разговорную или экспрессивную.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Общее языкознание. Избранные труды / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Юрайт, 2025. – 329 с.
2. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / В. фон Гумбольдт ; под ред. Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.
3. Туркулец, И. А. Новая фразеология русского языка / И. А. Туркулец // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 4. – С. 342–346.
4. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
5. Сабитова, З. «Лайк» как знак особой культуры общения в социальных сетях / З. Сабитова // Cross-Cultural Studies: Education and Science. – 2016. – Vol. 1, Issue III. – С. 43–52.
6. Попова, Т. В. Русская неология и неография / Т. В. Попова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2005. – 96 с.
7. Столярова, А. Н. О критериях выделения неофразем / А. Н. Столярова // Куляшоўскія чытанні : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Могилёв, 18–19 апр. 2019 г. / МГУ имени А. А. Кулешова ; под ред. Т. В. Мосейчук. – Могилёв, 2020. – С. 168–172.
8. Мокиенко, В. М. Проблемы европейской фразеологической неологии / В. М. Мокиенко // Slovo. Text. – Szczecin : Uniwersytet Szczeciński, 2002. – С. 63–76.
9. Словарь языка интернета.ru / М. А. Кронгауз, Е. А. Литвин, В. Н. Мерзлякова [и др.] ; под ред. М. А. Кронгауза. – М. : Словари XXI века, 2018. – 288 с.
10. Мирзоева, В. М. Заимствования из американского варианта английского языка как характерная черта современной русской языковой личности / В. М. Мирзоева, А. Т. Аксенова, А. В. Некрасова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2018. – № 3. – С. 81–86.

Поступила в редакцию 24.03.2025

E-mail: ryzhkovich_ach@grsu.by

Anna V. Ryzhkovich

NEOPHRASEMES WITH THE WORD LIKE IN THE RUSSIAN-LANGUAGE INTERNET DISCOURSE:
COMPOSITION AND SEMANTICS

The article discusses approaches to the study of neophrasemes in linguistics, and criteria for identifying these units. Neophrasemes with the word *like* are considered on the basis of Internet texts. A lexicographic analysis of the lexeme *like* has been performed. The word *like* is characterized as a discursive and communicative phenomenon and as a lexical unit of the Russian language. The list of neophrasemes with the lexeme *like* is given, and their semantic features are revealed. It has been established that one of the most common ways of the emergence of new phraseology in the Russian language are Anglicisms. Verb combinations with the word *like* can be considered as neophrasemes, since they are ambiguous and separately formulated, semantically complicated (they are divided into 5 groups by meaning, and in other contexts they lose their meaning), are not fixed in dictionaries, have stylistic coloring, most often colloquial or expressive.

Keywords: phraseology; phraseological turnover; phraseme; neophraseme; Internet discourse.

УДК 811.161.1

О. В. Сергушкова¹, Т. А. Зубрицкая²

¹Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Учитель русского языка и литературы, ГУО «Птичская средняя школа», аг. Птичь, Республика Беларусь

К ПРОБЛЕМАМ ИССЛЕДОВАНИЯ АББРЕВИАТУР (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ)

В статье уточняется понятие «аббревиатура», рассматриваются структурные признаки аббревиатур. С применением описательного и трансформационного методов выявляются черты сходства и различия расшифровки сложносокращённых слов и их семантики. Аббревиатуры характеризуются в зависимости от частотности их употребления в газетных текстах. Доказывается, что изучение аббревиации важно для решения проблем общетеоретического и коммуникативно-прикладного характера в современном языкознании.

Ключевые слова: аббревиация, синергия, компрессия, закон речевой экономии, пресуппозиция, формант, редукция, реципиент, когнитивный модуль сознания.

Введение

Мы живём в условиях стремительно усиливающегося потока разных, в том числе необходимых, сведений о бытии окружающей нас действительности. И перед СМИ, прежде всего перед газетой как самым распространённым и популярным средством массовой информации, с особой остротой встаёт вопрос о вовлечении в сферу своей деятельности тех языковых единиц, которые могут не только расширить сообщение путём дополнительного описания его значимых деталей, но углубить и уточнить информацию. При этом они должны максимально уменьшить её материально-пространственное выражение (например, количество букв, звуков, слогов) и темпоральные затраты, повысить оперативность восприятия и понимания текста и эмоционально-волево-мотивационный эффект написанного. Среди таких языковых средств находятся и сложносокращённые слова, или аббревиатуры. Хотя они появились в речи очень давно, остаются недостаточно изученными вопросы их языковой квалификации (принадлежности к той или иной общеизвестной совокупности языковых единиц), структуры и таксономии, а также словообразовательной характеристики, семантики и употребления.

Цель данного исследования – выявить проблемы в изучении языковой природы и функционирования аббревиатур.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- уточнить понятие «аббревиатура» и структурные признаки аббревиатур;
- охарактеризовать сложносокращённые слова в зависимости от частотности их употребления;
- разграничить расшифровку и лексическое значение аббревиатур;
- описать аббревиатуру как производное слово; выявить проблемный характер словообразовательного значения рассматриваемых единиц;
- показать пути более активного участия данных единиц в реализации законов экономии языковых средств и компрессии текста.

Методы и методология исследования

В работе применялись следующие методы исследования, соответствующие особенностям изучаемого предмета: описательный и трансформационный; методика дистрибутивного анализа – для изучения текстового окружения аббревиатур; методика лингвистического анализа.

Материалом для исследования являются тексты из газет на русском языке, изданных в 2023 – 2025 гг.: «СБ – Беларусь сегодня» (БС), «Аргументы и факты в Белоруссии» (АиФБ).

Результаты исследования и их обсуждение

Результатом исследования являются следующие положения и выводы.

В русской лингвистической науке аббревиацией принято считать не любое сокращение языковой единицы, а уменьшение количества звуков, букв или слогов (и даже слов) в лексемах номинирующего данный объект исходного словосочетания. В подавляющем большинстве случаев именно эта синтаксическая языковая единица является мотивирующей основой (производящей базой)

для аббревиатуры, под которой понимается сложносокращённое слово, структурированное с целью образования нового, более краткого наименования той же реалии и состоящее из 2-х и более компонентов, н-р: **СДЮШОР** ← спортивная детско-юношеская школа олимпийского резерва (СБ-тенденции, 09.01.2025); **БРСМ** ← Белорусский республиканский союз молодёжи (АиФБ, №32, 2024); **Минздрав** ← Министерство здравоохранения, **фармрынок** ← фармацевтический рынок, **Белмедпрепараты** ← белорусские медицинские препараты (БС, 11.10.2024).

Примеры взяты из статей самой читаемой и популярной в Беларуси газеты «Советская Беларусь. – Беларусь сегодня» за 2023–2025 гг. Эта современная живая речь, которая показывает, что аббревиатуры отличаются от обычных, хорошо известных нам слов. Данные единицы имеют много присущих только им дифференциальных признаков и с точки зрения места в багаже общетеоретических знаний о языке, о его неизбежной и быстрой реакции на изменения в картине мира, и в аспекте коммуникативно-прикладных задач в разных сферах функционирования. Аббревиатуры – специфические языковые единицы. Их своеобразие достаточно ярко проявляется в разных аспектах. Во-первых, круг аббревиатур грамматически ограничен: если сложными словами могут быть разные части речи, то аббревиатуры – это только существительные, причём такое заключение, как правило, находится на уровне констатации. Во-вторых, со структурно-грамматической точки зрения рассматриваемые слова по-разному соотносятся с исходным словосочетанием: в их составе – после аббревиации в лексемах производящей основы – могут оставаться «полные» слова, буквы, звуки, несокращённые и сокращённые слоги, а также разнообразные сочетания названных языковых единиц друг с другом. Они выступают здесь не только маркерами несокращённых лексем, но и носителями значений и смысловой роли в тексте слов исходного сочетания. В-третьих, количество частей, а также их место в аббревиатуре не регламентированы. Разные значимые части данных слов, семантически соотносимые со словами в мотивирующей основе, названы (как и во многих других исследованиях данного языкового феномена) в нашей работе **компонентами**. Считаем, что в вышеописанном смысле это слово употребляется как терминоориентирующее.

Условно можно разделить аббревиатуры как результаты аббревиации на легко воспринимаемые и понимаемые в силу высокой частоты их употребления в речи, и «редкие», даже единичные в текстах, и потому при беглом чтении газет они пропускаются. И те, и другие сложносокращённые слова часто встречаются в газетных текстах, н-р: **гостандарт** (АиФ, № 52, 2024), **физилица**, «**Белтехосмотр**» (АиФ, № 22, 2024), **Минфин** (БС, 13.07, 2024); **РЭУ** ← Российский экономический университет (АиФ, № 5, 2024), **КПУП** ← коммунальное производственное унитарное предприятие (БС, 29.03, 2025), **БЦК** ← Белорусская цементная компания (БС, 06.08, 2024).

Многие «редкие» аббревиатуры расшифровываются в текстах таким образом: сначала даётся мотивирующая основа, состоящая из несокращённых слов (как правило, это словосочетание), а потом аббревиатура, как, например, в БС, 11.02, 2025 – Международный уголовный суд → **МУС** или наоборот: **СЗАО «БЕЛДЖИ»** ← совместное белорусско-китайское предприятие (АиФ, № 50, 2023).

Расшифровка аббревиатур в тексте газеты гораздо чаще приветствуется, чем осуждается. Однако и здесь остаются проблемы. Во-первых, спорным является ответ на вопрос, нужно ли вообще пояснять подавляющему большинству реципиентов хорошо известные им сложносокращённые слова. Ответ скорее «да», чем «нет»: газету читают люди разных профессий, возрастов, обстоятельств, разного жизненного опыта и здоровья. Всегда найдётся человек, который нуждается в расшифровке написанного. Во-вторых, если принято решение о необходимости расшифровки, то лучше было бы делать это единообразно: сначала дать полное наименование объекта, выраженное исходным словосочетанием, потом – в скобках – мотивированное им новое слово-аббревиатуру. В-третьих, далее в тексте, если нет коммуникативно-стилистических ограничений, употреблять только аббревиатуру, призванную выполнять одну из самых важных своих функций – компрессии и экономии языковых усилий. Н-р: **изобразительное искусство (ИЗО)** (АиФБ, № 5, 2024); **жилищно-коммунальное хозяйство** (в подзаголовке) → **ЖКХ** (в 1-м предложении текста) (СБ, 26.02, 2025); **Минский тракторный завод** (перед заголовком статьи, в словах под фото, предваряющих данную публикацию) → **МТЗ** (в 1-м предложении текста и далее) (СБ, 06.12, 2024). Более важные и нужные для точного и полного восприятия информации расшифровки «редких» аббревиатур. Если толкования сложносокращённого слова нет, то читателю придётся обратиться к словарю.

Аббревиатуры – производные единицы языка. Они являются более сложными номинациями реалий действительности, так как в их семантической структуре имеются смыслы многих лексем, входящих в производящую базу того или иного сложносокращённого слова. Соотношение производящих и производных компонентов, позволяющее выявить словообразовательное значение и его формант в новом слове-аббревиатуре, остаётся малоизученным явлением. Об этом говорят

и предлагаемые решения вопроса. Так, в [1, с. 490] под формантом понимается «наименьшее в формальном и семантическом отношении средство, которым производное слово отличается от производящего». Авторы учебника делят все форманты на аффиксальные и безаффиксные. Сокращение (усечение) производящей основы они считают безаффиксным (операционным) формантом. В [2, с. 139] отмечается, что в составе форманта (среди некоторых других дифференциальных признаков описываемого объекта, на наш взгляд, менее важных) наблюдается «произвольное (безразличное к морфемному членению) усечение основ входящих в мотивированное словосочетание слов, последнее из которых может и не быть сокращено». Данные подходы сближаются друг с другом в квалификации форманта как «усечения». Правда, принимая такое толкование, считаем необходимым ввести некоторые изменения в дефиницию форманта. Кроме того, всё-таки усечение – это действие (хотя и опредмеченное), а слова-аббревиатуры – его результат. Изучение специфики сложносокращённых слов позволяет сделать следующий вывод: формант как носитель словообразовательного значения – это материально выраженный результат сокращения компонентов исходного словосочетания. Указанные составляющие форманта оказываются связанными друг с другом более тесно, чем несокращённые слова в первоначальном варианте. Примером может служить следующий анализ. **АО** (Союз, 2023, 08, с. VIII) – это объект, понимаемый как хозяйственное общество с разделом уставного капитала на определённое число акций (долей). Данное описание позволяет установить словообразовательную связь между мотивирующим словосочетанием (производящей базой) и дериватом и определить словообразовательное значение аббревиатуры как «тип хозяйственного общества по отношению к имеющимся у него акциям». Формантом, носителем этого смысла, выступают буквы **А** и **О**. Они являются маркерами несокращённых слов в синонимичном данной аббревиатуре мотивирующем словосочетании «акционерное общество», которые в производном слове-аббревиатуре выступают не просто как совокупность тесно связанных друг с другом компонентов сложносокращённой лексемы – это **синергия** (др.-греч. *συνεργία* – соучастие, содействие) языковых средств, под которой, согласно Википедии, понимается комбинированное воздействие факторов, характеризующееся тем, что их объединённое действие существенно превосходит эффект каждого отдельно взятого компонента и их простой суммы.

Таким образом, при аббревиации, а также при сращении и чистом сложении формируется специфическое словообразовательное значение. В «Русской грамматике» оно названо соединительным и сводится «к объединению значений составляющих сложную основу мотивирующих основ в одно целостное сложное значение» [2, с. 139]. Описание же лексической семантики данной аббревиатуры должно, на наш взгляд, включить в себя также значение словосочетания «уставной капитал», а также лексем «акция» и «разделить» (АиФБ, 2024, № 29, с. 30). То есть, расшифровку аббревиатуры мы считаем не значением, а описанием обозначаемого ею объекта.

Одной из причин широкой популярности аббревиации по сравнению с другими методами словообразования, по мнению М. Б. Бергельсон, является стремление к минимизации речевых усилий и оптимизации коммуникации [3, с. 56]. Информационное пространство стремительно расширяется, и для газеты особенно актуальной становится проблема объёма текста. По мнению И. Н. Кубышко, суть аббревиации заключается в повышении эффективности передачи информации, позволяя использовать минимальные речевые средства для выражения максимального содержания в единицу времени [4, с. 120]. Исследование особенностей употребления сложносокращённых слов в газетно-публицистическом стиле подтверждает, что они выступают ключевыми номинативными единицами, обеспечивая информативную плотность и когезию текста. Буквенные сокращения и акронимы выполняют функции экономии места и структурирования материала, способствуя, таким образом, компрессии текста. На наш взгляд, это приводит не только к видимому сокращению текстового пространства, но и одновременно увеличивает концентрацию смысла, так как требует от читателя более серьёзной, не поверхностной, когнитивной работы. При этом сложносокращённые слова становятся яркими маркерами выражения имплицитного содержания, которое зачастую оказывается за пределами текста. Компрессия как свойство разных языковых единиц становится наиболее заметной при аббревиации, которая получает широкое распространение особенно в СМИ, используя журналистами и как способ оптимизации речевого общения.

Как отмечает Н. С. Валгина, при экономии языковых средств «речевая единица не должна утрачивать своего сообщительного смысла» [5, с. 241]. Так, н-р, мы подсчитали, что в статье Дарьи Готовко «Леди в погонах» употреблено 19 аббревиатур: **МВД** ← Министерство внутренних дел – 9; **РОВД** ← районный отдел внутренних дел – 5; **ИВС** ← изолятор временного содержания – 3; **ОВД** ← отдел внутренних дел – 2. Это позволило сэкономить место в газете для 189 знаков, т. е., новой информации.

Известно, что компрессия используется в целях экономии языковых усилий. При этом некоторые эксплицитные средства пропускаются, но объём содержания высказывания остаётся прежним. То есть, происходит сжатие информации за счёт уменьшения количества языковых единиц. Поэтому важно учитывать не только этот фактор, но и влияние на восприятие речи контекста, условий коммуникации, пресуппозиции реципиента (читателя газеты), полноты знаний, которые он имеет. Несмотря на то, что в газетных текстах иногда даются расшифровки аббревиатур, но этот приём, на наш взгляд, нуждается в доработке. Так, например, расшифровку трудно найти в тексте, на поиски её тратятся дополнительные усилия, в частности, когнитивные и темпоральные, что негативно сказывается на результатах восприятия газетной информации. Поэтому считаем целесообразным помещать аббревиатуру в скобках сразу после её несокращённого трансформанта. Это может несколько удлинить текст, но делает процесс подачи материала более точным и чётким.

Компрессия и экономия языковых усилий свойственны любому общению, поэтому анализ данных вопросов коммуникативного процесса следует отнести к общетеоретическим проблемам современной лингвистики.

Заключение

Таким образом, аббревиатуры – специфические языковые единицы. Их своеобразие проявляется в разных аспектах: в структурно-грамматическом, словообразовательном, лексико-семантическом, референциально-денотативном, коммуникативно-функциональном.

Данные языковые единицы нуждаются в дальнейшем изучении. Привлечение новых технологий для анализа аббревиатур (прежде всего цифровизации и искусственного интеллекта, позволяющих работать с гораздо большим количеством классифицированных по заданным параметрам единиц, что повысит аргументированность выводов) будет способствовать эффективному и быстрому решению общетеоретических и коммуникативно-прикладных проблем. Они, несомненно, возникнут, как будут и их решения, ибо путь познания мира бесконечен, и язык занимает на этом пути место лидера.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 ч. – М. : Академия, 2002. – Ч. 1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Н. А. Николина, И. И. Шеболева ; под ред. Е. И. Дибровой. – 544 с.
2. Русская грамматика : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 792 с.
3. Бергельсон, М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации / М. Б. Бергельсон // Вестник Московского государственного университета. – 2002. – № 1. – С. 55–67.
4. Кубышко, И. Н. Аббревиация – закономерное явление в английском языке / И. Н. Кубышко // Омский научный вестник. – 2011. – № 6 (102). – С. 118–121.
5. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.

Поступила в редакцию 12.09.2025

E-mail: sergushkova_olga@mail.ru

O. V. Sergushkova, T. A. Zubritskaya

TO THE PROBLEMS OF RESEARCHING ABBREVIATIONS (BASED ON MODERN RUSSIAN-LANGUAGE NEWSPAPERS)

The article specifies the concept of abbreviation and examines the structural features of abbreviations. Using descriptive and transformational methods, the features of similarity and difference in the decoding of complex abbreviated words and their semantics have been revealed. Abbreviations are characterized depending on the frequency of their use in newspaper texts. It has been proved that the study of abbreviations is important for solving problems of general theoretical and communicative-applied nature in modern linguistics.

Keywords: abbreviation, synergy, compression, law of speech economy, presupposition, formant, reduction, recipient, cognitive module of consciousness.

УДК [811.161.1+811.161.3]’42:070:641

О. А. Шуманская

Кандидат филологических наук, докторант кафедры речеведения и теории коммуникации, УО «Белорусский государственный университет иностранных языков», г. Минск, Республика Беларусь

ОЦЕНКА В МЕДИАТЕКСТАХ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются способы репрезентации видов частной оценки в медиатекстах. Сравнивается процентное соотношение употреблений видов частной оценки; описываются актуализирующие их лексемы. Выделяются сходства и различия в репрезентации видов частной оценки в разных типах текстов, описываются ценностные доминанты гастрономического дискурса.

Ключевые слова: оценка, виды частной оценки, прагматический аспект, медиакоммуникация, PR-текст, гастрономический дискурс, витальные потребности.

Введение

Оценка, казалось бы, детально изучена в лингвистике признанными учеными: Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, В. Н. Телия, Ю. Д. Апресяном, И. М. Кобозевой, В. Г. Гак, В. И. Карасиком и др. Но ее исследование не теряет актуальности, поскольку соответствует принципам антропоцентрического подхода. Она является неотъемлемой частью коммуникативной и познавательной деятельности человека. В лингвистике оценку часто определяют как *«результат оценочной деятельности индивида, выраженный вербально, то есть закрепленное в высказывании или элементах языковой системы отношение говорящего к предмету речи с точки зрения противопоставления – положительное/отрицательное»* [1, с. 24].

Исследователи отмечают тесную связь аксиологических и гносеологических процессов в сознании человека [2; 3; 4]. Через оценку явлений и процессов действительности, человек познает и категоризирует мир: *«оценить какой-то предмет – значит, понять его, познать, как он сделан, каковы связи составляющих его компонентов и что лежит в основе этих связей»* [4, с. 21]. Согласно Н. Д. Арутюновой, *«связь с жизнью и психологией человека ярко проявляет себя в формировании модальных и оценочных значений»* [3, с. 4]. Ученый пишет о том, что оценка социально обусловлена, а ее *«интерпретация зависит от норм, принятых в том или ином обществе»* [3, с. 6]. Она рассматривается лингвистами как *«ценностный аспект значения языковых выражений»* [5, с. 5]. Через нее субъект приходит к формированию ценностей и ценностной картины мира [6].

Изучение оценки тесно связано с рассмотрением прагматического аспекта вербальной коммуникации [3; 7; 8]. Исследователи отмечают, что *«оценка воздействует на выбор и действия: все функции и способы употребления оценочных предикатов объединены понятием выбора. В мире, в котором не существовал бы выбор, не могли бы существовать такие понятия, как квалификация и шкала ценностей»* [3, с. 50].

В современной медиатизированной среде медиатекст выступает инструментом моделирования социальной картины мира человека, отражающим и регулирующим нормы, ценности и установки индивидов, воздействующим на их убеждения и поведение. Изучение того, каким образом оценка актуализируется в медиакоммуникации, проводилось на материале политических (В. А. Марьянчик, Е. В. Зайцева, Е. Н. Белых, Т. Н. Ефименко, А. А. Карамова), журналистских (Л. Ю. Щипицына, Н. С. Буруева, Т. В. Шумилина, А. И. Приходько, Л. Р. Дускаева) и рекламных медиатекстов (Т. В. Еромейчик, Т. Р. Ванько, Е. А. Важаева, М. В. Томская, Н. В. Аниськина).

Электронные PR-тексты являются не менее интересным материалом для рассмотрения функционирования оценки. Под PR-текстом, вслед за А. Д. Кривоносовым, мы понимаем *«разновидность текстов массовой коммуникации, <...> служащих целям формирования или приращения публичного капитала базисного PR-субъекта, обладающих скрытым (или реже – прямым) авторством, предназначенных для внешней или внутренней общественности»* [9, с. 58]. Оценка, безусловно, активно используется в пиар-публикациях для формирования или корректировки восприятия объекта, соотнесения его с нормами, идеалами, ценностями и представлениями о том, что является хорошим или плохим в системе координат аудитории. Интенсивность и специфика ее актуализации во многом зависит от содержания и характера текстов. В случае публикаций

гастрономической тематики, к которым относится материал данного исследования, оценка затрагивает мотивационно-потребностный и ценностный аспекты: удовлетворение вкусовых предпочтений и потребности в базовой безопасности (насколько свежей или испорченной, полезной или вредной является пища). Существенную роль играет утилитарный аспект оценки – субъект оценивает полезность, сытность, стоимость еды. Потребление пищи также связано с активизацией эмоциональной и эстетической сфер человека.

Цель данного исследования – выявление ценностей, составляющих основу гастрономического имиджа Беларуси и определение того, насколько формируемый имидж соответствует ожиданиям и запросам аудитории.

Методы и методология исследования

В работе использовался метод целенаправленной выборки: отбирались тексты с интернет-сайтов определенной тематики (официального сайта РБ, путеводителей по Беларуси, сайтов туристических компаний, информационных порталов, содержащих обзорные статьи, сайтов кафе и ресторанов, специализирующихся на белорусской кухне). Были использованы описательно-аналитический, количественный и качественный методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Материалом данного исследования послужили русскоязычные тексты гастрономической тематики трех категорий:

1) PR-тексты, размещенные на страницах официального сайта Республики Беларусь (Belarus.by), национальном туристическом портале Беларуси (ru.belarus.travel), интернет-путеводителях по Беларуси и на порталах туристических агентств, специализирующихся на организации туров и экскурсий по Республике (bestbelarus.by, minskholidays.by, belindtravel.by и др.). Количество проанализированных публикаций составило 30 единиц. Данные виды текстов направлены на формирование благоприятного гастрономического имиджа государства, необходимого для развития туризма. Тематика статей – национальная кухня Беларуси и специализирующиеся на ней заведения. Согласно проведенным исследованиям, национальная кухня все чаще становится одним из основных факторов для выбора направления путешествия: *«около 79 % туристов выстраивают свой маршрут, изучив календарь гастрономических событий и особенности местной кухни, 39 % называют гастрономию основным мотивом путешествия»* [10, с. 378]. Отмечается, что *«интеграция гастрономии в индустрию туризма приносит значительные выгоды всем участникам этого процесса, ведь 25 % своего бюджета туристы тратят на еду и напитки, в целом же кулинарные путешественники в день тратят на 24 % больше, чем прочие туристы»* [10, с. 378];

2) PR-тексты заведений общественного питания Беларуси, специализирующихся на белорусской национальной кухне (kuhmistr.by, kamyanitsa.by, grunvaldcafe.by и др.). Были отобраны публикации, размещенные на сайтах кафе и ресторанов, на информационных порталах, посвященных отдыху в городах Беларуси. Количество проанализированных текстов составило 30 единиц. Они направлены на создание привлекательного имиджа кафе и ресторанов. С развитием сферы гостеприимства в Беларуси, увеличением потоков внутреннего и международного туризма, растет конкуренция между заведениями общественного питания. Они вынуждены использовать различные средства конкурентной борьбы. К ним относятся и PR-тексты, которые через воздействие на потребностную и ценностную сферы аудитории, способствуют привлечению посетителей;

3) 30 обзорных статей фуд-блогеров, журналистов и туристов, описывающих свой опыт посещения кафе и ресторанов национальной кухни Беларуси и оценивающих их качество (koko.by, irecommend.ru, adrachinak.by и др.). Публикации, входящие в третью группу, отобраны для того, чтобы определить, насколько транслируемый гастрономический имидж Беларуси соответствует представлениям и ожиданиям посетителей.

Для выявления ценностей, формирующих основу гастрономического имиджа Беларуси, мы сфокусировались на частных видах оценки, выделенных Н. Д. Арутюновой: сенсорно-вкусовой, или гедонистической, утилитарной, нормативной, психологической и эстетической. В отличие от общеоценочных значений, выражающих «холистическую оценку» [3, с. 75] и разделяющих объекты на «хорошие» и «плохие», виды частной оценки отражают более специфические, конкретные представления субъекта, позволяют детальнее рассмотреть транслируемые ценности. **Нормативная оценка** соотносит объекты действительности с установленными в обществе стандартами. **Гедонистическая, или сенсорно-вкусовая оценка** охватывает вкусовые, зрительные, обонятельные и тактильные ощущения

субъекта. **Утилитарный** вид оценки связан с повседневным практическим опытом человека, отражает его представления о том, что является полезным, удобным и имеет прикладное значение. Критерием для ее выделения служат «физическая или психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции» [3, с. 77]. **Психологическая** оценка отражает эмоциональное или интеллектуальное восприятие объекта. **Эстетическая** оценка передает восприятие субъектом прекрасного.

Было проанализировано 1018 случаев употребления оценки (359 контекстов в публикациях с официальных сайтов государственных учреждений РБ, путеводителей, туристических фирм (1-я категория текстов); 240 случаев употребления в текстах заведений общественного питания (2-я категория текстов); 419 случаев употребления в обзорах (3-я категория текстов).

Выявленные виды оценки актуализируются во всех трех категориях текстов при помощи повторяющихся лингвистических средств. Актуализация **нормативной** оценки происходит с позиций:

– «традиционность/современность»: *архаичный, старый, старинный, стародавний, старобелорусский, традиционный, классический, канонический, современный, новый, новенькое, новшество*;

– «уникальность/стандартность»: *привычный, стандартный, уникальный, эксклюзив, фирменный, авторский, неповторимый, необычный, особенный, незаурядный, неординарный, нетипичный, самобытный, привычный, стандартный, колорит, особенности, специфический*.

Нормативная оценка также формируется лингвистическими средствами, обозначающими размер заведений и порций (*внушительный, большой, вместительный, массивный, гигантский*), качество блюд (*шедевр, высокое качество, высокая кухня*) и их разнообразие (*различный, разнообразный, разнообразие, многообразие, вариации, всевозможный*).

К **гедонистической, или сенсорно-вкусовой** оценке авторы проанализированных текстов прибегают чаще всего при описании меню: *хрустящая и сочная котлета, драники с хрустящей золотистой корочкой, пышные котлеты из браславской щуки*. Оценка актуализируется при помощи лексем: *вкусный, горячий, наваристый, жареный, густой, пряный, нежный, нежнейший, островатый, золотистый, яркий (вкус), прожаренный, насыщенный, сладкий, соленый, кисловатый, ароматный*.

Посредством **психологической** оценки получают репрезентацию значения «комфортная атмосфера», «домашний уют», «интересные блюда», «удивление», «наслаждение», «вдохновение» через лексемы *непринужденный, уют, уютный, домашний, по-домашнему, приятный, приятно, душевный, удивить, удивительно, удивительный, незабываемый, неожиданный, восхищает, желаемый, расслабляющий, теплая (атмосфера), интересный, насладиться, радуется, любопытство, гордость, не скучный, увлекательный, крышесносный, расслабиться, эмоции, отдохнуть, вдохновить* и через конструкции с «как»: «к клиентам относятся как к близким родственникам», «Здесь вкусно и уютно, как дома».

Психологическая оценка, как и другие виды, представлена в текстах лексемами, изначально не имеющими оценочного компонента в своем значении и приобретающими его исключительно под влиянием контекста, как прилагательное «домашний»: «*фоскошь домашней еды*», «*домашнее кафе с домашними рецептами*».

Примечательным является тот факт, что экспертом и главным хранителем рецептов и традиций приготовления в текстах периодически выступает собирательный образ бабушки: «*Вы сможете попробовать бабушкин грибной суп*», «*Бабушкин хворост*» – *тот самый старобелорусский десерт, как готовила наша бабушка*. Полагаем, данная особенность связана как со спецификой народной кухни, так и с тем, что ресторанная сфера в Беларуси и индустрия гостеприимства молоды, находятся в процессе становления. Рестораны не могут похвастаться своими собственными традиционными классическими рецептами, передаваемыми шеф-поварами преемникам.

Утилитарный вид оценки формируется лексемами, характеризующими полезность блюд и продуктов питания (*натуральный, здоровое (питание), свежий, съедобный, менее вредный, калорийный*), сытность (*сытный, прибьет голод*), стоимость (*смешной, доступный, дешево, дорогой*), скорость сервиса (*быстро*), удобство (*удобно расположенный, удобно есть*), простоту и понятность блюд (*попроще, простой, базовый, ничего сложного, просто*).

В статьях, относящихся к третьей категории (обзоры), утилитарная оценка выражается языковыми средствами разговорного стиля: *нажористый, вменяемый (ценник), наестся до отвала, не запредельно (дорого)*.

К **эстетической** оценке авторы текстов прибегают реже. В публикациях фигурируют лексемы: *роскошный, роскошно, роскошь, изысканно, красиво, украшает, утонченный, элегантный*. Оценка относится преимущественно к интерьеру заведений.

В трех категориях текстов наблюдаются различия в употреблении видов частной оценки в процентном соотношении (таблицы 1–3), что объясняется несовпадением коммуникативных функций текстов, относящихся к каждой из категорий: сформировать привлекательный гастрономический имидж страны, выделив наиболее существенные характеристики национальной кухни в целом (тексты 1 категории); привлечь посетителей к посещению конкретного заведения, описав его конкурентные преимущества (тексты 2 категории), поделиться опытом посещения заведения (3-я категория).

Таблица 1 – Виды частной оценки в текстах категории 1

Общее число	нормативная оценка	гедонистическая оценка	утилитарная оценка	психологическая оценка	эстетическая оценка
359	174	57	48	69	11
100%	49	16	13	19	3

Таблица 2 – Виды частной оценки в текстах категории 2

Общее число	нормативная оценка	гедонистическая оценка	утилитарная оценка	психологическая оценка	эстетическая оценка
240	74	35	26	96	8
100%	31	15	11	40	3

Таблица 3 – Виды частной оценки в текстах категории 3

Общее число	нормативная оценка	гедонистическая оценка	утилитарная оценка	психологическая оценка	эстетическая оценка
419	89	121	96	88	25
100%	21	29	23	21	6

В статьях, размещенных на страницах официального сайта Республики Беларусь (Belarus.by), национальном туристическом портале Беларуси (ru.belarus.travel), интернет-путеводителях по Беларуси и на порталах туристических агентств, специализирующихся на организации туров и экскурсий (1-я категория текстов), преобладает нормативная оценка, посредством которой эксплицируются ценности. Так, «традиционность» регистрируется в 39 % всех случаев употребления нормативной оценки. В публикациях многократно повторяются ключевые сообщения о том, что белорусская кухня обладает многовековой историей, поскольку традиции приготовления национальных блюд формировались на протяжении многих столетий: *«Национальная кухня Беларуси развивалась столетиями»*. В 51 % от всех случаев употребления нормативной оценки актуализируется ценность, «уникальность» белорусской кухни. В публикациях подчеркивается, что белорусская кухня является самобытной, аутентичной: *«белорусская кухня – одна из самых разнообразных на континенте. Она сходна с русской, литовской, украинской, польской, еврейской, но по-своему уникальна, необычайно сытна и вкусна»*. В некоторых статьях упоминается региональное разнообразие рецептов белорусской кухни: *«Попробовать национальную кухню можно и в агроусадебках, где для приготовления блюд – нередко уникальных, распространенных только в одной местности – используются самые свежие деревенские продукты»*. Ценность «современность» актуализируется в 10 % от всех случаев употребления нормативной оценки. В текстах акцентируется внимание на современной авторской интерпретации блюд: *«Рецепты сочетают в себе традиции и новшества белорусской кухни и ошеломляют посетителей»*, *«...авторские блюда по классическим рецептам, но на современный лад»*.

Второй по количеству употреблений является **психологическая** оценка, при помощи которой актуализируются ценности «домашний уют и комфорт» (22 %) и «незабываемый гастрономический опыт» (78 %). Авторы публикаций акцентируют внимание на том, что знакомство с белорусской кухней приятно удивит туристов, оставит незабываемые воспоминания о гостеприимстве белорусов, их умении вкусно накормить гостей, окружить теплом и заботой: *«Главное, чем славятся белорусы, – это гостеприимство и доброта. В Беларуси существует старинная традиция: каждого гостя первым делом нужно накормить. Беларусь может удивить самых избалованных гурманов», «... создается атмосфера исключительно белорусского радушия»*.

В PR-текстах заведений общественного питания (2-я категория текстов) чаще других регистрируется **психологическая** оценка. С ее помощью эксплицируются те же ценности, что и в первой категории текстов, но в другом процентном соотношении: «домашний уют» (43 %)

и «незабываемый гастрономический опыт» (57 %). Авторы текстов обещают «приятно удивить» посетителей разнообразием меню и атмосферой, подарить «незабываемые» впечатления и «вдохновить на душевное общение»: *«вас приятно удивит авторская кухня», «Желаете окунуться в атмосферу белорусского быта, насладиться вкусно приготовленной едой по старинным рецептам и душевно провести вечер»*. Много внимания уделяется уютной, домашней атмосфере кафе и ресторанов: *«каждого посетителя с самого порога ожидают домашний уют и душевная внимательность персонала»*. В текстах описываются эмоции, которые посетители испытывают от дегустации блюд, общения с персоналом, атмосферы заведений: *«располагает к душевному общению и не может не вдохновлять», «наслаждаясь общением с друзьями или семьей»*.

Второй по частотности употребления является **нормативная** оценка. При ее помощи транслируются те же ценности, что и в публикациях первой категории: «уникальность» (52 %), «традиционность» (36 %) и «современность» (12 %). Оценка используется в описаниях блюд: *«В нашем заведении акцент делается на использовании фермерских продуктов, что позволяет сохранить аутентичность вкусов и традиций», «Часть блюд схожи с меню аналогичных заведений, но есть и уникальные позиции»*. Часто фигурируют упоминания о самобытности белорусской национальной кухни и неповторимом белорусском колорите, к которому посетители заведений смогут приобщиться: *«Старинные аутентичные рецепты белорусской кухни познакомят посетителей с культурой страны», «Наш ресторан не только сохраняет традиции, но и внедряет современные кулинарные техники, предлагая гостям обновленные версии классических рецептов»*.

В обзорных статьях (третья категория текстов) практически в равном соотношении фигурируют **гедонистическая, психологическая, утилитарная и нормативная** оценки. Для посетителей заведений важным является аутентичность кухни, атмосферность и уют заведений, сытность блюд, размер и относительная дешевизна порций, скорость и качество обслуживания: *«Достоинства: большие порции, вкуснейшие драники, доступные цены, национальная кухня, уютный интерьер...», «Итоговое впечатление. Заведение чистое, подача недолгая, обслуживание шикарное, еда вкусная. Ругать не за что, это пять звёзд без натяжки, но нет никакой изюминки. Это просто хорошее кафе»*.

В обзорных статьях фигурируют те же ценности, что и в PR-текстах, относящихся к первым двум категориям. При помощи **нормативной** оценки актуализируются ценности «уникальность» (48 %), «традиционность» (25 %), «современность» (7 %) и другие (размер порций, уровень приготовления блюд, обслуживания). Основные ценности, которые транслируются при помощи **психологической** оценки, «домашний уют и комфорт» (29 %) и «незабываемый гастрономический опыт» (71 %). Через **гедонистическую** или сенсорно-вкусовую оценку получает репрезентацию образ популярного белорусского блюда: сочное мясное блюдо (*хрустящая и сочная котлета*) с хрустящей корочкой (*драники с хрустящей золотистой корочкой*), пышное (*хрустящий пышный хлеб, пышные котлеты из браславской цуки, пышные драники*). Через **утилитарную** оценку эксплицируются ценности: «экономичность/низкая стоимость блюд» (67 %), «сытность» (10 %), «простота» блюд (9 %) и другие (свежесть и натуральность продуктов, удобное расположение заведения).

Заключение

В настоящее время индустрия гостеприимства Беларуси и, в частности, сфера общественного питания находятся в стадии активного формирования. Подобные процессы отмечаются и в гастрономической культуре Беларуси как важной составляющей индустрии гостеприимства и туристического имиджа страны. Происходит поиск, разработка и продвижение уникальных гастрономических продуктов и услуг с национальным колоритом. Активно коммерциализируется и продвигается белорусская народная кухня. Стоит отметить, что формируемый гастрономический имидж Беларуси соответствует представлениям целевой аудитории, что видно из обзорных статей, в которых фигурируют те же оценки и ценности, что и в PR-текстах.

Ценностными доминантами гастрономического дискурса являются уникальность и самобытность белорусской национальной кухни, ее традиционность и современный новаторский подход к интерпретации блюд, домашний уют и гостеприимство, сытность, простота и экономичность блюд.

Специфика народной кухни с акцентом на калорийную понятную пищу из знакомых ингредиентов объясняет преобладание нормативной, психологической, утилитарной и гедонистической оценок над эстетической, используемой преимущественно в отношении интерьеров заведений.

В проанализированных текстах часто актуализируется семантика безопасности через лексемы *домашний, по-домашнему, уютный, расслабиться, отдохнуть, комфорт, гостеприимный*. Таким образом формируется доверительный образ страны как гастрономической дестинации и отдельных заведений в восприятии целевой аудитории.

Белорусская кухня предстает преимущественно как однородное явление без разделения на региональные направления, на городскую и деревенскую, высокую и массовую. В редких случаях встречаются упоминания региональной специфики в приготовлении блюд (судака по-полесски и др.), «шляхетской», как более благородной и высокой, и деревенской кухонь. За частыми отсылками к «классическим», «традиционным» или «каноническим» способам приготовления определенных блюд видится не только стремление авторов текстов акцентировать внимание на традициях национальной кухни Беларуси, но и компенсировать несформированность традиций в местном ресторанном бизнесе в силу новизны этой сферы. Любопытными представляются последующие изменения в гастрономической культуре Беларуси и гастрономическом имидже страны.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ильюшина, Е. С. Лексические средства положительной оценки человеческих качеств: психолингвистический анализ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ильюшина Екатерина Сергеевна. – М., 2001. – 185 л.
2. Марьянчик, В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста: лингвостилистический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Марьянчик Виктория Анатольевна ; Сев. (Аркт.) фед. ун-т имени М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2013. – 39 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
4. Данилевская, Н. В. Научный текст как динамика оценочных действий / Н. В. Данилевская // Вестник Пермского университета. – 2009. – № 2. – С. 20–28.
5. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
6. Карасик, В. И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 65–75.
7. Маркелова, Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке : моногр. / Т. В. Маркелова. – М. : Моск. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. – 297 с.
8. Фомина, Ю. А. Аспекты изучения языковой оценки / Ю. А. Фомина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 20. – С. 154–161.
9. Кривоносов, А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникации / А. Д. Кривоносов. – 2-е изд., доп. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. – 288 с.
10. Горошко, Н. В. Гастрономический бренд как инструмент развития регионального гастрономического имиджа туризма / Н. В. Горошко, С. В. Пацала // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2022. – № 4. – С. 377–400.

Поступила в редакцию 06.06.2025

E-mail: olga.shumanskaya@gmail.com

Choumanskaya Olga

EVALUATION IN MEDIA TEXTS OF GASTRONOMIC THEMATICS: AXIOLOGICAL ASPECT

The article examines the ways of representing different types of private evaluation in media texts with the aim of identifying the values that form the basis of the gastronomic image of Belarus and determining how well this image corresponds to the expectations and demands of the audience. The percentage ratio of the use of private evaluation types has been compared, and the lexemes through which they are actualized have been described. The paper further identifies convergences and divergences in the representation of these evaluation types across different types of texts and delineates the value-oriented dominants of gastronomic discourse.

Keywords: evaluation, types of private evaluation, pragmatic aspect, media communication, PR-text, gastronomic discourse, vital needs.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объёмом 14 000–25 000 печатных знаков (включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др.; учитывается текст статьи без аннотации, ключевых слов, списка основных источников) на русском (белорусском) языке в одном экземпляре направляются простым (заказным) письмом по адресу: ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл. и по электронной почте: vesnik.mgpu@mail.ru.

Текст должен быть набран на компьютерной технике в текстовом редакторе (Word 97, 2000, 2003, 2007, 2010 for Windows); шрифт Times New Roman, 10pt; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,25 см; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman (9pt, п/ж), поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 30 мм. Номера страниц внизу по центру.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Далее через 1 интервал по центру помещаются инициалы и фамилия автора (авторов) и сведения об авторе (авторах) на русском (белорусском) и английском языках:

- фамилия, имя, отчество полностью;
- учёная степень и звание;
- должность;
- подразделение организации (кафедра);
- место работы (полное название организации).

Для магистрантов и аспирантов – сведения о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

4. Далее через 1 интервал по центру заглавными буквами без переносов печатается название статьи на русском (белорусском) и английском языках, которое должно быть кратким, отражать основную идею выполненного исследования.

5. Ниже через 1 интервал печатается аннотация (рекомендуемый объем – 500 печатных знаков) на русском (белорусском) и английском языках, которая должна быть информативной (не содержать общих слов), содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований), структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

6. Ключевые слова и словосочетания на русском (белорусском) и английском языках (до 15 слов).

Далее с абзацного отступа печатается текст статьи со следующей структурой, обозначенной в тексте:

Введение (дается краткий обзор литературы по данной проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формируется и обосновывается цель работы и ее актуальность; если необходимо, указывается ее связь с важными научными и практическими направлениями. Анализ источников, использованных при подготовке научной статьи, должен свидетельствовать о знании автором (авторами) научных достижений в соответствующей области).

Методы и методология исследования (описываются методики, материалы исследования, основные методологические принципы и подходы).

Результаты исследования и их обсуждение (подробно освещается содержание исследования, проведенного автором (авторами); полученные результаты должны быть проанализированы с точки зрения их достоверности, научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными).

Заключение (кратко формулируются основные результаты, полученные автором).

7. Рекомендуются термины, основные понятия, языковой материал, используемый для анализа или в качестве примеров, печатать **полужирным шрифтом** или *курсивом*.

8. В специальной и терминологической лексике, а также в именах собственных точность передачи букв *ё* и *е* обязательна.

9. В конце статьи дается перечень принятых в статье обозначений и сокращений (при их наличии более трех).

10. Ссылки на литературные источники нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок записываются внутри квадратных скобок (например: [1], [2], [3, с. 14], [5, с. 10–12]).

11. Список цитированных источников располагается в конце текста под заголовком «СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ» / «СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ» и оформляется в соответствии с требованиями Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (ГОСТ 7.1).

12. Распечатанный вариант статьи подписывается автором (авторами) и руководителем научного исследования на каждой странице.

13. К статье прилагаются:

- а) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения (выписка из протокола заседания);
- б) почтовый адрес для переписки, номера рабочего и домашнего телефонов, e-mail каждого автора.
- в) договор о передаче исключительного права в двух экземплярах (см. на сайте УО МГПУ имени И. П. Шамякина («Научная деятельность» / «Научный журнал “Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна”»); www.msru.by);

Редакционная коллегия журнала проводит независимую экспертизу, что является одним из основных условий опубликования поступающих рукописей. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. В случае отклонения статьи редакция сообщает автору о решении редколлегии, рукопись автору не возвращается. Решение о доработке статьи не означает, что она принята к печати. После доработки датой поступления рукописи считается день предоставления в редакцию исправленного варианта.

Редакция не вступает в дискуссии с авторами по поводу отклоненных работ.

Недопустимо предлагать редакции ранее опубликованные статьи или работы, принятые к печати другими изданиями, а также материалы, не подлежащие к опубликованию в открытой печати, в соответствии с действующими законодательными актами Республики Беларусь.

За опубликование научных статей плата не взимается.

В Правилах для авторов возможны изменения, с которыми можно ознакомиться на сайте УО МГПУ им. И. П. Шамякина.

Редколлегия